

А. В. Малинов

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

А. В. Малинов

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

исследования и материалы

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2017

УДК 316.2
ББК 60.5
М19

Печатается по решению Ученого совета СИ РАН

Рецензенты:

д-р филос. н. В.В. Козловский (Социологический ин-т РАН),
д-р ист. н. Е.А. Ростовцев (С.-Петербургский гос. ун-т)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-03-16054, не подлежит продаже

Малинов А. В.

М19 Социологическое наследие А. С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017. — 336 с.

ISBN 978-5-88812-824-4

В монографии рассматривается деятельность академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) по организации социологической науки в России, а также предпринимается реконструкция его курсов по истории социологии. Исследование подготовлено на основе рукописей Лаппо-Данилевского, сохранившихся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Часть архивных материалов публикуется в «Приложении».

Книга предназначена для историков социологии, специалистов по русской историографии, истории русской философии, а также для всех интересующихся историей русской общественной мысли.

УДК 316.2
ББК 60.5

ISBN 978-5-88812-824-4

© Малинов А. В., 2017

© Русская христианская
гуманитарная академия, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Среди русских ученых рубежа XIX–XX в. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) выделялся многообразием и широтой научных интересов. Ему принадлежат исследования по русской истории и культуре XVII–XVIII вв., русской историографии, археологии, сфрагистике, дипломатике. Современные исследователи не даром считают Лаппо-Данилевского основоположником научной школы источниковедения и дипломатики¹. В то же время наиболее востребованным в современной российской науке трудом ученого оказалась «Методология истории»². Даже среди современных ему «историков-философов» (по выражению Н.И. Кареева) Лаппо-Данилевский отличался склонностью к разработке теоретико-методологических проблем исторической науки. Философско-исторические взгляды Лаппо-Данилевского неоднократно рассматривались в отечественной историко-философской науке и историографии. Анализ его теоретико-методологического, философского, историографического наследия посвящено несколько монографий³. В статьях Е.А. Ростовцева и А.А. Чернобаева подведен итог существующей исто-

¹ Румянцева М.Ф. Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru // Клио. 2013. № 12.

² Ростовцев Е.А., Потехина И.П. А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве // Клио. 2013. № 12.

³ Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX - начала XX в. Томск, 1978; Кареева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983; Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX в.: в 2 ч. Волгоград, 1999–2000; Сеницын О.В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века: Неокантианское течение. Казань, 1990; Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000; Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006.

риографии о А.С. Лаппо-Данилевском¹. Историографическая традиция изучения творчества Лаппо-Данилевского начала складываться еще при жизни ученого. В 1916 г. его ученики выпустили «Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому»². К годовщине смерти ученого был подготовлен тематический выпуск «Русского исторического журнала»³, а в 1929 г. в издававшейся Академией наук серии «Очерки по истории знаний» были опубликованы «Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского»⁴. В 1994 г. и в 2003 г. в связи с юбилейными датами были опубликованы новые исследования о Лаппо-Данилевском: «Археографический ежегодник за 1994 г.»⁵ и сборник «Историческая наука и методология истории в России XX в.: К 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского»⁶. К 150-летию со дня рождения Лаппо-Данилевского в журналах «Исторический архив», «Вопросы философии», «Клио», «Мир историка», «Архив истории науки и техники» ученому были посвящены тематические разделы⁷. Однако реконструкция социологических взглядов ученого и, в частности, его теории обществоведения до сих пор не предпринималась. Только в последнее время начали публиковаться фрагменты рукописей Лаппо-Данилевского по социологии и теории обществоведения⁸. В то же время, в начале XX в. Александр Сергеевич

¹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 2000. Вып. 2; Чернобаев А.А. А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии // Клио. 2013. № 12. С. 40–45.

² Сборник статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.

³ Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

⁴ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

⁵ Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

⁶ Историческая наука и методология истории в России XX в.: К 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск I. / отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2003.

⁷ Исторический архив. 2013. № 2. С. 3–13; Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3 (68). С. 5–62; Клио. 2013. № 12. С. 3–126; Вопросы философии. 2013. № 12. С. 89–105; Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 6–80; Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV). Отв. ред. С.С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2015. С. 5–114.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Об Институте социальных наук. Записка Комиссии Академии Наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 59–62; Лаппо-Данилевский А.С. Общее обозрение (Summa) основных прин-

проявил себя как организатор социологической науки. Он же одним из первых приступил к чтению курсов по социологии. К началу XX в. социология вошла в круг социальных наук на правах полноправного члена, не лишённого, впрочем, притязаний на интегрирование и обобщение достижений всех этих наук. В 1908 г. в России открылась первая кафедра социологии, а в 1916 г. было создано Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского, первым председателем которого стал Лаппо-Данилевский¹. В 1918 г. он предпринял попытку открыть в Петрограде Институт социальных наук. Разнообразие направлений в социологии и пройденный ею путь становления позволяли взглянуть на нее не только с познавательным, но уже и историческим интересом.

Как профессиональный историк, теоретик и методолог исторической науки Лаппо-Данилевский принадлежал к неокантианскому направлению, хотя и испытал сильное влияние позитивизма. В достаточно широкий круг научных интересов Лаппо-Данилевского социология входила не в качестве простого дополнения к историческим исследованиям. Русский ученый ставил задачу сформулировать «теорию обществоведения», которая во многом совпадала с разработкой гносеологических проблем социологии. Социологические взгляды Лаппо-Данилевского, в отличие от его исторической и методологической концепции, изучены еще далеко не полным образом. Если бы не его председательство в Русском социологическом обществе имени М.М. Ковалевского, то Лаппо-Данилевский едва ли удостоился упоминания в истории российской социологии, хотя еще в начале 1920-х гг. его старший коллега Н.И. Кареев в неопублико-

ципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг. // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 96–105; *Лаппо-Данилевский А.С.* Основание социологии (фрагменты курса «Научные основы социологии в их историческом развитии») // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 2. С. 111–123.

¹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Долгова Е.А.* Документы Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923 гг.) // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 6; *Малинов А.В.* А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3; *Долгова Е.А.* Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12; *Малинов А.В.* История русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916–1923): к 100-летию со дня основания // Социологические исследования. 2016. № 5.

ванной в свое время книге «Основы русской социологии» посвятил Лаппо-Данилевскому отдельный параграф¹. Правда, Н.И. Кареев фактически говорит только об одной социологической работе Лаппо-Данилевского – «очень ученой и солидной статье» «Основные принципы социологической доктрины Конта», опубликованной в 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма»². Характеризуя эволюцию взглядов Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареев писал, что «в начале своей научной деятельности стоял на почве англо-французского позитивизма, перешедши потом на сторону немецкой философии в ее неокантианском направлении, в котором вырабатывалась совсем иная, чем у Конта, классификация наук, замена противоположения социологии и истории противоположением генерализирующего и индивидуализирующего типов истории. Этот этюд имеет большое значение для истории вообще генезиса социологии как отвлеченной науки об обществе»³. К изучению социологии Лаппо-Данилевский подходил как историк, рассматривая становление социологических теорий. Отмеченная Кареевым эволюция взглядов русского ученого от позитивизма к неокантианству отразилась и в его методологическо-исторических, и в социологических исследованиях.

К «социологическому периоду» деятельности Лаппо-Данилевского обычно относят последние три года жизни ученого, когда в 1916 г. он возглавил Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского. Однако социологическая тематика доминировала и во многих «семинариях», которые он вел в Петербургском университете «в духе критической философии»⁴: практические занятия по VI книге «Системы логики» Д.С. Милля (1899–1900 и 1900–1901), систематике социальных явлений разных степеней (1901–1902), анализу простейших социальных взаимодействий (1903–1904), теории ценности и ее приложении к обществоведению (1904–1905), теории эволюции и ее применении к обществоведению и истории (1906–1907), логике общественных наук и истории (1908–1909 и 1909–1910), теории исторического знания: разбор важнейших учений о ценности (1910–1911), критическому разбору важнейших уче-

¹ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. С. 167–169.

² Там же. С. 34–35, 168–169.

³ Там же. С. 34–35.

⁴ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Т. III. Часть первая А–Л. Петроград, 1915. С. 408.

ний о развитии (1911–1912), критическому разбору главнейших учений о случайности (1912–1913), критическому разбору главнейших учений о ценности (1913–1914 и 1917–1918), критическому разбору главнейших учений, касающихся проблемы «чужого я» (1914–1915), методологии социальных и исторических наук (1915–1916), логике социальных и исторических наук (1918–1919). Здесь важно обратить внимание, что практически каждый учебный год в университете Александр Сергеевич предлагал новую тему по «теории обществоведения», как он часто называл свои социологические занятия. В этом, вероятно, сказывались не столько педагогические запросы историко-филологического факультета, сколько научные интересы самого преподавателя. Результаты этих «семинариев» нашли отражение при формулировании многих положений «Методологии истории» Лаппо-Данилевского – главном философском труде ученого.

Уже современники отмечали склонность Лаппо-Данилевского к философским построениям, что заметно выделяло его на фоне других русских историков и даже отделяло от них. «Постепенно, можно сказать, – замечал И.М. Гревс, – философ в А.С. Л-Д-ском начал преодолевать историка, но от первоначально избранного призвания он не отказался до конца, и его философствование всегда служило целям и интересам истории, как он понимал их, и как это понимание развивалось, вырастая в концепцию широкой полноты и стройности»¹. Когда началось это увлечение Лаппо-Данилевского философией, сказать сложно. В университетском дипломе историка, выданном 2 декабря 1886 г., по философии, латинскому и греческому языкам стоит оценка «хорошо» (остальные предметы – русская словесность, русская история, всеобщая история, славянская филология, общее и сравнительное языкознание, грамматика, история церкви, богословие, французский язык – «отлично»)². В годы обучения Александра Сергеевича на историко-филологическом факультете философию преподавал М.И. Владиславлев, административная и педагогическая деятельность которого оценивается не однозначно. Однако в преподавании самого Лаппо-Данилевского постепенно начали преобладать курсы философского и социологического содержания. «Не русская история сама по себе, а теория и методология исторической науки (на русском материале) заняли господствующее положение в пре-

¹ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. № 6. С. 60-61.

² СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 237.

подавании А.С. Лаппо-Данилевского», – отмечал А.Е. Пресняков¹. Надо заметить, что под «методологией истории» ученый понимал историческую гносеологию. Вопросы исторического познания, таким образом, стали доминировать в педагогической деятельности Лаппо-Данилевского и в русскую историческую науку Александр Сергеевич вошел, прежде всего, как теоретик и методолог.

С занятиями методологией истории согласовывались и лекции по социологии, которые с 1902 г. начал читать Лаппо-Данилевский. В архиве ученого сохранились рукописи и наброски к двум курсам по социологии: «О социологии. Курс лекций 1902–1911 г.»² и «Научные основы социологии в их историческом развитии. Лекции, читавшиеся в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. 1911–1912»³. К ним примыкает курс лекций «О теории ценностей. 1904–1918»⁴ и отчасти материалы неокантианского семинара Лаппо-Данилевского в Петербургском университете⁵. Социологической тематикой наполнена рукопись «Общего обозрения (Summa) основных принципов обществоведения. Конспект курса лекций. 1902–1903 г.»⁶, многие положения которой (изложенные здесь тезисно и фрагментарно) получили развитие в «Методологии истории».

Представление о структуре социологических курсов Лаппо-Данилевского и их содержании дает небольшой курс «Научные основы социологии в их историческом развитии», состоявший из трех лекций, прочитанных 10, 17 и 24 ноября 1911 г. в Тенишевском зале Санкт-Петербургского Общества Народных Университетов. Программа курса включала следующие темы:

«1. *Возникновение социологических учений под влиянием французского просвещения XVIII века.* Понятие о законосообразности явлений общественной жизни и ее развития. Учение о “социальной организации” и его социологическое значение.

2. *Основание социологии.* Положение социологии в системе наук. Социальная статика и социальная динамика; главнейшие их законы.

¹ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. СПб., 1922. С. 24.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. – 467 л.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. – 456 л.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. – 164 л.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 425 – 429.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 330. – 29 л.

3. *Биологическое направление в социологии.* Биосоциологическое учение об обществе, как об организме; теория эволюции и приложение ее законов в социологии.

4. *Психологическое направление в социологии.* Социальная психология и законы подражания. Коллективная психология и законы образования коллективного сознания. Этология и народная психология, законы образования народного характера и его продуктов.

5. *Очередные задачи собственно социологического построения.* Абстрактная социология и ее законы. Приложения ее обобщений к историческому изучению общества»¹.

В начале своих лекций Лаппо-Данилевский отмечал:

«Каждый из нас живет в обществе, но не каждый задумывается над тем, что такое общество, какова его природа и каковы законы его строения и развития? А между тем, помимо *бескорыстного интереса* к истине, т. е. к научному познанию общества, каждый из нас *постоянно пользуется* такими понятиями в *ежедневном общении* с себе подобными, при участии в общественной и государственной жизни и т. п. Может ли он, однако, *плодотворно* применять их, не зная точного их *смысла, содержания и объема*? И не *требует ли разум* каждого из нас такого знания?»

Положим, что Вы согласитесь с таким требованием нашего разума; но Вы скажите мне: ведь знание общества уже дается другими науками, например, *правоведением (теорией права, государственным правом и т. п.), историей ...*, для чего же нам терять время на знакомство с социологией?

В ответ на ваш вопрос я предлагаю Вам настоящий краткий и вводный курс: *прежде чем отрицать что-либо*, надо знать то, что отрицаешь. Попытаемся хотя бы в самых общих чертах познать основные задачи той науки, которая стремится дать общее учение об обществе: она рассуждает о его природе, о его строении и развитии и, таким образом, пытается *установить и привести в систему* те положения, которые выходят за *пределы биологии и психологии* и скорее *предполагаются*, чем обосновываются в более специальных общественных науках, каждая из которых имеет в виду лишь *некоторые* из них.

Задача последующего изложения: *вкратце указать на дух и направление важнейших* социологических учений, и на то *положение*,

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 1.

какое каждое из них занимает в развитии социологии, а не входить в подробное изложение всех основоположений и выводов»¹.

Можно добавить, что в это время (сентябрь 1911 г.) планировалась заграничная командировка Лаппо-Данилевского от Академии наук для участия в заседаниях Международного Социологического института². Однако поездка была перенесена на год и лишь 19 сентября 1912 г. ученый на четыре недели уехал из России для участия в деятельности Международного Социологического института³.

Стремление дать не догматическое, а историческое изложение социологических проблем, а также осознание того, что «методология истории», перерастающая в «теорию общественнознания», все больше сближается с социологией, приводило к увеличению историко-социологических сюжетов в перерабатываемой Лаппо-Данилевским «Методологии истории». Особенно это заметно в посмертном издании его «Методологии истории» (Пг., 1923).

Лекции Лаппо-Данилевского по социологии, а также историко-социологические публикации последних лет жизни ученого показывают, что его значение в становлении социологической науки в России не определялось только его административным положением. Впрочем, нельзя недооценивать и его организаторские заслуги. Он начал предпринимать шаги по институционализации социологии, пытаясь включить новую дисциплину в структуру Академии наук. Осенью 1917 г. он подготовил для Академии наук записку о преподавании социологии, датированную 28 сентября 1917 г.⁴ Здесь же содержится и набросок плана курса по социологии:

«Основной курс

Часть первая: Теория социологического знания.

Основные принципы и методы социологии

I. Принципы социологического знания

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 4–7.

² СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 349. Л. 213.

³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 349. Л. 241.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 1–2 об.; Ед. хр. 68. Л. 3–8. Публикуется в «Приложении».

1. Принцип признания чужой одушевленности и т. д.

Главнейшие источники и пособия

1. Источники социологических знаний:

- a) Биологические? Соц[иальная] жизнь животных (уже в связи с в).
- b) Психологические: наблюдения над здоровыми и больными индивидуумами в их общении.
- c) Этнографические. Важнейшие путешествия (Wenle)

2. Пособия: Исторические обзоры развития социологии

- a) Основные труды (Коген и проч.)
- b) учебники
- c) монографии
- d) периодические и повременные издания.
- e) Преподавание социологии.

2. Процессы социального взаимодействия

1. Ассимиляция (хотя бы в признании общих способов общения, знаков его и т. п.)
2. Половое общение (ср. *Gemeinschaft*)
3. Социальное общение (*Gesellschaft*)
 - aa) подражание
 - bb) противоположение (ant.)
 - cc) игра
 - dd) ассоциация (соглашение, договор)
 - ee) властвование.

II. Факторы и процессы социального взаимодействия

1. Факторы социального взаимодействия

- a) Физические факторы (ср. внеш[няя] среда)
- b) Психические факторы и их разновидности
- c) Социальные факторы и их разновидности.

Часть вторая: Основы социологии

I. Понятие о социальном взаимодействии

1. Среда социального взаимодействия
 - a) натуральная (природа)
 - b) социальная: численный состав населения, его объем, густота и концентрация; качественный состав населения: племена, классы и т. п.; движение населения.

2. Социальное взаимодействие (и постепенное расширение его пределов)

Социальное взаимодействие происходит лишь под условием взаимного признания одушевленности тех субъектов, которые находятся во взаимодействии.

bb) Объем социологии; отношение к другим наукам

- [-]к антропологии
- психологии (в частности, коллективной)
- этнографии
- политической экономии
- правоведению
- истории.

б) Понятие о социологии в социологической литературе; ее содержание и объем.

- 1) Конт, Спенсер.
- 2) Уорд, Штуценберг
- 3) Гиддингс, Смоль
- 4) Тард
- 5) Дюркгейм, Теннис
- 6) Зиммель

Понятие о природе социального явления.

aa) Содержание социологии

Главнейшие явления, подлежащие социологическому изучению.

с) деление социологии (учение о строении и развитии общества)»¹.

В качестве дополнения или альтернативы приводится еще один план курса по социологии, озаглавленный «Положение социологии в системе наук»:

«1. Введение (записка для Института) 1

2. Проблема систематики науки в различных ее постановках и ее литературе 2

3. Платон. Аристотель; их влияние на последующих мыслителей средневековья 3

4. Возрождение. Бэкон и Гоббс – 4

5. Век просвещения: Лейбниц, Даламбер, Бентам – 5

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 3–9.

6. Конт 6
7. Спенсер 7
8. Вундт 8
9. Лейбниц
10. Курно
11. Навилль (Лейбниц, Курно и Наввилль – 9–10)
12. Неокантианство – 11
13. Современное понимание (ср. записку) 12, 13, 14»¹.

Цифры после заглавий лекций, вероятно, обозначают номера (очередность) самих лекций.

Рукописи курсов Лаппо-Данилевского «О социологии. Курс лекций 1902–1911 г.» и «Научные основы социологии в их историческом развитии» содержат богатый историко-социологический материал. К сожалению, они практически не поддаются публикации, поскольку представляют собой черновые наброски, разрозненные выписки из книг, конспекты, не имеющие цельного характера. Многие выписки сделаны не рукой Лаппо-Данилевского. Сам исследователь не намеревался их издавать; его лекции содержат «рабочий» и «подготовительный» материал. Они практически лишены авторской интонации и повествовательной целостности; часто это лишь опорные факты, идеи, неравноценные фрагменты. Тем не менее, они позволяют восстановить основное содержание и структуру курсов и, по возможности, воспроизвести отдельные их части. К изложению своего понимания социологии Лаппо-Данилевский подходил, прежде всего, как историк, поэтому расположение глав в монографии следует, главным образом, начертанному им историко-социологическому плану. Основные части курсов требуют дополнительной компоновки, пояснений, связывающих их в единый сюжет при максимальном сохранении и воспроизведении фрагментов текста самого Лаппо-Данилевского. Особенностью лекционных материалов Лаппо-Данилевского является очень подробная их рубрикация, порой сопровождаемая несколько запутанной нумерацией, которая, по возможности, сохраняется.

Предлагаемое исследование представляет собой историко-социологическую реконструкцию курсов Лаппо-Данилевского по социологии. Ее цель – как можно полнее передать идеи Лаппо-Данилевского и воспроизвести ход его мысли. Наиболее крупные и целостные фрагменты

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 10.

лекционных курсов, а также ряд других текстов Лаппо-Данилевского публикуются в «Приложении». Они непосредственно соотносятся с главами основного текста, дополняют их. Ряд глав и сопровождающих их публикаций посвящен организаторской деятельности Лаппо-Данилевского в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского и Академии наук (проекты Института социальных наук и сборника «Русская наука») и преподаванию в Петроградском университете (курс «О теории ценности»). Они расширяют наши знания о работах Лаппо-Данилевского и объясняют некоторые факты. Так, например, «затишье» в деятельности Русского социологического общества в 1918 г. было вызвано желанием Лаппо-Данилевского придать социологии официальный статус, организовав в рамках АН Институт социальных наук.

Изучение рукописей социологических курсов Лаппо-Данилевского, их реконструкция и подготовка фрагментов к печати стала возможна благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 13-03-00301).

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РУССКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ИМ. М.М. КОВАЛЕВСКОГО

К занятиям социологией Лаппо-Данилевский пришел благодаря своим работам по философии истории, точнее, по исторической гносеологии или, как чаще было принято называть эту отрасль философско-исторического знания – методологии истории. Опубликованные в конце жизни работы ученого позволяют отнести его к одним из первых отечественных социологов. В историко-социологической литературе Лаппо-Данилевский, как правило, упоминается в качестве представителя неокантианского направления.

Однако едва ли не большее значение для российской социологии имела деятельность Лаппо-Данилевского в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского и его работа по организации Института социальных наук в Петрограде. Архив ученого позволяет прояснить его участие в этих структурах. Материалы из архива Лаппо-Данилевского частично опубликованы¹. Устав Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского также был переиздан² и вместе со списком первого состава его членов размещен на сайте современного Социологического общества им. М.М. Ковалевского. Машинописный оригинал устава социологического общества, утвержденный петроградским губернатором и изданный отдельной брошюрой в 1916 г. был подписан помимо Лаппо-Данилевского профессором Психоневрологического института Сергеем Константиновичем Гогелем, профессором Санкт-Петербургского университета Николаем Ивановичем Каревым, членом Государственной Думы Евграфом Петровичем Ковалевским и профессором Павлом Исаевичем Люблинским³. В машинописный экземпляр первых членов социологиче-

¹ Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. СПб., 2001. С. 74–78; Долгова Е.А. Документы Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923 гг.) // Социологические исследования (СОЦИС). 2011. № 6. С. 135–143.

² Устав Русского Социологического общества им. М. М. Ковалевского // Социологические исследования 1993. №8. С. 147–150; Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. СПб., 2001. С.19–25.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 3 об.

ского обществ карандашом рукой Лаппо-Данилевского были вписаны С.А. Острогорский и Б.Ф. Вериго¹.

Предыстория Социологического общества началась в 1906 г., когда К.М. Тахтарёв предложил М.М. Ковалевскому основать такое общество в Санкт-Петербурге. Вот как сам К.М. Тахтарёв об этом вспоминал:

«К мысли об учреждении в России социологического Общества относился весьма недоверчиво даже и сам Максим Максимович Ковалевский, несмотря на то, что изо всех выдающихся представителей русской общественной науки он наиболее близко подошел к социологии. <...> М.М. Ковалевский еще в 1906 году, когда я предлагал ему основать в Петрограде социологическое общество, добродушно улыбался в ответ, указывая на недостаточность сил и неблагоприятность условий для осуществления для осуществления подобной “несвоевременной” мысли. Насколько позже, когда русская общественная жизнь снова вошла в свою обычную колею, после исторических событий 1906–6 и 7 годов, мысль об основании в Петрограде социологического общества стала встречать несколько иное к себе отношение. И, если не ошибаюсь, в 1912 г. в кружке близких М.М. Ковалевскому лиц окончательно сложилось решение основать в Петрограде социологическое общество. Это решение тогда же было приведено в исполнение. При участии М.М. Ковалевского, Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареева и ряде других лиц, было создано учредительное собрание. Однако, деятельность этого общества насколько помню, и ограничилась этим и еще другим собранием, на котором читался доклад Де-Роберти»².

24 марта 1916 г., т. е. на следующий день после смерти М.М. Ковалевского К.М. Тахтарёв предложил ученикам покойного П.А. Сорокину и Я.М. Магазинеру основать в память скончавшегося ученого социологическое общество. Вечером 26 марта 1916 г. после «величественных похорон М.М. Ковалевского», на квартире Я.М. Магазинера прошло первое собрание «молодых социологов» (Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, Я.М. Магазинер, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарёв), на котором было решено обратиться «ко всем представителям общественности, которые находились в этот момент в Петрограде <...> основать русское

¹ Там же. Л. 10.

² *Тахтарёв К.М.* Русское Социологическое Общество имени М.М. Ковалевского // Социо-библиографический вестник. 1919. № 4–6. С. 14–15.

социологическое общество»¹. Через несколько дней на квартире П.И. Люблинского (Лермонтовский проспект, дом 17) состоялось новое собрание, на котором помимо «молодых социологов» присутствовали А.А. Кауфман, Н.И. Кареев, Е.П. Ковалевский и С.К. Гогель. Здесь же было принято решение создавать общество как самостоятельную структуру, а не организовывать его в рамках какого-нибудь учреждения (университет, Психо-неврологический институт и т. п.). Третье собрание наиболее многочисленное, на котором был принят устав общества, прошло тогда же весной 1916 г. уже на квартире Е.П. Ковалевского.

Спустя полгода после утверждения устава (17 мая 1916 г.) состоялось первое официальное (учредительное) собрание социологического общества. Это событие произошло в воскресенье 13 ноября 1916 г. в 20.00 в здании Курсов П.Ф. Лесгафта по адресу: Английский проспект, дом 32. Председательствовал на собрании Е.П. Ковалевский, секретарем собрания был Н.Д. Кондратьев. Началось собрание с речи Н.И. Кареева, посвященной памяти М.М. Ковалевского, затем обсуждались организационные вопросы, главным образом, избрание комитета президиума общества. Первым председателем Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского был избран Лаппо-Данилевский. Следующее заседание состоялось 11 декабря 1916 г.

Депутат Государственной Думы и один из учредителей Социологического общества Е.П. Ковалевский (родственник М.М. Ковалевского) пожертвовал обществу «облигации Петроградского Губернского Кредитного Общества в одну тысячу руб. номинальной стоимости». Е.П. Ковалевский служил в Ученом комитете Министерства народного просвещения, был председателем комиссии по народному образованию в III и IV Государственной Думе, являлся автором закона о всеобщем образовании (1912). Комитет общества принял решение разместить полученный капитал «в качестве неприкосновенного на хранение в один из петроградских банков»².

Перед председателем и комитетом президиума стояла задача организовать содержательную работу общества, определить порядок и тематику докладов. Среди членов комитета не было единого мнения по этому вопросу. С.К. Гогель, например, предлагал не касаться пока общих во-

¹ Там же. С. 16.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 35.

просов, а доклады посвятить частным социологическим проблемам. На этом он настаивал в одном из писем к Лаппо-Данилевскому.

«Глубокоуважаемый
Александр Сергеевич,

вернувшись домой и обдумывая нашу сегодняшнюю беседу, я пришел к заключению, что единственным исходом из тех противоречий, в которых мы застряли может быть следующее.

1. Объяснить в первом же общем собрании от имени Комитета, что мы не имеем возможным начинать нашу деятельность с общих понятий и положений по следующим причинам. Во первых, потому что общепризнанных положений не имеется даже по основным вопросам о содержании, о методе и т. д., наоборот все это составляет предмет споров <...> Во вторых, потому что у нас нет ученого социолога или хотя бы ученого всецело посвятившего себя социологии, поэтому и дать вступительное обозрение всех течений в науке едва ли кто-либо взял бы на себя (Кареев в последнем издании своего Введения все таки отсылает к давно минувшим временам).

2. Поэтому Комитет предлагает идти если не индуктивным, то подготовительным путем ряда докладов на темы о том, что каждая из соприкасающихся наук дала социологии. Попутно в прениях несомненно выясниться, к каким выводам на основные вопросы содержания и метода склоняется общество»¹.

С.К. Гогель предлагал первый доклад сделать самому Лаппо-Данилевскому о значении истории для социологии. Второй доклад предложить В.А. Вагнеру «со стороны биологии, А.А. Кауфмана – политической экономии, А.Ф. Лазурского – психологии»². Свой доклад С.К. Гогель планировал посвятить вопросу о социальной патологии (преступления, проституция, самоубийство, бродяжничество).

Комитет президиума дважды собирался для решения этих вопросов и далеко не сразу пришел к компромиссному решению. Излагая итог дискуссий, П.А. Сорокин писал Лаппо-Данилевскому 27 января 1917 г.:

«Решении Комитета о плане работ:

- 1) не выработать общей систематичес[еской] программы.
- 2) Принять систему отдельных докладов.

¹ Там же. Л. 33, 33 об., 34, 34 об.

² Там же. Л. 34 об.

3) Признать в начальный период деятельности Об-ва более желательными доклады общего характера, а потом уже более специального:

а) первым докладом поставить доклад о современном состоянии социологии б) далее ряд докладов на тему: что дали специальн[ые] науки социологии и что дала она первым с) затем желательны доклады по основн[ым] социологич[еским] проблемам и наравне с ними доклады по вопросам специальн[ых] наук, имеющие социологич[еский] интерес»¹.

И уже на ближайшем заседании социологического общества 1 февраля 1917 г. были заслушаны доклад М.И. Кулишера «К вопросу о причинах Германо-Европейской войны» и сообщение П.А. Сорокина «Современное состояние социологии во Франции». Сообщение П.А. Сорокина значится и в повестке следующего заседания социологического общества 5 марта 1917 г. В этот же день с докладом «Социальность и ее значение в эволюционном процессе» выступил В.М. Бехтерев.

Круг вопросов, решение которых требовало участия Лаппо-Данилевского, был достаточно широк: ведение протокола, общие вопросы, издание журнала, выписка иностранных журналов, объявление в иностранных журналах о новом обществе, формирование ревизионной комиссии, избрание новых членов, как русских, так и иностранных, размер членских взносов и способ их взимания, распределение занятий комитета, оплата помещения, в котором проходили заседания (Курсы П.Ф. Лесгафта), избрание почетных членов, организация печатных изданий и лекций, распределение порядка докладов и утверждение их тематики, решение вопроса о том, нужны ли предварительные тезисы докладов, регистрация общества.

Особое значение имел вопрос о собственном печатном органе Социологического общества. Перспективы издания специализированного издания по социологии вызвали сомнения у многих членов комитета. Желая их развеять, В.А. Вагнер писал Лаппо-Данилевскому 11 декабря 1916 г.:

«Не имея возможности присутствовать на сегодняшнем заседании, позволяю себе еще раз вернуться к вопросу о журнале, организация которого, по моему мнению, является делом и необходимым и неотложным.

¹ Там же. Л. 27.

Против этого предложения были высказаны собственно два соображения:

- 1) Отсутствие средств;
- 2) Недостаток сил для поддержки журнала.

Что касается первого из них, то я полагаю, что если издание "Новых идей в социологии" окупалось, то нет основания думать, что журнал Социологического Общества не найдет издателя. Во всяком случае нет основания утверждать последнее, не сделав попытки такового найти.

Что же касается до недостатка сил, то это обстоятельство обязывает нас лишь к тому, чтобы на первых порах использовать силы западноевропейских и Американских ученых и их журналы. С этого начинали и начинают не только наши ученые общества, но даже их отделения.

Во всяком случае я совершенно убежден в том, что именно у нас в России, где, по целому ряду причин интерес к Социологии запоздал, иметь свой постоянный орган печати, возле которого могли бы объединяться имеющиеся силы и необходимо, и неотложно.

На последнем я настаиваю потому, что для организации журнала по Социологии нужна большая предварительная работа: необходимо теперь же озаботиться приобретением для нашего издания заграничных журналов по социологии; нужно теперь же редакторам отделов снестись с сотрудниками заграничных журналов и учеными соответствующих организаций. Кстати! Не сочли бы Вы возможным предложить общему собранию избрать в члены нашего Общества тех социологов Западной Европы, которые могли бы быть полезны в нашем деле. Все это требует и труда и времени, которого у нас так мало, что откладывать осуществление журнала "до более благоприятного времени" – уже по одному этому не желательно. Таковы соображения, которые я счел своим долгом изложить Вам, глубокоуважаемый Александр Сергеевич в дополнение к протоколу предшествующего заседания, прежде чем похоронить журнал на многие годы, а с ним вместе, по моему мнению, если не похоронить самое Общество, то обречь его на весьма тусклое прозябание»¹.

Политические события и новые проекты, в которые оказался вовлечен Лаппо-Данилевский, почти на полтора года прервали деятельность социологического общества. Инициатором ее возобновления выступил К.М. Тахтарёв. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. он направил письмо Лаппо-Данилевскому.

¹ Там же. Л. 32, 32 об.

«Многоуважаемый
Александр Сергеевич,

Обращаюсь к Вам, как к Председателю нашего Социологического Общества и председательствующему члену его Совета, которому не может быть безразлична дальнейшая судьба Общества и который не может оставаться безучастным к ней.

Мне кажется, что становится необходимым вывести наше Социологическое Общество из его настоящего состояния временного небытия, которое воистину смерти подобно.

Я прекрасно понимаю, как трудно сейчас работать, как тяжелы теперь условия для научной деятельности, как неблагоприятны они для нашего умственного общения.

Однако, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что никогда еще не требовалась социологическая работа в такой сильной степени, как сейчас. Переживаемые события имеют столь же мировое, сколь и социологическое значение. Эта война и производимые ею общественные потрясения колеблют современное общество в самой его основе и требует настойчиво от социологов самой деятельной работы научной мысли для освещения, как самой войны, так и всех тех неизбежных последствий, которые вытекают из нее с неумолимой силой логики событий. Одни лишь социологи могут должным образом ответить на многие из тех вопросов, которые ставит происходящая война народам и связанные с нею бедствия. И я не на момент не сомневаюсь в том, что окончание войны должно будет совпасть с началом мощного развития социологии и социологических обществ.

А если это так, то и наше русское социологическое общество должно возобновить свою жизнь и деятельность и начать немедленно же готовиться к новой работе социологической мысли.

Вот почему я предлагаю Вам и в Вашем лице Социологическому Обществу возобновить его необходимую деятельность. При этом, само собою разумеется, я не считаю возможным ограничиваться одним лишь словесным предложением и добрым пожеланием. Нет в дополнение к нему я предлагаю Вам и Обществу самого себя в качестве инициатора его первого собрания и его первого докладчика. Я предлагаю сделать сообщение о задачах социологии и, если Вы и остальные члены Совета Общества, найдете предлагаемую мною тему вполне подходящей для первого собрания Общества и возобновления его деятельности, то я буду готов представить соответствующий доклад в самый короткий срок»¹.

¹ Там же. Л. 21, 21 об., 22, 22 об.

В 1918 г. заседания социологического общества проходили уже в главном здании Петроградского университета. В конце осени после долгого перерыва состоялось новое собрание, на котором с речами, посвященными памяти умерших членов социологического общества (И.В. Лучицкого, А.Ф. Лазурского, Ф.К. Волкова) выступили Н.И. Кареев, И.И. Лапшин, Л.Я. Штеренберг и Лаппо-Данилевский. В этот же день К.М. Тахтарёв сделал сообщение о введении преподавания социологии в высших и средних учебных заведениях и постановке преподавания социологии в США, а на заседании 28 декабря 1918 г. он же выступил с докладом о системе социологии.

За работой Русского социологического общества, комиссий Академии наук, руководимых им, и создаваемых научных учреждений Лаппо-Данилевский следил до своей неожиданной смерти. Навестивший его в Военно-медицинской академии 6 февраля 1919 г. П.А. Сорокин вспоминал:

«На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию, упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал “Феноменологию духа” Гегеля. “Никогда не было времени внимательно проштудировать ее, – прошептал он. – Начну сейчас”. На следующий день он скончался»¹.

«Многие видные русские биологи, психологи, историки, политологи и другие ученые, – подводил П.А. Сорокин краткий итог деятельности Социологического общества, – стали членами общества. К сожалению, революция, смерть председателя и другие факторы прервали деятельность общества в самом его начале. В 1920 г. оно стало работать “на нелегальном положении”, но после преследований, заключений в тюрьмы и смерти многих членов общества оно окончательно прекратило свое существование»².

Следующее собрание прошло уже после смерти Лаппо-Данилевского. 11 марта 1919 г. председателем Русского социологического общества был избран Н.И. Кареев.

¹ Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 145.

² Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 31.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Значение академика А.С. Лаппо-Данилевского в истории российской социологии определяется не только его председательством в Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского. Александр Сергеевич прекрасно понимал необходимость создания и системы социологического образования. В заседаниях Социологического общества делались доклады, оно даже могло бы устроить публичные лекции популярного характера, но не решало вопроса о подготовке профессиональных социологов, о систематическом преподавании социологии. С этой целью осенью 1917 г. Лаппо-Данилевский стал предпринимать шаги по организации Социологического института. Отчасти этим объясняется временное затишье в деятельности Русского социологического общества. В социально-политических изменениях, проходивших в стране, Лаппо-Данилевский увидел возможность дальнейшей институционализации социологии, которая является уже не только результатом общественной инициативы, но и полноценным научным институтом. В его архиве сохранилась рукописная «Записка о преподавании социологии», датированная 28 сентября 1917 г.

«Социологические проблемы, – писал он, – давно уже обратили внимание мыслителей и ученых, например, Аристотеля, Бэкона, Вико, Тюрго и других; но социология выделилась в качестве особой научной дисциплины лишь со времени Конта и его последователей. Входить в рассмотрение добытых ими результатов было бы здесь излишним. Достаточно отметить, что, несмотря на труды многих из них, социология все еще вызывает возражения; они высказываются с различных точек зрения: социально-философской, социально-научной и исторической; но эти воззрения малоубедительны. В самом деле, рассмотрение социальных явлений с социально-философской точки зрения должно, а не сущаго, выдвинутой, например, Штаммлером, не исключает возможности изучать их с точки зрения сущаго, а не должного, положим, органической, материалистической, психологической и т. п.; взгляд на социологию, как на простую и довольно неопределенную “совокупность моральных и политических наук”, высказанный <...> страдает односторонностью, ибо не принимает во внимание основной задачи социологии, которая состоит в выяснении природы социального явления вообще, а не в компиляции “моральных” и политических знаний, обуславливаемых понятием о таком явлении; наконец, смешение социологии с историей,

при наличности которой, по словам Фюстель де Куланжа, социология становится излишней, не оправдывается тем пониманием истории, в силу которого она преимущественно занимается изучением индивидуального исторического процесса. Итак, главнейшие возражения против социологии едва ли могут подорвать ее самостоятельное научное значение.

Современное понимание ее содержания устанавливается, однако, с различных точек зрения, которые можно назвать гносеологической и феноменологической. С гносеологической точки зрения Зиммель рассуждал, например, о составляющих предмет социологии “чистых формах обобществления”. С феноменологической точки зрения многие подходили к разрешению ее проблем в разных смыслах, например: в органическом – Спенсер и Вормс; в социально-материалистическом – Маркс и Энгельс; в социально-психологическом – Тард и Дюркгейм, соответственно настаивавшие на социально-психическом взаимодействии между индивидуумами или на том принуждении социальном, под давлением которого каждый из них действует и т. п. Легко заметить также, что и по объему своему социология охватывает такие предметы, которые вполне заслуживают внимания, хотя и не входят в пределы изучения других социальных и политических наук: социология подвергает исследованию самые элементарные явления социальной жизни, например, разговор жестами, звуками или словами; простейшие социальные отношения в обществах животных и детей, а также “диких”; первобытные семейные и обрядовые учреждения с их пережитками в цивилизованных обществах и т. п.; вместе с тем социология находится в связи с этнографией и этнологией, знакомство с которыми может быть полезно и юристу, и политике. Следовательно, и по содержанию, и по объему своему социология представляется наукой, которой едва ли желательно пренебрегать при выработке систематического плана социальных и политических знаний.

Впрочем, как бы ни оценивать их, нельзя не считаться с самим фактом существования социологии: в пользу его свидетельствуют многие учреждения и предприятия, имеющие в виду разработку социологии. Припомним, например, основание международного Социологического института в Париже и Социологического института Сольвэ в Брюсселе, а также различных Социологических обществ во Франции, Бельгии, Италии, Америке и Англии, Австрии и Германии, России и т. д.; появление социологических журналов или повременных изданий в большинстве тех же стран, преимущественно с девяностых годов прошлого века; устройство социологических конгрессов, печатающих свои труды, вроде, например, известных “Annales” международного Социологического института и т. д.; учреждение особых более или менее устойчивых кафедр социологии в университетах или других школах, например, в Бордо, Монпелье и Париже; в Брюсселе; в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне и

Кэмбридже (Mass.); в Лондоне; в Генуе и Палермо и т. п.; или чтение особых социологических курсов в Берлине, Лейпциге и Киле; в Турине и Риме; в Копенгагене; в Гельсингфорсе и Петрограде и т. д. Факты подобного рода свидетельствуют в пользу развития социологии, особенно в демократических странах и ее будущего развития.

На основании всего вышеизложенного можно придти к заключению, что преподавание социологии желательно ввести в качестве общеобразовательного курса в круг тех предметов, которые будут изучаться в “Институте социальных и политических наук”»¹.

В черновом варианте «Записки» Лаппо-Данилевского была приведена более подробная история вопроса.

«Наряду с таким движением, особенно заметным в демократических странах, стало складываться и другое, более близкое к политике: оно возникло под влиянием стремления подготовить широко и специально образованных общественных и политических деятелей, нужных для управления разнообразных функций государственного управления. После франко-прусской войны Франция особенно остро почувствовала потребность в таком рассаднике знаний: по инициативе Э. Бутли в Париже была учреждена “Вольная школа политических наук”, учебный план которой был построен на прочной исторической основе и выдвигал изучение государственных и экономических наук; полагая, что все они должны преподаваться в историческом духе, основатель школы настаивал, кроме того, и на моральном значении истории: она является “школой нравственности, она учит умеренности и терпению; она питает благородные страсти; она изощряет ум видом постоянно изменяющихся фактов; она закаляет волю от соприкосновения с сильными характерами”; вместе с тем она имеет и чисто практическое приложение в государственной жизни: она знакомит политического деятеля не с отвлеченными существами, а с реальными людьми. Впрочем, кроме общей секции, на которой история получила столь видную роль, школа предполагает и более специальный круг образования на остальных четырех ее секциях: административной и дипломатической, “экономической и финансовой”, а также “экономической и социальной”. Пример Франции вызвал подражание и соревнование других стран: помимо основанной в Париже “Вольной школы социальных наук”, с девяностых годов прошлого века аналогичные учреждения возникли, например, в Лондоне (London School of Economics and Political science), в Брюсселе (École des sciences sociales)

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.

и т. п.¹ В России в эпоху великих реформ также появился план, довольно сходный с тем, какой Э. Бутли осуществил со столь блестящим успехом: исходя из мысли, что “университеты – лучшие школы для политического просвещения”, Д.И. Каченовский предлагал, еще за несколько лет до Э. Бутли, образовать на наших юридических факультетах особый “административный или политический разряд”, во главе которого должны стоять “история, общественная экономия и статистика” и которое давало бы знания об “устройстве и охранении общественного порядка внутренними мерами”, о финансовой или экономической деятельности и, наконец, о дипломатии; несмотря на то, что сам автор проекта ожидал “громальной пользы” от его осуществления и что он встретил сочувствие в университетских сферах, план его не был приведен в исполнение, и, взамен общедоступных отделений политических наук при университетах, продолжали действовать прежние специальные и привилегированные высшие учебные заведения, предназначенные к тому, чтобы готовить молодых людей к “важным частям службы государственной”.

До самого последнего времени, однако, собственно научное исследование социальных проблем все еще не получило достаточно прочной и независимой от учебных заведений организации. Правда, французская “Академия моральных и политических наук”, окончательно восстановленная в 1832 году, уже много сделала для их разработки, а вслед за нею появились и другие учреждения подобного рода, например, “Академия моральных и политических наук”, основанная в Мадриде при содействии испанского правительства, еще позднее – Американская “Академия политических и социальных наук” в Филадельфии и т. п.; но более организованные учреждения, специально приспособленные к производству коллективных и единоличных работ, касающихся социальных проблем, стали возникать лишь на наших глазах: в самом начале настоящего столетия, благодаря щедрому пожертвованию Э. Сольвэ, при Брюссельском университете образован был, например, особый Социологический институт, который, согласно желанию его основателя, должен, в расши-

¹ Само собой разумеется, что при многих университетах, в особенности германских, давно уже существуют «семинарии государственоведения», например, известный семинарий, организованный проф. Г. Шмоллером в Берлине; к ним иногда довольно близко подходят и другие учреждения подобного рода: широко поставленный проф. Лампрехтом «Seminar für Kult – und Universalgeschichte» при Лейпцигском университете, например, также включает в круг своих занятий психологию, этику, политику, народоведение, историю первобытной культуры и т. п.; но такие семинарии все же преследуют несколько иные цели, чем специальные высшие школы социальных наук. – прим. А.С. Лаппо-Данилевского.

ренным объеме, продолжать изучать ту “связь, которая существует между экономическими факторами, получающими преобладание в эволюции народов, и фактами физиологическими и физическими, управляющими человеком и природой”, не упуская из виду, однако, содействия успешному развитию других социальных наук; почти одновременно известный институт Карнеги в Вашингтоне организовал в своем составе особое “отделение народного хозяйства и социологии”, в круг ведения которого входят самые разнообразные стороны экономической и социальной жизни Соединенных штатов, рассматриваемые преимущественно с исторической, а не чисто догматической точки зрения.

Таким образом, научное исследование социальных проблем начинается получать, преимущественно, благодаря частному почину, свою самостоятельную организацию, отличную от преподавания социальных наук в высших специальных школах: в настоящее время она, действительно, стоит на очереди и, в виду сложности предстоящей ей задачи, нуждается в государственной помо[щи]»¹.

Уже в следующем году Лаппо-Данилевский непосредственно приступил к реализации плана по созданию Социологического института, который помимо научных выполнял бы и образовательные функции. По поручению фактически возглавляемого им Отделения филологии и истории Академии наук была создана под его же председательством комиссия для рассмотрения вопроса об учреждении в рамках Академии наук Социологического института. Заседание комиссии состоялось в 29 мая 1918 г. в малом конференционном зале Академии наук. На нем присутствовали Ф.И. Успенский, М.А. Дьяконов, Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, И.А. Ивановский, В.М. Гессен, А.Э. Нольде и В.В. Степанов. Председательствующий Лаппо-Данилевский «доложил Комиссии записку прив.-доц. В.В. Степанова по вопросу об учреждении при Академии Наук “Института Социологии”»² и огласил соответствующее постановление II отделения АН о создании настоящей комиссии.

«Председатель наметил следующий порядок рассмотрения вопроса:

- 1) Разрешение принципиального вопроса о желательности Института Социологии и о том, должно ли быть проектируемо учреждение исключительно научным или высшим учебным заведением.
- 2) Составление устава, сметы и штатов.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 68. Л. 3–8.

² Там же. Л. 9.

- 3) Вопрос о помещении.
- 4) Вопрос о библиотеке»¹.

Затем выступил статистик В.В. Степанов. «В своей записке, думается мне, – отмечено в стенограмме заседания, – я достаточно ясно охарактеризовал задачи проектируемого Института и старался возможно полнее доказать необходимость его учреждения. Я могу лишь вновь повторить, что и создание научного учреждения, объективно изучающего вопросы общественной жизни и организация высшего учебного заведения, имеющего специальность насаждения знаний из области государственных наук, весьма важно. Но по условиям времени на первую очередь следует поставить создание научного учреждения. Социология, экономические и государственные науки и науки права в деятельности Академии занимают весьма скромное место. Жизнь и государственные интересы требуют большого внимания и создание специального научного учреждения, работающего в области этих наук, ответит насущной потребности и скорее может найти поддержку в правящих сферах, чем организация высшего учебного заведения.

Вместе с тем я нахожу, что создание высшей школы государственных наук типа проектированного профессорами Александровского Лицея было бы и важно и также отвечало бы потребностям государства.

Я мог бы в дополнение к своей записке предложить вниманию комиссии свой проект схемы распределения наук по отделам Института, но позволю себе это сделать тогда, когда принципиальный вопрос об институте будет так или иначе разрешен»².

После В.В. Степанова выступили профессора Александровского лицея. Юрист-международник А.Е. Нольде изложил историю вопроса о преобразовании Александровского Лицея и о современном положении этого вопроса. Декан юридического факультета Высших женских курсов М.Я. Пергамент передал председателю все материалы по преобразованию Лицея, сохранившиеся у него, как у председателя образованной для этого комиссии.

Профессор юридического факультета Петроградского университета и Александровского лицея В.М. Гессен отметил, что

«в записке В.В. Степанова указывается, что подходящим для института Социологии зданием является здание Лицея, на которое имеется много претендентов и между прочим Микробиологический институт. Я

¹ Там же.

² Там же. Л. 9–9об.

думаю, что эта претензия не основательна, так как помещение это слишком обширно. Было бы не экономичной затратой государственных средств и состояния. Необходимо сохранить это здание для удовлетворения более широких задач. Целесообразным использованием, мне кажется, было бы отведение этого здания под учреждение, имеющее научные и учебные цели. Эти цели должны быть совмещены. Лично я думаю, что наиболее важным было бы учреждение Высшего учебного заведения типа, выработанного Советом профессоров Лицея, т. е. высшая школа государственных наук. Но надо конечно учитывать современные условия и понимания, поэтому я не возражаю против учреждения Института Социологии по форме, но по существу считал бы необходимым остаться на почве указанных предположений о реорганизации Лицея.

Выработать план для нового учреждения очень сложно, тем более, что ясности в том, какие именно науки должны входить в круг и задачи Института Социологии [нет].

Я находил бы необходимым теперь же возбудить вопрос о сохранении здания Лицея для Института Социологии, как учреждения преследующего научные цели»¹

В ответ Лаппо-Данилевский указал:

«Содержание науки социологии еще не является общепринятым. Оно не достаточно выяснено. Несомненно, что экономические науки должны составлять особую группу. Я бы считал, что в составе проектируемого научного учреждения должен быть организован особый отдел социологии, к которому были бы отнесены, например, следующие науки: антропология, антропо география, психология, этнография, этнология, социология в узком смысле (теория и методология). В России нет такого ученого учреждения и высшего учебного заведения, где бы полностью была бы объединена вся эта группа наук»²

Вслед за председателем слово взял профессор государственного права И.А. Ивановский.

«В записке В.В. Степанова и его объяснении указывается на желательность организации Института Социологии, как научного учреждения и Высшей школы, подразделенных на несколько отделов. Я нахожу, что создание научного учреждения такого типа как указывается в записке

¹ Там же. Л. 9 об.

² Там же. Л. 10.

безусловно необходимо. Мир переживает небывалые катастрофические явления. Все изменяется, все приводится в хаотическое состояние, из которого имеется в виду создать что-то новое. Установить новый порядок. Делается колоссальный социологический опыт. Если бы в задачу входило лишь обратить современное внимание на происходящее, зарегистрировать все, что возможно подвергнуть этому объективному изучению – то и это уже представляло бы широкое поле для деятельности проектируемого института и вполне оправдывало бы его учреждение. Замечу кстати, что Юридический факультет Петроградского Университета дал поручение нескольким приват-доцентам собрать материал, относящийся к возникновению массы отдельных государств, на которые распалась Россия, а прив.-доц. В.В. Степанову поручил собрать печатный материал относящийся к революции, имеющийся в Петрограде и получить таковой путем письменных сношений с лицами и учреждениями. Мысль факультета была собрать этот материал в специальном кабинете.

Но даже такое, на первый взгляд важное дело, является крупинкой по сравнению с общим изменением социального строя в России.

Назревают новые изменения и в области экономической, и в области политической.

Этот колоссальный опыт, небывалый в мировой истории не может пройти мимо внимания ученого мира.

Непререкаемая необходимость настоятельно требует озаботиться созданием такого научного учреждения, которое имело бы своей задачей наблюдение происходящего и вело бы своего рода летопись.

Работа предстоит самая сложная, но и благодарная.

Академией Наук ставятся определенные проблемы то экономического, то иного характера. Необходимо их объединить и выполнение труда возложить на одно учреждение. Поэтому я высказываюсь в пользу создания такого учреждения и именно в связи с Академией Наук.

Рядом с этими задачами могут быть поставлены и другие, почти совпадающие с первой задачей. Я говорю об учебных задачах и останавливаю внимание Комиссии на той же записке профессоров Лицея, о которой здесь уже не раз упоминалось.

В.В. Степанов в своей записке резче и ярче подчеркнул те отделы учебного плана, необходимость которых выдвигается на очередь жизни, в перечень предметов включены все, имеющиеся в плане Высшей школы Государственных наук, прибавлены лишь некоторые предметы, как я убедился из разговоров В.В. [Степанова] со мной, предшествовавшей подачи им записки в Академию Наук.

Однако и я с своей стороны также выдвигаю на первый план создание учреждения с научными целями, в задачу которого входило бы изу-

чение вопросов социального, экономического, политического (государственного) и правового порядка.

Надо искать пути, по которым идти дальше, какими можно устранить образовавшиеся дефекты и какими можно придти к должному порядку.

Проектируемое учреждение, по моему мнению, явится одним из рассадников насущно необходимых знаний, а в государстве, которое находится в столь неприглядном положении как Россия, знания должны черпаться в авторитетном объективном учреждении, каковым является Академия Наук и состоящие при ней учреждения.

Что касается названия проектируемого учреждения, то я предложил бы назвать его “Институтом Социальных Наук”»¹.

Следующим выступил историк академик М.А. Дьяконов:

«Слушая речь В.М. Гессена я несколько колебался и смущался вопросом о создании Института, преследующего научные и учебные цели. Мне казалось, что не было ли практичнее ходатайствовать сначала об институте, как научном учреждении, а затем уже обсуждать вопрос о высшем учебном заведении. Но теперь я нахожу возможным соединение задач, проводя последнюю задачу сначала в форме открытия различного рода курсов, а потом может быть и постоянного высшего учебного заведения.

Лучше было бы вопрос об учебном заведении не ставить в первую очередь, а лишь указать на возможность открытия при Институте Курсов. Я думаю, что в Академии решение вопроса об Институте, как научном учреждении, не встретило бы тех возражений, какие возможны в том случае, если будет идти речь и о научном учреждении и об учебном заведении.

К сказанному я должен еще дополнить, что Академия Наук, заслушав обращение Народных Комиссаров с предложением образовать Комиссию по решению целого ряда экономических вопросов, отказалась от образования этих комиссий в виду отсутствия в ее составе достаточного количества специалистов, так как она располагает только одной кафедрой по экономическим наукам. Но на это последовал ответ, что в составе Академии Наук имеется Комиссия по изучению производительных сил страны, после чего Академия вынуждена была сообщить, что государство может располагать ее содействием в пределах трудов Комиссии по изучению производительных сил России.

¹ Там же. Л. 10–10 об.

Так как обращение такого рода весьма разнообразны, то может быть было бы целесообразно объединить исполнение этих поручений в одном учреждении.

Это могло бы служить еще одним из мотивов к созданию проектируемого научного учреждения»¹.

Правовед и бывший ректор Петербургского университета Д.Д. Гримм отметил, что следует различать вопрос ходатайства об институте от вопроса о признании недостаточными сил Академии, в составе которой может быть нужно было установить новый разряд.

Византинист академик Ф.И. Успенский присоединился к мнению И. А. Ивановского, заметив, что более подробную программу можно было бы представить позднее.

Затем снова слово взял В.М. Гессен.

«Мне кажется, что между двумя точками зрения не такая уже пропасть, чтобы нельзя было их согласовать. Можно поставить задачей Института изучение научных проблем и прибавить к этому чтение лекций двойного типа:

1) Сообщения о выводах, являющихся результатом научного исследования, т. е. говорить о новых достижениях для лиц получивших надлежащую подготовку.

2) Читать популярные лекции о состоянии той или другой отрасли знания для более широких масс слушателей.

На первых порах чтение этих лекций может не иметь характера учебного заведения, но будет служить целям распространения знаний.

В этом случае не придется заботиться о полноте и систематичности лекций, а будет выполняться весьма важная общественная работа»².

А.Э. Нольде указал на необходимость создания библиотеки нового научного учреждения, предложив положить в ее основу расформировываемую библиотеку министерства финансов, а также библиотеки ряда других структур. По его словам, в научном институте могли бы читаться лекции как для магистрантов, так и более популярного характера.

С мнением В.М. Гессена согласился М.Я. Пергамент, подчеркнув, что «сколько бы ни было создано учебных заведений, их все будет мало»³, а

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 11 об.

³ Там же.

для проектируемого института надо прежде всего иметь в виду возможность чтения популярных лекций.

Схожую мысль высказал и М.А. Дьяконов, напомнив, что «сама Академия Наук давала свой актовый зал под популярные лекции»¹. Для чтения популярных лекций И.А. Ивановский предложил привлекать не только академиков, но и русских и иностранных ученых.

Итог дискуссии подвел Лаппо-Данилевский.

«Я полагаю, – констатировал он, – что вопрос достаточно выяснен и можно было бы формулировать результаты наших суждений:

1) Большинство по-видимому считает возможным назвать Институт – “Институтом Социальных Наук”.

2) Задачи могут быть определены таким образом: Институт учреждается для разработки социальных проблем, [в особенности тех – вписано чернилами], которые выдвигаются современной реформой и революцией.

3) Организация работ может определяться теми задачами, которые будут намечены.

4) Необходимо в составе Института создать кабинеты для отдельных групп наук.

5) Во главе каждой группы может стать один ученый, который ведает делами группы.

6) Необходимо устройство кабинетов, напр[имер,] этнографии, статистики и т. д.

7) Существующие имеющие быть образованными при Академии Наук Комиссии для пользы дела могут быть связаны хотя бы помещением с проектируемым Институтом.

8) В Институте могли бы вестись занятия с магистрантами и с лицами серьезно работающими в той или иной научной области.

9) Желательно объединение в смысле помещения с Институтом Социальных Наук различных ученых обществ, соответствующих по своим задачам с задачами Института.

10) Желательно принять меры к обеспечению книгами библиотеки проектируемого Института.

11) Желательно устраивать при Институте Курсы для более подготовленных слушателей, на которых сообщались бы сведения о результатах работ лиц, работающих в Институте и популярные для более широкого круга слушателей, приглашая для чтения лекций русских и иностранных ученых.

¹ Там же.

12) Организацию Высшего Учебного заведения признать возможной в будущем, но не непосредственно при Академии, а при Институте Социальных Наук»¹.

В решении комиссии особо подчеркивалось, что при выработке устава института следует иметь в виду пункт об организации курсов, лекций, сообщений и т. д. Комиссия также предложила выступить с ходатайством о предоставлении для Института Социальных Наук здания Александровского лицея.

В составе института было решено сформировать четыре отдела, организацию которых и составление программы их деятельности возложить на И.А. Ивановского и В.М. Гессена (отдел Государственных наук), М.Я. Пергамента (отдел Права), в отдел Социологии пригласить Н.И. Кареева.

Составление записки об учреждении Института социальных наук для заседания Академии наук 5 июня 1918 г. было поручено Лаппо-Данилевскому, А.Э. Нольде и В.В. Степанову.

Записка «Об Институте Социальных Наук», подготовленная Комиссией, была зачитана Лаппо-Данилевским 5 (18) июня 1918 г. на экстренном общем собрании Российской Академии наук и опубликована в «Протоколах заседаний общего собрания Российской академии наук»² (Об Институте Социальных Наук 1918: 108–110). В конце записки указаны имена председателя комиссии Лаппо-Данилевского и секретаря А.Э. Нольде.

«Для А.С. Лаппо-Данилевского, – считает Е.А. Ростовцев, – реализация идеи организации Института социальных наук была важна не только для решения задачи сохранения российской научной культуры в годы потрясений, но и потому, то давала возможность утверждать его методологические идеи. Однако, как заметил С.Ф. Ольденбург, предложение А.С. Лаппо-Данилевского не было поддержано “комиссариатом”»³. В протоколе общего собрания Академии наук отмечалось, что Непременный Секретарь «во исполнение постановления Отделения ИФ (IX 225) ... лич-

¹ Там же. Л. 11 об. – 12.

² Об Институте Социальных Наук. Записка Комиссии Российской Академии Наук // III-е приложение к протоколу заседания IX экстраординарного Общего Собрания Российской Академии Наук 18 (5) июня 1918 года (к § 138). С. 108–110.

³ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 198.

но выяснял в Совете Народных Комиссаров вопрос о возможности создания Института Социальных наук, но что пока никакого определенного ответа он не получил»¹.

Комиссия по вопросу об учреждении Института социальных наук. СФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Ед. хр. 35. 7 л.

С.Ф. Ольденбург направил в Москву в Народный комиссариат по просвещению два письма. Первое из них датировано 21 мая/3 июня 1918 г. В нем, в частности, отмечалось:

«Когда в прошлом году Александровский лицей был закрыт как привилегированное учебное заведение, то возникли предложения с использованием его помещений и организации для учреждения Института политических или социальных наук. Дело это однако до конца доведено не было»². Л. 3

Далее С.Ф. Ольденбург указывал, что

«еще настоятельнее ставился вопрос о необходимости учреждения Института социальных наук, которые (социальные науки. – *А.М.*) таким образом могли бы получить надлежащее научное освещение. Институт этот, оставаясь учреждением научным, связанным с Академией наук, мог бы вместе с тем выделить из своей среды и отдел публичных чтений для ознакомления широких кругов населения с основами социальных наук и прикладных к ним знаний, создавая т[аким] о[бразом] ту живую связь между наукой и наукой, которая в области социальных наук имеет особенное значение»³.

Непременный секретарь извещал, что «Академией наук уже создана комиссия из специалистов, которая срочно разрабатывает проект Института социальных наук для внесения его в Комиссариат народного просвещения»⁴. При этом он обращался с просьбой «не отчуждать для какой-

¹ Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии наук за 1918 г. Пг., 1919. С. 91.

² Комиссия по вопросу об учреждении Института социальных наук // СФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Ед. хр. 35. Л. 3.

³ Там же. Л. 3–3 об.

⁴ Там же. Л. 3 об.

либо иной цели» знание лица, чтобы сохранить его для нужд планируемого института.

11 июля 1918 г. С.Ф. Ольденбург направил в Народный комиссариат просвещения новое письмо с просьбой о передаче библиотеки Александровского лицея в библиотеку АН¹. А 23 июля отправил еще одно письмо:

«В Народный Комиссариат по Просвещению.

Отделение Исторических наук и филологии давно уже озабочено вопросом о пополнении своего состава специалистами в области наук экономических и истории права, в последнее время им был подвергнут обсуждению вопрос о создании особого ученого учреждения “Институт Социальных Наук”, где бы обществоведные дисциплины нашли себе надлежащее изучение. Избранная под председательством академика А.С. Лаппо-Данилевского особая комиссия представила Академии свои соображения, которые при сем прилагаются.

Вполне разделяя мнение комиссии Академия считала бы крайне желательным осуществление предложений Комиссии и была бы готова, если бы Народный Комиссариат по Просвещению признал бы возможным осуществление Института, представить подробный проект Института Социальных Наук»².

Народный комиссариат по просвещению передал подготовленную комиссией под председательством Лаппо-Данилевского записку для заключения в Коммунистическую академию. Ответ был датирован 2 сентября 1918 г.

«В ответ на отношение Ваше от 20 июня сего года за № 758, Президиум Социалистической Академии общественных наук сообщает, что по делу заключения по вопросу о создании Института социальных наук соединенное общее собрание научно-академической и учебно-просветительской секций Социалистической академии общественных наук, заслушав в заседании 28 августа с.г. записку академика А.С. Лаппо-Данилевского об организации института социальных наук единогласно находит:

1. Записка составлена столь небрежно и неясно, цель, преследуемая организацией предполагаемого института, столь неопределенна, отличие его от обыкновенных юридических факультетом существующих универ-

¹ Там же. Л. 5–5 об.

² Там же. Л. 6–6 об.

ситетов столь неуловимо, что Социалистическая Академия общественных наук затрудняется рассматривать эту записку по существу.

2. С другой стороны, указания на необходимость изучения явлений, связанных с “неудачной войной”, с “потрясением существовавшего порядка”, с переменами “в области идей и нравов, а затем уже в области производства и потребления”, с “перерывом в культурном общении”, “с преобразованиями, которые России пришлось испытать за последние месяцы русской революции”, то крайне необъективное извращение автором записки того, что, по его же словам, подлежит объективному изучению, наряду с указанием на “необходимость тесной ученой связи” предполагаемого института с Академией наук, - заставляют думать, что предполагаемый Институт Социальных наук должен явиться средоточием и оплотом антисоциалистических элементов в Советской России, элементов, которые вряд ли могут дать при изучении ими социальных явлений в намеченном автором записки духе, какие-либо положительные результаты.

Член Президиума, действительный член Академии М. Рейснер
Секретарь Президиума Эд. Ставенгаген»¹.

¹ ГА РФ. Ф. 3415. Оп. 1. Д. 14. Л. 6-8.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ

Рассматривая в своих лекционных курсах социологию в ее «историческом развитии», Лаппо-Данилевский касался различных теорий и учений, сформулированных социальными мыслителями. В рукописи «Научные основы социологии в ее историческом развитии» был предусмотрен и раздел «Возникновение социологии», подзаголовок к которому гласил: «Теоретический момент». Раздел состоит из трех частей: «Французское просвещение», «Философия. Декарт, Бэкон и Юм» и «Научная философия XVIII в. и начала XIX в.». В них в качестве предыстории социологии Лаппо-Данилевский касался философских и социальных теорий, а не событий, давал исторический очерк истоков социологии. Надо отметить некоторую зависимость даваемых Лаппо-Данилевским характеристик от О. Конта, оценки которого он часто приводит в вавычках.

Мировоззренческие и теоретические предпосылки возникновения социологии, полагал Лаппо-Данилевский, надо искать в философских учениях, заложивших основы новоевропейской мысли, прежде всего, в концепциях Р. Декарта и Ф. Бэкона, которым в рукописном варианте курса отведено несколько страниц (Л. 28–34). Значение рационалистической философии Лаппо-Данилевский видел в том, что она выяснила «те общие принципы, которые лежат в основе научного знания законов природы, и стремилась подчинить ему изучение индивидуальной и социальной жизни»¹. То, что социология как положительная наука об обществе зародилась во Франции, было подготовлено всем ходом интеллектуального развития Франции, начиная с XVII в.

«Социология возникла под влиянием французского просвещения XVIII-го века: универсальный гений просвещения *Лейбниц* придавал очень большое значение Франции в его развитии: она не замедлила получить умственное превосходство над остальными странами Европы.

В области *философии Декарт* низложил Аристотеля и своим механическим объяснением природы проник “в преддверие истины”; в области математики и физики – *Паскаль и Гюйгенс* сделали капитальные открытия, вскоре получившие дальнейшее развитие благодаря учреждению Академии Наук; точность, требуемая “современной” наукой про-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 86–87.

ника и в области исторических наук, также всего лучше представленных французскими историками, например, Мабильоном и Балюзием.

Французское просвещение благоприятствовало развитию мысли *об умственном прогрессе*, обуславливающим и прогрессивное развитие общественной жизни»¹.

В краткой, конспективной форме Лаппо-Данилевский излагал основные положения учения Р. Декарта.

«Хотя Декарт еще смешивал *религию с метафизикой* (ср. онтологическое доказательство бытия Божия) и *метафизику с наукой* (познавание вещей), он справедливо признается основателем новой философии.

Декарт и картезианская философия вообще.

1) *Авторитет разума*, “культивированию” которого он посвятил всю свою жизнь. *Cogito ergo sum*, полученное в результате *методического сомнения*, возводил разум в беспрекословного судью нашего соб[ственного] существования, разумная очевидность – последнее основание знания.

а) *рационалистическое понимание общества* = социологии.

б) *пренебрежение к истории* – она остается литературой, *style oratoire*.

2) “*Механическое объяснение природы*” (Лейбниц). Учение об *автоматизме* животных: благодаря ему проявления животной психики включаются в область позитивного знания.

3) *Психология*: понятие о душе, как о *существо мыслящем* в противоположность протяженному веществу. *Психогенезис разума* – тонкое различие между *разумом*, который познает вещи, ничего не утверждая и не отрицая, и *волей*, т. е. “способностью выбора”, она утверждает или отрицает.

“*Tracte des passions*” (1649), т. е. трактат об “эмоциях души”, написан в более *реалистическом* и психологическом духе, чем прежние трактаты подобного рода. Гл[авным] об[разом] о восхищении (*admiration*), любви и ненависти, желании (*désir*), грусти (*tristene*).

Учение о *воле*, которая обуславливает *действия* – концепция, которая потом легла в основу многих социологических учений»².

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский отмечал механистическое мировоззрение Декарта, дуализм материальной и духовной суб-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Ед. хр. 344. Л. 28.

² Там же. Л. 28–30.

станции, рассматривал социальные взгляды французского мыслителя (роль «примера и привычки» в социальной жизни, вера в умственный прогресс человеческого знания, приводящего к совершенствованию техники и, тем самым, к господству человека над природой, значение законодательства в развитии нравов и учреждений)¹. Однако, заключал Лаппо-Данилевский, «Декарт еще не затронул социологии, Бэкон - подошел к ней».

«Научно-позитивное настроение развивалось в XVIII в. под влиянием Бэкона». В XVIII в. английская философия все сильнее оказывает влияние на французскую мысль. «Система наук», обосновываемая новоевропейской философией, предполагает, что разум лежит «в основе философии (и будущей социологии?), а философия включает и “учение о человеке”».

Поскольку источником познания является чувственное восприятие, постольку и история ищет опору в чувстве, в качестве которого признается память.

«Бэкон включает в науку о природе и науку о человеке, в виде ее части. Наука о человеке делится на философию человечества и на философию гражданскую. *Философия человечества* рассматривает человека взятого в отдельности; *философия гражданская* – рассматривает человека живущего в обществе. Философия человечества состоит из науки о человеческом теле и науки о человеческой душе (логика, психология, риторика, мораль). Философия гражданская (ср. учение о *prudencia*) содержит учение об светском образовании (*l'usage du monde*), учение о делах (или о житейской мудрости?) (*science des affaires*), т. е. о том, как вести свои дела в сношениях с другими и учение об управлении государством (защита от обид).

Бэкон *отделяет* от вышеуказанных наук – основанную на памяти (а не на разуме) – историю: естественную и гражданскую».

«Итак,

- 1) Бэкон *отделяет* социальные науки от исторических,
- 2) стремится воспользоваться *успехами естественных наук* для “обновления” социальных теорий,

¹ Там же. С. 87–88.

3) и подходит к *социологии*; но он еще *смешивает* ее с учением о *мудрости* житейской (*prudentia*), с *искусством* “вступать в сношения с другими” и “подвигаться в свете”»¹.

Попутно Лаппо-Данилевский предлагал сравнить взгляды Ф. Бэкона и Г. Тарда. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский указывал на связь «научно-эмпирической точки зрения» Бэкона с «утилитарной его оценкой», отмечал близость антропологии и морали в интерпретации Бэкона к «социальным дисциплинам» и использование им аналитического метода («метод разложения») для выявления «элементарных проявлений» «общезития» (отношения мужа к жене, родителей к детям и т. п.).

«Таким образом, Бэкон не чуждался обобщающей точки зрения в области “естественной истории” и уже подготовлял возможность ее применения и к “гражданской” истории, прогрессивное развитие которой он доказывал, сопоставляя “качества” современной ему культуры с состоянием античной цивилизации»².

Влияние Ф. Бэкона Лаппо-Данилевский прослеживал на Вольтера (прежде всего, в его работах «Письма об английской нации» (1731) и в «Элементах философии Ньютона» (1738)), энциклопедистов и О. Конта, «сблизившего Декарта с Бэконом». «Вольтер, – писал Лаппо-Данилевский, – поклонник *философии Локка* с ее *противокартезианским* и *полупозитивистским* характером»³. В «Методологии истории» англофильство Вольтера зафиксировано с еще большей определенностью и четкостью.

«Мало склонный к метафизике и большой поклонник Локка и Ньютона, Вольтер пытался освободить человеческий разум от традиционных понятий: он высоко ценил английский эмпиризм и противопоставлял относительное абсолютному и критическую точку зрения – догматической; хорошо знакомый с современным ему естествознанием, он хотел, без предвзятой системы, изучать “природу”, сходную у разных людей, и

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 28–34. Закавыченные фразы представляют собой цитаты из О. Конта

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 92.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 36.

уже до появления своего “опыта о нравах” склонялся к отрицанию свободы воли»¹.

Вольтер подходил к изучению истории с «научно-критической» и «культурно-исторической» точек зрения и даже «стремился дать очерк всеобщей культурной истории человечества», усматривая в ней прогресс «в области разума и нравственности»².

Следующим шагом на пути к социологии было учение Д. Юма. «Юм, – по словам Лаппо-Данилевского, – *исправил и дополнил Декарта и Бекона*»³. Лаппо-Данилевский рассматривал отношение Д. Юма к картезианству, прежде всего, опираясь на его «Трактат о человеческой природе» (1738–1740). В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский уделил учению Д. Юма чуть больше страницы, в конспективном режиме перечислив основные идеи английского мыслителя⁴. Значение философии Д. Юма русский ученый видел в том, что он:

«1. *Подорвал религиозно-метафизическую* основы картезианства.

Учение об *относительности познания*, всего более пригодное для *научной философии*. Истина состоит лишь в том, что восприятия правильно относятся нами одно к другому.

2. *Расширил область эмпирических* исследований и на *человеческую* душу, что еще не входило в задачи картезианства.

Приложение “*эмпирического метода к области душевных явлений*” (подзаглавие *A treatise: being an attempt to introduce the experimental method of reasoning into moral subjects*), обуславливающего и научное построение социологии.

3. С *теоретической* точки зрения касался *социологических* проблем, что еще не было сделано Беконем, например, а) в учении об *определении своего “я”* лишь в его отношении к “чужим я”,

б) в учении о *происхождении* общества из *полового* влечения, а затем и опознанного *общего интереса*,

с) в учении о *симпатии*, т. е. о том чувстве радости или горя, которое возникает у каждого, кто взирает на выражение радости или горя у

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 107.

² Там же. С. 108.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 123–124.

других людей или кто живо представляет себе причины таких состояний, в учении о *привычках* и т. п.»¹.

Лаппо-Данилевский также предлагал сравнить взгляды Д.Юма с «теорией моральных чувств» А. Смита (1759) и с «аналитическим изучением начал эгоизма» в «Исследовании о природе и причинах благосостояния народов» (1776). «Т[аким] о[бразом], – заключал Лаппо-Данилевский, – Юм способствовал последующему *научно-философскому, научно-эмпирическому* (позитивному – у Конта) и даже преимущественно *научно-психологическому* трактованию психологии»².

Появление социологи во многом было обусловлено господством во Франции научного мировоззрения, которое, в свою очередь, было следствием усвоения идей английского эмпиризма.

*«Влияние английского эмпиризма еще более обособляет Францию от Германии. В то время как в Германии преимущественно царила догматическая философия (Вольф), а затем и идеалистическая философия, плоды которой обнаружались значительно позднее (Кант, Фихте, Гегель † 1831), во Франции философия попала в подчинение науке, получившей весьма значительное развитие в XVIII и нач[але] XIX в.»*³.

Французские ученые внесли большой вклад в развитие математики (Лагранж, Лежандр, Лаплас, Монж) и естествознания (Ампер, Бюффон, Биша, Кабанис, Кювье, Лавуазье). Успехи точных наук сказались и на разработке вопросов социальных наук. Примером влияния естествознания на социальные науки может служить творчество Кондорсе, автора трактатов «Рассуждения о применении анализа к оценке выборов большинством голосов» (1785) и «Общая картина науки, которая относится к применению исчисления к нравственным и политическим наукам» (1795). Кондорсе еще в большей степени, чем Вольтер стремился приложить «чисто-научные» принципы и методы к изучению явлений социальной жизни, в частности, «исчисление вероятностей к исследованию исторических фактов», что позволяло оценить роль и значение народных масс в истории⁴.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 37–38.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Л. 39.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 115.

«Кондорсе попытался приложить *математическую* теорию вероятностей к определению степени вероятности, с какою можно ожидать то, а не иное решение, принятое большинством голосов... Кондорсе намечает начала *статистического* наблюдения ...и показывает, каким образом *математика* может быть приложена к учению о *ценности*, ценах и других проявлениях хозяйственной жизни»¹.

Лаппо-Данилевский указывал на попытку Кондорсе дать более точную формулировку «теории прогресса», выявить стадии или эпохи исторического развития «гипотетического народа», отмечал уверенность французского ученого в существовании постоянных законов человеческого совершенствования, которые позволят предсказывать будущие судьбы народов и в конечном итоге «водворить истинное совершенствование человека»². Однако в целом вклад Кондорсе Лаппо-Данилевский оценивал несколько скептически: «Постановка проблемы и выводы, сделанные Кондорсе, были исправлены Лапласом и другими учеными, но все же сомнительны»³.

«Французские просветители (Дидро, Гольбах, Гельвеций и др.) стремились внести методы и выводы *естествознания* в область “наук о духе”.

Монтескье, Тюрго, Кондорсе все были порядочно знакомы с *точными*, преимущественно *естественными* науками.

Т[аким] о[бразом] в то время, как в *Германии* особенно интересовались *философией культуры* (Гердер и др.), во *Франции* стали интересоваться *научным* построением социальной жизни, вслед за тем получившим название *социологии*»⁴.

В материалах к лекционному курсу практически нет записей о Ш.Л. Монтескье. Лаппо-Данилевский отсылает здесь к своим публикациям. Так, например, в «Методологии истории» он отмечал, что Монтескье уже подходил к изучению истории с «обобщающей социологической точки зрения». Не чуждаясь рационализма Декарта, он «переходил к научному эмпиризму». Рационализм Монтескье, в частности, сказался в по-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 39–40.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 116–117.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 41.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 41–42.

нимании им законов. Однако поиски причин явлений приводили его к «научно-эмпирическим обобщениям исторических фактов». Подробнее всего Лаппо-Данилевский останавливался на анализе «Духа законов» Монтескье.

«Вообще, Монтескье очень много сделал для выяснения общих “моральных” и физических причин, влияющих на государственный строй и на его законы, но слишком мало остановился на рассмотрении “частных” или индивидуальных причин, объясняющих характерные особенности того, а не иного исторически сложившегося конкретного государства и его законодательства; он рассуждал о добродетели, чести, торговле, земледелии и т. п., как о своего рода сущностях или самостоятельно действующих силах и довольно пренебрежительно относился к их индивидуальным носителям и к их воздействию на исторический процесс; он стремился построить скорее типы человеческих отношений, отвлекая от действительности черты, общие известным ему государствам, чем их историческое развитие»¹.

Во французском просвещении была сформулирована идея прогресса, воспринятая впоследствии позитивизмом и наследованная социологией. Лаппо-Данилевский считал, что впервые идею «о непрерывном прогрессе человечества» сформулировал Ш. Перро «в знаменитом споре о том, кто имеет преимущество: древние ли писатели или современные»².

Однако большее признание идея прогресса получила благодаря Тюрго, во взглядах которого Лаппо-Данилевский видел «склонность к сенсуализму»³. Возможность прогресса заложена в способности человеческих поколений к совершенствованию, обнаруживающемуся, главным образом, «в процессе умственной жизни людей». По словам Лаппо-Данилевского,

«Тюрго пошел дальше Монтескье:

а) он полагал, что *климат* не прямо, а *посредственно* действует на человека и с такой т[очки] зр[ения] критиковал Монтескье.

б) он впервые наметил элементы социальной *статики и динамики*.

1) (*Статика*)

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 112.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 43.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 114.

Consensus universel (взаимозависимость) между наукой, искусством, управлением, нравами, моралью, религией.

2) (*Динамика*). Зачатки теории развития:

Человечество в *общем*, благодаря *связи* поколений между собою, *постоянно*, хотя *медленно*, и не всюду равномерно *совершенствуется*. Совершенствование его сводится гл[авным] об[разом] к совершенствованию в *умственном* отношении, оно проходит три стадии»¹.

В теории Тюрго уже содержалось и учение о «трех стадиях», впоследствии развитое О. Контом. Теологическая, метафизическая и позитивная стадии – это характеристики интеллектуального прогресса, оказывающего влияние и на состояния культурной жизни (охотничье, пастушеское и земледельческое). Лаппо-Данилевский следующим образом излагал теорию Тюрго:

«1) В древнейшее время человек, естественно, предполагал, что разумные невидимые и подобные ему существа производят явления; “все, что случалось без участия в нем людей, стало возводиться к деятельности *божества*; страх перед ним или надежда вскоре породили поклонение ему; и так как боги казались людьми, только более могущественными и более совершенными, чем человек, последний придумал такой культ, который имел в виду таких людей”.

2) “После того, однако, как философы признали нелепость (*absurdité*) таких басен, но еще не приобрели знаний в области естественной истории, они придумали объяснять причины явлений отвлеченными выражениями, вроде: “сущности” и “способности”, выражений, которые, однако, ничего не объясняли, но о которых рассуждали, как если бы они были сущностями новыми божествами, заменившими старые...”

3) “Лишь значительно позднее, наблюдая *механическое* действие, какое тела оказывают друг на друга, люди, на основании этой механики, пришли к другим гипотезам, которые *математика* могла развить, а *опыт* – проверить”»².

«Кондорсе *строже Тюрго* развил некоторые из основоположений соц[иальной] статики и динамики:

1) Consensus universel – между наукой и *практикой* и т. п., между различными науками.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 45.

² Там же. Л. 46.

Конд[орсе] даже скорее указывает на *взаимное действие наук друг на друга*, а не на одностороннюю их зависимость, признанную О. К[онт]ом.

2) Конд[орсе] “впервые”, пользуясь *фикцией* об одном народе, к жизни которого следует относить все последовательные моменты развития, в сущности обнаруживается в жизни различных народов, ясно установил понятие о *непрерывном* развитии, *поскольку* оно сказывается в *социальном прогрессе человечества* (la progression sociale de l’humanité) и придал ему *первенствующее* значение (ср. отношение статики О. К[онт]а к его динамике).

Изображение этого прогресса у Конд[орсе], однако, не правильно; он слишком строго и пристрастно смотрит на прошлое, не указав на *относительную* прогрессивность *каждого* из его моментов. Он в основу периодизации ставит крупные явления *разного* порядка (то научн[ые], то экон[омические], то политич[еские]; он начинает новый период) – А. Comte.

Этот *медленный, но верный* прогресс *беспределен* в том смысле, что представляет *бесконечный* ряд усовершенствований, предел которых нам неизвестен; вопрос о том, окажется ли этот предел *более какой угодно большой величины*, остается, однако, открытым.

О[гюст] К[онт] склонялся даже к мысли, что такой очерк, по крайней мере, относительно некоторых эволюционных серий, имеет *конечные пределы*.

3) Первенствующее значение в соц[иальном] прогрессе человечества Конд[орсе] придавал “*lumière*” (встречается “la lumière des sciences”); прогресс этих *lumiefes* *влечет за собою* и прогресс всех остальных явлений соц[альной] жизни.

4) Едва ли не *впервые* Конд[орсе] *сознательно* попытался *научным* образом, т. е. на основании добытых наукою *общих законов* (lois générales) *предсказать будущее* человечества на основании его прошлого»¹.

Великая французская революция 1789 г. и вызванные ею события сделали изучение общества настоящей практической потребностью. Лаппо-Данилевский связывал революционные события также с потребностью в «социальной организации».

Последним мыслителем, на котором Лаппо-Данилевский останавливался в своем курсе как на предшественнике социологии, был А. Сен-Симон. А. Сен-Симон, считал русский ученый, был не столько теорети-

¹ Там же. Л. 47–48.

ком, «сколько находился под влиянием практической потребности в соц[иальной] реорганизации»¹. Лаппо-Данилевский указывал на основные идеи А. Сен-Симона, имевшие значение для социологии:

«1) Философия и наука должны служить *средствами* социальной реорганизации, *обновление науки* должно предшествовать обновлению общества. В частности, С[ен]-С[имон] полагал, что можно сделать *мораль и политику позитивными науками*, что надо образовать *новую “политику”*, “устанавливающую общие законы” и привести их к одному закону. С[ен]-С[имон] говорил: “для того, чтобы сделать что-либо великое, надо быть *страстным*”; Конт о С[ен]-С[имоне:] “nature beaucoup plus active que spéculative”; он и был страстным поклонником *научного прогресса* и восторженным приверженцем *революции*

С[ен]-С[имон] признавал, что *развитие* (development) человечества – едино и неизменно; благодаря новым открытиям можно узнать *все предшествующие* состояния между *дикарем* и европейцем. Настоящий закон – есть закон прогресса.

(влияние франц[узской] философии?) В своем *умственном* развитии человечество проходит три стадии (закон трех состояний) – теологическую, метафизическую (конституционализм) и позитивную.

(влияние Фергюссона?) В своем *материальном* развитии человечество переходит от военного быта к индустриальному: военные общества сменяются индустриальными.

Пользуясь такими законами можно выводить из них *дальнейшие последствия* (т. е. *предсказывать* будущее), что также имеет *практическое* значение.

2) С 1815 до 1825 († 19 мая 1825) С[ен]-С[имон] отказывается от мысли, что обновление науки должно предшествовать *соц[иальному] обновлению*: *последнее должно идти рядом*.

а) Социальное обновление он сперва считает возможным путем *возвышения заправил индустриального строя* (банкиров и проч.) над представителями *феодалного* сословия и в таком смысле рекомендует *развитие индустриализма*.

б) Позднее, он стремится к социальному обновлению путем водворения *начала братства* в самом индустриализме, для чего прибегает к *религиозно-филантропической* проповеди “*нового христианства*”, с обновленной моралью, а не одной только пропаганды улучшения быта рабочих на началах “*ассоциации*”»².

¹ Там же. Л. 49.

² Там же. Л. 49–51.

В целом Лаппо-Данилевский скептически оценивал взгляды А. Сен-Симона, характеризуя их как «довольно беспорядочные искания»¹. Однако положительное значение французского мыслителя, безусловно, состояло в том, что он ближе всего подошел к формулированию новой положительной науки об обществе – социологии, основателем которой выступил его секретарь и друг О. Конт, которому был посвящен следующий раздел лекционного курса. Находясь под влиянием идей просвещения, в частности, разделяя основные идеи механистического мировоззрения, А. Сен-Симон пытался построить «социальную физику», признавал преобладающее значение разума в социальной жизни, веря в прогресс, приближался к формулированию теории трех стадий в истории развития человечества.

Краткий обзор, предпринятый Лаппо-Данилевским, позволяет обозначить те философские и научные идеи, методы и принципы, которые были восприняты социологией и получили дальнейшее развитие в положительной науке об обществе. Истоки позитивизма Лаппо-Данилевский видел, прежде всего, в предшествующих ему философских концепциях, в идеях века Просвещения и новоевропейской философии, а не в политических событиях и социальных потрясениях. Тот ход мысли, который привел к социологии, русский ученый обозначал как «номо-тетическое направление». Курсы Лаппо-Данилевского по социологии, так же как и подготовлявшаяся в те же годы новая редакция «Методологи истории», были написаны в большей степени в жанре истории идей или истории философских учений.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 139–140.

ПОЗИТИВИЗМ О. КОНТА

На рубеже XIX–XX вв. в русской науке социология (в частности, социальная динамика) часто отождествлялась с философией истории. Интересом к социологии было продиктовано и обращение Лаппо-Данилевского к учению О. Конта. Конечно, к началу XX в. позитивизм был достаточно хорошо известен в России и даже популярен среди русских ученых. Последовательными сторонниками позитивизма были, например, такие товарищи Лаппо-Данилевского по академическому цеху, как Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков и др. Заметно повлиял позитивизм и на формирование философского мировоззрения Лаппо-Данилевского, еще в юности зачитывавшегося «Историей философии» Д.Г. Льюиса. Тем не менее, именно Лаппо-Данилевскому принадлежит один из наиболее обстоятельных и подробных критических разборов учения О. Конта – статья «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). Статья в известном смысле носила заказной характер. Составитель сборника П.И. Новгородцев специально с этой целью обратился к Лаппо-Данилевскому: «Нам нужна статья, в которой была бы раскрыта неудовлетворенность социологической доктриной Конта... Ваша репутация и ваше имя в науке... делают для нас особенно желательным удар позитивизму, нанесенный вашей рукой»¹.

Нет нужды подробно анализировать обширную статью Лаппо-Данилевского (кстати, самую большую в сборнике, занимающую около сотни страниц); это уже сделано в исследовательской литературе. Отмечу лишь основные положения критики Лаппо-Данилевского: догматизм многих построений О. Конта², смешение теоретического и эмпирического уровней знания, подмена научного понимания закона эмпирическим обобщением³, пренебрежение психологией⁴ и отрицание понятия «субъ-

¹ Грехова Г.Н. Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. С. 264.

² Лаппо-Данилевский А.С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 409–410, 415 и др.

³ Там же. С. 411–412.

⁴ Там же. С. 434–435.

ект» и значения личности¹. Главный же упрек контовскому учению состоял в том, что основатель положительной философии попытался построить науку об обществе, не выяснив ее оснований². Позднее, Лаппо-Данилевский к недостаткам контовского позитивизма добавлял пренебрежение статистическим методом при изучении социальных явлений, отрицательное отношение к биологической теории об изменчивости видов, недоверие к политической экономии и правоведению³.

Перерабатывая в конце жизни свою «Методологию истории», Лаппо-Данилевский значительно больше места, чем в предыдущих изданиях, уделил рассмотрению учения О. Конта⁴. Для исследователя позитивизм Конта являлся продолжением номотетического направления в науке и имел своих предшественников. Так, он отмечал, что в критике метафизики Конт лишь «резче формулировал выводы» своих предшественников (Юма, Даламбера, Дидро) и находился под «значительным влиянием» научного движения начала XIX в., впрочем, и здесь следуя за Тюрго, Кондорсе и Сен-Симоном⁵.

Критическое отношение Лаппо-Данилевского к учению О. Конта, однако, не означало полного отказа от наследия позитивизма и безоговорочного принятия неокантианства. И позитивизм и неокантианство воспринималось Лаппо-Данилевским в качестве учений, претендующих на создание научной философии и даже философии науки, что совпадало с доминирующей исследовательской интенцией самого Лаппо-Данилевского – дать научное (прежде всего, теоретико-познавательное) обоснование истории и, опираясь на историю, сформулировать теорию обществоведения. На близость социологии Конта истории русский ученый также указывал, замечая, что Конт «приходил к обобщающему пониманию» истории и социологии⁶.

Статья «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» так и осталась единственной в строгом смысле социологической работой, опубликованной ученым при жизни. Не мог Лаппо-Данилевский пройти мимо позитивизма О. Конта в курсах по социологии, которые он

¹ Там же. С. 478–479.

² Там же. С. 490.

³ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.* Пг., 1923. С. 154.

⁴ Там же. С. 145–154.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Там же. С. 147.

читал, но не подготовил к печати. Причем в рукописях лекционных курсов критическое отношение к позитивизму выражено слабее.

В курсе «Научные основы социологии» Лаппо-Данилевский рассматривал социологические проблемы с точки зрения их исторического становления.

Разбору взглядов О. Конта посвящен раздел «Основание социологии», который начинается с тезисного изложения тех идей просветительской философии, которые повлияли на становление позитивизма О. Конта. Лаппо-Данилевский отмечал, что Конт в теоретическом отношении опирался на идеи Кондорсе, а в практическом – Сен-Симона.

Социология как проект положительной философии исходит из основных положений позитивизма. Прежде всего, она отказывается от постижения сущности вещей, изучает только явления. Одной из наиболее важных идей Конта для Лаппо-Данилевского становится идея единства знания, что позволяет ему самому надеяться на возможность формулирования теории обществознания в качестве локального варианта такого единства. С идеей единства знания связана и идея метода или общенаучной методологии, объединяющей знание. Иными словами, науки объединяет не общий закон или группа законов и даже не общий предмет, а методология. Не случайно сам Лаппо-Данилевский стремился дать теорию обществознания на пути построения единой методологии социальных наук. Импонировал ученому и космополитизм знания, провозглашенный Контом. Можно сказать, что сама личность Лаппо-Данилевского, широта его мышления и эрудиция, разнообразие и обширность исследовательских интересов были зримым воплощением такого космополитизма. Лучше всего значение социологии в позитивизме уясняется благодаря тому положению, которое социология, согласно Конту, занимает в системе наук.

В учении Конта Лаппо-Данилевский выделял три основополагающие темы: общенаучный метод, классификация наук и закон трех стадий. Если методология подчеркивает единство научного знания, то классификация фиксирует специфичность научных дисциплин. Каждая из наук «обнимает группу законов, как бы отграниченных от других таких же групп слабостью человеческого познания»¹. Однако обособленность наук в то же время предполагает их иерархическое единство, систематическую связь. В принципе классификации наук и методологии Лаппо-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 146 - 147.

Данилевский усматривал «гносеологическую току зрения» Конта. Рассматривая контовский закон трех стадий, Лаппо-Данилевский замечал, что не все науки находятся на одной и той же стадии развития¹, так естествознание раньше достигает позитивной стадии, в то время как социальные науки еще пребывают на стадии теологической или метафизической.

Занимая высшее положение в классификации наук, социология опирается на законы, открытые естествознанием, они, по словам Лаппо-Данилевского, «обязательны для социальных явлений»². Однако законы общественных, т. е. наиболее сложных, явлений, не могут быть перенесены на другие области знания.

«Явления, наблюдаемы социологом, зависят от других “простейших”, а также более общих явлений и отличаются наибольшею сложностью; следовательно, он изучает явления наиболее конкретные и частные, т. е. наблюдаемые в наименьшем количестве случаев. Таким образом, при объяснении социальных явлений социолог должен пользоваться законами, открытыми, например, естествознанием: они обязательны для явлений социальных, но не обратно. Тем не менее, социологию должно признать особой наукой, а не простым приложением физиологии: “коллективное изучение вида не может быть выведено исключительно путем дедукции из изучения индивида, ибо социальные условия, модифицирующие действия физиологических законов, как раз и оказываются в таком случае главным предметом изучения”»³.

Отличие социологии от других наук в позитивизме, полагал Лаппо-Данилевский, можно проследить в формальном и реальном (т. е. содержательном) смысле. Социология, согласно Конту, изучает законы общения индивидов в данной социальной среде. Однако такое понимание социологии, считал Лаппо-Данилевский, Конт развил недостаточно, поскольку «уклонялся от построения *причинно-следственной* связи между S и J» и «выключил *психологию* из своей системы»⁴. Конт полагал, что «выводы психологии... должны быть сделаны самой социально-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 60.

² Там же.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 64.

исторической наукой»¹. Сближая социологию с историей, он приходил к «обобщающему их пониманию»².

Конт был уверен в возможности установления законов социального развития. С этой целью он пытался применить к общественным явлениям законы статики и динамики, переносимые из области механики и биологии. «Перенесение их в область социологии, – уточнял Лаппо-Данилевский, – не встречает препятствия в учении о *свободе воли*»³. Более того, Конт, фактически обходит вопрос о свободе воли и ее отношении к детерминизму. Перенося методологию естествознания на социальные явления, Конт «попытался конструировать их законы при помощи “принципа условий существования” и принципа единообразия человеческой организации, а также других исходных положений социальной статики и динамики»⁴. Подробно рассматривая проблему закономерности социальных явлений и методов их изучения в позитивизме, Лаппо-Данилевский приходил к заключению, что отличие социологии от других наук, постигающих общество, состоит в ее практической направленности, в стремлении дать диагноз тому стоянию, в котором находится общество и указать или предсказать возможные пути его развития.

Признавая историческую ценность позитивизма как философского учения, Лаппо-Данилевский видел ограниченность позитивистской методологии, ее односторонность, особенно при анализе общественных явлений. Преодолеть ее ученый пытался, как разрабатывая собственную версию методологии истории, так и в своих трудах по истории культуры. В.П. Корзун отмечает, что «Лаппо-Данилевский последовательно конструировал во многом альтернативную контовской концепцию интеллектуальной истории (не употребляя самого этого термина), включающую на равных правах религиозные и светские принципы знания»⁵. Обращение к исторической гносеологии, которую Лаппо-Данилевский называл «методологией истории», также должно было компенсировать недостатки позитивизма Конта, «выбросившего» теорию познания из своей си-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 147.

² Там же.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 68.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 148.

⁵ Корзун В.П. А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике // Клио. 2013. № 12. С. 77.

стемы¹. Однако критическое в целом отношение ученого к позитивизму не распространялось на социологию, популяризацию и становление которой в России Лаппо-Данилевский много способствовал как своими лекциями, так и организаторской деятельностью в Академии наук. Более того, преобладающая исследовательская интенция Лаппо-Данилевского – дать теоретико-познавательное обоснование истории, а посредством этого и научно обосновать обществознание в целом – совпадала с позитивистской программой по формулированию научной философии.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. С. 145.

ЭТОЛОГИЯ И ТЕЛЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Начало занятиям социологией Лаппо-Данилевского положили его «семинарии» в Санкт-Петербургском университете, первый из которых, продолжавшийся два года (1899–1900 и 1900–1901), был посвящен критическому разбору шестой книги «Системы логики силлогистической и индуктивной» Д.С. Милля. Структуру и содержание этих практических занятий позволяет восстановить рукопись «О социологии», почти половина которой (около 200 листов) отведена изложению теории Милля и ее критике. Не вызывает сомнений, что рукопись «О социологии» содержит материалы, которые Лаппо-Данилевский использовал при подготовке к занятиям в университете. Листы, посвященные Миллю, не имеют общего заголовка, что вызвано, вероятно, поздним составом самой рукописи, которая могла быть собрана вдовой ученого при передаче рукописей в архив. Отчасти это подтверждается тем, что общая характеристика Милля и его творчества, с чего, скорее всего, начинался курс Лаппо-Данилевского, помещены в рукописи отдельно от остальной части материалов о Милле. Один из листов имеет заголовок «Изложение и критика теории Милля» и подзаголовок «Этология и телеология социальных явлений»¹, которые, вероятно, можно считать заглавием всего раздела о Милле.

Краткое изложение шестой книги «Системы логики» Милля дано в посмертном издании «Методологии истории» Лаппо-Данилевского². По сравнению с ним, архивная рукопись содержит более подробную и основательную критику концепции английского ученого. Но она ценна не только как дополнение последнего труда Лаппо-Данилевского; с разбора учения Милля Лаппо-Данилевский начал свои занятия «теорией обществоведения», развитием которой стал его самый известный труд – «Методология истории». Иными словами, практические занятия по «Системе логики» Милля – это исходная точка как его методолого-исторической, так и социологической концепции. Еще в гимназические годы, как отмечал в автобиографии Лаппо-Данилевский, благодаря «Истории философии» Д.Г. Льюиса он познакомился с философской системой позитивиз-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 31.

² *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.* Пг., 1923. С. 155–157.

ма, в том числе, с учением Милля¹. Ряд идей Милля Лаппо-Данилевский постарался интегрировать в собственную методолого-историческую концепцию, признающую значение как номотетического, так и идиографического методов в истории. Прежде всего, Милль был для него одним из представителей номотетического подхода².

При работе над текстом «Системы логики силлогистической и индуктивной» Милля Лаппо-Данилевский опирался на второе русское (перевод Ф. Резенера) издание книги (СПб., 1878) с предисловием и примечаниями П.Л. Лаврова, но при этом он упоминает первое оригинальное издание (London, 1843) и нередко ссылается на французский перевод (Paris, 1897), а также ряд исследований о философии Милля на немецком, английском и французском языках. Шестая книга труда Милля, завершающая исследование, называется «Логика нравственных наук». В издании 1878 г. она занимает более ста страниц (с. 381–507) второго тома и состоит из двенадцати глав: «Глава I. Предварительные замечания», «Глава II. О свободе и необходимости», «Глава III. Что существует или может существовать наука о человеческой природе», «Глава IV. О законах души», «Глава V. Об этиологии, или науке образования характера», «Глава VI. Общие соображения о социальной науке», «Глава VII. О химическом или опытном методе в социальной науке», «Глава VIII. О геометрическом или отвлеченном методе», «Глава IX. О физическом или конкретном дедуктивном методе», «Глава X. Об обратно-дедуктивном или историческом методе», «Глава XI. Добавочные пояснения относительно исторической науки», «Глава XII. О логике практики или искусства, со включением морали и политики». В рукописи текст самого Лаппо-Данилевского строился следующим образом: сначала шло краткое последовательное изложение глав шестой книги с указанием страниц, а после каждой главы детализированная критика. Однако черновой характер рукописи сказался на структуре и даже компоновке текста, состоящего из вставок, дополнений, зачеркнутых фрагментов, параллельно расположенных на листе текстов и т. п. Все это затрудняет воспроизведение рукописи и нарушает (или ставит под сомнение) единство самого изложения. Собственная точка зрения Лаппо-Данилевского сосредото-

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч. I. С. 408.

² Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 116, 118.

чена в критических замечаниях, которые, как правило, отличаются более подробным, развернутым, повествовательным характером, что позволяет вынести их в отдельную публикацию. В отличие от критики, изложение «Системы логики» Милля – это, по сути, конспект, поэтому при его цитировании, как правило, упускаются отсылки на страницы книги Милля.

Общие сведения о Д.С. Милле (1806–1873) и оценка его вклада в науку в рукописи Лаппо-Данилевского приводится лишь на листах 247–252, имеющих заголовок «Введение: Свойства творчества Д.С. Милля». Сама шестая книга «Системы логики» Милля (выписки, краткий пересказ, критика) рассматривается на листах 12–211. Лаппо-Данилевский, в частности, указывает на связь теории с практикой в учении Милля и делает отсюда ряд уточнений о влиянии на него других мыслителей

«...пренебрежение к априорным понятиям, *эмпиризм*. Последний возник у Д.С. Милля под влиянием прямым и косвенным. Прямое влияние: Локк, Юм, Джеймс Милль, Бентам – все были эмпириками. Косвенное влияние: английский эмпиризм повлиял на развитие французской философии в том же направлении. Не говоря о *писателях* XVIII в., едва ли имевших значение для Д.С. Милля (как напр[имер], Бартé) и общим увлечением *опытными* науками во Франции приблизительно в то время, когда посетил ее М[илль] в 1820 г. (химия – наука французская; физика – палеонтология, Лавуазье, Ампер, Кювье и проч.) – на той же почве сложилась и философия *О. Конта* (эмпирическая) – повлиявшая на Д. Милля с 1830–1831 г. Т[аким] о[бразом], Д. Милль – не гносеолог, а эмпирик, он *больше* Юма предан эмпиризму: единственным источником нашего познания, поскольку оно состоит из *новых* идей, должно считать наблюдение и опыт»¹.

Здесь же Лаппо-Данилевский поясняет эмпиризм Милля: «Сущности природы мы не знаем, а только одни явления доступны нашему познанию. След[овательно], логические законы и предпосылки, обуславливающие всякое научное изучение, объяснимы из опыта, глав[ным] образом при помощи теории Джеймса Милля об ассоциации представлений по смежности. Т[аким] о[бразом], объясняется и по мнению Д.С. М[илля] доказывается закон причинноследственности (убеждение в том, что данная причина постоянно порождает данное следствие), идея об единообразии природы.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 247.

В подобных случаях Д.С. М[илль] обыкновенно смешивает вопрос о происхождении понятий (психология) с вопросом об формальной обязательности их для внешнего мира, т. е. с реальным, объективным (а не только субъективным) значением их. След[овательно], Д.С. М[илль] гл[авным] образом теоретик индукции, что и отразилось на его системе логики»¹.

В посмертном издании «Методологии истории» Лаппо-Данилевского Милль отнесен к тому направлению, которое ратовало за сближение философии с наукой. При этом Лаппо-Данилевский отмечал большую зависимость Милля от сциентизма, чем у О. Конта, а из влияний упоминал только Д. Локка и Д. Юма. «Логика» Милля, замечал он, основывается на психологии. О влиянии же учения его отца (Джеймса Милля) Лаппо-Данилевский упоминает лишь косвенно: «...он положил понятие о “неразрывной ассоциации идей” в основу своей системы логики и пытался возвести к нему даже понятие о логической необходимости и о причинно-следственной зависимости, которые, по его мнению, также возникают из опыта»². Итоговый вывод Лаппо-Данилевского из учения Милля совпадает с его рукописными записями: индукция «обуславливает всякую дедукцию»³.

Стремление приложить теорию к практике сказалось в сочинениях Милля по политически вопросам, во многом вызванным его участием в работе английского парламента (в 1865–1868 гг. Милль был членом палаты общин). Еще одной особенностью мировоззрения Милля был индивидуализм. «В связи с ним, – писал Лаппо-Данилевский, – возникла теория об утилитаризме, воспринятая М[иллем]. Уважение к личным правам, собственности и т. п.»⁴.

Краткое пояснение теорий, повлиявших на формирование взглядов Милля, Лаппо-Данилевский давал в разделе «Личные свойства и образование». По его словам, образование Милля породило: «а) его зависимость от ближайших предшествующ[их] и соврем[енных] мыслителей <...> б) его разносторонность»⁵. В дополнение к упомянутым влияниям, Лаппо-Данилевский замечал, что уже в эмпирической теории позна-

¹ Там же. Л. 247–248.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 155.

³ Там же.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 248–249.

⁵ Там же. Л. 249.

ния содержатся «зародыши теории индукции». Подробнее же в рукописи он останавливался на рецепции Миллем идей И. Бентама, в частности, утилитаристской этики, а так же психологии чувствований. Причем, отношение к психологическому учению И. Бентама было у Милля более творческим. Лаппо-Данилевский перечисляет нововведения Милля (порядок нумерации сохранен).

«В числе “*Springs of action*” Милль, отступая и дополняя Бентама, признается, напр[имер]:

10) *spiritual perfection as an end.*

9) *conformity of his own character to his standard of excellence, – for its own sake* в виду требований или укоров собственной *совести*.

8) *moral approbation or disapprobation either to ourselves or our fellow creatures.*

7) *self respect.*

11) *the pursuit of an ideal end for its own sake.*

6) *honor, personal dignity.*

5) *feeling of personal exaltation and degradation.*

4) *love of order, ... of conformity in all things to their end.*

3) *love of power of making our volitions effectual.*

1) *love of action (movement).*

2) *love of ease.*

Значение психологии чувствований – мотив действий – для психологического построения социологии.

О *психологических воззрениях Милля* можно судить лишь косвенно, хотя бы на основании его отзыва о Бентаме и других “диссертаций”»¹.

Разносторонность Милля сказалась в занятиях различными научными дисциплинами. Так, Милль был знаком с естествознанием, преуспел в психологии, политической экономии, религиозной философии, этике, праве, политической философии, занятиях историей (древнегреческой, в том числе, интересовался Платоном, историей французских революций 1789 и 1848 г.), писал о литературе (о поэзии: А. де Виньи, С.Т. Кольбридж). При этом Милль был способен к «широкой разработке одной и той же темы (напр[имер], Логики; или политич[еской] экономии в связи с социологией)»². С годами интересы и взгляды Милля менялись, претерпели заметное развитие.

¹ Там же. Л. 252–253.

² Там же. Л. 250.

«Лишь человек, *почерпнувший* все из собственного мышления и мало знакомый с чужими изысканиями или дошедший до *крайней специализации* способен держаться постоянно одного и того же кодекса мнений.

До 1826 [г.] – *интеллектуалист*, после до 1873 [г.] – *эмоционалист + интеллектуалист*.

Взгляды его *меняются*; напр[имер], теория ассоциации (Д. Юма, Д. Милля) стала сменяться теорией о *единстве психической жизни* каждого индивидуума, о “я”; основные его *атрибуты* – воспоминание и предвидение, за *принципом объединяющим* разрозненных представлений признается реальное существование.

В моральной оценке человеческих действий он отступил от утилитаризма Бентама, сильно оттеняя *субъективный* момент каждого из них (намерения, а не действия только), придавая самостоятельное и реальное значение *альтруистическим* чувствованиям (симпатии и т. п.), а не только собственному интересу (как Бентам) и принимая *качественное* различие между чувствованиями.

В теоретической *социологии* Д. М[илль] все еще состоял под влиянием О. Конта; но в прикладной совершенно разошелся с ним и от *индивидуализма* перешел в известной мере к *социализму*.

Разные издания одного и того же сочинения М[илля] имеют и разное значение в виду делаемых им исправлений; напр[имер], следует иметь в виду различия в зданиях Examination; восторги перед О. Контом в первом издании Логике значительно сглажены в позднейших»¹.

Изложение социального учения Милля Лаппо-Данилевский начинает с вопроса «*Пользительна ли методология общественных наук?*». Он отмечает, что Милль как эмпирик игнорирует дедуктивную точку зрения, в то время как социальные явления относятся к сложным объектам изучения, т. е. их непосредственное наблюдение еще не может служить надежным источником познания и основанием для выработки адекватной методологии. Значит, методология общественных наук должна опираться на общие принципы научной гносеологии.

«Теория познания и принципы познавания (как общие посылки). Как вообще, так и в частности в данной науке; *точка зрения*, с которой производится исследование в мало-мальски определившихся науках, особенно *сложнейших*, частью в виду их *зависимости от простейших*

¹ Там же. Л. 250–251.

наук, частью в виду *сложности изучаемых объектов*. <...> Прямое осуществление методов (по чутью) возможно в сравнительно простых случаях, благодаря чему мы получаем понятие о методах *по их действию*, что, разумеется, всего лучше. Такое осуществление или невозможно или дефектно в *сложнейших* случаях (обществоведении)¹.

Индуктивный подход к изучению социальных явлений, отмечал Лаппо-Данилевский, «1) или окажется *безуспешным*, 2) или, предполагая успех, не будет *убедительным* для других»². Интерес к методологии науки возник, в первую очередь, в философии позитивизма. О. Конт как и некоторые его предшественники группировали науки по степени их сложности. В результате социальные явления оказывались наиболее сложными, а высшее положение в контовской классификации наук должна была занять новая положительная наука об обществе – социология. Критика метафизики и практически всей предшествующей философской традиции приводила в позитивизме к тому, что философии отводилась только методологическая роль. Первые же попытки определить методы социальных наук приводили к редукционизму, т. е. фактическому приложению методов простейших наук к сложнейшим. Так О. Конт, например, пытался распространить законы физики на социологию. Более оправданным примером переноса методологии точных наук на общественные явления Лаппо-Данилевскому казалось применение математических методов, в частности, теории вероятности в статистике. Лаппо-Данилевский также касался вопроса эффективности применения методов биологии и психологии в социологии, при этом предостерегая от смешения переноса методов с переносом законов другой науки, например, биологии. Допустимость переноса методов может быть проверена с гносеологической, методологической и феноменологической точек зрения.

Милль как и большинство позитивистов также не избежал редукционизма.

«Ввиду того, что Милль не усматривал принципиального различия между естественными и “нравственными” науками и даже представлял себе общество в виде простой “суммы” индивидуальных факторов, он полагал, что законы простейших явлений, конечно, должны быть приложены и к изучению сложнейших социальных и исторических фактов,

¹ Там же. Л. 24.

² Там же.

и, значит, уже в логике науки вообще дал “все” то, что лежало в основе построения логики “нравственных” наук, в число которых он включал и историю; тем не менее, в своей системе логики, он отдельно рассматривает логику этих наук, причем касается целого ряда проблем, имеющих ближайшее отношение к истории»¹.

Согласно Миллю «социальная наука» может формулировать общие законы, применимые к явлениям общественной жизни. Однако сложность социальных явлений не позволяет давать надежные заключения, а лишь устанавливать общее направление изменений.

Далеко не все понятия, которыми пользовался Милль, были им отрефлексированы, область значений не всех из них была им определена, многие положения принимались без доказательств. Так, к аксиоматике миллевского учения можно отнести «убеждение в наступлении в будущем той же последовательности, какую мы наблюдали в прошедшем»². В качестве примера Лаппо-Данилевский приводит такое выражение, используемое Миллем, как «безусловная последовательность». Он также отмечает «отсутствие научного различия между терминами условие и причина»³. Термины условие, причина и следствие описывают отношения между явлениями, а не вещами. Они предполагают и определенную временную модальность. Лаппо-Данилевский указывает здесь на четыре возможные позиции:

«1) Ближайшее *предшествующее*. Сосуществование причин и следствий (ежеминутное возобновление причин, каждая из которых вызывает мгновенное следствие).

2) *мгновенно-следующему* (непосредственное примыкание).

3) *неизменно-предшествующее*.

4) *наверно-следующее*.

1,3 – свойства причины.

2,4 – [свойства] следствия»⁴.

Терминологическое различие между «условием и причиной» Лаппо-Данилевский пояснял следующим образом: «Условие – состояние, а не

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 155.

² СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 33.

³ Там же.

⁴ Там же.

событие, более или менее постоянное, б[олее] или м[енее] до сего могущее предшествовать наступлению следствия.

Причина (одно из условий) – событие, а не состояние, б[олее] или м[енее] преходящее, мгновенно вызывающее наступление следствия»¹.

Лаппо-Данилевский специально рассматривал различие «причинно-следственности» и необходимости, связь «причинноследственности» со свободой человеческих действий и ответственностью. Он приводил выписки из сочинений Д. Юма на следующие темы: причины необходимые и вероятные, действия скрытых причин, необходимость как основание воления. Одним из мотивов поведения человека является «сознание ответственности», хотя соотношение волевых усилий, их осознания и мотивации для Лаппо-Данилевского оставались, вероятно, не до конца выясненными. Он ограничивался здесь краткими замечаниями:

«С феноменологической точки зрения

1) Воля не есть особого рода энергия; *сознание усилия* происходит от борьбы между одной частью моего я (т. е. данной совокупности психических сост[ояний]). <...> Т[аким] о[бразом] сознание усилия возникает *post factum, auct factum* – оно своего рода иллюзия (?).

2) Мотив не есть только удовольствие или страдание или ожидание таковых (последнее тоже имеет *реальное* значение) – привычка»².

Для уточнения его понимания причинно-следственных отношений могут иметь значение краткие заметки о терминах «причина», «следствие», «повод», «цель». Фрагментарность этих заметок, их расположение и нумерация позволяет предположить, что это всего лишь набросок плана, который отчасти был реализован в критических заметках о Милле. Отчасти он отсылает к учению о социо-культурном энергетизме, которому посвящены одни из последних страниц рукописи «О социологии».

«I. Причина

1) *Причинность*

а) *Сопровождение*

б) *Эквивалентность.*

Превращение энергии при общении А и В.

¹ Там же.

² Там же. Л. 39.

с) Предпосылка эквивалентности – *непрерывность сознания*.

f(я)_{воля}=действию.

d) Общество не сумма; я=S.

2) *Причина и условие*

а) Условие – *постоянно* по отношению ко множеству разных случаев (среда?) или относительно совершающ[ихся] соб[ытий] в *данный* момент.

Причина – перемена относительно соб[ытий].

Предел данного момента.

б) Причина – эквивалент следствия (не *случайно* разнится от условий), *характеризует* его (*тип*). Постоянная связь п[ричины] и с[ледствия] (*способ*¹ действия).

Условие с противоположными свойствами.

с) В *разных науках* одно и то же явление будет разным: услов[ием] или причиной.

3) *Причина и повод*

Повод (не характеризуя типа след[ствия]) – мгновенно *вызывает* и *определяет* его.

Равнозначимость повода в роли разряжающих цепь причин.

II. *Следствие*

1) *Мгновенность*. Противодействие причине. [Противодействие] поводам.

2) *Наверное* следующее. Групповые соотношения.

III. В каком смысле отношение между причиной и следствием необходимо и не необходимо.

Такое отношение (как *способ* действия?) – *логически* необходимо.

Феноменологически – *условно* необходимо.

Номологически – *частная* необходимость.

Необходимость и повторяемость (всеобщность).

IV. *Цель как одна из причин действия*.

У М[илля] отсутствует.

1) личная цель – усилие воли.

2) объективная цель – коллективная цель.

V. *Вообще*

Психическая энергия и *ее законы*².

Критику учения Милля о причинности Лаппо-Данилевский сопровождает отсылками к тексту «Системы логики», указывая в круглых скоб-

¹ Значение его в обществоведении – прим. А. Л.-Д.

² Там же. Л. 40–41.

ках номер тома и страницы по русскому изданию. Для подтверждения своих положений он нередко ссылается на В. Вундта, в частности, в вопросе о взаимодополнительности рационализма и эмпиризма «в понятии необходимости причинноследственности», о приложении «априорного положения достаточного основания к содержанию опыта», о неприменимости дедуктивного заключения от причины к следствию в биологии и социологии¹, о постоянстве причины или способе действия при различии условий², о цели как причине или мотиве действия³, о понятии эквивалентности в связи с учением об энергии⁴. Попутно Лаппо-Данилевский делает выписки из книги Д. Уотсона «Конт, Милль и Спенсер» (Глазго, 1895)⁵, статьи Р. Иеринга «О задаче и методе теории права» (Журнал министерства юстиции. 1896. № 2)⁶ и работ К. Воландера на немецком языке⁷.

Анализ причинно-следственных отношений Лаппо-Данилевский продолжает при рассмотрении «научного характера психологии» и «понятия о приближенных (а не безусловных науках)».

«а) Можно *принципиально* признавать возможность найти законы данных явлений (еще не найденных или пока еще трудно находимых вообще) и признавать практические затруднения, сопряженные с выполнением подобного рода задачи.

б) Значение основных причин и их действия, но без точного знания второстепенных причин»⁸.

Основные причины, полагает он, могут породить явление, в то время как второстепенные причины лишь видоизменяют его. Взятая в отдельности каждая из второстепенных причин незначительна относительно производимого ею следствия. Совокупность же второстепенных причин может привести лишь к «уклонению» от результатов, производимых основными причинами. Научное знание должно учитывать как действия основных причин, так и совокупность причин второстепенных.

¹ Там же. Л. 42.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 69.

⁵ Там же. Л. 44.

⁶ Там же. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 74–78.

⁸ Там же. Л. 79.

«Комбинация основных и производных законов действия каждой основной и (насколько возможно) каждой второстепенной причины в ее отношениях к соответствующему каждой из них следствию с эмпирическим обобщением (т. е. дедукцию проверить индукцией) касательно всего сложного явления взятого в его целом и дает приближенно-научное значение»¹.

Приближенно-точной наукой является психология. Простейший элемент психической жизни или, по словам Лаппо-Данилевского, первая неразложимая функция – это ощущение. «С появлением простейшего элемента начинается собственно *психологическая* связь»². Задача психологии состоит в том, чтобы проследить однообразие последовательностей психических явлений. Критикуя Милля, он отмечает трудности, с которыми сталкивается построение научной психологии.

«Затруднение при изучении их: причины не входят в состав, а производят следствия.

а) Образование из простейших “идей” сложнейших путем методов *согласия и различия*.

Индуктивно добытые положения сами могут служить основанием *дедукции*, наряду с которой, в виду производного характера следствия, д[олжно] б[ыть] *индуктивное* изучение сложнейших явлений.

б) *Законы* последовательности – последняя задача труднее простого (химического анализа)»³.

Лаппо-Данилевский дает развернутое критическое изложение психологического учения Милля. Так, например, вопрос о свободе и необходимости Милль решает «в чисто психологическом смысле, т. е. в смысле “внутреннего детерминизма” или внутренней мотивации действий»⁴. Он критикует теорию психофизического параллелизма и полагает, что теория ассоциаций не способна объяснить все явления психической жизни, в том числе имеющие отношение к социальному взаимодействию. Более того, Милль игнорирует коллективную психологию, опираясь лишь на выводы психологии индивидуальной.

¹ Там же.

² Там же. Л. 82.

³ Там же.

⁴ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 155.*

Отдельно Лаппо-Данилевский подвергает критическому разбору «учение об этологии, т. е. о “гипотетических” законах образования характера»¹. Этология – это самостоятельная область психологии, формулирующая уже законы (полученные дедуктивным путем), а не базирующаяся только на эмпирических обобщениях. В качестве терминологической альтернативы «этологии» Лаппо-Данилевский упоминает «характерологию» (В. Вундта) и отмечает, что, например, О. Риббек сводил этологию к дисциплине, изучающей нравы и нравственность. Изложение Милля содержит ряд терминологических неясностей: так в одном и том же значении и контексте Милль употребляет такие выражения как: *nature humane*, *character type*, *character individual*. При этом для Лаппо-Данилевского тип характера и индивидуальный характер не одно и то же. В подтверждении этого он ссылается на Ф. Полана² и упоминает теорию Т. Рибо, согласно которой не все индивиды принадлежат к одному типу характера, поскольку могут вовсе выраженным характером и не обладать³. В противоположность Миллю Лаппо-Данилевский воспринимает, характер не как герметическую данность, напротив, он доступен аналитическому изучению, в том числе посредством самонаблюдения и даже экспериментального наблюдения над другими лицами. Также со ссылкой на Ф. Полана он замечает, что делать вывод о характере индивида на основании только одного какого-нибудь его действия не правомерно⁴. Изучение характера возможно при помощи целого ряда индуктивных методов: изучение отдельных актов, метод согласий и различий, метод дедуктивно-индуктивный, метод сопутствующих изменений. Пригодность дедуктивного метода не доказана и, как замечает Лаппо-Данилевский, Милль в сущности пользуется здесь методом обратно дедуктивным.

В разделе «*Научный характер обществоведения*» Лаппо-Данилевский воспроизвел основные идеи Милля о том, что социальные явления должны быть законосообразны, причем подразумевался психологический характер законосообразности. Однако сложность социальных явлений мешает большей частью формулировать их законы; так что даже знание причин и следствий социальных явлений, т. е. знание их простейших законов не гарантирует возможность их применения. Много-

¹ Там же. С. 156.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 88.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 89.

аспектность социальных явлений, свобода воли, которой обладает человек, позволяют выработать лишь приближенное знание о социальных процессах, которое может быть вполне пригодно для руководства, но не для предсказания. Надо понимать, что знание законов дает возможность предсказывать события. Социальное же знание ограничивается принципами, годными для руководства¹.

В главах с VII по X «Системы логики» Милля рассматриваются методы. Лаппо-Данилевский, следуя за ходом изложения Милля, дает их последовательную критику. Он отмечает, что абстрактный или «геометрический» и экспериментальный или «химический» методы не применимы в социологии. Познание социальных явлений требует сочетать результаты априорного рассуждения и апостериорного наблюдения, т. е. «косвенной» проверки. Такой метод Милль называет «конкретно-дедуктивным или физическим».

«Химический метод» опирается на индукцию, которая может быть и не основана на опыте в узком смысле. Лаппо-Данилевский воспроизводит индуктивные и дедуктивные доказательства неприложимости экспериментального метода к общественным наукам.

«2. Дедуктивные и общие доказательства его неприложимости к обществоведению:

а) Исходящее из посылки о том, что $S=J_1+J_2+\dots J_n$, а не $\Sigma(J_1, J_2\dots J_n)$.

б) Исходящее из посылки о множественности причин и о смешении действий в обществ[енных] явлениях в опыте.

1) Мы ставим действие изучаемой причины в совокупность *обстоятельств, точно исследованную* нами.

2) Мы требуем, чтобы ни одно из известных нам обстоятельств *не производило действий, которые можно смешать с действиями* причины, свойства которой мы желаем изучить; или по крайней мере должны *исчислить и определить взаимное влияние* данных причин на того или другого нельзя сделать в политике <...>.

3. *Индуктивные доказательства той же непреложимости.*

A) *Общее*

Множественность причин и их быстротечность препятствуют настоящему опыту. Остается наблюдение ученого над опытами *природы* или политиков-практиков.

B) *Частные по методам.*

а) различия (прямого и косвенного методов различия) <...>

¹ Там же. Л. 97.

У Милля в сущности 2 доказательства неприложимости прямого метода различия:

1) Даны элементы: a, b, c, \dots, n ∞ и две системы S_1 и S_2 , составленные из них. Вероятность предположения, что S_1 и S_2 будут сходны во всех отношениях *кроме одного* близка к 0, ибо если S_1 и S_2 сходны в $\infty - 1$ из своих элементов, то вероятность того, что они будут сходны в *любом* из $\infty - 1$ отношении есть $1/\infty + 1/\infty + \dots$ $\infty - 1 = \infty^{-1/\infty} = \lim(1)$ и обратно.

2) Если даже предполагать, что $S_1 = \Sigma(a, b, \dots, n)$, а $S_2 = \Sigma(\alpha, \beta, \dots, n)$, то при числе элементов $= \infty$ и присутствии в S_1 и S_2 ($\infty - 1$) тождественных элементов, то в S_2 элемент β должен будет согласоваться с остальными элементами ($\infty - 1$), так что при неравенстве между S_1 и S_2

$$\Sigma_1(a, b, \dots, n) = \Sigma_2(\alpha, \beta, \dots, n).$$

<...>

b) согласия (множественность причин).

c) сосуществующих причин (нельзя вывести из множеств[енности] причин).

d) остатков»¹.

В критической части разбора VII главы Лаппо-Данилевский во многом реабилитирует индуктивный метод, который не только лежит в основе эмпирических обобщений, но и в совокупности с методом сопутствующих изменений и рядом других (сравнительный метод, метод остатков, метод согласия и различий) позволяет приблизиться к формулированию законов. Как и ранее, Лаппо-Данилевский сопровождает свои заметки выписками из других авторов (по политической экономии – Д.Н. Кейнс²; о развитии социального сознания у детей – В.С. Монро³) и отсылками к В. Вундту⁴, А. Бернштадту⁵, И.И. Янжулу⁶, Ф.У. Тейлору⁷.

В VIII главе «Системы логики» рассматривается «геометрический», т. е. абстрактный или дедуктивный метод. Существует два рода дедукции: «геометрическая» и «механическая».

¹ Там же. Л. 98–99.

² Там же. Л. 106.

³ Там же. Л. 108.

⁴ Там же. Л. 101, 102.

⁵ Там же. Л. 104.

⁶ Там же. Л. 108.

⁷ Там же. Л. 110.

«Геометрия, изучающая *сосуществование* фактов, а не сил или причин противодействующих или взаимно изменяющих друг друга, – образует *простейшие* дедукции; выводы из одного геометрического принципа никогда не противоречат выводам из другого; след[овательно], каждый ряд их будет правилен.

Механика, принимающая во внимание такие *противодействия и изменения не зависимо от их порядка* – (обратимость их возможна) – образец сложной дедукции <...> Обществоведение действует по тому или другому образцу»¹. Существует и ошибочное применение геометрического метода в обществоведении: «а) исключительное выведение из данного одного закона.

б) исключительное выведение известного одного правила»².

Первая ошибка разбирается на примере учения Д. Бентама, смешение обоих ошибок – на примере Т. Гоббса. Известная формула Д. Бентами «the greatest happiness of the greatest number» была заимствована им у Д. Пристли, встречается она и у Ч. Беккариа, но впервые была высказана Ф. Хатчесоном. Лаппо-Данилевский воспроизводит

«а) *Изложение* политической теории Бентама:

1) Интерес, в смысле *личного* интереса, *вообще (в среднем)* определяет деятельность всякой *серии* или *группы* личностей.

2) Значит, у правительства есть *свои* (эгоистические) интересы.

3) След[овательно], для того чтобы правительство управляло согласно с интересами управляемых, оно д[олжно] б[ыть] ответственно перед ними; общность интересов между теми и другими порождает ответственность правительства»³. Методологическая критика теории Д. Бентама Миллем сводилась к тому, что «правительство не руководится одним только своим интересом, а также долгом, филантропией, общим состоянием чувств и умов, традицией. Правительство согласуется в своих интересах с управляемыми не одной только ответственностью, но и общим интересом, значение ответственности – вспомогательное: она порождает общий интерес в тех случаях, когда его нет, и ограждает в случае опасности при (чрезмерном) проявлении эгоистических интересов правительства»⁴.

¹ Там же. Л. 115.

² Там же.

³ Там же. Л. 116.

⁴ Там же. Л. 117.

Лаппо-Данилевский в свою очередь критикует Милля и его критику Д. Бентама за не ясное изложение основоположений. Так, в частности, он считает, что «оптимизм – основоположений Б[ентама] удовольствие и страд[ание] – не доказанное основоположение»¹, необходимо яснее различать личные свойства, среду и традицию. Основоположением должны служить не личное удовольствие и страдание, а народный характер. Предварительные выводы Лаппо-Данилевского из этой критики сводятся к трем пунктам:

«а) М[илль] не различает *совпадение* интересов в действиях <...> от *сознания* его.

б) Бентам – о зле закона и сдержке т[аким] о[бразом] правительства.

с) Ответственность не только вывод, но и *верное средство*»².

Более подробная критика Милля (Л. 120–133) сопровождается выписками из сочинений самого Милля³ и немецкого психолога Г.Э. Мюллера⁴, сделанные другим подчеркиком.

В IX и X главах «Системы логики» анализируется конкретно-дедуктивный метод, имеющий две разновидности: прямой и обратный.

«а) Прямой начинает с дедукции и кончает ее проверкой.

б) Обратный – начинает с индивидуального или специфического опыта, приводящего к эмпирическому обобщению, и кончает дедукцией закона, лежащего в основе эмпирического обобщения.

Индивидуальный опыт – наблюдение над данным одиночным частным случаем (или малым числом частных случаев, не допускающим еще среднего вывода).

Специфический опыт – операция, благодаря которой мы стремимся достигнуть среднего вывода, напр[имер], статистически средних, вообще эмпирического обобщения; такое стремление может остаться безуспешным, так что эмпирический опыт характеризуется скорее приемами (намерением) исследования, чем добытыми им результатами. Специальный опыт дает *несколько* однородных наблюдений; по которым нельзя подвести статистич[ески] средний.

¹ Там же. Л. 118.

² Там же. Л. 119.

³ Там же. Л. 126–131.

⁴ Там же. Л. 123–125.

В абстрактно-дедуктивном методе эмпирическое обобщение подтверждается и в таком смысле проверяется законом»¹.

Уверенность в истине заключений, получаемых конкретно-дедуктивным методом, достигается благодаря совпадению «закона с эмпирическим обобщением или обратно эмпирического обобщения с законом»². «Степень реального значения заключений», получаемых прямым конкретно-дедуктивным методом, состоит в том, что

«1) благодаря ему мы строим (*une science des tendencies*), тем не менее важную в практическом отношении для достижения общего блага.

2) в силу закона согласованности соц[иальных] явлений (органов) одна и та же причина в разных системах элементов не произведет одного и того же следствия; значит и *вывод* из нее в наличности *данной* системы того, а не другого следствия без знания ее свойств не может иметь места *в действительности*. След[уя] обр[атно-]дед[уктивным методом] можно построить *une science des tendencies*, обобщения которой не могут быть приложимы прямо к действительности.

Осложнение явлений возрастает в меньшей прогрессии, чем понимается достоверность наших заключений; значит *une science des tendencies* м[ожет] б[ыть] построена прямо-дедук[тивным] образ[ом] лишь при *малочисленности* причин *ближайшим* образом вызывающих данные следствия»³.

В качестве примера приложения прямого конкретно-дедуктивного метода Милль приводит сведения из политической экономии и этологии. Лаппо-Данилевский указывает на противоречие в определении Миллем этологии, на то, что народный характер имеет прямое и косвенное влияние, «напр[имер], не только на обычай, но и на власть, значит и на законодательство»⁴ и воспроизводит миллевское понимание народного характера.

¹ Там же. Л. 136–137.

² Там же. Л. 137.

³ Там же. Л. 137–138.

⁴ Там же. Л. 139.

«Характер народа – коэффициент каждого из происходящих в его жизни явлений, окрашивающих их не так как аналогичные явления в жизни другого народа»¹.

Проверка выводов, полученных при помощи прямого конкретно-дедуктивного метода, достигается несколькими путями. Первый из них – это эмпирическое обобщение, а именно:

«1) Путем прямого наблюдения над причинами и их следствиями.

2) Путем косвенного наблюдения над следствиями, и восхождения от них к причинам, причем в таких случаях нельзя дедуктивно определить ни повторяемость, ни относительное значение причин.

Эмпирические обобщения, данные тем или другим путем – лучший способ для проверки закона, выведенного дедуктивно, но не могут заменить его, ибо перенести эмпирическое обобщение на новый не наблюдаемый случай я с уверенностью не могу, если не знаю основных (и более отдаленных, а не только ближайших) причин данных следствий, не могу констатировать наличности таких причин и в новом случае»².

Второй способ: «Проверка путем частных наблюдений, не поддающихся эмпирическому обобщению в виду множественности причин и смешения действий?, при которой надо подобрать столько примеров, сколько может из них быть сочетаний и столько примеров каждого сочетания, чтобы вывести из них его среднюю.

Сравнение же дедуктивного вывода (предсказания) с одним частным случаем, к которому он относится, но который не повторяется, очевидно, не может быть *предварительно* повторено; для теории, однако, важна и *проверка задним числом*, ибо пользуясь такую проверкою относительно фактов данной группы, объясняемой одними и теми же законами, *кроме одного* факта и *post factum*, проверивши наши выводы (предсказания) относительно их, мы тем самым косвенно проверяем *вероятность* объяснения (дедуктивного) нами вышеупомянутого одного факта»³.

Проверка «задним числом» «проверяет достоверность объема сформулированного закона (т. е. действительно ли данный род следствий

¹ Там же.

² Там же. Л. 140.

³ Там же. Л. 140–141.

порожден данной группой причин»¹. Один из комментариев был Лаппо-Данилевским зачеркнут:

«Впрочем Д.С.М[илль] не настаивает ни на том, что *один* факт остается необъяснимым, ни на *вероятности* его объяснения.

Если ($a_1, b_1, c_1 \dots n_1$) причины, вызывающие Σ ($a_2, b_2, c_2 \dots n_2$), то лишь точно зная соотношение между обоими комплексами, т. е. проверивши хотя бы *post factum* таковое, можно вводя новое обстоятельство x предсказывать с достаточным основанием, что за ним последует y »².

Надо заметить, что в собственно критической части разбора IX книги «Системы логики» Лаппо-Данилевский часто цитирует французское издание книги Милля. Выписки же из английского издания сделаны чужим подчеркиком³.

В X книге «Системы логики» рассматривается исторический или обратнo-дедуктивный метод. Особенность его состоит в том,

«что ученый, пользующийся им, начинает свою работу не с рационального вывода из каких-либо психологических или этологических законов социальных и исторических фактов, а с установления эмпирических обобщений данных социальных и исторических фактов, которые он вслед за тем подвергает более глубокому обоснованию, разыскивая-мому в человеческой природе»⁴.

В рукописном варианте Лаппо-Данилевский, прежде всего, пытался проследить зависимость Милля от учения О. Конта в построении исторического метода. Он отмечал «общее доброжелательное отношение к О. К[онту]»⁵ и многочисленные совпадения, которые прослеживал постранично. В области социальной статистики к таким заимствованиям принадлежит «теория *Consensus'a*». Он поясняет понятие о «консенсусе», как «состояние общества», которое частью обуславливает понятие о его развитии или прогрессе, частью обусловлено им»⁶. Примерами такого

¹ Там же. Л. 141.

² Там же.

³ Там же. Л. 145–148.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 156.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 154.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 156.

«консензуса» являются сознание общей социальной цели, лояльность определенным принципам и учреждениям, национальное чувство.

Кратко, назывными предложениями с указанием страниц Лаппо-Данилевский писал о соотношении статистической и динамической точки зрения в историческом методе. Статистическая точка зрения «основана на понятии *consensus'a*». Критик отмечал «согласованность как условие *приоритета* статистической точки зрения над динамической в методе». В ряде положений Милля он усматривал «необходимость индукции»¹.

Статическая точка зрения подчинена динамической. Даже, «если ей и не принадлежит логический приоритет, то она во всяком случае имеет *первенствующее* значение»². Первенствующее же значение динамической точки зрения обусловлено теорией прогресса. Прогрессивный характер в жизни человечества сказывается в воздействии следствия на причины, во влиянии предшествующих поколений на последующие и преимущественной зависимости нашей жизни от прошлого. Прогресс общества Милль, как и О. Конт, связывал, главным образом, с «умственными способностями человека», т. е. с теми его верованиями и знаниями, которые оказываются «главной причиной, определяющей социальный прогресс» и обуславливающей его направление»³. Такое понимание прогресса нашло отражение в «законе трех стадий», согласно которому в развитии человечества преобладают интеллектуальные факторы и, вопреки мнению Г.Т. Бокля, нравственные силы. Интенсивность и ход развития во многом зависят не только от окружающих факторов, но и от предшествующих состояний. Милль прослеживает «зависимость самого существования общ[ественной] группы от преобладающего значения для его поддержания духовных факторов»⁴. В то же время, следует отличать прогресс от совершенствования. Представление о прогрессе является результатом эмпирического обобщения, а не действием закона, хотя оно и приближается «к закону в виду совпадения индуктив[ных] выводов с дедуктивными»⁵. Теория прогресса оправдывает и применение самого обратного-дедуктивного метода.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 155

² Там же. Л. 156.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 156–157.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 157.

⁵ Там же. Л. 158.

Критику исторического метода Милля Лаппо-Данилевский сопровождал выписками на английском языке из его работ, сделанными другим подчерком¹, а также цитатами на французском языке из сочинений Р. Вормса².

В XI главе «Системы логики» Милля Лаппо-Данилевский основное внимание обращал на значение общих и частных причин в деятельности людей, а, значит, и исторических фактов. К общим причинам можно отнести законы «человеческой природы» и внешние условия, в которых совершается история.

«Действия человеческие вызваны человеческой природой согласно общим законам ее действия и общим условиям, в какие она поставлена, а также характерными особенностями тех именно людей, которые действуют под влиянием обстоятельств (естественных или искусственных), в числе коих должны включать и их волю. След[овательно], должно отличать общие причины от частных (характерных особенностей и проч.), порождающих человеческие действия»³.

Законы человеческой природы выводятся а priori и проверяются статистикой:

а) Статистика показывает, что данное действие способно *повторяться* и, значит, зависит от такого свойства человеческой природы, которое оказывается *общим* по крайней мере довольно обширной группе лиц и *постоянным*, по крайней мере в данных пределах времени <...>

След[овательно], если а priori сделанный вывод на основании статистических данных, *несмотря на их шаткость*, окажется *постоянно* применимым к достаточно *обширному* числу случаев в данных пределах времени и пространства, то тем самым справедливость вывода будет проверена.

б) Статистический вывод в точности выделяет из массы общих и частных причин, породивших данный факт, одни общие и определяет, что именно порождено ими.

в) *Значение* (феноменология).

¹ Там же. Л. 164, 169–176, 181.

² Там же. Л. 168.

³ Там же. Л. 183.

1. Так как статистика устанавливает лишь *относительную повторяемость данного факта* <...>, то статистикой нельзя доказать отсутствие развития “нравственных качеств человека” и их совершенствования.

2. Статистический вывод устанавливает такую *повторяемость* лишь постольку, *поскольку она зависит от общих причин*.

В самом деле, статистический вывод есть средняя арифметическая из достаточно большого числа случаев; но чем больше такое число, тем больше вероятность, что подберутся *все возможные* случаи одного и того же рода, т. е. что число положительных отклонений от средней нормы окажется равным числу отрицательных отклонений, и что след[овательно], при суммировке всех возможных случаев количества положительных и отрицательных – взаимно уничтожаются.

Отсюда следует, что *наличность общих причин необходима, но недостаточна для причинения данного факта*; т[аким] о[бразом], например, можно выяснить общие причины, предуготовления человечества к такому состоянию, при котором оно способно подпасть влиянию великого человека»¹.

По мере развития общества значение общих причин возрастает. Исторический факт есть результат действия как общих, так и частных причин. Под частной причиной понимается, прежде всего, деятельность великого человека.

«А) Об *изучении* их (с методологич[еской] точки зрения) М[илль], кажется, говорит мало, а именно только поскольку они воплощаются в великих людях. Статистический прием для общих заключений о них не годится.

Так как великие люди – крайне осложненная совокупность общих и частных причин, то в данный момент появляется только данный великий человек, действия которого, поскольку они представляются положительными отклонениями от средней, *не нейтрализуются* деятельностью противоположной ему личности, поскольку они оказываются отрицательными отклонениями от той же нормы и т. п.; а тем паче не нейтрализуются действиями массы.

Для того, чтобы вывести среднюю из действий великих людей (как хороших, так и дурных?) – потребовался бы бесконечный промежуток времени, не доступный наблюдению, по крайней мере, в наше время.

В) *Значение* (феномен[ологическая] т[очка] з[рения])

¹ Там же. Л. 183–185.

а) *Доказательства относительного их значения:*

2) Если общие причины *недостаточны* для причинения действия, то, очевидно, отсюда следует действительное значение частных причин.

1) Если в *среднем* выводы частных причин взаимно уничтожаются, то из этого не следует, чтобы они не существовали и не действовали в *каждом реальном случае*, взятом порознь.

3. Частные причины нужны для того, чтобы образовалось достаточное количество уклонений, способных взаимно уничтожить друг друга в среднем выводе; последний невозможен без частных причин»¹.

Подводя итог рассуждения Милля о значении общих и частных причин в человеческих действиях, Лаппо-Данилевский писал:

«Роль их в историческом процессе.

1. Общие причины, особенно если говорить о *сознании*, могут действовать лишь воплощаясь в личностях, т. е. в совокупностях общих и частных причин; то же применяется и к великим людям.

2. Для *данного* конкретного случая *наибольшее значение* имеют не общие, а частные причины, чем и объясняется, что в данный момент может появиться только данный великий человек.

<...>

3. Поскольку частные причины воплощаются в отдельных людях (особенно великих) – они способны *ускорить* развитие, но едва ли изменить его процесс и порядок, а также способны оказать влияние на *этические* особенности данной общественной группы, поскольку воплощаются в правителях – *улучшить* государство, а тем паче *предупредить* бедствия»².

В строгом смысле историческая причинность исходит из психологии людей. Внешние условия должны сначала найти отражение в психике людей для того, чтобы стать основой действия. Свою мысль Лаппо-Данилевский формулирует в виде двух положений:

«1) Ведь почва и проч. должна действовать на психические же факторы для того, чтобы вызвать действие, значит нельзя говорить о прир[одн]ых факторах *рядом* с психич[ескими].

¹ Там же. Л. 185–186.

² Там же. Л. 186–187.

2) Почва и проч. является *средою*, в которой *происходят* известные явления, но не объясняет *законов* их, которые в *основе* своей все же будут психическими»¹.

Следующая за изложением XI книги критика взглядов Милля дана Лаппо-Данилевским кратко и тезисно (Л. 188–190), особенно если сравнивать с критикой других глав.

Еще более кратко представлено изложение XII главы и ее критика. Лаппо-Данилевский, в частности, отмечал отличие этики от искусства, поскольку нравственность исходит из категорического императива. В искусстве возможны лишь «*частные* дедукции с проверкой», поэтому «М[илль] в сущности не должен был бы возражать против дедукции в области искусства, а только против ложного приложения ее»². Однако, если исходить из убеждения, что «*система* положений и методов научных предопределяется данными (практическими) целями, в таком смысле искусство – индуктивно»³.

В рукописях Лаппо-Данилевского социологического характера учению Д.С. Милля отведено больше всего страниц, по сравнению с концепциями других авторов, что объяснимо не философскими предпочтениями русского ученого, а обстоятельствами, которые побудили заняться изучением Милля. Критический разбор VI книги «Системы логики» Милля – это первый обществоведческий курс, который Лаппо-Данилевский вел в Петербургском университете. По форме этот курс представлял собой «семинарий», т. е. практические занятия, на которых Лаппо-Данилевский вместе со студентами последовательно разбирал главы книги Милля. Рукопись «О социологии» содержит подготовительные заметки Лаппо-Данилевского к этим занятиям. Разбор социального и методологического учения Милля был важен для Лаппо-Данилевского не только содержательными моментами, но и как первый опыт его собственного философского самоопределения. Критика позитивизма была продолжена Лаппо-Данилевским в статье о О. Конте. Свое философско-историческое учение, полнее всего выраженное в «Методологии истории», Лаппо-Данилевский отчасти формулировал с опорой на те положения, к которым он пришел в результате критики Милля. Отмеченные

¹ Там же. Л. 211.

² Там же. Л. 192.

³ Там же.

им слабые места социальной философии и методологии науки позитивизма, подтолкнули его к изучению другой философской традиции – неокантианства.

В незавершенной редакции «Методологии истории», вышедшей уже после смерти автора, Лаппо-Данилевский вновь возвратился к теории Милля, подводя, тем самым, своеобразный итог своим критическим занятиям. Здесь он подходил к оценке учения Милля как теоретик и философ исторической науки, поэтому его в первую очередь интересовала формулировка исторического метода. Исторический метод, предложенный Миллем, представлял комбинацию принципов социальной статики и динамики, т. е. синхроническое соотношение элементов социальной жизни с учетом их диахронического изменения. Законосообразность исторических явлений, отмечал Лаппо-Данилевский в разделе о Милле, зависит «от «общих причин», обнаруживаемых статистикой, а также выясняет влияние «специальных причин», т. е. личностей и правительств с их индивидуальным характером на ход истории»¹. «Милль рассуждает и об историческом методе, преимущественно с эмпирической точки зрения, но не входит в ближайшее рассмотрение по крайней мере наиболее характерных особенностей методов собственно исторического изучения»². Главный недостаток Милля он видел в том, что тот «слишком мало изучает принципы познания, на основании которых оно получает объективное значение, и ограничивается исследованием его механизма»³. Указывал Лаппо-Данилевский и на «противоречия» в учении Милля:

«он не выясняет, например, чем именно в познавательном отношении история отличается от естествознания, от социологии и других «нравственных» наук; он упускает из виду, что историк не может удовлетвориться «средним выводом» социолога, рассуждает о «неизменных законах исторических явлений», хотя и замечает, что все, зависящее от особенностей индивидуумов в их комбинации со случайным фактом того положения, которое они занимают, не поддается предвидению, и сам признает во многих существенных случаях наличие такой зависимости»⁴.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 157.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Расхождение Лаппо-Данилевского с Миллем состояло, прежде всего, в том, что к уточнению исторической методологии русский ученый подходил как гносеолог, выясняющий априорную основу исторического знания и признающий значение дедуктивных доказательств в истории. Милль же оставался преимущественно эмпириком. Современники (за исключением студентов) были мало знакомы с критикой Лаппо-Данилевским позитивизма Милля. Сам Александр Сергеевич не считал нужным опубликовать свои критические заметки, сосредоточившись на разработке собственной «Методологии истории». Тем не менее, эта критика составляет важную страницу в истории восприятия позитивизма в России. Она не прошла даром. Не случайно П.И. Новгородцев, приглашая авторов для сборника «Проблемы идеализма», именно Лаппо-Данилевского попросил выступить с критикой социологической доктрины О. Конта и позитивизма в целом. Тем не менее, Лаппо-Данилевский не отвергал философию позитивизма, хотя и критически к ней относился. Позитивизм был важен для него как попытка обосновать научный статус философии и гуманитарного знания. В исследовательской практике самого Лаппо-Данилевского ориентация на сциентистский идеал позитивизма привела к разработке вопросов истории науки. По словам С.С. Илизарова, «именно ему, более чем кому-либо другому, отечественная наука обязана тем, что в XX столетии завершился долгий путь превращения истории знаний из исследовательской области в сферу специфической профессиональной деятельности»¹.

¹ Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский – историк науки // Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV). Отв. ред. С.С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2015. С. 63.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

В курсе «Научные основы социологии в их историческом развитии» был предусмотрен раздел «Естественно-научное, в частности, биологическое направление в социологии» (Л. 100–141). Для обозначения этого направления Лаппо-Данилевский также использовал выражение «Биосоциологическое построение, возникшее под влиянием биологии». Ряд положений лекций впоследствии были воспроизведены в новой редакции «Методологии истории» в разделе о Г. Спенсере¹.

Органическое направление получило распространение в послеконтовской социологии благодаря успехам, достигнутым в науках о жизни. Лаппо-Данилевский даже говорит о «подчинении» социологии биологии, проявившемся «в учении об организме (учение о клетке)» и «в учении об эволюции (Ламарк, Дарвин)»². Высвобождение же науки об обществе из-под влияния биологии произошло благодаря «психологическим построениям», которые привели к «падению» органической теории, а также в силу новых задач, возникших перед социологией, которые не могли быть разрешены в пределах органического подхода.

«Биосоциологическое построение» проникло как в область социальной статистики, так и социальной динамики. В социальной статистике оно привело к формулированию органической теории общества, где общество рассматривалось «как бы *организм*». В социальной динамике оно проявилось в эволюционной теории общества. Развитие общества рассматривалось либо «подобно *организму*», либо «подобно *виду*»³.

Формирование органической теории Лаппо-Данилевский относил к 1800–1860 годам, полагая, что она сложилась «под влиянием биологии в морфологической стадии ее развития». Раскрывая предысторию органического взгляда на общество, он писал о тех предпосылках, которые привели к формулированию данной социологической концепции.

«1) Вообще под влиянием *аналогии между индивидуальным (организмом) и организмом социальным*. Платон. Гоббс. Органическая теория государства.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 158–162.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 101.

³ Там же. Л. 102.

Спенсер заявляет, то он сходится с Контом на “аналогии между индивидуальным организмом и организмом социальным, предвиденным Платоном и Гоббсом”. Впрочем, в данном случае Спенсер находился, скорее, под влиянием Бэра.

2) В частности, под влиянием аналогии между *многоклеточным организмом и обществом*.

Уже Malpighi учил, что всякое организованное существо состоит из *клеток* (1628–1694).

Mohl, Schleiden и в особенности Schwann (1839) содействовали обоснованию учения о клетке, как об основной единице всякого органического строения и у растений, и у животных.

По аналогии социологи сделали отсюда выводы:

а) Можно *свойствами единицы строения объяснять свойства* образованного из нее целого.

б) *единицей* общественного строения надо признать *семью*, способную, подобно клетке, размножаться, а не отдельного индивида.

<...>

в) *полизоизм организма*, т. е. некоторого “сообщества” живых существ-клеточек поддается более детальному сопоставлению с настоящим обществом, понятие о котором уже содействовало его образованию»¹.

Лаппо-Данилевский пояснял, что уже А. Сен-Симон придавал семье значение «единицы общественного строения», а Р. Varth проводил аналогию между клеткой и семьей. Клеточная теория увлекла и Г. Спенсера. Однако прямолинейно проводимая аналогия вызывала у Лаппо-Данилевского вопросы, граничащие с недоумением; он видел явные несоответствия между сознательно-волевой природой общества и его слишком буквальным биологическим истолкованием.

«Спенсер находился под влиянием возникшей в конце 1830-х и начале 1840-х гг. *новой теории об органической клетке* (Шлейден, Шванн, Кёлликер).

Подобно тому, как исходя из свойств клетки, можно объяснять свойства организма, Спенсер, приравнивал *индивида* в обществе к клетке в организме, так возможными *свойствами индивида объяснялись свойства социального агрегата*; из природы единиц необходимо происходит природа социального агрегата.

¹ Там же. Л. 103–104, 106.

Между тем, в основах социологии (включающей и нечто в роде истории с социологической точки зрения), Спенсер характеризует *идеи* человека об одушевленном и неодушевленном, *идеи* о сне и сновидениях и проч., *идеи* о душах и проч., о загробной жизни и т. п.

Каким образом отсюда можно *вывести* органическое строение *даже первобытного* общества, состоящего из единиц, наделенных такими *идеями?*»¹

Основная часть раздела в лекциях отведена, конечно, Г. Спенсеру, хотя Лаппо-Данилевский упоминал и других последователей «органической школы»: Шеффле, Лиленфельд, Вормс. Материалы к лекциям содержат выписки двух определений социологии, которые Спенсер дает в «Основных началах» и «Основах социологии». Первое определение взято из § 111 «Основных начал». В лекциях русского ученого оно приводится в следующей формулировке:

«Есть факты, которые нельзя наблюдать в организованном теле, взятом в отдельности; но которые вызываются действиями (ср. function), которые такие тела, в данном агрегате, оказывают или друг на друга или на тела неорганизованные. Хотя явления подобного рода в зачатках уже заметны в среде низших организмов, однако, они ясно обнаруживаются только в человеческих обществах; поэтому мы и можем считать их (явления) присущими (характеризующими) социальную жизнь”. (Г. Спенсер. Основн[ые] начала. § 111).

След[овательно], явления социальные, г[лавным] о[бразом], – суть *действия одних индивидов на другие*»². Второе определение взято из § 2 «Основ социологии». «Социология занимается тою формою развития, “которая обнимает собою все процессы и продукты, предполагающие *координированные (combinés) действия многих индивидов*, координированные действия, посредством которых достигаются результаты превосходящие по своей величине и сложности результаты, достижимые путем *их индивидуальных действий*”»³. Сравнивая эти два определения, Лаппо-Данилевский замечал, что во втором сделано «два существенных добавления, дающие понятие о содержании действий индивидов друг на друга:

¹ Там же. Л. 105.

² Там же. Л. 132.

³ Там же.

1) Координированность их; телеологический принцип такой координации (сознание общей цели) – здесь не высказан, но высказывается в Осн[овах] соц[иологии] т. II. § 213.

2) Относительная значительность результатов:

Если $a=f(x)$, $b=\varphi(y)$, то $F(x,y)$ или $F\{\Sigma(x,y)\} > a+b$ ¹.

В набросках статей и конспектах лекций Лаппо-Данилевский часто использовал математические формулы. В опубликованных же работах ученого математические формулы, как правило, не встречаются. Увлечение математикой, которой он занимался еще со студенческих лет под влиянием младшего брата Сергея Сергеевича, обучавшегося на математическом отделении университета, Лаппо-Данилевский сохранил на протяжении всей своей жизни. Впоследствии его старший сын Иван Александрович стал известным ученым-математиком членом-корреспондентом Академии наук СССР. В математике Лаппо-Данилевский, возможно, видел одно из средств формулирования или моделирования некоторых положений теории обществознания, к созданию которой он собирался приступить. Первым шагом на этом пути была разработка теоретико-познавательных проблем исторической науки (методология истории).

В лекциях Лаппо-Данилевский указывал основные произведения Спенсера, на которые он ориентировался при изложении его доктрины: «Social status» (1850), «First Principles» (1862), «Principles of Biology» (1867), «Principles of Sociology» (1877–1896).

«Биологическое построение (а не социальная физика) общества предложено Спенсером еще в Social States, 1850 – здесь уже все существенное; развитие положений в The Social organism (1866), потом помещенное в Essays; The study of Sociology 1873; The principles of sociology, особенно т. II, гл. II.»².

Спенсера Лаппо-Данилевский относил к «научным представителям теории», отличительная особенность которых состояла в том, что они:

«1) лишь *сравнивают* общество с организмом,

¹ Там же. Л. 133.

² Там же. Л. 110.

2) и [усматривают аналогию] *не* в внешних формах (мозг = правительство; артерии = пути сообщения; кровяные шарики = деньги и т. п.), а в общих *процессах* органической и социальной жизни.

<...>

3) Спенсер полагает, что “*принцип, управляющий расположением составных частей*” организма аналогичен принципу, управляющему расположением составных частей общества.

Сам он, однако, замечает: “пока члены некоей группы не комбинируют своих сил в виду одной или нескольких общих *целей*, нет и связи, которая могла бы объединить их” и различает в социальной организации “самопроизвольную кооперацию, осуществляемую (людьми) без преднамеренности, когда каждый из них преследует свою частную цель” от “кооперации, сознательно установленную в виду отчетливо сознанных целей общественного интереса”»¹.

Эвристическая ценность аналогии между организмом и обществом оказалась довольно ограниченной, а ее научный потенциал был быстро исчерпан, так что уже «сами приверженцы биосоциологического построения пришли к его отрицанию». Так «Спенсер говорил об обществе, “как” об организме – аналогия – доказательство есть очень слабое. Шеффле, принадлежавший к органической школе (Bau und leben), заявлял, что *простая аналогия* между организмом и обществом может быть опущена без вреда для социологического построения (Aufbau der Soziologie)»². Сам Спенсер указывал на невозможность «основательного объяснения коллективной [деятельности] людей без предварительного основательного объяснения *мыслей и чувств*, которые вызывают их личную деятельность»³, а шире – без психологии.

К органическим концепциям в социологии относится и эволюционная теория общества. Влияние органической теории на эволюционное учение сказывалось как в отрицательном, так и в положительном отношениях.

«1) *Отрицательное.*

Учение об органической клетке *сближало* два мира: растительный и животный, но вместе с тем, возводя их к *одной и той же единице строения*, стирало *принципиальное различие* их форм; такое различие

¹ Там же. Л. 109, 111.

² Там же. Л.113.

³ Там же. Л. 114.

стали объяснять процессом их *роста или развития* (Merz), которое стало таким образом условием образования “разнородного” из однородного, процессом образования данной в его результате индивидуальности (вида или индивидуума).

2) Положительное.

Понятие об организме тесно связано и с понятием об *органическом развитии*.

Бэр, основатель эмбриологии (гл[авным] об[разом] в трудах 1819–1837 гг.) содействовал укреплению такого понятия, в смысле эпигенезиса, применительно к изучению органического развития зародыша, но тем не менее, был еще *чужд учению о происхождении видов*. Он только полагал, что онтогенезис важен для таксономических целей (группировки животных типов, типов организаций и т. п.), а не для изучения филогенезиса (Merz).

Спенсер находился еще под заметным влиянием органической теории, в смысле подготовляющего ее значения для эволюции и, в частности, под влиянием Бэра»¹.

Лаппо-Данилевский полагал, что свои основные «теоретико-познавательные выводы» Спенсер почерпнул из сочинений Гамильтона и Манселя (Mansel). Эти выводы сводились к следующим положениям:

«он полагал, что познание относительно, что оно ограничивается познанием явлений и т. п., но главнейшее его значение и состоит в том, что он – “*философ эволюционизма*” и что он приложил тоже учение и к социологии, он познакомился нею под влиянием Бэра (процесс превращения однородного в разнородное; термин “дифференциация” – уже у Бэра) и Ламарка (из геологии Ляйелля – см. *Gaupp*)»².

«К концу 1857-го года Спенсер уже пришел к мысли что “закон развития” мог бы послужить основанием для его системы философии, а 6 января 1858 набросал первый план своей системы синтетической философии»³. Далее Лаппо-Данилевский приводил выписки на английском языке из работ Спенсера⁴.

Из эмбриологического учения К. Бэра Спенсер почерпнул и свой главный социологический закон дифференциации частей при интеграции

¹ Там же. Л. 115–116.

² Там же. Л. 118.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 119–121.

целого. Однако закон общественного развития, формулируемый Спенсером, замечал Лаппо-Данилевский, выводился все же из механического принципа «постоянства силы».

«Наука нуждается только в одном – единственном (механическом) принципе, который стоит за пределами опыта, так как он служит ему основанием, а именно – в “постоянстве абсолютной силы” (persistence de la Force), представляющей ничем не обусловленную реальность, без начала и конца. Пользуясь им, он рассуждает о протяженности и противодействии тела, занимающего известное положение в пространстве, об энергии, положим о его весе и т. п. Тот же принцип лежит и в основе закона развития, обуславливает его.

Спенсер устанавливает закон развития с *механической*, а не биологической точки зрения:

I. “закон развития есть закон перераспределения материи и движения”¹.

1) *Интеграция* есть переход в более сплоченное состояние; она сопровождается рассеиванием движения;

2) *дифференциация* есть переход материи из состояния более однородного в состояние менее однородное (т. е. разнородное).

Оба процесса *соотносительны*: *разнородность* частей предполагает и соотносительную их *связность*, происходящую вследствие потери движения и интеграции материи.

3) “*определенность*” (*организация?*) есть переход материи из неопределенного состояния в определенное состояние, т. е. в *организованное целое*, рассматриваемое как относительно постоянное целое, в котором определенность взаимоотношения частей возрастает, беспорядок сменяется порядком.

Вода при переходе из жидкого состояния в твердое (лед) подвергается интеграции, т. е. сплочению перераспределенных ее частиц, сопровождаемой рассеянием силы, способной вызвать лопание того сосуда, в котором она содержится»¹.

Перераспределение движения обнаруживается как в процессах интеграции, так и дифференциации и определения; «эволюция, как большая определенность движения», – уточняет Лаппо-Данилевский².

¹ Там же. Л. 122–124.

² Там же. Л. 125.

«Эволюция есть интеграция материи, сопровождаемая потерей движения, в течение которой (т. е. интеграции?) материя переходит из несплоченного состояния в сплоченное, разнородное и определенное состояние, причем удержанное ею движение подвергается подобному же превращению.

Тот же закон доказывается *индуктивно* (в связи с предшествующим изложением) и *дедуктивно* из принципа постоянства силы при посредстве

- 1) закона непостоянства однородного,
- 2) закона многообразия (или осложнения?) последствий,
- 3) закона выделения подобного из группы»¹.

Здесь же в конспекте лекций Лаппо-Данилевского находятся выписки из статьи Н.Т. Thelton «Spenser's Formula of Evolution» в «The Philosophical Review» (1910. V. 19. P. 253–254)².

Социология, приводит Лаппо-Данилевский слова Спенсера, «есть наука о надорганическом развитии». Приложение закона эволюции к социологии означает, что интеграция в обществе понимается как сплочение. Например, «сплочение материи, т. е. сплочение более мелких общественных групп в более крупные (семья – племя – нация – союз наций)»³. Затем, сплочение силы, проявляющееся, в частности, в централизации власти. Примером интеграции может служить образование общего литературного языка.

Дифференциация в обществе проявляется в возрастающем разнообразии общественных групп, социальных элементов, разделении труда, специализации занятий. Дифференциацию в культуре мы можем видеть в образовании новых слов и частей речи в языке, в образовании наречий, в отделении друг от друга письма, живописи и скульптуры. Лаппо-Данилевский ссылается на исследования А.Н. Веселовского, указывая на первоначальный синкретизм поэзии, музыки и танца и их последующее обособление. Аналогичные процессы происходили в литературе, архитектуре, драме, одежде и др.

Организация общества означает определенность:

«а) все более совершенное приспособление действий к целям (?).

¹ Там же. Л. 126.

² Там же. Л. 127–130.

³ Там же. Л. 136.

б) *Возрастающая определенность* в соотношении частей: она мала в *кочующем племени*, не имеющего постоянного жительства и устойчивой организации, и велика в культурной нации.

с) Смена “бессознательной (spontaneous) кооперации, развивающейся без участия мысли во время преследования частных целей”, кооперацией, придуманной сознательно, предполагающей ясное признание общественных целей”.

д) смена *военного типа общества – промышленным* (между ними еще смешанный тип)¹.

Разновидностью органической теории в приложении к обществу является социальный дарвинизм. Основные принципы дарвинизма Лаппо-Данилевский формулировал следующим образом:

«1) *Борьба за существование* господствует в органическом мире.

2) *Наиболее приспособленные* к данным условиям, переживают тех, которые менее приспособлены, и оставляют более *многочисленное потомство*.

3) Благодаря органической *наследственности* потомство приобретает всякое индивидуальное *уклонение* от типа, *выгодное* для вида в борьбе за существование (естественный подбор).

4) Следовательно, наиболее приспособленные (в особенности, если они унаследовали выгодные уклонения от типа) оказываются *победителями* в такой борьбе»².

Идеи Ч. Дарвина в приложении к анализу общества были развиты последующими мыслителями. Так к принципу борьбы за существование обращались Гумплович, рассматривавший с этой точки зрения политическую борьбу рас и национальностей, Новиков, Soria, Ваккаро (Vaccaro). В работах Ratzenhofer и Ваккаро («Les bases sociologiques du droit et de l'Etat») нашел отражение принцип приспособления, а принцип наследственности (естественный отбор) стал исходной точкой социологических построений Saponde, Амона и того же Ваккаро. В обзоре учений социалдарвинизма Лаппо-Данилевский ссылался на книгу М.М. Ковалевского «Современные социологи». В «Методологии истории» Лаппо-

¹ Там же. Л. 131, 136.

² Там же. Л. 139.

Данилевский несколько подробнее раскрывал этот сюжет, останавливаясь на работах Гумпловича, Ваккаро, Гроппали и Мюллера-Лиера¹.

Социал-дарвинизм Лаппо-Данилевский оценивал как частный случай индивидуалистической этики.

«Согласно биологическим законам, каждый вид живет лишь если он сохраняется и постепенно развивается (переживание наиболее приспособленных). Переживание наиболее приспособленных предполагает, однако, что каждый индивидуум должен быть подчинен влиянию своей собственной природы и проистекающего из нее поведения (Verhalten), если только последнее не мешает такой же деятельности других.

Социальная справедливость опирается на тот же закон; она признает, что каждый имеет свободу делать то, что он хочет, ограниченную только такою же свободой другого.

Отсюда индивидуализм Спенсера: государство существует только в качестве средства для охраны права каждого его члена на такую свободу (Graupp)»².

Значение органической теории общества Лаппо-Данилевский видел в применении ее положений к изучению частных социологических тем.

«Принцип эволюции (а не частные положения Дарвина) повлиял на целый ряд социологических исследований касательно развития семейных отношений (Starcke, Westermarek, Ковалевский), развития идей (Тейлор, Спенсер, Лэнг, Westermarek и др.), развития хозяйства (Starcke, Ковалевский, Grosse и др.), развития учреждений (Спенсер, Maine, Ковалевский)»³.

В качестве очередной попытки построить общую теорию социологии на основе эволюционного учения Лаппо-Данилевский приводит книгу А. Ggoppali «Elementi di Sociologia» (Genova, 1905). А. Гроппали изучает, главным образом, «la genesi e la evoluzione» общества и семьи, экономических, юридических, политических, моральных и религиозных, артистических и научных явлений.

Лаппо-Данилевский в целом критически оценивал органическое направление в социологии. Свои возражения он сформулировал во мно-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 180–183.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 137.

³ Там же. Л. 141.

гом исходя из неокантианского учения, подход которого к изучению общества русский ученый считал более приемлемым для современной социальной науки. Возражения Лаппо-Данилевского сводились к следующим положениям:

«Механический закон развития, однако, оказывается *недостаточным* для социологии:

1) он оказывается слишком общим понятием, не покрывающим *процесса индивидуализации* того, кто развивается.

2) он приводит к понятию о механическо-органическом процессе *саморазвития* (*evolution spontanée*), которое совершается само собою *без сознательного* воздействия человеческого сознания, ставящего себе абсолютные цели.

3) он не дает понятия о *психическом развитии* о[бществ]а, о “телеологическом” процессе (Ward), о *человеческом прогрессе*»¹.

Лаппо-Данилевский упоминал, что, в частности, Н.К. Михайловский и Л. Уорд возражали Спенсеру с «психологической точки зрения». Лаппо-Данилевский дает более разностороннюю критику органицизма. Биосоциологическое направление игнорирует индивидуальный характер социально-исторических явлений, их не повторяемость, невозможность буквального воспроизводства одной и той же родовой формы. Органицизм упускает из виду не только мысли и чувства людей, но и ценностно-смысловые основы социальной жизни, целенаправленную сознательную деятельность индивидов, причем, эта телеология может быть мотивирована не только рационально, но и ценностно.

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский, рассматривая учение Спенсера, касался не только эволюции, но и противоположного ей процесса диссолюции (поглощения движения и дезорганизации материи). Впрочем, как замечал исследователь, Спенсер уделял процессу диссолюции значительно меньше внимания, чем эволюции. Социально-исторический процесс, с точки зрения Спенсера, представлял собой чередование эволюции и диссолюции, что позволило Лаппо-Данилевскому оценить теорию английского социолога как разновидность циклического подхода.

Ни в «Методологии истории», ни в лекциях по социологии Лаппо-Данилевский практически не затрагивал работ российских последовате-

¹ Там же. Л. 138.

лей натуралистического направления в науке об обществе. Он лишь кратко упоминал П.Ф. Лилиенфельда, который, как и некоторые другие авторы (например, Шеффле), доводил аналогию между организмом и обществом «до крайности»¹.

Органический подход и используемую в нем редукционистскую методологию Лаппо-Данилевский считал уже исчерпанными в науке об обществе. И хотя в начале XX в. дарвинизм в социологии еще не был до конца преодолен, Лаппо-Данилевский полагал все подобные попытки не свободными от «односторонних преувеличений»². Уподобление общества природе (в физикалистском или органицистском вариантах) исходило из убеждения в законосообразности социальных процессов и было уверено в возможности вывести такие законы из законов природы, но оказалось не способно раскрыть специфику социально-исторической жизни; указывая на сходство социальных организаций с природными явлениями, оно не могло объяснить источник их различия. Преодолению органицизма, думал Лаппо-Данилевский, может способствовать разработка теоретико-методологического и гносеологического подхода в общественных науках, которая была предпринята неокантианством. Однако неокантианский проект Лаппо-Данилевский, вероятно, считал еще не завершенным, почти не затрагивая его в своих лекциях по социологии. Неокантианская установка полнее всего была реализована в трехгодичном курсе «Методологии истории», читавшегося Лаппо-Данилевским в Санкт-Петербургском университете, наиболее полное издание которого вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 гг.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 169.

² Там же. С. 181.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Позитивистский проект новой науки об обществе – социологии – был подхвачен русскими мыслителями последней трети XIX в. Некоторые из них занялись популяризацией социологического знания, другие старались предложить оригинальную трактовку социологических проблем. Так возникла «субъективная школа», долгое время воспринимавшаяся в качестве «русской социологической школы». К начала XX в. в российской социологии доминировали три направления: позитивистское, неокантианское и марксистское. Позитивизм исходил из убеждения в единстве природного и социального миров, полагая, что в обществе действуют те же законы, что и в природе, или социальные законы должны быть подобны естественным законам. Позитивистская социология предлагала различные варианты редукционистской методологии, намереваясь объяснять общество исходя из условий природно-климатической среды в географическом детерминизме, природы физического мира (прежде всего, механики) у О. Конта, биологической природы (в органицизме) или психической природы человека. Поиск аналогий и заимствование методологии естествознания часто приводили к потере специфики социально-исторических явлений. История и социальная жизнь воспринимались как продолжение действия стихийных сил природы. Общество возникало и развивалось не само по себе, а в результате приложения асоциальных или даже антисоциальных сил. В XIX в. заметных успехов добилась психология, постепенно преодолевающая картезианский дуализм *res cogitans* и *res extensa*. Причем суверенитет *res cogitans* постоянно сокращался пропорционально успехам экспериментальной психологии. Казалось, что еще не много и тайники души будут выведены на свет тем самым *cogito*, которое своими достижениями опровергает собственное существование. На волне успехов психологии возник соблазн выводить из психической (чувственно-волевой, инстинктивной) природы человека и его социальное поведение. Так появилась психологическая социология.

Психологическая социология, казалось, интернализировала социальную причинность и закономерность. Здесь общество повиновалось уже не безличной внешней необходимости, а следовало изводам человеческой души, ее желаниям, чувствам, волениям или инстинктам, т. е. тем, что непосредственно дано человеку, непосредственно ему знакомо.

Однако это знакомство, эта кажущаяся очевидность в скором времени обернулась прорывом еще менее известной и понятной силы. Зов природы оказался голосом иррационального.

В курсе «Научные основы социологии» Лаппо-Данилевский рассчитывал затронуть и психологическое направление в социологии. К сожалению, в рукописных материалах курса этот раздел – один из самых кратких. Большинство тем и сюжетов, которые Лаппо-Данилевский рассматривал в лекциях по истории социологии, вошли в перерабатываемую им в конце жизни «Методологии истории». Однако материалы, посвященные психологическому направлению в «Методологии истории», практически, отсутствуют. Это вызвано, по-видимому, тем, что Лаппо-Данилевский не завершил работу над новой редакцией своего главного историко-теоретического и философского труда. «Методология истории» 1923 г. представляет, фактически, историческое введение в теорию исторических и социальных наук. Лаппо-Данилевский успел рассмотреть в ней только историю «номотетического направления». Насколько полным был такой взгляд, сказать трудно именно в силу незавершенности самого труда. Тем ценнее являются те немногочисленные записи лекций 1911 г., в которых ученый анализировал психологическое направление в социологии. Надо заметить, что в те годы, когда Лаппо-Данилевский работал над своими лекциями и «Методологией истории» психологическое направление переживало «второе дыхание». Вызвано это был успехами бихевиоризма. Уже вскоре и социологическая наука взяла на вооружение достижения «рефлексологии». Все это не могло пройти мимо Лаппо-Данилевского. Достаточно сказать, что крупнейший представитель бихевиористской социологии в России в те годы, П.А. Сорокин, был секретарем и активным деятелем возглавляемого Лаппо-Данилевским Русского социологического общества. Правда, в 1911 г., когда Лаппо-Данилевский готовил свои лекции, П.А. Сорокин еще не заявил о себе в социальной науке. Лаппо-Данилевский же в это время завершал работу над своим главным историко-теоретическим и философским трудом – «Методологией истории».

Психологическое направление в социологии, полагал Лаппо-Данилевский, было альтернативой контовскому физикализму и спенсеровскому органицизму в рамках самого позитивизма. И хотя основоположник социологии пренебрегал психологией, отказывая ей в праве называться наукой, развитие социологической мысли реабилитировало

психологию. Это был первый шаг возвращения науки об обществе от физикализма, органицизма и географического детерминизма к человеку.

«1) Конт *упразднил* из своей системы наук психологию, что повело к *вторжению биологии* в область социологии и, вопреки пониманию самого Конта, грозило лишить последнюю ее *самостоятельного* значения. Но быстрое *развитие психологии*, в особенности благодаря *Гербарту* и *Миллю* (Games Mill), с 1820-х годов, а затем *Спенсеру* (1855 г.) и мн[огим] др[угим] уже не позволяло выключить ее из системы наук: *Бенеке*, *Вундт* и др. указывали на значение психологии и для социальных наук.

Вскоре *сами представители органической школы* (Спенсер, Шэффле) – стали изменять ему и признали *существенное значение психологии для социологии*.

2) Вместе с тем социологи стали интересоваться простейшими, наиболее элементарными социальными явлениями –

а) *явлениями психического взаимодействия* между двумя или несколькими индивидуумами,

б) *явлениями коллективного сознания* более или менее значительных социальных групп и соответствующих *реакций*,

с) *законами образования* народного характера и находящимися в зависимости от “*народного духа*” – *продуктами его культуры*.

Хотя указанные направления развивались *не совсем в той последовательности*, в какой они перечислены здесь, однако, придерживаясь ее, всего удобнее выяснить их характерные особенности и взаимоотношение»¹.

Свои рассуждения русский ученый подкреплял выводами Л. Уорда о психологии и ее значении для социологии, ссылаясь, в частности, на его «Динамическую социологию» и «Чистую социологию».

«Человек не только живет, но имеет *сознание своей жизни*, обладает способностью *делать выбор* между мотивами своих действий; его воля (в психологическом смысле, как сумма всех потребностей человека) – главная социальная сила; психические силы или психические факторы объясняют социальный процесс и двигают цивилизацию»².

¹ Там же. Л. 144, 146.

² Там же. Л. 145.

Рассматривая психологическое направление, Лаппо-Данилевский останавливался лишь на двух учениях, выросших на почве психологизма: социальной психологии и психологии народов. Ища опору в психической природе человека, социология сначала обратилась к коллективной психологии, социологии массовых явлений. Самым типичным представителем «социальной психологии» Лаппо-Данилевский считал Г. Тарда. Он кратко останавливался на его биографии, указывая на влияние учения Лейбница (через А.О. Курно) о монадах и теории А. Шопенгауэра на взгляды французского социолога и криминалиста.

«Тард *исходил* из учения Лейбница о монадах и, считая его достаточно обоснованным, полагает, что *атом или молекула наделены способностью сознательной инициативы*, и что тою же сознательной инициативой отличается *индивид, что-либо открывающий* в области знания и практического опыта <...>; отсюда – связь между *учением о монадах и теорией изобретения*. Под влиянием *Шопенгауэра* Тард развил учение о веровании и желании (ср[авни] волю Шопенгауэра); а между тем они являются основными факторами изобретений»¹.

Работы А.О. Курно, с которыми Тард познакомился еще в молодости, задали направление всему его умственному развитию. Не случайно, свой главный труд он посвятил А.О. Курно, хотя лично с ним знаком не был.

«Возражая против органической теории Курно, Тард указывает на то, что для понимания явлений общественности гораздо полезнее было бы обратиться к изучению таких фактов, как *мелкие изобретения* (напр[имер], изобретению слов, обычая), “увлекающие” людей, и распространение их; такое увлечение (entrainement) находится в связи с “*инстинктом подражания*” и “естественным чувством *аналогии*” между двумя случаями, благодаря которому в новом случае подражают тому, что делалось в предшествующем»².

Надо заметить, что останавливаясь на взглядах Тарда, Лаппо-Данилевский ограничивался лишь его теорией изобретений, не касаясь других аспектов анализа Тардом массовых явлений (и, соответственно, оставляя без внимания другие аналогичные учения: Г. Лебона, Н.К. Ми-

¹ Там же. Л. 148.

² Там же. Л. 148.

хайловского). По крайней мере, в рукописях это не отражено. Десятилетие спустя теория изобретения Тарда послужила одной из основ для историософии и философии культуры заявившего о себе евразийства. Именно на нее опирался Н.С. Трубецкой в первом опыте евразийской (или предевразийской) доктрины – брошюре «Европа и человечество» (София, 1920). Правда, говоря о «культурной ценности», Н.С. Трубецкой придавал тардовскому учению несколько неокантианский оттенок.

Далее Лаппо-Данилевский приводил выписки из сочинений Г. Тарда и работ Б. Вормса о Г. Тарде по различным темам: понятие о социологии; статика, теория изобретения и подражания, случайность изобретения, сущность изобретения, механизм изобретения, борьба изобретений и их согласование, результат столкновения или согласования изобретений – новое изобретение; теория подражания, социальные индивидуум; социальная группа; законы подражания, подражание низших «высшему»; теория приспособления; динамика с точки зрения учения об изобретении и с точки зрения учения о подражании; значение личности (индивидуализм, а не социализм). Русский ученый отмечал, что одно время Тард отождествлял социологию с коллективной психологией. Это означало, что «т[аким] о[бразом] весь механизм общественной жизни сводится к процессу *взаимодействий между изобретением и подражанием*. Такая схема – *сильное упрощение* действ[ительности], что Тард часто забывает, желая все объяснить ими»¹.

К психологической социологии Лаппо-Данилевский также относил Д.М. Болдуина, Ф.Г. Гиддингса, Ж. Сигема, Э.О. Росси и Л. Уорда, но их взгляды не рассматривал. Он лишь указывал на «законы образования коллективного сознания», к которым относил:

- «1) сознание рода,
- 2) средний уровень коллективного сознания ниже среднего уровня отдельного индив[идуального] созн[ания], по крайней мере в умственном, если не в нравственном отношении,
- 3) телеологическое единство,
- 4) прагматическое единство»².

Следующим учением в рамках психологического направления, которое разбирал Лаппо-Данилевский, была «психология народов». Истоки

¹ Там же. Л. 158.

² Там же. Л. 182.

этого учения следует искать в Германии, где после освободительных войн 1812–1815 гг. усилился интерес к народной жизни, «народному духу». О «народной психологии» как самостоятельном научном направлении стало возможно говорить после публикации работ М. Лацаруса, Х. Штейнталя, В. Вундта и И.Ф. Гербарта. В качестве самостоятельного учения психология народов существовало в 1850–1870 гг. И.Ф. Герbart, пояснял Лаппо-Данилевский, учил «о представлениях, как своего рода центрах сил. Каждое *представление* – атом психической жизни. *Механика представлений*, независимо от их отношения к сознанию субъекта»¹. Тут же он приводил цитату из И.Ф. Гербарта: «В целом обществе люди относятся друг к другу так, как представления в душе отдельного человека»². В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский кратко упоминал, что «народно-психологические очерки Лазаруса», наравне с другими концепциями, получили, более или менее удачное приложение «в области исторических обобщений»³. Перед «психологией народов» стояла задача выявить простейшие социальные отношения, а затем уже изучать более сложные. Все же в «психологии народов» слышались отголоски романтической эпохи. В ней было больше немецкой метафизики, чем позитивизма.

В своем курсе Лаппо-Данилевский кратко касался учения Х. Штейнталя, который «много рассуждал о психологии языка, его происхождении и развитии; он также изучал характерные особенности «мифологической апперцепции» и всего менее касался последнего из главных проявлений народного духа – нравов, служивших предметом дальнейших исследований со стороны одного из его преемников»⁴. Также русский ученый приводил критику современников, звучавшую в адрес «психологии народов».

«Правомерность народно-психологических построений, вызвала некоторые возражения, например, со стороны Брэннера и Пауля, который считал самое понятие о «народной душе» довольно сомнительным и указывал на то, что народной психологии не удалось установить ее законы; в своем ответе на возражения Пауля Вундт заметил, что народная психология, в сущности, задается другою целью: она стремится дать

¹ Там же. Л. 185.

² Там же. Л. 187.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 65.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 215.

психологическое истолкование законов развития языка, мифа и нравов, обнаруживающихся в действительности»¹.

«Психология народов» не столько проясняла явления социальной жизни, сколько их отчасти упрощала, а отчасти и затемняла. Социальная метафизика под влиянием вульгарно истолковываемого сциентизма вырождалась в «народную психологию».

В материалах к лекциям Лаппо-Данилевского в разделе о «психологии народов» содержатся также выписки о Г. де Греефе², Е.В. Де Роберти (в основном из статьи М.М. Ковалевского в «Вестнике Европы», 1915. № 5)³, по-французски о Я.А. Новикове⁴ и о «passions»⁵.

Отчасти дополнением к лекциям может служить последняя редакция «Методологии истории», в которой достаточно подробно рассмотрено учение В. Вундта⁶. Лаппо-Данилевский ставил Вундта в один ряд с А. Шопенгауэром как представителем волюнтаризма⁷. Он полагал, что после Г.Ф.В. Гегеля и Л. Фейербаха «дальнейшее сближение между философией и наукой» произошло именно благодаря В. Вундту⁸.

«Вообще Вундт характеризует явления духовного порядка с волюнтаристической точки зрения, а именно: оценкой, целеполаганием и волевою деятельностью, и приходит к заключению, что общая наука о духе, т. е. психология, изучающая качественную зависимость между вышеуказанными душевными явлениями, с ее принципами и методами должна лежать в основе остальных наук о духе»⁹.

Вундт называл историю «прикладной психологией», настаивая, что «наиболее общие законы истории ничто иное, как законы самой психологии»¹⁰.

¹ Там же. Л. 219.

² Там же. Л. 223.

³ Там же. Л. 224–233.

⁴ Там же. Л. 234.

⁵ Там же. Л. 235–236.

⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 163–167.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же. С. 164.

¹⁰ Там же. С. 165.

Вундт «дает понятие о том коллективном сознании, которое состоит в актуальном единстве психических процессов, возникающих во взаимодействии индивидуальных сознаний, и следит за его обнаружениями в главнейших социально-психических проявлениях человеческой культуры, т. е. в языке, “мифе” и “обычае”»¹.

Лаппо-Данилевский был не согласен с таким утверждением и приводил разностороннюю критику волюнтаризма, в том числе и в случае его приложения к истории. Так он считал, что Вундт давал поверхностное описание методов исторического изучения, в частности, «психофизического и описательно-сравнительного метода изучения психических переживаний в области народно-психологических исследований и в особенности народно-психологического истолкования продуктов культуры»².

Раздел о психологическом направлении в социологии – один из самых кратких в рукописи Лаппо-Данилевского «Научные основы социологии в их историческом развитии». По сравнению с другими разделами он в большей степени состоит из выписок и цитат, чем из собственных оценок и характеристик Лаппо-Данилевского. Психологизм, полагал русский ученый, существенно дополнял позитивистскую социологию, раскрывая перед ней новые возможности. Во времена Лаппо-Данилевского научный потенциал психологического направления еще не был до конца исчерпан. Да, в целом, и интеллектуальный настрой эпохи благоприятствовал или даже потворствовал проявлению чувственных сторон культуры³. Правда, в своих теоретических построениях Лаппо-Данилевский ограничивался в основном рассуждениями о значении для социально-исторических дисциплин решения проблемы чужой душевной жизни, «чужого я», активно обсуждавшейся в русском кантианстве в конце XIX в. с подачи А.И. Введенского. В обращении к психологизму Лаппо-Данилевский видел перспективу развития материалистического направления в историографии и социологии, в частности, трансформации марксизма от догматической его формы к более гуманистической, чему

¹ Там же. С. 166.

² Там же.

³ Трофимова Е.А. Космизм Серебряного века: проект модерна // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. СПб., 2012. Вып. 12. С. 89; Трофимова Е.А. Космизм в русской культуре Серебряного века. СПб.: СПбГИЭУ, 2012.

были посвящены заключительные страницы посмертного издания «Методологии истории».

«СОЦИОЛОГИЯ В ДУХЕ МАТЕРИАЛИЗМА»

Становление социологии в России пришлось на последнюю треть XIX в. К началу XX в. в российской социологии сложилось три основных направления: позитивистское, неокантианское и марксистское. Близость исходных теоретических и мировоззренческих установок позитивизма и марксизма подкреплялась общим макросоциологическим подходом, характерным для обоих направлений. В неокантианской социологии наметилась тенденция к разработке микросоциологической проблематики. Конкурируя между собой, а порой предлагая и альтернативные формулировки социологических проблем, позитивизм, неокантианство и марксизм, тем не менее, способствовали утверждению социологии и признанию ее научного статуса. Разнообразие складывающейся картины усиливалось неоднородностью самих направлений. Так, в позитивистской социологии заявляли о себе как сторонники редуccionистского (натуралистического, органицистского, физикалистского) понимания науки об обществе, так и последователи эмпириокритицизма и субъективной школы, в ряде положений сближающихся с кантианством. В неокантианской социологии можно видеть, с одной стороны, тех, кто отдавал предпочтение исследованию логико-гносеологических вопросов социальных наук и, с другой стороны, приверженцев «аксиологического анализа» при изучении социально-исторических явлений. Такое деление отчасти повторяло противостояние двух ведущих школ немецкого неокантианства (марбургского и баденского). В русском марксизме также обозначилось два направления, за которыми закрепились названия легального и ортодоксального марксизма. Poleмика представителей различных направлений друг с другом и в рамках одного направления стимулировала как уточнение собственных теоретических установок, так и дальнейшую разработку социологических проблем. Можно, например, вспомнить критику Н.И. Кареевым марксизма с позиций субъективной школы. Наиболее известна полемика В.И. Ленина против русских последователей эмпириокритицизма, впрочем, требующая переоценки с более нейтральных идеологических позиций.

Радикализация общественной жизни в России в начале XX в. и рост влияния марксизма побуждал интерес к исследованию истоков материалистического направления в социальных науках. За эту задачу взялся

один из наиболее авторитетных представителей русского неокантианства академик А.С. Лаппо-Данилевский.

В курсе «Научные основы социологии в их историческом развитии» был предусмотрен раздел «Социология в духе материализма (исторический материализм)» с подзаголовком «к основанию социологии?»¹ Последнее издание «Методологии истории» заканчивается обширным параграфом (поскольку книга не была завершена, в ней всего два параграфа) «Номотетическое построение исторического знания с точки зрения материализма»², состоящего из двух разделов: «Образование материалистического понимания истории преимущественно в новое время» и «Развитие исторического материализма в новейшее время». В первом разделе рассматривается предыстория материалистического взгляда на исторический процесс (Ламетри, Гольбах, Гельвеций, Кабанис, Сен-Симон, Штейн, Раумер, Роджерс). Во втором – учение Маркса и Энгельса, а также некоторых их последователей. В заключение раздела Лаппо-Данилевский касался пересмотра основ марксизма с «трансцендентально-идеалистических» позиций (ревизионизм, неокантианство) и трансформации материалистического подхода в эмпириокритицизме, в том числе русском (Е.Н. Щепкин, Р.Ю. Виппер).

Второй параграф «Методологии истории», – фактически, единственная работа, в которой Лаппо-Данилевский анализирует марксистское учение. Тем интереснее те дополнения, которые содержатся в рукописи «Научные основы социологии».

О воздействии марксизма на взгляды ученого говорить не приходится. Ни в своих исторических, ни в теоретических исследованиях Лаппо-Данилевский не обнаружил симпатий к марксизму. Показателен в этом отношении не опубликованный при жизни главный исторический труд ученого «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики», даже в заглавии которого экономоцентрическая точка зрения оттеснена системой политических и культурных детерминаций. С немарксистских позиций были написаны и работы ученого по экономической истории России XVIII в. Однако, не будучи марксистом, Лаппо-Данилевский не демонстрировал открыто отрицательное отношение к материалистическому пониманию истории. В этом он заметно отличался от своего старшего коллеги, Н.И. Кареева,

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 246.

² *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 196–269.*

выступавшего с последовательной критикой материалистического взгляда на историю. Разрабатывая во многом альтернативный взгляд на историю, Лаппо-Данилевский поддержал избрание в Академию наук П.Б. Струве, дав положительный отзыв о его научных трудах.

Нет нужды подробно останавливаться на истории марксистской историографии в России на рубеже XIX–XX вв. Она обстоятельно рассмотрена в замечательном исследовании О.Б. Леонтьевой¹. Трудно сказать, насколько изменилось бы отношение Лаппо-Данилевского к марксизму, проживи он дольше. Неприятие власти большевиков было типично для людей его социального положения, образования и политических убеждений. Лишь ранняя смерть не позволила Лаппо-Данилевскому стать свидетелем директивного вытеснения историческим материализмом из научной и образовательной среды социологии и других, альтернативных марксизму, социальных учений.

В лекциях Лаппо-Данилевского нет непримиримой критики марксизма. Это, скорее, спокойный, вдумчивый анализ оснований материалистического понимания истории, раскрывающий связь марксизма с философскими и научными идеями Нового времени. Более того, Лаппо-Данилевский далек от односторонней и догматичной оценки учения К. Маркса. Он ищет у самого Маркса и его ближайших последователей альтернативные экономическому детерминизму точки зрения. В них он видит зародыши развития марксистской доктрины. Не случайно ученый, пожалуй, в большей степени интересуется ранними работами Маркса, чем его «классическими» трудами, видя в них другие интенции учения. В этом Лаппо-Данилевский предвосхищает поиски европейских неомарксистов XX в.

В своем изложении Лаппо-Данилевский подходит к марксизму с примиряющих позиций. Он не оппонирует марксизму, а видит в нем развитие той давней тенденции социальной мысли, которую он по-неокантиански обозначает как «номотетическое построение». Марксизм для него органично вытекал из развития европейских научно-философских и социальных учений. Не случайно Лаппо-Данилевский так много места в своих лекциях уделял истокам материалистического взгляда на историю и общество. Не разделяя базовых положений такого взгляда, он вполне допускал их в качестве возможной точки зрения, не

¹ Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX – XX вв.: Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара: СГУ, 2004.

предполагая, конечно, те последствия, к которым привело идеологическое доминирование «единственно верного учения». Нейтральная интонация лекций Лаппо-Данилевского говорит о том, что он воспринимал марксизм как учение в общем то уже сыгравшее свою роль в истории социальной мысли. Экономический материализм не был для него последним словом в науке об обществе и Лаппо-Данилевский пытался показать в каких направлениях и под влиянием каких идей трансформируется материалистическое понимание истории. Издание «Методологии истории» (1923) Лаппо-Данилевского завершается рассмотрением материалистического учения лишь в силу того, что смерть прервала работу ученого над новой редакцией этого труда.

Рукописи Лаппо-Данилевского, содержащие конспекты различных произведений (кстати, частично сделанные рукой не Лаппо-Данилевского, а, возможно, его учениками), дают представление об источниках, которыми он пользовался при подготовке лекций. Помимо работ К. Маркса и Ф. Энгельса, это подробные выписки из сочинений Вольмана, Плеханова и Туган-Барановского. В «Методологии истории» круг используемых источников значительно шире.

Курс лекций «Научные основы социологии» был прочитан в ноябре 1911 г. в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. Увлечение материализмом к тому времени насчитывало уже несколько десятилетий.

«С середины прошлого века материализм получил довольно широкое распространение, в особенности после известных споров, происходивших из-за него в собрании естествоиспытателей в Гёттингене в 1854-ом году. В то время Молешотт уже выступил с своим рассуждением о “круговороте жизни”»¹.

Однако материализм как мировоззренческая и философская традиция берет свое начало еще в Античности. Перенесение же материалистической точки зрения на общество – заслуга Нового времени. Здесь Лаппо-Данилевский, в частности, указывал на одного из последователей Р. Декарта – Г. Леруа².

К предшественникам того мировоззрения, выражением которого стал марксизм, Лаппо-Данилевский относил Ж. Бодена, сформулиро-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 301.

² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. С. 197.

вавшего учение о влиянии климата на характер, нравы народа и создаваемые им учреждения, а также механистическую концепцию мира, предложенную Р. Декартом.

«В новое время такое настроение стало крепнуть, в особенности после того, как Декарт предложил свою механистическую концепцию мира, поддержанную Спинозой, а Бейль выступил со своим скептическим полуйсторизмом»¹.

Исторический материализм, таким образом, воспринимался как наследник механистического мировоззрения в науке Нового времени и перенесения такого взгляда на общество, согласно которому в социальной сфере должны действовать непреложные законы, аналогичные законам природы и позволяющие изучать социальные процессы с той же степенью достоверности, с какой наука объясняет природу. Материалистический подход к изучению общества означал признание решающего значения в формировании и развитии общества экономических, природно-климатических и демографических детерминаций.

Полнее материалистическое мировоззрение проявилось в XVIII в. Лаппо-Данилевский указывает на «теорию климата» Ш.Л. Монтескье, «Новую науку» Д. Вико, который «пытался указать на *человеческие потребности и выгоды* общественной жизни, как на *естественные причины*, действием которых можно объяснить образование *религий* и мифов, *естественного права* и т. п.», на И.Г. Гердера, который приближался «к объяснению историч[еских] явлений действием собственно *экономических факторов*» и А. Сен-Симона, который «еще шире пользовался объяснениями подобного рода; он придавал преобладающее значение в прошлом и будущем человечества *экономическим* потребностям (Begehren) и *прогрессу техники*»².

С «учением о преобладающем значении экономических, а не идеальных факторов в развитии социальной жизни»³ связано и понятие о классовой борьбе, истоки которого Лаппо-Данилевский также усматривал в XVIII в. (Маршалль, Бабёф). Учение Г. Бабёфа содержит и другие идейные зародыши, развитые марксизмом.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 302.

² Там же. Л. 90.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 206.

«Хотя понятие Маркса о диалектическом процессе навеяно, по всей вероятности Гегелем, оно все же обнаруживает значительное сходство и с тою схемою, предложенной Бабёфом»¹.

«После некоторых колебаний Маркс и Энгельс пришли к заключению, что французская революция, по крайней мере до падения Робеспьера, в известном смысле, была “социальным движением”, и признавали заговор Бабёфа моментом, когда зародилась идея коммунизма»².

«Итак, писатели “века просвещения” уже сделали не мало для развития исторического материализма: они выяснили предпосылки материалистического мировоззрения, влиявшие на его построение, рассуждали о преимущественном значении экономических, а не идеальных факторов в историческом процессе, намечали главнейшие периоды его развития, обнаруживающегося путем классовой борьбы, рассматривали ее с уравнильно-общественной точки зрения и т. п.»³.

Французский и английский материализм, успехи естествознания и распространение научного мировоззрения, учение Д. Вико и, особенно, А. Сен-Симона оказали влияние на формирование взглядов К. Маркса, который также как его предшественники, по словам Лаппо-Данилевского, «стремился установить в *естественнонаучном* смысле *причинно-следственную связь* между социальными явлениями; значит их “*законь*”»⁴. «С[ен-]Симон представлял французскую революцию в виде *борьбы классов*, а в 1816 г. признал *политику наукой о производстве* и предсказывал, что “политика” должна будет превратиться в “экономия”»⁵.

Особо Лаппо-Данилевский сравнивал экономический материализм К. Маркса с О. Контом, отмечая, что концепция Маркса сложилась еще при жизни основоположника социологии, а именно, в 1845–1859 гг. Однако он не был склонен видеть здесь влияние или заимствование, полагая, что некоторое единомыслие является следствием общих истоков позитивизма и марксизма, в частности, оба учения выросли из сенсимонизма. «*Конт и Маркс [находятся] под влиянием однородных идей, хотя и не зависят друг от друга*», – констатировал ученый⁶. В лекциях по

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 290.

² Там же. Л. 296.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 207.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 92.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 88.

социологии Лаппо-Данилевский приводил следующее сравнение двух концепций:

«Конт:

1) последний рассуждал о социальной статике и динамике в *механическом* смысле, но *уклонился от принципа причинно-следственности*;

2) и придавал бóльший авторитет *правительству над личностью*, а также стремился к *социальному возрождению* (с[равни] С[ен-]Симона до 1814–1815 г.), что несколько сближало с “коллективизмом” (социализмом), чем с индивидуализмом; но он в “коллективизме” ценил лишь *критику* современного строя, а не его положительные выводы и признавал *плодотворное* значение *начала личности* в общественном развитии.

1) *Маркс* выступил с *естественно-научным* пониманием социальной жизни в духе причинно-следственности.

2) *Маркс* изучал французских социалистов, *С[ен]-Симона, Прудона* и др.»¹.

«Прудон, по словам Маркса, научно формулировал манифест французского пролетариата»².

В отличие от О. Конта воздействие философии Г.Ф.В. Гегеля на Маркса было бесспорным. Однако это влияние свелось, прежде всего, к заимствованию диалектического метода (а не метафизической системы), переосмысленного Марксом. Приведу соответствующий фрагмент лекций Лаппо-Данилевского, с сохранением цитат из Л. Вольмана:

«Маркс не мог, однако избежать и влияния философии *Гегеля*, в то время господствовавшей в Германии, тем более что окончил свое образование в *Берлинском* университете (Dr. phil. 1841). Диалектическое развитие Гегеля (Sein, Nicht Sein, Dasein) с принятой Марксом *естественно-научной причинно-следственной* точки зрения не могло однако удовлетворить его. *Раскрытие Духа* а мировом процессе, строго говоря, не причинно-следственное построение: Гегель “stell die Welt auf den Kopf”.

“В *противоположность Гегелю*” он придерживался *материалистической* диалектики. “Для *Гегеля* Дух, диалектическое развитие мысли, есть Демидург (причина) действительности, которая есть только его внешнее обнаружение”. Для Маркса, напротив, “идеальное (идейное)

¹ Там же.

² Там же. Л. 297.

ничто иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и ею переработанное” (L. Wollmann).

Форма диалектического развития Гегеля, его *трихотомия* – остались и у Маркса; отсюда *Position* (Thesis), Sein.

1) Человечество с потенциальной человечностью; ср. der abstracte Mensch *Фейербаха*.

2) *Negation* (antithesis), Nicht Sein – человечество в буржуазном строе, отрицающем истинную человечность пролетариата. Борьба классов, Дарвин.

Synthesis, Dasein

3) Человечество с развитой человечностью, осуществленной в социалистическом строе; влияние *этического идеализма*¹.

В то же время Лаппо-Данилевский указывал, что диалектическим методом пользовался уже И.Г. Фихте, которого «представители марксизма забывали отметить».

«В психогенезисе марксизма такое антитетическое подражание Гегелю, т. е. симметрическое противоположение его идеалистическим положениям своих материалистических, причем метафизически-схематический их характер оставался общим обоим, сыграло, надо думать, большую роль. Сам Маркс заявлял, что он, в сущности, из духа противоречия тем, которые рады были принизить Гегеля, несколько “кокетничал” его диалектическим методом в “Капитале” и в то же время признавал свой “диалектический метод”, по которому он в формальном смысле ближе стоял к Гегелю, чем в каком-либо другом отношении². Материалистический подход к истории означал, что «диалектический метод, в сущности, превращался в построениях Маркса и Энгельса в естественно-историческое генетическое исследование той зависимости, в какой дух находится от материи, и того реально-необходимого процесса “естественного” развития, который включает и историю человечества»³.

Из других влияний, испытанных марксизмом, Лаппо-Данилевский в своих лекциях упоминал фуриеризм и более подробно останавливался на Л. Фейербахе.

¹ Там же. Л. 93–94.

² *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 219–220, прим.*

³ Там же. С. 221.

«В отличие от Фейербаха, слишком изолировавшего человека для того, чтобы подвергнуть его внутренний мир лучшему анализу Маркс снова водворял его в то общество, которому он принадлежит и продуктом которого он является. <...> Подобно тому, как Фейербах рассуждал о том, что Бог есть, в сущности, образ человека, так Маркс проповедовал, что идеи, чувства и волевые стремления людей суть только отражения условий их существования и что движения в области религии и литературы, философии и политики лишь обозначают собою более глубокие движения в области экономической жизни народов; подобно тому, как Фейербах полагал, что история богов ничто иное, как повторение в небесной сфере прогрессивного развития людей на земле, так Маркс представлял себе, что история человечества ничто иное, как *double* истории производства»¹.

Экономический материализм Маркса, утверждал Лаппо-Данилевский, был попыткой научно объяснить происходящие в обществе процессы, выявить причинно-следственные связи, которым подчиняются все естественные процессы.

«Экономическое построение также имеет в виду установление *причинно-следственной связи* между явлениями общественной жизни, при этом

1) в возможно более строгом, *естественно-научном* смысле слова,
2) что всего более осуществимо применительно к *материальным* (экономическим) факторам социальной жизни, поскольку они порождают соответствующие им *продукты* культуры»².

Рассматривая общество как часть мира природы, Маркс был убежден в закономерности социальных процессов.

«Маркс исходил из мысли о *сплошной законосообразности* явлений общественной жизни и о совершенно *однородном* ее прогрессе. Он сознательно стремился к построению учения о *законосообразности* социальной жизни в *механическом* смысле; задаваясь вопросом, в чем именно такая законосообразность состоит, он приходил к *материалистическому* построению социальной жизни»³.

1 СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 298–299.

2 Там же. Л. 89.

3 Там же. Л. 91.

Естественнонаучная установка приводила Маркса к попытке объяснить социальные явления, исходя из причинно-следственных связей, обнаруживаемых в экономической деятельности людей. Складывающаяся в экономике система отношений, в свою очередь, формировала мировоззрение людей, их жизненные интересы и ценности. «Маркс, – как отмечал Лаппо-Данилевский, – категорически заявил, что *“не сознание человечества определяет его быт, а, наоборот, этот последний определяет собою сознание людей”*»¹. В лекциях «Научные основы социологии» Лаппо-Данилевский писал о принципе законосообразности в марксизме:

«Маркс сам признал *правильным* следующий общий отзыв о его направлении: “Для Маркса прежде всего важно (установить) *законы явлений*, их перемен, их развития, их перехода из одной формы в другую, от одного порядка соотношений к другому”, причем такие переходы совершаются верят ли в них люди или не верят, сознают ли их (необходимость) или не сознают»². «В *естественно-научном* смысле причинно-след[ственная] связь обнаруживается в *естественном* процессе социального развития, что приводит к *экономическому* построению, ибо *экономический процесс* всего легче связать с *природой* (ср. влияние Молешотта, Дарвина, Гёксли – L. Woltmann).

“*Работа* (arbeits process) есть общее условие обращения вещества между человеком и природой”. В хозяйственной деятельности “человек ни что иное, как социальное действие экономической причины”.

Связь между работой (и техникой) и производством; производством и обменом его продуктов и производственными отношениями; производственными отношениями и социальной структурой; производством материальных ценностей есть “*базис всякой социальной жизни*, а, следовательно, и всякой действительной (реальной) истории”; производственными отношениями и правом, юридической и политической “*надстройкой*”; последним и умственным состоянием общества, а также его религией.

В сущности Маркс смотрит (в своем Капитале) на людей, *лишь* поскольку они – персонифицируют экономические категории, но сам часто забывает о такой методологической точке зрения и даже говорит, что не Дух движет историческим развитием, а, напротив, сам движим эконо-

¹ Там же. Л. 97.

² Там же. Л. 92.

мическим развитием, на которое он реагирует через посредство классового сознания и революции»¹.

Философско-историческое учение Маркса Лаппо-Данилевский предпочитал называть «историческим материализмом», а не «экономическим материализмом», считая первое название более аутентичным и поддерживаемым самими сторонниками этого учения. «К сожалению, – сетовал Лаппо-Данилевский, – сам Маркс нигде не дал систематического изложения исторического материализма, что лишь отчасти заменяется известными книгами Энгельса о Дюринге и Фейербахе, а также его статьёй в “Die Neue Zeit”»². В лекциях ученого сохранилось лишь несколько фрагментов, в которых он дает изложение исторического материализма. Прежде всего, это касается применения социально-экономического учения Маркса к объяснению исторических событий.

«Маркс приложил, между прочим, свое учение о борьбе классов, обусловленной антагонизмом экономических интересов, об эксплуатации пролетариата, о грядущей его “диктатуре”, как переходной стадии к упразднению классовых различий и т. п., к рассмотрению французского революционного движения 1848–1850 и последовавшего переворота. <...> Вообще, признавая, что революция – “локомотив истории”, он усматривал в них движение, которое приведет к водворению социалист[ического] строя. <...> Впрочем, сам Маркс не совсем упускал из виду и другие факторы исторического процесса: он заключает, что материальный способ производства “прежде превращается в головах людей в представления и идеи” (а потом уже действует на социальный процесс?), но ближайшие последователи Маркса не придали значения такому ограничению. Энгельс, Бебель, Лафарг, Каутский, в сущности, отрицали по крайней мере относительно-самостоятельную роль сознания в таком процессе и представляли себе дело так, как если бы материальные силы одни только приводил в движение ту машину, которую они называли человеком»³.

Здесь же Лаппо-Данилевский ссылается на Е. Бергейма. В другом месте он касается вопроса о развитии исторического материализма по-

¹ Там же. Л. 95.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 215, прим.

³ СФП АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 277–281.

следователями Маркса. Этот фрагмент во многом совпадает с соответствующим разделом «Методологии истории».

«Многие из современных представителей экономического материализма пытались приложить его начала и к историческим построениям: еще недавно, например, Лория рассуждал о “социальной морфологии”, Лабриола “о материалистической концепции истории” и т. п.

В своей книге о происхождении семьи и проч. Энгельс устанавливает несколько периодов развития в зависимости от разделения труда других экономических факторов: он приписывает образование родового *gentile* строя обособлению пастушеских племен от остального общества; оно породило междуплеменной обмен главным образом скотом и натуральными продуктами, которые стали объектом частной собственности, что и подготовило рабство и падение матриархатного строя. Вслед за развитием частной собственности наступило и дальнейшее разделение труда, состоявшее в обособлении ремесла от земледелия, и обмен полезностями (*commodities*), благоприятствовавший экономическому преобладанию мужчин и водворению патриархального строя, а затем и моногамической семьи. Наконец, развитие капитала, связанное с образованием особого купеческого класса и появлением денег, хотя бы такой капитал и имел только торговый характер, стало подрывать прежнюю родовую организацию и способствовало образованию собственно политического устройства или государства.

Кунов отчасти продолжил работы Энгельса и внес в них довольно существенные поправки: в ряде статей он выяснил “экономическую основу” первобытного разделения труда, в силу которого мужчина поставял животную, а женщина – растительную пищу, причем она же получала существенное значение и в домашней индустрии, обуславливавшей примитивные формы обмена (*barter*); такую же “экономическую основу” он усматривает, разумеется, и в древней семье, причем обратил особенное внимание на ее значение для “матриархата”, в котором экономические факторы и обусловили наследование по женской линии.

Научное применение общих начал исторического материализма к специальному исследованию собственно исторических проблем было довольно ограниченным. Подобно Энгельсу, например, Кунов занялся изучением первобытного общественного строя.

Вне круга марксистов, тесно связывавших исторический материализм с социалистической пропагандой практической деятельности, он

не получил широкого распространения и высказывался лишь отчасти некоторыми из придававших ему исключительного значения»¹.

Перспективы развития марксизма Лаппо-Данилевский видел, прежде всего, в обращении к ранним работам Маркса, считая их менее догматичными. Для «раннего Маркса» исторический материализм был

«“научным методом для исследования процесса человеческого развития”, причем [он] не находил возможным ограничиваться “естественно-историческим материализмом”, упускающим из виду, что люди живут не только в природе, но и в обществе, и противопоставлял ему “исторический материализм”, обращающий внимание на то, каким образом сознание человека определяется внутри того общества, в котором он только и может достигнуть своего сознания и жить как сознательное существо»².

Ссылаясь на Ф. Меринга, Лаппо-Данилевский добавлял, что «впрочем, автор тут же спешит оговориться, что “материальные основы” таких союзов, как племя, род, класс и определяют “идеальное сознание” человека, живущего в них. В еще более смягченной форме, в сущности, уже довольно далекой от исторического материализма, аналогичные взгляды высказывались и некоторыми историками»³. В данном случае Лаппо-Данилевский имел в виду, вероятно, Д.М. Петрушевского, который упоминается тут же на полях. В «Методологии истории» в том же контексте он указывал еще на П.Г. Виноградова и М.М. Ковалевского, допускающих «материальную историю» или признающих связь исторических явлений с демографическими изменениями.

Как профессионального историка, исторический материализм интересовал Лаппо-Данилевского не только как одно из социальных учений, которому отведен раздел в историческом введении в социологию. Марксизм поднимал важные для ученого теоретико-методологические вопросы, касающиеся исторического процесса, его структуры, понятий и принципов, которые можно использовать в познании прошлого. И здесь исторический материализм перекликался с существующими теориями исто-

¹ Там же. Л. 311–315.

² Там же. Л. 282.

³ Там же.

рического процесса. Собственно говоря, теория общественно-экономических формаций была одной из моделей исторического процесса.

«Экономический материализм вызвал довольно оживленный обмен мнений, касавшихся и принципов и методов исторического построения: многие стали обсуждать, например, значение в нем принципа причинно-следственности, роль тех, а не иных факторов в историческом процессе, материальных или духовных, ту периодизацию его, которая казалась им наиболее приемлемой и т. п. В частности, достаточно припомнить, что, помимо приверженцев и продолжателей Маркса, многие ученые, подвергавшие экономический материализм критическому расследованию, также касались проблем подобного рода, например: Штаммлер и Карев, Масарик и Вольтман, Сеэлигмэн и Гаммахер и многие другие историки и критики марксизма»¹.

«Автентичным истолкователем» марксистской доктрины был Ф. Энгельс, который, правда, как полагал русский историк, мало сделал для теоретического обоснования марксизма.

«Энгельс внес, однако, два существенных ограничения в теорию историч[еского] материализма.

1) в своем *Anti Dühring* и в *Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staates* Энгельс развивает мысль, что “*в последней инстанции*” решительным фактором истории оказывается *производство и воспроизведение* жизни (размножение расы). Маркс говорит о *непосредственной* зависимости в сущности *только между* производством и социально-политической надстройкой; от чего Энгельс и отступает: он, значит, признает возможность *воздействия идей* на исторический процесс.

2) Экономическая основа есть как бы материя, “*форму*” которой (в духе Канта) является “*надстройка*”»².

Упоминание И. Канта в данном фрагменте не случайно. Слабую сторону исторического материализма Лаппо-Данилевский видел в малой разработанности теоретико-познавательных вопросов. Исторический материализм оставался разновидностью теории исторического процесса. Но ведь история не только происходит, но и познается. Гносеологи-

¹ Там же. Л. 288.

² Там же. Л. 98.

ческое же обоснование социально-исторической концепции марксизма Лаппо-Данилевский считал явно не достаточным. Не случайно в обращении к философскому наследию И. Канта он видел возможность последующей модификации марксистской доктрины и с этой стороны положительно оценивал взгляды Е. Бернштейна и М. Адлера.

«Такое стремление подыскать более прочные теоретико-познавательные основы своему учению еще более обнаружилось среди тех приверженцев социализма, которые с конца прошлого века пытались примирить Маркса с Кантом или, говоря точнее, исправить учение Маркса учением Канта. В одной из своих статей того времени Бернштейн уже высказал, например, убеждение, что “возвращение к Канту” имеет известное значение и для построения теории социализма, а в своих “предпосылках социализма” он выразил пожелание, чтобы и социал-демократия имела своего Канта, который во всеоружии критического метода показал бы, “где кажущийся ее материализм оказывается крайней, а потому очень легко порождающей заблуждения идеологией”, и обнаружил бы, что “пренебрежение к идеалу, связанное с возведением материальных факторов на степень всемогущих сил развития, есть самообман...”. Под влиянием таких же соображений Адлер приступил к пересмотру некоторых теоретических принципов социализма и остановил свое внимание, между прочим, на выяснении соотношения между понятием о причинно-следственности [и] понятием о целесообразности»¹.

Здесь же Лаппо-Данилевский ссылается на книгу К. Vorländer «Kant und Marks» (Tübingen, 1911) и ряд других изданий. Он полагал, что «методологическая», т. е. гносеологическая, точка зрения в марксизме может привести его к сближению не только с критицизмом, но «и даже к пониманию исторического процесса с точки зрения какой-либо регулятивной идеи»².

Уже у Ф. Энгельса Лаппо-Данилевский старался усмотреть отход от жесткого экономического детерминизма ради признания роли идей в историческом процессе. Подобные послабления русский ученый видел (может быть и не совсем оправданно) в учении об идеологии, разрабатываемом в марксизме.

¹ Там же. Л. 307, 309.

² Лаппо-Данилевский А. С. *Методология истории*. С. 259.

«В еще более тесной связи с теорией “отображения” материальной природы социальной субстанции в “головах людей”, – писал Лаппо-Данилевский, – стояли попытки Маркса и Энгельса объяснить “идеологические формы”; особенно характерны, например, взгляды их на происхождение частной собственности: материальная сущность товара, определяемая “экономическими отношениями”, отображается, по их мнению, в головах людей как идеологическое представление частной собственности. В таком же смысле Маркс и Энгельс рассуждали и о других “идеологических формах” – “юридических, политических, религиозных, философских”»¹.

Исторический материализм Маркса и Энгельса, полагает Лаппо-Данилевский, был следствием их «научного социализма» и во многом основополагающей частью учения. По словам русского ученого, «лишь в последнее время исторический материализм стал утрачивать то исключительное значение, какое приписывали ему главари научного социализма, и заменяться новыми социалистическими учениями»². В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский более подробно останавливался на концепциях К. Каутского, П. Лафарга, Г.В. Плеханова и кратко упоминал Г. Кунова, Н.И. Зибера и М.Н. Покровского. Все они вносили «существенные оговорки» и «симтоматические поправки» в доктрину марксизма и именно этим привлекали Лаппо-Данилевского.

Последовательное экономико-детерминистское направление в марксизме представлял синдикализм, но он интересовал Лаппо-Данилевского в меньшей степени, поскольку не с ним русский ученый связывал желаемую трансформацию исторического материализма.

«В дальнейшем развитии марксизма, – писал он, – можно отметить и другое направление, представители которого стали известны под названием синдикалистов: Артур Лабриола, Жорж Сорель и другие предпочитали воздерживаться от метафизических основ доктрины Маркса и продолжали придерживаться ее, главным образом, лишь в социально экономическом отношении. Впрочем, такая перемена не успела еще существенно отразиться в историко-методологической литературе»³.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 264.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 248.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 256.

С большей симпатией Лаппо-Данилевский относился к учению А. Лориа, который в качестве материальной основы исторического процесса отдавал предпочтение не экономическим, а демографическим причинам.

«В числе последователей и продолжателей Маркса, например, Лориа занял довольно видное место. Хотя сам Маркс указывал на влияние количества и густоты населения на некоторые стороны экономической жизни, например, на общественное разделение труда, однако, он не придавал такому фактору того широкого значения, которое приписывает ему Лориа. Последний, напротив, полагает, что рост населения обуславливает все экономическое развитие общества и с такой точки зрения предлагает целое построение исторического процесса»¹.

В «Методологии истории» анализу взглядов А. Лориа уделено несколько больше места². Лаппо-Данилевский не скрывал, что его привлекает не догматический вариант марксизма, а трансформация этого учения с идеалистической, психологической или теоретико-познавательной точек зрения. Поэтому в «Методологии истории» он специально рассматривал концепции, перерабатывающие марксизм исходя из «соображений не чуждых идеализма и психологизма, и едва ли совсем отсутствовавших у Маркса и Энгельса»³. В сохранившихся же набросках к лекциям «Научные основы социологии» Лаппо-Данилевский подробнее всего останавливался на взглядах К. Каутского. Приведу соответствующие фрагменты.

«Каутский представляет, например, Реформацию в качестве реакции северных народов против финансовой их эксплуатации папской Италией, не придавая хотя бы тени самостоятельного значения внутренним религиозным сомнениям, потребностям тогдашних руководящих умов и народов; такие идеальные моменты он считает только иллюзиями, формами, в которые облакались экономические отношения.

Впрочем, Маркс оставил свое понятие о производственных отношениях без надлежащих разъяснений, что и дало повод некоторым из его последователей, например, Каутскому разуместь под ними технические изобретения и признать их главнейшим фактором социального

¹ Там же. Л. 316.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 253–254.

³ Там же. С. 255.

развития; да и некоторые из современных истолкователей марксизма указывают на то, что положения Маркса, что “способ производства материальной жизни обуславливает вообще социальный, политический и духовный жизненный процесс”, в сущности, следует понимать в смысле такой именно функциональной зависимости: “производственные силы” – реальное основание для осуществления тех, а не иных “технических возможностей”, т. е. для развития техники; в свою очередь техника обуславливает хозяйство, хозяйство же – все остальные проявления культуры; иными словами говоря, при данной технике можно представить себе лишь то, а не иное хозяйство, при данном способе хозяйства – лишь то, а не иное состояние остальной культуры. Такое истолкование известной формулы Маркса во всяком случае придает его учению менее резкий материалистический оттенок, хотя слишком мало выясняет значение “техники” и ее зависимость от идеальных факторов “жизненного процесса”»¹.

«Один из ближайших последователей Маркса, бывший приверженец мальтузианства – Каутский также придерживается его материалистических предпосылок, попытался развить основные начала доктрины в ее применении к пониманию истории: в виду формулировки законов общественного развития она изучает то общее, что обнаруживается у людей известного времени, у нации или класса, а не то, чем отдельный индивидуум отличается от них. Вообще Каутский считает, конечно, экономические условия главнейшими. Каутский различает, однако, “экономические условия” от экономического развития, которое, по его словам, в конце концов (*in letzter limé*) не что иное, как развитие техники, т. е. некоторая последовательность изобретений и открытий. С такой точки зрения Каутский принимает и учение о воздействии идеальных факторов на материальные, заявляя, что экономическое развитие есть продукт взаимодействия между экономическими отношениями и “человеческим духом”, проявляющимся в индивидуальности. В виду подобного рода соображений Каутский принимает во внимание не только коллективные, но и индивидуальные факторы: кроме “всеобщих общественных отношений”, он имеет [в] виду специальные условия той общественной среды, в которой данный индивидуум действует и готов даже учесть его роль в историческом процессе, например, в выборе выдвигаемых общественною жизнью проблем в установлении точки зрения, с которой они решаются, и в организованной борьбе из-за них. Такое понимание Каутский подчеркивает еще более указанием на усиливающееся значение идеальных факторов: бессознательное развитие че-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 282–285.

ловека, в духе дарвинизма, сменяется все более сознательным (это уже отчасти у Маркса); социальные перемены перестают быть продуктом одних только инстинктов и все более осуществляются через посредство идей, целей, какие люди ставят себе. Благодаря тому, однако, что Каутский отождествляет экономическое развитие прежде всего с развитием техники и придает ей чрезмерно широкий смысл, он получает возможность подвести под “экономические условия” и такие факторы, которые нельзя называть материальными, например, математику: без нее не может быть машин, а значит и капиталистического строя. Таким образом, выяснивши соотношение факторов законосообразно протекающего исторического процесса, Каутский, разумеется, указывает и на то соответствие, которое обнаруживается между каждой стадией развития “экономических условий” и известными “общественными формами”, а также “идеями” и т. д.

Современные социалисты, более или менее свободные от правоверного марксизма, например, Вандервельде и другие также ссылаются на своего рода философию истории, с точки зрения которой коммунизм представляется им конечной стадией развития “способов производства”»¹.

«Методология истории» содержит больше, в сравнении с лекциями по социологии, материалов о русских толкователях марксизма. Для Лаппо-Данилевского это, главным образом, П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский. Не надо забывать, что Лаппо-Данилевский делает акцент на тех интерпретациях марксизма, которые способны привести к его трансформации на основе идеалистической, психологической или гносеологической точек зрения. Так, по его словам, П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский «стремились, с более или менее значительными колебаниями, к “коренному преобразованию” исторического материализма под влиянием кантианского идеализма»². Более того, согласно оценке Лаппо-Данилевского, М.И. Туган-Барановский предпринял этическое обоснование социализма, что привело, в конце концов, к разрыву с историческим материализмом.

Отдельно Лаппо-Данилевский останавливался на русских сторонниках эмпириокритицизма (В.В. Лесевич, А.В. Луначарский, П. Юшкевич, А. Богданов, В. Базаров, Н. Валентинов) и полемике против них В.И. Ленина.

¹ Там же. Л. 317–321.

² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С. 261.

«Вообще вышеуказанные попытки переработать научно-социалистическое понимание истории еще не привели, однако, к образованию какой-либо цельной системы, которая могла бы заменить исторический материализм и получить приложение в более специальных социологических и исторических исследованиях»¹.

Посмертное издание «Методологии истории» и наброски к лекциям по социологии дают достаточно полное представление об отношении Лаппо-Данилевского к марксизму. Видя односторонность догматического направления в историческом материализме, он надеялся на развитие в марксизме тех тенденций, которые могут привести к сближению его с идеалистическими учениями, прежде всего кантианством. Лаппо-Данилевский, вероятно, был готов принять гносеологическую интерпретацию марксизма, хотя едва ли допускал для себя возможность перехода на марксистские позиции. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба в Советской России: был бы он выслан в 1922 г. на «философском пароходе» или, как некоторые его коллеги (Н.И. Кареев, С.Ф. Ольденбург), был бы оставлен новой властью, хотя едва ли ею востребован, был бы он привлечен по печально известному «академическому делу»? Все эти вопросы принадлежат, как выразился бы А.Н. Радищев, к области «гадательного бытия». Аполитичность Лаппо-Данилевского оставляла шанс на примирение с новой властью. Но судьбе было угодно иное: неожиданная и даже, на первый взгляд, нелепая смерть в начале 1919 г. навечно связала имя Лаппо-Данилевского лишь с дореволюционной наукой.

¹ Там же. С. 268.

РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Анализ концепций русских ученых встречается в рукописях Лаппо-Данилевского по социологии крайне редко и представляет чаще всего дополнение к тем или иным западным теориям. Отчасти этот пробел восполняет рукопись «О социологии», в которой есть раздел «Субъективное» построение. (Русская социологическая школа)¹. Значительную часть этого раздела составляю выписки из разных авторов. Собственные записи Лаппо-Данилевского по объему не значительны. Они посвящены социологическим взглядам П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, в том числе содержат и биографические сведения. Упоминается также Н.И. Кареев и С.Н. Южаков, приводятся ссылки на работы Н.И. Кареева, но нигде не излагается его учение. В опубликованных произведениях Лаппо-Данилевский также только ссылается на исследования Н.И. Кареева, но, судя по характеру цитирования, не признает его в качестве самостоятельного теоретика, философа или социолога. Причина такого отношения кроется не только в различии научных предпочтений (Кареев – позитивист, Лаппо-Данилевский – в большей степени неокантианец), но и в личных отношениях историков и положении Н.И. Кареева в кругу столичных ученых, особенности которых прекрасно показаны в статьях Е.А. Ростовцева².

Ограничение «русской социологической школы» учениями П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского означает, что под «русской школой» Лаппо-Данилевский подразумевал этико-психологическое или субъективное направление в российской социологии. Как отмечал Н.И. Кареев, о русской школе в социологии впервые написал американский историк социологии Ю. Геккер³. Однако примечательно не то, что Лаппо-Данилевский

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 271–314.

² *Ростовцев Е.А.* Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX – XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 4. С. 105–121; *Ростовцев Е.А.* Н.И. Кареев в среде историков петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель. Сыктывкар, 2002. С. 183–186.

³ *Hecker J.F.* Russian sociology: A contribution to the history of sociological thought and theory. New York, 1915; *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. С. 74; Кареев Н.И. Американская книга о «русской» социологии // Русские записки. 1916. № 6. С. 295–303.

принял классификацию американского ученого, а то, что ограничился в своем изложении лишь двумя указанными авторами. Субъективная школа в социологии обнаружила отход от прямолинейного позитивизма в сторону кантианства¹, которое по своим философским установкам было ближе Лаппо-Данилевскому. Именно этот кантианский или теоретико-познавательный акцент в науке об обществе привлекал Лаппо-Данилевского в субъективной школе, об этом он заявлял в первых строках раздела о русской социологической школе.

«Я остановлюсь здесь на “русской социологической школе” лишь постольку, поскольку она представляет *переход от феноменологического* построения социологии к построению *гносеологическому*, т. е. поскольку она с *теоретико-познавательной точки зрения* (Кант – Лавров, Лавров – Кареев) пыталась выяснить некоторые *свойства познающего субъекта*, без которых познание им социальных явлений (их “внутренней” стороны) немислимо; но и русская школа

1) частью смешивала *теоретико-познавательную* точку зрения с *психологической* (особенно Михайловский),

2) частью примешивала к своей *теоретико-познавательной* точке зрения – *этическую* (Лавров, Кареев; т. е. социолог должен этически относиться к своему материалу)»².

Под феноменологическим построением социологии Лаппо-Данилевский подразумевал чисто позитивистский подход, провозглашающий изучение явлений, а не сущности вещей, причем предполагалось, что явления доступны непосредственному наблюдению, т. е. в конце концов познаются эмпирически. Любое дополнение (психологическое или этическое) гносеологического подхода он воспринимал в качестве недостатка, искажающего анализ познавательных способностей субъекта.

Примечательно, что, рассуждая о русской социологической школе, Лаппо-Данилевский не упоминает М.М. Ковалевского или других социологов-позитивистов. Лаппо-Данилевский способствовал избранию М.М. Ковалевского в состав Историко-филологического отделения Академии наук, неоднократно ссылаясь в посмертном издании «Методоло-

¹ Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 271.

гии истории» (1923) на его книги «Современные социологи» (1905) и «Социология» (1910), но не рассматривал его как самостоятельного социального мыслителя. К теоретическим и социологическим построениям М.М. Ковалевского, как и Н.И. Кареева Лаппо-Данилевский не испытывал сочувствия, предпочитая о них умалчивать. В «Методологии истории» он отмечал неудачные попытки М.М. Ковалевского и некоторых других историков-позитивистов (П.Г. Виноградов, Л. Гумплович, Ю. Липперт, К. Лампрехт) переработать «научно-социологическое понимание истории» в качестве альтернативы историческому материализму:

«...они не давали принципиального метафизического или гносеологического обоснования своих взглядов и приемов, носивших эмпирический характер; и, в сущности, не приписывали исключительного значения производственных отношений: они указывали лишь на более или менее существенную роль экономических факторов, но, наряду с ними, готовы были признать более или менее заметное влияние идеальных факторов в жизни общества»¹.

Неудача позитивистского проекта построения новой науки об обществе предопределила оценку Лаппо-Данилевским социологов-позитивистов и фактическое игнорирование их работ при изложении положительных итогов социологии. Сближало же Лаппо-Данилевского с М.М. Ковалевским стремление институционализировать социологию в России. «Несмотря на то, что М.М. Ковалевский во многом расходился с А.С. Лаппо-Данилевским в своих социологических построениях, – пишет Е.А. Ростовцев, – их объединяло общее представление о социологии как исторической дисциплине. Результатом их совместной работы была подготовка институционализации социологической науки в России»². На почве преподавания социологии в университете Лаппо-Данилевский сходилась и с Н.И. Кареевым, который вспоминал, что в 1919 г. только они вдвоем на историко-филологическом факультете отстаивали необходимость чтения курса социологии³.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 268–269.

² Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИ, 2004. С. 146. Подробнее см.: Ростовцев Е.А. М.М. Ковалевский и А.С. Лаппо-Данилевский в Академии наук // Максим Ковалевский и современная общественная мысль. СПб., 2001. С. 51–53.

³ Кареев Н.И. Основы русской социологии. С. 153.

Трудно сказать, когда был написан раздел о русской социологической школе. И если замалчивание М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева можно объяснить теоретическими предпочтениями, то почему Лаппо-Данилевский не упоминает близкие ему работы русских неокантианцев (Л.И. Петражицкого, В.М. Хвостова, Д.М. Петрушевского)? Лишь в одном месте дается ссылка на статью Б.А. Кистяковского из сборника «Проблемы идеализма». Возможно причина этого в недостаточной сохранности или краткости записей Лаппо-Данилевского, которые предназначались только для подготовки к лекциям, или в том, что неокантианское направление в социологии к тому времени еще не заявило о себе в России, или в ограниченности предложенных для лекций тем. Даже черновые записи сохранили обороты и форму устной речи. Можно предположить, что собранные под общим заглавием фрагменты были написаны в разные годы. Так, например, Лаппо-Данилевский ссылается на сборник «Проблемы идеализма» (1902), но в биографических данных о Н.К. Михайловском¹ не упоминает дату его смерти (1904). В тоже время раздел о русской социологической школе сопровождается выписками из статей 1906 и 1907 г. Все это позволяет предположить, что раздел, возможно, был скомпонован при передаче рукописей ученого в архив или пополнялся самим Лаппо-Данилевским выписками из более поздних изданий.

Раздел о русской социологической школе сопровождается конспективными выписками из работы П.Л. Лаврова «Задачи позитивизма и их решение» (1868)², цитируются статьи П.Л. Лаврова «Практическая философия Гегеля» (1859), ранняя статья Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?» (1869) и первый том его сочинений. Также приводятся выписки из работ Н.И. Кареева «Социология» (вероятно, «Введение в изучение социологии» (1897))³ и «О субъективизме в социологии» (1880)⁴. Общие сведения о П.Л. Лаврове почерпнуты из статьи Н. Русанова «П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности)» (1907)⁵, которую Лаппо-Данилевский характеризует как «живо написанный очерк». Цитаты из этой статьи он приводит в своем тексте. Многочисленные выписки сделаны из русского перевода работы Х. Раппопорта «Социальная философия Петра Лавро-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 300, 301, 304.

² Там же. Л. 284, 284а, 285 – 291, 294 – 297, 311.

³ Там же. Л. 272.

⁴ Там же. Л. 306–310.

⁵ Там же. Л. 273.

ва» (1906)¹ и неуказанного автора о влиянии на П.Л. Лаврова Канта, Фейербаха и Прудона².

Черновой характер записей Лаппо-Данилевского, не предназначенных для печати, не позволяет представить их в виде отдельной публикации. Тем не менее, некоторые фрагменты могут быть воспроизведены с сохранением авторской нумерации и восстановлением там где это возможно, ссылок на цитируемые работы.

«Теоретические взгляды Лаврова на социологию и гл[авным] об[разом] на *субъективный метод* развились у него, кажется, под влиянием Гегеля. В пользу такого предположения говорят:

1) то, что Лавров, родившийся в 1823 г., развивался в пору увлечения русского общества Гегелем (конец 1830-х и 40-е годы); ср. рассказы Герцена; а Лавров сам высоко ставил Герцена и ему (вместе с Прудоном) посвятил свои очерки вопросов практической философии.

2) что Лавров скоро перешел от Кузена и т. п. к Канту, Фихте, Шеллингу и “особенно долго остановился на Гегеле”³. Эту работу Лаврова о Гегелизме вышел в 1858 г., а очерк “практической философии Гегеля”, в котором он выступил с изложением и критикой учения Гегеля в 1859 г. <...>

3) что между основоположениями Гегеля и Лаврова есть некоторое сходство.

Для такого вывода о сходстве достаточно указать, что понятие Гегеля о “разумной природе” уже включало понятие о ценной действительности; он отличал ее от “существования”, в которое включал, кроме “действительности” и лишенную ценности “случайность”. Гегель писал: “Когда мы вообще бросаем взгляд на всемирную историю, то видим огромную картину изменений, деяний, бесконечно разнообразных по форме и облику народов, государств, личностей в беспрепятственной их смене. На все, что может быть доступным и интересным человеческой душе (Gemüth), на всякое восприятие доброго, красивого, великого — люди имеют притязание; всюду они ставят себе и преследуют цели, которые мы признаем, осуществление которых мы желаем; мы надеемся и опасаемся за них. Во всех этих происшествиях и случайностях мы созерцаем (Leben... oben auf) человеческое действие и страдание,

¹ Там же. Л. 275–277, 282–283, 292–293.

² Там же. Л. 278.

³ Русанов Н. П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности) // Былое. 1907. № 2. С. 253.

всюду испытываем влечение нашего интереса к нему или обратно” (G.W.F. Hegel, Phil. Der Gesch., Werke, IX, 1848, s. 89).

Лавров именно и признавал тот же самый момент оценки в построении нами всякого социального явления или исторического факта.

“Мысль о развитии истории по законам необходимой и разумной последовательности” была мыслью, современной Гегелю; но он переработал ее в целую систему”¹, “историческое развитие вошло, как необходимый элемент во все его мирозерцание, легло в самое основание диалектического процесса...”², он завещал науке, “чтобы духовные явления оценивать исторически”, освещая “каждый факт живою действительностью, в которой он имеет свое значение” и наблюдая “за историческою преемственностью фактов, за последовательным изменением идеи”³. Гегель не забывал и о целостности и единстве мира⁴

Рано познакомившись с социализмом (с сочинениями] Фурье, затем Прудона), Лавров естественно примкнул к левой [партии] гегельянства; он был знаком с взглядами Бруно Бауэра, Арнольда Руге и Фейербаха. С Марксом он познакомился лишь в начале 1870-х годов, но “марксизм был сравнительно наименее переработан в внутренне ассимилирован” Лавровым⁵.

Субъективный метод Лавров ставил в зависимость 1) от свойств познающего субъекта (наделенного нравственным сознанием и проч.) и 2) от свойств изучаемых явлений, т. е. явлений социальных (целеполагания и проч.)⁶

<...>

Лавров настаивал на неразрывной связи между теорией и практикой. В его [“]Исторических письмах[”] “умственный фактор становится вместе с тем и нравственным фактором. И цельная, а не только логически рассуждающая личность, говоря одинаково и уму, и сердцу читателя увлекает его на борьбу, лишения, самую смерть за убеждения и за счастье людей-братьев. Это то и привлекало всех нас в упомянутом произведении Лаврова”⁷.

¹ Лавров П.Л. Практическая философия Гегеля // Библиотека для чтения. 1859. № 4. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Русанов Н. П.Л. Лавров. С. 270.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 279, 280, 281.

⁷ Русанов Н. П.Л. Лавров. С. 268.

С такой точки зрения Лавров решительно высказывался *против теории* возрастающей *механизации* человеческой деятельности.

Формула прогресса Лаврова.

1. Прогресс состоит равным образом во все более и более широком и все более и более явственном *развитии сознательных процессов и разумных мотивов* (т. е. действий, т. е. цельности личности, объединяющей умств[енные] и нравств[енные] факторы) у индивидуумов, поскольку это развитие *не мешает* развитию и укреплению *солидарности* между возможно наибольшим количеством индивидуумов.

2. Прогресс заключается в развитии и укреплении *солидарности* (социализм?), поскольку она *не препятствует* развитию сознательных процессов и мотивов (разумных) действий у индивидуумов.

Социология, по мнению Лаврова, и должна заниматься изучением *солидарности*, условия ее развития и роста, *социальной формы*, организацию общества¹.

<...>

Михайловский близок к Лаврову 1) *субъективным методом* (несколько шире понимаемом) и 2) тем, что стремится *соединить теоретическую философию с практической*.

1) Подобно Лаврову Михайловский стоял за *цельность* человеческой личности, объединяющей *умственный и нравственный* фактор; впрочем, что “можно найти такую точку зрения, с которой *правда-истина и правда-справедливость* являлись бы рука об руку, одна другую пополняя”.

Вопросы о пределах нашего знания, о свободе воли и необходимости “органическая теория общества, приложение теории Дарвина к общественным вопросам, вопрос об интересах и мнениях народа, вопросы философии истории, этики, эстетики, экономики, политики, литературы в разное время занимали меня исключительно с точки зрения великой двуединой правды”².

1) *Субъективный метод*

По мнению Михайловского субъективизм состоит вообще в *признании за объектом социологического наблюдения внутреннего психологического содержания*, а не только этического отношения к нему, как индивиду.

Михайловский отступает от положений Лаврова, заявляя, что *объективный метод* не должен быть совершенно удален из области социо-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 298, 299.

² Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1906. Т. 1. С. V.

логических исследований, но что *высший контроль* должен принадлежать тут *субъективному методу* (“Что такое прогресс”).

Тем не менее, Михайловский в духе учения Лаврова (отчасти даже его словами) рассуждает о свойствах познающего субъекта и свойствах исследуемых явлений.

2) *Свойства исследуемых явлений.*

“Коренная и ничем неизгладимая разница между отношениями человека к остальной природе состоит прежде всего в том, что в первом случае мы имеем дело не просто с явлениями, а с явлениями *тяготеющими к известной цели*, тогда как во втором цель эта для человека не существует. Различие это до того важно, что само по себе намекает на необходимость применения различных методов к двум великим областям человеческого ведения” [“Что такое прогресс?”].

Но что *такое цель*? Это – желаемое, приятное, должное.

Поэтому и в оценке социальных явлений категории желательного и нежелательного, полезного и вредного, должного и безнравственного также необходимы и разумны, как и категории истинного и ложного ([“]Что такое прогресс[”]).

1) *Свойства познающего субъекта.*

Никто не может отрешиться от той эмпирической стороны нашего я, которая состоит в признании чего-либо не только истинным или ложным, но и приятным или неприятным, желательным или нежелательным, нравственным или безнравственным, справедливым или несправедливым.

То же относится к социологу: без таких категорий он не будет в состоянии распознать в своем материале нравственное от безнравственно-го и т. п.

<...>

Синтез великих научных завоеваний *естествознания и обществоведения* – характерная черта социологич[еской] доктрины М[ихайловского].

В исследовании значения *индивидуальности* (по естественно научной терминологии) или *личности* (по терминологии общественно научной) М[ихайловский] нашел ключ к разрешению этой проблемы.

В духе Лаврова Михайловский формулирует и свое понятие о прогрессе: “Прогресс есть постепенное приближение к *целостности неделимых*, к возможно полному и всестороннему *разделению труда между органами* и возможно меньшему разделению труда между людьми”¹.

¹ Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. В 10 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 150.

Ср[авни] “развитие сознательных процессов и разумных мотивов (действий) у индивидуумов (т. е. цельности умств[енной] и нравств[енной])” Лаврова – и “целостность неделимых”. “Солидарность” Лаврова с “разделением труда между органами” – М[ихайловск]ого¹.

<...>

Ошибки

<...>

Субъективный метод и нравственная оценка (а не отнесение к ценности).

1) (*Смешение познавательного принципа с этическим отношением*) С. Южаков “Субъективный метод в социологии”, см. “Знание”. 1873 г. стр. 37–71. Автор, впрочем, считает себя “последователем” Конта и едва ли сам строго различает теоретико-познават[ельную] точку зр[ения] от психологической.

(свойства познающего субъекта).

<...>

Михайловский также заявляет, что исследование в области общественных явлений “осложняется новым элементом, элементом нравственным” (*Н. Михайловский. “Что такое прогресс”*). Ср. Кареев.

(*Свойства изучаемых явлений общественности*)

2) *Смешение психологического построения с нормативным.*

Лишь с естественнонаучной психолого-этической точки зрения можно говорить о *возможности* наступления тех, а не иных действий (о чем Михайловский постоянно рассуждает)²; поскольку наступление *условий*, при наличии которых данное действие необходимо совершится, возможно, – и само действие признается (не логически), а фактически возможным.

Но такая точка зрения еще *не дает никакого основания отличать свойства исследуемых явлений общественности: специфический* характер нравственности не в возможности, а в *долженствовании*.

3) Смешение “субъективного метода” с изучением *чужой оценки*, производимой с чисто научной *психологической* точки зрения.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 301, 302, 303, 304, 305.

² *Кистяковский Б.* Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 295–391.

“Чужая оценка, как тоже реальный факт, становится предметом изучения” со стороны социолога¹; но тут уже нельзя говорить о субъективном методе, а только о *психологическом*.

Смешение, допускаемое рус[ской] соц[иологической] школой, устраняется представителями *немецкого социально-философского направления*. Кант – Наторп, Штаммлер и др.»².

В качестве теоретических основ русской социологической школы Лаппо-Данилевский выделял учения о развитии сознательных процессов и росте солидарности, телеологичности социальных процессов, субъективном методе, концепцию борьбы за индивидуальность. Он отмечал, что социология, согласно П.Л. Лаврову, изучает социальную солидарность, условия ее развития и роста, а также выработку идеальных форм общежития и средств их реализации. Однако в последней (правда, не оконченной) редакции «Методологии истории», представляющей собой историческое введение в обществоведение, Лаппо-Данилевский уделил место П.Л. Лаврову лишь в примечаниях к параграфу о материалистическом понимании истории, отмечая, что П.Л. Лавров «выработал свой “антропологизм” под значительным влиянием Фейербаха и признавал, с революционно-народнической точки зрения, “борьбу за реализацию справедливого строя общества”»³.

Интерпретация субъективной школы Лаппо-Данилевским не отличается оригинальностью. Отчасти это объясняется «школьными» задачами изложения, отчасти тем, что на этико-психологическое направление Лаппо-Данилевский смотрит как на переходное учение от позитивизма к «формально-критическому построению» социологии в духе немецкого кантианства. Не случайно в анализе субъективной стороны исследовательского процесса (идеалы, мотивы, предпочтения) он видит приближение к положениям трансцендентализма, а критикуя психологическое уклонение в русской социологической школе, он указывает на проблему чужой одушевленности, возникающую при подобной психологизации. По его словам «психология как наука требует, например, *признания чужого одушевления*»⁴. Poleмика по проблеме «чужого я» в рус-

¹ Кареев Н.И. О субъективизме в социологии // Юридический вестник. 1880. № 4. С. 126.

² СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 311, 312, 313, 314.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 255, прим.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 311.

ской философии была вызвана публикацией в 1892 г. работы А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психофизический закон в связи с вопросом о возможности метафизики». Лаппо-Данилевский, следившей за ходом этой дискуссии, впоследствии обращался к проблеме чужой душевной жизни в своих философско-исторических и социологических работах. Субъективная школа в социологии была важна для Лаппо-Данилевского, с одной стороны, как пример исчерпанности, ограниченности методологии позитивизма, а с другой стороны, как иллюстрация развития социологической мысли – перехода от позитивизма (опирающегося на методологию эмпиризма и заимствующего методы естествознания) и психологизма в истолковании социальных явлений к анализу познавательных способностей субъекта.

«КРИТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ» В СОЦИОЛОГИИ

Хотя Лаппо-Данилевского относят к последователям критической философии, в лекциях по социологии неокантианство не получило столь подробной оценки. Отчасти этот недостаток компенсирует рукопись «О социологии», отложившаяся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331). Она содержит раздел «Критическое построение»¹. Встречаются и другие заглавия этого раздела: «Немецкое социально-философское направление»², «Гносеологическое построение», «Гносеологический принцип научного построения социальных отношений»³, при этом Лаппо-Данилевский практически нигде не называет его неокантианским. В рукописи записи на эти темы занимают листы 314–342. Они включают конспекты разных сочинений на немецком языке, библиографические выписки, краткое изложение взглядов немецких мыслителей и их критику. В «критическом построении» Лаппо-Данилевский различал два подхода: «субъективный метод» и «имматентный идеализм». В рукописи это различие только обозначено; подробно оно не рассматривается. К первому подходу он относил И. Канта, Р. Штаммлера, Г. Зиммеля (с пометкой, «отчасти») и П. Наторпа. Ко второму, – А. Наввиля, В. Виндельбандта, А. Ксенополя и Э. Ласка (фамилия которого была упомянута, правда, лишь в скобках). Из всех перечисленных авторов в рукописи Лаппо-Данилевский останавливался только на Р. Штаммлере.

Современному историку философии имя Рудольфа Штаммлера (1856–1938) мало известно. В немецком неокантианстве рубежа XIX–XX вв. были и более крупные фигуры. Традиционно Р. Штаммлера относят к марбургской школе неокантианства, лидеры которой (П. Наторп, Г. Коген, Э. Кассирер) оставили в историко-философской тени достижения своего коллеги. По иному оценивали Р. Штаммлера современники, в том числе и Лаппо-Данилевский. Для них Р. Штаммлер был крупнейшим представителем школы «возрожденного естественного права», а его работы ставили в один ряд с «Критикой чистого разума» И. Канта. В строгом смысле Р. Штаммлер не был философом; он был профессором

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 323.

² Там же. Л. 314.

³ Там же. Л. 340.

гражданского права в Галле. Обращение Р. Штамллера к теории естественного права, вероятно, импонировало и самому Лаппо-Данилевскому, поскольку в своих исследованиях он как раз прослеживал рецепцию естественно-правовых идей в России XVIII в. Естественное право позволяло преодолеть господствовавшую в юриспруденции позитивистскую доктрину, связывало правоведение с социально-философской проблематикой и возвращало право к его исходной идее, роднящей ее с этикой, – идеи справедливости.

Особенностью марбургской школы неокантианства было внимание к гносеологическим вопросам, в частности, к процессу формирования понятий, при помощи которых человек познает мир. Это имеет отношение и к познанию социальной реальности.

«Приверженцы теоретико-познавательной точки зрения стремятся опознать “общезначимые условия” социологического познания и основной принцип единства социологических понятий»¹.

К анализу гносеологического направления в рукописи «О социологии» Лаппо-Данилевский обратился сразу после критического разбора учения «русской социологической школы» или субъективного, или этико-психологического направления. В качестве недостатков «русской социологической школы» он указывал смешение познавательного принципа с этическим отношением, психологического построения с нормативным, субъективного метода с изучением чужой оценки. Этих недостатков, полагал Лаппо-Данилевский, лишена концепция Штамллера.

«1) он строго отличает *познавательную точку* зрения от V_2 – см. его определение понятия о соц[иальной] жизни и в регулятивном понимании Е.

2) он в построении понятия о *нравственном* начале не упускает из вида момент *долженствования* – ср. его теорию процесса»².

К сожалению, не все символы и сокращения в рукописи Лаппо-Данилевского поддаются однозначной расшифровке. Так, М – обозначает среду, Σ – консенсус, Е – эволюцию, +Е – прогресс, W – взаимодействие (иногда, отношение), WW – множественность взаимодействий, т. е.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 325.

² Там же. Л. 314.

взаимодействия, S – правило (в некоторых случаях S обозначает социальную среду).

При изложении учения Штамллера Лаппо-Данилевский опирался на его книгу «Бизнес и право» (*Wirtschaft und Recht. Leipz., 1896*), приводя цитаты и выписки со страниц 83–125. Нумерация, которую приводит Лаппо-Данилевский, не всегда выдержана, что объясняется черновым характером рукописи, не предназначавшейся для печати. В скобках указываются соответствующие страницы книги Штамллера. По словам Лаппо-Данилевского, Штаммлер

«сознательно стоит на *формальной* точке зрения критической философии и разыскивает *конститутивный* принцип для определ[ения] соц[иальной] жизни, *всякого* соц[иального] союза (103, 104, 647). В этом смысле такое определение должно обладать лишь формальными особенностями (88) и должно быть лишено меняющегося исторического содержания (87), в нем должны быть указаны не *причины*, а признаки (формальные) изучаемого явления, тем паче не должно быть дано оценки его содержания, как лицами его осуществляющими (105), так и о нем судящими (110 – 111).

Определяется *понятие социальной жизни* (83) или общества (?83).

3) «Конститутивным моментом социальной жизни надо считать только подчинение сожителства людей внешним правилам» (104). Каждый подчиненный правилам (*Regelunterworfenen*) может следовать им виду *эгоистических или альтруистических* интересов – это все равно.

Указанное определение относится к *людям* (а не животным); это понятие составляет существенную его часть (100). *Правило* способны соблюдать только люди. Правило предполагает *сожителство* людей, ему подчиняющихся.

2) Под *Regel* надо понимать какое бы то ни было правило, соблюдение которого необходимо для установления взаимодействия. <...> Поэтому уже язык требует таких правил “условного” (а не правового) характера <...> к числу “правил” относятся и обычаи, нравы и этикет и право в узком смысле вообще всякой нормы (91)»¹.

Формально-критическое направление должно было бы стремиться вывести принцип социальности из внутренней, трансцендентальной природы субъекта. Штаммлер же говорит о внешнем правиле. В этом слу-

¹ Там же. Л. 315–317.

чае, например, любое принуждение будет считаться формой социальной жизни (что сближает точку зрения Штаммлера с учением Э. Дюркгейма) и тогда центральной становится проблема власти (господство и подчинение). Это позволило Лаппо-Данилевскому заключить, что формальная (кантовская) точка зрения в построениях Штаммлера не выдержана. Штаммлер считал основополагающим признаком социальности следование правилу. Лаппо-Данилевский же отмечал, что из определения социальной жизни, которое дает Штаммлер, выпадают такие явления, как сознание рода, симпатия, подражание, гипноз, внушение, «как не совершающиеся по (unter) правилам, установленным *людьми*»¹. Лаппо-Данилевский видит в учении немецкого правоведа пережитки лейбницианства, преодолением которого могло бы служить признание чужой душевной жизни. Во внимании к проблеме чужой одушевленности, русский ученый, в частности, видел преимущество подхода Г. Зиммеля. К формам социальной жизни, что упускает из виду Штаммлер, относятся также нарушения правил, отклонения от них. Для социологии не безэвристичными могут оказаться сравнения человеческого общества с организациями жизни у животных, которые определение Штаммлера априорно отбрасывает. В рукописи критика Лаппо-Данилевского выглядит следующим образом:

«1) *Гносеологический характер* не выдержан:

а) *Почему конститутивным* признаком должно служить *не W*, а правило?, ведь и *W* и правило категории одно *Relativität*² и понятие об отношении в сущности ведь логически даже предшествует понятию модальности.

б) *Признание чужого одушевления* как условия сосуществования отличного от предустановленной гармонии у Ш[таммлера] нет.

в) Психологический характер определения обнаруживается в употреблении терминов <...>

<...>

Сам Ш[таммлер] не признает *социальных явлений в групповой жизни животных* – 95, 97, 116–117; но даже с точки зрения его определения можно говорить о социальной жизни у животных <...> Между тем при отрицании подобного рода фактов *переходной ступени* между животными и людьми нет (116) <...>

¹ Там же. Л. 319.

² *Relativität* (нем.) – относительность, соотнесенность.

с) Социальной “материей” надо считать не только хозяйство, но и дух; и то и другое подчиняется правилам.

д) Ш[таммлер] определяет не столько *социальное явление*, сколько социальную *жизнь*, не различая одно от другого.

Между тем соц[иальное] явление не предполагает непременно предсуществования общества, а социальная жизнь предполагает.

е) Von Menschen <...> Regel – предполагают (в действительности) самое *созидание* их; последний процесс (состоящий из социальных взаимодействий) – значит не будет социальным?

Сверх того, лишь путем *нарушения старых правил* иногда возможно созидание новых. В таких случаях мы будем иметь действие *вопреки* правилам (пока, до создания новых, единственным существующим) – а не сообразно им (unter Regel¹).

ф) Как Дюркгейм, так и Штаммлер придают *исключительное* значение только $W(S, A)$, где S = чужим представлениям и проч. (Дюркгейм) или S = внешнему правилу, происходящему от людей (что предполагает предсуществование группы их).

$W(S, A)$ ведет к тому, что $J=f(S)$, что возможно однако (да и то с ограничениями) лишь при $E_n(S)$, где $n>1$. Если $J=f(S)$ придавать исключительное значение, то придется отрицать возможность $S=f(J)$ (т. е. случаи влияния героя или гения на толпу и проч.).

Даже предполагая, что последнего рода отношения имели больше значения в прошлом, чем получают в будущем человечества, их нужно иметь в виду при *общем* определении социального явления.

Самое возникновение новых правил путем *нарушения* старых часто подходит под формулу $S=f(J)$; хотя она годится и для других случаев»².

К критике определения социального явления, предложенного Штаммлером, можно отнести еще один фрагмент рукописи Лаппо-Данилевского, в котором он предварительно отмечает регулятивное значение принципов среды при социальном консенсусе и эволюции. На примере с шахматистами Лаппо-Данилевский показывает, что следование двумя индивидами в своих поступках одному и тому же правилу или правилам еще не означает взаимодействия между ними.

«2) *Узость определения*

а) *Условия соц[иального] явления.*

α) *Психофизические – напр[имер], для образования языка.*

¹ Unter Regel (нем.) – в соответствии с правилом.

² СФП АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 318–321.

β) Результаты простейших WW сами становятся в виде, напр[имер], “социальных правил” условиями WW.

Вообразим, что А решает задачу шахматной игры; В – решает также (положим) ту же задачу.

А и В действуют *каждый порознь* и тем не менее подчиняются *одному и тому же* правилу.

Ясно, что можно говорить о $W(S, A)$ и $W(S, B)$, поскольку А и В могут зависеть в своих действиях от правил игры, установленных, признанных данным обществом.

И тем не менее, очевидно, такого условия (т. е. подчинения А и В – тому же правилу) еще не достаточно, чтобы говорить о $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

Отсюда общее заключение: к данным WW: $W_1(S, A)$ и $W_1(S, B)$ нельзя еще заключать о наличии $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

Для того, чтобы между А и В возникло отношение им, конечно, нужно соблюсти *условие*: следовать правилам игры, но отношение между ними будет лишь тогда, когда А действительно будет сражаться с В»¹.

Следующие возражения Лаппо-Данилевского связаны уже с учением о социальном прогрессе, разработанном немецкими неокантианцами. Здесь помимо Штамллера Лаппо-Данилевский упоминал еще П. Наторпа. Социальная эволюция, считал русский ученый, понимается немецкими неокантианцами как телеологический процесс, т. е. социальное развитие происходит на основе целеполагания, а все социальные действия движутся целевыми причинами, что исключает иной вариант социальных детерминаций (каузальный). Это приводит к не всегда оправданной этизации социального развития и фактической замене представления об эволюции теорией прогресса или регресса. В изложении Лаппо-Данилевского это учение и его критика принимают следующий вид:

«А) *Регулятивное* значение понятия о +Е.

В) *Самое понятие* о +Е строится (примерно-прав[ильно]) след[ующим] образом:

- 1) *Специфическая* особенность человечности – *целеполагание*.
- 2) Специфический характер целеполагания – *свобода*.
- 3) Специфический характер свободы – *нравственная воля*, полагающая *абсолютно нравственные цели*.

¹ Там же. Л. 327.

4) значение +Е надо строить по +Е_н и его “законы” будут не законами в естественнонаучном смысле слова, в *телеологическом* смысле.

В таком построении понятие о *причинно-следств[енной]* связи между явлениями упускается из виду, а понятие об *эволюции* S переходит в понятие о *прогрессе или регрессе*; включающем отнесение цели Е к абсолютной (*этической*) ценности и не дает еще *объективного* критерия развития в научно-социальном смысле»¹.

Итог своим критическим рассуждениям Лаппо-Данилевский подвел в разделе «Заключение», отчасти повторяя ране высказанные замечания.

«*Вышеприведенные* определения соц[иальных] явлений – не общие, а сделаны с одной какой-нибудь точки зрения.

1. *Условия* W:

а) гносеологическое: признание чужого одушевления (Гиддингс),

б) феноменологическое и частное: внешние правила (Штаммлер).

2. WW = социальное явление.

3. Разновидности WW:

(инстинктивные и волевые) – не останавливались. А) *Волевая* (ассоциация – Гиддингса),

Антитетические: встреча враждебных изобретений; встреча противоположных изобретений.

Синтетические: симпатии

Подражания

Соответствие

В) *Нормирование*

Приказаний и повиновений (Tarde).

Принудительные (Contracté extérieure² – Дюркгейм).

Регулированные (äußer[lich] Regel³ – Stammler'a).

Общим всем перечисленным видам все же остается *W двух или нескольких индивидуумов*.

Определение Р. Штаммлера вызывает след[ующие] недоумения:

1) В нем явно смешаны правила *обуславливающие* взаимодействие живых индивидуумов с “внешними” правилами социальной жизни. Правила психофизического свойства *предшествуют* взаимодействию, внешние правила социальной жизни *следуют* за ним, им обусловлены. Напр[имер], совершенно не мыслимо образование языка.

¹ Там же. Л. 322.

² Contracté extérieure (фр.) – открытый контракт.

³ Äußerlich Regel (нем.) – внешнее правило.

Из данных $WW W_1(S, A)$ и $W_1(S, B)$ нельзя еще выводить прямо $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

2) Оно не достаточно специализировано. Если разуметь под *Zusammenleben* – одно сосуществование, а под *Regel* – *всякое* правило, то, очевидно, всякая совокупность объектов будет подходить под такое определение. Надо поэтому определить, что такое *Zusammenleben von Menschen*¹ и установить *определенное* правило, при котором возможно *всякого* рода сожитительство людей. Очевидно, что в основе «внешней согласованности» лежит *признание чужого одушевления* (в данном случае все равно, будем ли мы считать это признание конститутивным или регулятивным принципом обществоведения). Штаммлер *ни слова* не говорит о нем ни в рассуждении, приводящем к определению соц[иальной] жизни, ни в этом последнем. А между тем коренное различие между предустановленной гармонией единичных существований (теория эта справедливо не заслуживает признания со стороны автора) и “внешней согласованностью” состоит в том, что в основе последней лежит это признание чужого одушевления.

<...>

3) Понятие внешнего соподчинения (*äußerlich Regel*) не достаточно для выведения взаимодействия между соподчиненными элементами. Между двумя солдатами в строю нет взаимодействия, а есть оно между *каждым* из них или *всею суммою* их и начальником. Но в тех случаях, когда начальник не индивидуум или группа таковых, а правило, тогда, очевидно, и взаимодействия нет, а нет его, то нет и общества воинов, ибо все они оказываются просто *суммою* (агрегатом?) единиц, что сам Штаммлер считает очевидно недостаточным для определения понятий об обществе (см. выше).

Некоторые группы соц[иальных] явлений в определении самого Штаммлера не подходят под общую формулу. “*Konventionelregeln*”², напр[имер], (обычай, моды, этикет и т. п.) в противоположность *Rechtsregel*³ – определяется как норма, обладающая внутреннею, а не внешнею принудительностью. Если бы Штаммлер приписывал *Konventionelregeln* – и без взаимодействия индивидуумов, порождающих такое явление в своей среде.

Т[аким] о[бразом] понятие взаимодействия является не только необходимым, но и достаточным формальным признаком соц[иального] явления. Правда, что здесь всегда следует результат взаимодействия

¹ *Zusammenleben von Menschen* (нем.) – сосуществование людей.

² *Konventionelregeln* (нем.) – условные правила

³ *Rechtsregel* (нем.) – норма права.

живых индивидуумов; но и в определении Штаммлера речь идет о *Zusammenleben von Menschen*, причем последний термин (*Menschen*), очевидно, гораздо уже, чем нами употребляемый. Сам Штаммлер не дает вполне точного определения именно потому, что это вводит в него понятие взаимодействия, то вычеркивает.

Логическим <неразб.> по отношению к взаимодействию действительно будут правила (или условия), но психофизического (индивидуального) свойства.

4) Штаммлер противопоставляет изолированность зависимости от внешних правил. Но понятием противоположным изолированности надо считать просто жительство в обществе, а не зависимость от внешних правил; последнее понятие лишь *часть* понятия о жительстве в обществе.

5) Наконец, Штаммлер смешивает *конкретный* объект общественно-ведения с отношениями в нем обнаруживающимися и могущими иметь более общее значение, чем этот объект.

Отсюда, а) отрицание соц[иальных] явлений в мире животных (ss. 97–98), б) отсутствие каких бы то ни было посредствующих ступеней между изолированностью и соц[иальной] жизнью (s. 116)

Нравственность не *Regel*»¹.

Критика критического направления, предпринятая Лаппо-Данилевским, яснее показывает его собственные теоретические предпочтения, указания на которые содержатся в используемой терминологии, замечаниях и дополнениях. Так, он, во-первых, отсылает к психологическому истолкованию социальных явлений Г. Тарда, употребляет его термины (в частности, «изобретение»), а концепцию Штаммлера рассматривает после разбора учения Н.К. Михайловского. Во-вторых, Лаппо-Данилевский несколько раз отсылает к проблеме «чужого я», которой он придает большое значение в своей «Методологии истории». Причем, в его интерпретации, к проблеме чужой душевной жизни относится и учение о «сознании рода» Ф.Г. Гиддингса. В-третьих, формальная точка зрения Штаммлера исключает использование сравнительно метода, что, в свою очередь, влечет игнорирование учения о социальной жизни животных как посредника между природой и изучением человеческого общества. И, наконец, в-четвертых, исходным понятием при анализе социальных явлений, он считает взаимодействие, а не внешнее правило.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 328, 330, 329, 331, 332.

Последнее замечание Лаппо-Данилевского ближайшим образом получило развитие в концепции социального действия П.А. Сорокина.

К сожалению, все эти замечания не нашли продолжения и завершения в философско-исторической или социологической теории Лаппо-Данилевского, не приобрели форму непротиворечивого социального учения. Однако они хорошо демонстрируют насколько избирательно и критически подходил русский ученый к существующим концепциям. Использование неокантианской терминологии еще не позволяет его самого считать в строгом смысле неокантианцем (последователем баденской или марбургской школы), а тем более бездумным эпигоном или даже популяризатором этого направления. В последней редакции «Методологии истории» он признавался, что, например, употребляет известные термины В. Виндельбанда «номотетический» и «идиографический» в «несколько ином смысле», но не «придумывает новые словообразования» и не обращается к другой терминологии, еще менее удачной¹. Использование неокантианской терминологии, по крайней мере отчасти, – дань научной традиции, стремление к историографической полноте изложения. В том же издании «Методологии истории» Штаммлер, например, упоминается лишь дважды, да и то в примечаниях. Правда, и этот факт не стоит абсолютизировать, поскольку завершить работу над книгой Лаппо-Данилевский не успел. Расхождение Лаппо-Данилевского с неокантианской методологией истории Е.А. Ростовцев считает принципиальным, отмечая, «что система А.С. Лаппо-Данилевского неразрывно связана с “классической методологией истории” Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, ее переосмыслением в контексте неокантианских идей. Однако положения Г. Риккерта о разграничении наук о духе и наук естественных, равно как и знаменитый тезис Г. Зиммеля о невозможности познания историком чужого сознания, т. е. основные элементы, которые внесла баденская школа в западную историко-теоретическую мысль и которые стали важнейшими основаниями крупнейших теоретико-исторических спекуляций минувшего столетия, оказались в системе А.С. Лаппо-Данилевского периферийными. Действительно, А.С. Лаппо-Данилевский пошел по пути выстраивания на основании риккертианской модели истории системы “строгой науки”, т. е. по пути принципиально отличному от западной исторической мысли. В этом смысле интеллектуальные усилия А.С. Лаппо-Данилевского шли вразрез с общим ходом историко-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 22, прим.

теоретической мысли на Западе»¹. Однако обращение к неокантианской теории и методологии позволяло Лаппо-Данилевскому лучше отрефлексировать положения собственной «теории обществоведения», сформулировать более полное и непротиворечивое понятие о социальном явлении. Все это осталось в виде планов и набросков, сохранившихся лишь в рукописях.

¹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 298.

УЧЕНИЕ О СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ЭНЕРГЕТИЗМЕ

Среди неопубликованных рукописей Лаппо-Данилевского сохранился набросок «Механические факторы социального тяготения» с подзаголовком «b) Сохранение и превращение энергии», в котором он пытался формализовать понятия «культурной силы» и «социальной энергии». Общий заголовок отсылает к «Плану обществоведения», входящему в рукопись «О социологии». Однако записи о социо-культурном энергетизме носят вполне самостоятельный характер. Как и большинство черновых материалов Лаппо-Данилевского они состоят из выписок, в том числе сделанных и не рукой Лаппо-Данилевского, из разных авторов на русском, французском и английском языках, а также из собственных рассуждений ученого. В опубликованных работах о Лаппо-Данилевском этот фрагмент не упоминается и до настоящего времени не становился предметом отдельного исследования.

Студенты, которым довелось слушать лекции Лаппо-Данилевского или посещать его практические занятия по «теории обществоведения», отмечали склонность лектора к формализации рассматриваемых социальных явлений и процессов. В то же время опубликованные работы ученого не содержат следов формализации; Лаппо-Данилевский так и не решился обнародовать свои опыты в этом направлении. Тем примечательнее его наброски на тему социально и культурного энергетизма.

Само учение о социо-культурном энергетизме не было новостью в русской науке. В первую голову здесь следует упомянуть работы Е.В. Де Роберти и С.Н. Южакова, которые разрабатывали свои теории в русле позитивизма. Не чужд позитивизму был и Лаппо-Данилевский, хотя его традиционно и зачисляют в разряд русских неокантианцев. По своим философским интересам Лаппо-Данилевский тяготел не к неокантианству или позитивизму в отдельности, а к научной философии, версиями которой и выступали неокантианство и позитивизм. Впрочем, учение о социо-культурном энергетизме Лаппо-Данилевского не обнаруживает следов неокантианской терминологии. Причина этого может состоять в том, что предпринятая Лаппо-Данилевским формализация предшествовала его увлечению неокантианством, в духе которого с 1906 г. он читал в университете лекции по методологии истории.

Заметки Лаппо-Данилевского о социо-культурном энергетизме не были опубликованы и не нашли отражение в других работах ученого.

Несомненно, что известная требовательность к собственным исследованиям часто задерживала публикацию его работ. Так, над изданием «Сборника грамот Коллегии Экономии» он работал около двадцати лет. Два десятилетия заняла подготовка докторской диссертации, которую он так и не решился опубликовать, хотя несколько раз и намеревался передать рукопись в типографию. Впрочем, учение о социо-культурном энергетизме так и осталось в виде набросков и нескольких отдельных фрагментов, которые даже в совокупности едва ли способны составить самостоятельную статью. Черновой характер записей, их незавершенность не способствуют быстрому введению этих рукописей в научный оборот.

Фрагмент, озаглавленный «Сохранение и превращение энергии» не датирован и помещен в конец рукописи «О социологии», которая содержит материалы рубежа XIX–XX вв., но не исключено, что в нее были вошли и более поздние записи.

Контекст рассуждений Лаппо-Данилевского отчасти проясняют выписки из работ других ученых, в частности, из статьи Н.Н. Страхова «О законе сохранения энергии» (Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 6) и И. Каблукова «А.Л. Лавуазье» (Русская мысль. 1894. май). Из иностранных авторов он ссылается или делает выписки из Г. Спенсера, Э. Вестермарка, У.Д. Уитни, А. Дармстетера, Д. Ройса, В. Кузена, Э. Дюркгейма, А. Сореля, Л. Фон Ранке, А. Бергсона и др. Не все источники датированы или даже обозначены Лаппо-Данилевским, но работы авторов, на которых он ссылается, были изданы не позднее 1890-х гг., что косвенно указывает на возможную датировку фрагмента концом XIX в.

Основной ход рассуждений Лаппо-Данилевского – это аналогия между социо-культурными процессами и законом сохранения энергии в физике. Формулировку этого закона он берет из статьи Н.Н. Страхова. Интерпретируя закон сохранения энергии, Н.Н. Страхов использует понятия «сила» (масса тела, умноженная на ускорение), «живая сила» (произведение массы на квадрат скорости), «работа» (произведение массы на ускорение и на пройденное пространство). Сами эти термины, поясняет Н.Н. Страхов, условны, они используются для простоты и удобства употребления, т. е. не имеют отношение к сущности предмета. Точнее, таким предметом могут быть не только физические процессы, хотя прямо об этом Н.Н. Страхов и не говорит. Термины представляя собой известного рода абстракции, необходимые для всякого научного познания, в том числе и для механики.

«О сущности *того*, чему принадлежат эти величины, механика не говорит и не хочет говорить, точно так, как геометрия ничего не говорит о сущности пространства. Создание наук, вообще, основывается на подобных отвлечениях. Мы ошибаемся, когда воображаем, что науки всегда углубляются в свой предмет, раскрывают его природу; обыкновенно, чтобы сложилось научное познание, необходимо отдалиться от предмета, остановиться на его отдельной черте»¹.

Рассуждения Н.Н. Страхова не выходят за пределы анализа механических движений. В качестве примеров он приводит движение маятника или подброшенного мячика.

«В то же время очевидно, что тут *нечто* сохраняется, т. е. остается неизменным, потому что тут в каждое мгновение повторяется в точности то состояние, которое уже было и которое в свою очередь должно повести за собою новое такое же состояние. Чтобы выразить математически такое сохранение, математики говорят, что тут в каждое мгновение *действительная живая сила*, сложная с *возможною* живою силою, равна некоторой неизменной величине. Тогда выйдет, что чем больше действительная живая сила, тем меньше возможная и наоборот; сумма же их будет всегда одна и та же»². И далее Н.Н. Страхов заключает, что «принято “живую силу” называть *энергиею*. Энергия бывает двух родов: действительная живая сила называется *энергиею движения* или кинетической; возможная живая сила есть *энергия положения* или *потенциальная*. Закон сохранения энергии гласит: *сумма кинетической и потенциальной энергии есть количество неизменное*»³.

Привожу эти определения потому, что в записях Лаппо-Данилевского нет в строгом смысле определения закона сохранения энергии в механике, а лишь его экспликация на социо-культурный материал. Из него он, в частности, заимствует и количественные отношения величин. Например, Н.Н. Страхов пишет, что

«механика посредством чисто-математических соображений, доказывает, что работа равняется половине живой силы, то есть что, если станем считать, положим, с начала движения, то потом, какое бы мы ни

¹ Страхов Н.Н. О законе сохранения энергии // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 6. С. 109.

² Там же. С. 111.

³ Там же.

взяли мгновение, квадрат скорости в это мгновение равняется удвоенному произведению ускорения на пройденное пространство»¹.

Лаппо-Данилевский заменяет символы, используемые в механике, при формулировке закона сохранения энергии, на другие символы, допускающие интерпретацию в терминах социальной науки. В частности, он предлагает следующую формализацию: A – «культурная сила (например, Египта)», m – «число не культурных групп, ее окружающих», $A-x$ – «количество той силы, способное отвлечься от первичной группы, среди которой она возникла и раствориться в окружающих группах», P – «запас культурной энергии, выработанный среди m (самостоятельно) у всех групп вместе»². Далее Лаппо-Данилевский приводит свои формулы закона сохранения социальной энергии и дает им пояснения.

$$\llcorner 1. \frac{P(A-x)}{m}$$

$$\frac{P(A-x)}{m} + \frac{A-x}{m} \quad \frac{m}{2} \quad \frac{m}{2}$$

$$\left\{ \frac{P(A-x) + m(A-x)}{2} \right\}$$

$$\frac{\left\{ \frac{P(A-x) + m(A-x)}{2} \right\}}{m^2}$$

$$\frac{P(A-x)}{mm} + \frac{(A-x)}{2m} = \frac{P(A-x)}{mm} + \frac{2A-x}{m}$$

$$\frac{P(A-x)}{m} > \frac{P(A-x)}{m^2} \text{ в } \frac{m}{2} \text{ раза; чтобы } 2 \text{ было } > 1,$$

$$\text{нужно чтобы } \frac{2A-x}{m} > \frac{P(A-x)}{m^2}$$

<...>

$$(2A-x)m > P(A-x)2$$

$$2Am - mx > 2PA - 2x$$

$2PA$ несомненно *гораздо менее* $2Am$; ибо $Am=$ есть культурная сила A , повторенная в каждой из групп (m); а PA есть взаимодействие главной культурной силы с запасом культурной энергии всех остальных

¹ Там же. С. 110.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 379.

групп; m несколько более 2, поэтому $m \times$ несколько более $2x$; отсюда следует, что вероятно $2Am - mx > 2PA - 2x$.

Следовательно:

$$\frac{P(A-x)2 + m(2A-x)}{m^2} > \frac{P(A-x)}{2}$$

Отсюда следует гипотеза:

Доля развития, падающая на каждый социальный агрегат, входящий в состав данной системы, подлежит увеличению даже в том случае, если предполагать возможно полное растворение культуры способнейшей из них в пределах данной системы и образовании нового центра из числа данных в последующий период существования рассматриваемой системы»¹.

Общий вывод, к которому приходит Лаппо-Данилевский в результате приведенной формализации, состоит в обосновании того факта, что принцип культурного развития связан с процессом влияния или даже заимствований чужой культуры. В любом случае, заимствование более благотворно для культуры, чем ее изоляция. Если такой вывод подкрепляется лишь историческими наблюдениями, то он несет опасность субъективной интерпретации фактов. Напротив, опирающийся на формулу «закона сохранения социальной энергии», он не только сам заряжается большей энергией убедительности, но и указывает на объективность вывода и неизбежность результатов.

Косвенным образом принцип культурных заимствований, т. е. взаимопроникновения культур, возможности культурного синкретизма подтверждается физическим свойством проницаемости тел. Конечно, это все лишь еще одна аналогия, переносимая из мира физических явлений в область культуры.

«Это свойство в сущности лежит в основе закона о сохранении энергии, ибо без проницаемости тел не было бы возможным сохранить энергию»².

Свои рассуждения Лаппо-Данилевский подкреплял выписками из работ французского физиолога Ш.Л. Рише (Ch. Richet) (1850–1935).

¹ Там же. Л. 379–379 об.

² Там же. Л. 380.

Данность культурной энергии признается Лаппо-Данилевским в качестве аксиомы самой теории. Однако он не уходит от вопроса об источнике этой энергии. Культура не только, а может быть и не столько генерирует социо-культурную энергию, сколько преобразует энергию, превращая в нее в культурную форму. Продолжая аналогию, можно предположить, что культурная энергия должна быть энергией движения, действия, творческого преобразования, т. е. энергией кинетической, в то время как потенциальная энергия должна принадлежать к внешней по отношению культуре области – природе или космосу. Общество превращает потенциальную энергию космоса в культурную энергию, хотя их сумма и остается неизменной, согласно закону сохранения энергии. Лаппо-Данилевский пишет об этом во фрагменте «Закон сохранения энергии в применении к обществоведению», который в рукописи зачеркнут синим карандашом.

«Ир= потенциальная энергия космоса.

Ик= кинетическая энергия космоса

Я употребляю такое обозначение вот почему. Если считать Ир=∞, то и этим числом, как бесконечным, манипулировать нельзя. Надо чтобы оно возможно приближалось к бесконечности; для этого можно представить себе бесконечность без возможно меньшей величины (1).

∞

Но не есть ли и это манипуляция? Подумать. Впрочем, для дальнейшего это не важно. Пожалуй лучше опустить.

Ир= ∞- $\frac{1}{\infty}$ при Ик=0

∞

при Ик=1 – Ир= ∞-($\frac{1}{\infty} + 1$)

∞

при Ик=2 – Ир= ∞-($\frac{1}{\infty} + 2$)

∞

и т. д.

При всех изменениях Ир и Ик Ир+Ик= неизменной (постоянной величины)»¹.

Рассуждения в духе русского космизма есть и в самом большом фрагменте рукописи Лаппо-Данилевского, посвященном социо-культурному энергетизму. Отчасти этот фрагмент объясняет и причину того, почему ученый не решился обнародовать свои записи по этой те-

¹ Там же. Л. Л. 381.

ме. В учении Лаппо-Данилевского нет единства философской позиции, оно эклектично, что заметно даже по используемой терминологии. Он заимствует не только идеи космизма, но и позитивистской социологии и даже аристотелизма. Космос или природа являются источником всякой энергии, но это только потенциальная энергия. Уже в материальной основе мира – атомах – Лаппо-Данилевский видит переход от потенциальной энергии к кинетической. Причем этот переход он связывает с понятием формы. Иными словами, в природном бытии мы видим переход от хаоса или несвязанности частиц к оформленности или связанности с последующим усилением этой связанности. В природе происходит нарастание оформленности, т. е. проявленной (оформленной) энергии космоса. Материя, понимаемая как потенциальная энергия, нуждается или стремится к проявлению, к обретению формы. Взгляд на общество и культуру как на силу или энергию, позволяет предположить, что в том числе и социо-культурная деятельность представляет собой такое обретение потенциальной энергией формы. Продуктивность, так сказать творческая сила культуры, прямо пропорциональна ее энергичности (энергоемкости). Преобразование потенциальной энергии в кинетическую сопровождается изменением экстенсивных характеристик на интенсивные, трансформацией количественной вещественности в качественную мощь. Не случайно Лаппо-Данилевский говорит о силе и степени энергии. Собственно говоря, общество и культура представляют собой наиболее интенсивную и концентрированную форму энергии. Возрастающее энергичности, точнее степени преобразования потенциальной энергии в кинетическую, можно представить в виде иерархии, перехода энергии из неорганической формы в органическую, а затем в надорганическую. Причем, в общественной сфере потенциальная энергия космоса, усиливаемая энергиями неорганическими и органическими, интенсивнее превращается в кинетическую, т. е. деятельную, творческую энергию социо-культурной жизни. Приведу этот основной фрагмент рукописи Лаппо-Данилевского.

«Всякая сущность, поскольку она состоит из атомов, есть потенциальная энергия; форма этой сущности – есть энергия кинематическая. Отсюда можно сказать, что всякая сущность, поскольку она состоит из атомов, есть потенция ее осуществления в форме.

Степень энергии определяется показателем соотношения частиц (принципом, который определяет такое соотношение). Когда показатель=0, то частицы (атомы), между собою несвязанные ничем (предпо-

ложение едва ли возможное), – теоретически должны представить хаос, нечто для нас непонятное. Когда показатель=1, т. е. в основе соотношения частиц лежит один какой-н[ибудь] принцип (напр[имер], тяготения), частицы, связанные между собою, должны получить известные формы.

1) Мировой процесс есть постепенное превращение потенциальной энергии в кинематическую.

2) Это превращение тем *интенсивнее*, чем выше градация (сфера) сущностей, в среде которых оно происходит. Отсюда показатель кинематической энергии в разных сферах бытия представляет *статическую прогрессию*. Если примерно показатель к[инематической] э[нергии] в сфере неорганической = 1, то в сфере органической он = 2, в сфере надорганической = 3. Так, напр[имер], неорганические тела состоят из частиц на основании космического тяготения (тяготения в обычном смысле), органические – на основании космического и, скажем, жизненного тяготения, надорганические на основании космического, жизненного и социального тяготения.

3) Интенсивность этого превращения обнаруживается тем *быстрее*, чем выше градация сущностей. Отсюда: показатель кинематической энергии по мере возвышения в градации сущностей приобретает по времени характер *динамической прогрессии*. Положим, требуется определить показатель кинематической энергии социал[ьного] тяготения за известный период, сравнительно с предшествующим периодом. Означим этот неизвестный показатель через Z. Возьмем, напр[имер], два разных, один за другим следующих периода (I-й и II-й) существования трех вышеуказанных градаций. Означим данные показатели энергии этих градаций G_k , V_k и S_k . Тогда получим:

Первая градация (космическое тяг[отение]) -	$\left\{ \begin{array}{ll} \text{I} & \text{II} \\ G_k \dots\dots\dots & ..G_k \\ \\ V_k \dots\dots\dots & V_k + V_k \cdot x \\ S_k \dots\dots\dots & S_k + S_k(x+y). \end{array} \right.$
Вторая градация (жизненное тяг[отение]) - разумеется примерно	
Третья градация (социальное тяг[отение]) -	

Но, как указано выше, показатель кин[етической] энергии высшей градации включает в сущности показатели предшествовавших градаций. Отсюда действительные размеры показатели кинематической энергии третьей градации будут равны

$$Z = G_k + V_k + V_k \cdot x + S_k + S_k(x+y).$$

$$Z = G_k + V_k(1+x) + S_k(1+x+y).$$

Во второй градации за второй период показатель, скажем $Z_1 = G_k + V_k(1+x)$.

В третьей, положим Z_2

$$Z_2 = G_k.$$

Сравнивая величины Z_2 , Z_1 и Z мы наглядно замечаем, как интенсивность превращения потенциальной энергии в кинематическую *быстрее* происходит в третьей градации. (Разумеется, вышеприведенное рассуждение только разъясняет этот закон, а не доказывает его.)

1. Если общее заключение о том, что сумма потенциальной и кинематической энергии, есть величина неизменная, и приложимо к космосу вообще, то этот закон подвержен тем большим комбинациям, чем уже сфера его применения.

2. Возрастание показателей кинемат[ической] энергии в общественной сфере зависит: 1) от того, что он – производная показателей низшего порядка, а в мире органическом, к[ак] изв[естно], такое возрастание несомненно уже есть, 2) от возрастания потенц[иальной] энергии общества, 3) от самостоятельного возрастания кинемат[ической] энергии.

3. В обществе потенциальной энергией является народонаселение; но это лишь условно-потенциальная энергия. Каждый человек есть кинематическая энергия, если рассматривать его по отношению к низшим ступеням бытия и в свою очередь является атомом, из которого строится общественное тело, материей, из коей создается известная форма. В виду *условного* характера потенциальной энергии общества неудивительно, что *запас потенциальной энергии общества возрастает* (как это доказывают фактические наблюдения). Отсюда становится возможным большее возрастание и кинематической энергии в обществе. Наконец, в силу самого характера сцепления причин и следствий в сфере общественных явлений (см. Методологию) показатель кинематической энергии обществ[а] едва ли еще не возрастает сам по себе вне зависимости от возрастания потенциальной энергии, хотя, разумеется, последнее обстоятельство помогает первому, ибо и при тождественном неизменном запасе потенциальной энергии, тем не менее возможно себе представить возрастание кинематической энергии, хотя в таком случае предел этого возрастания будет более узким.

4. Это последнее (самостоятельное возрастание кинематической энергии общества) происходит быть может частью бессознательным, частью сознательным путем. Сознательное увеличение кинематической энергии общества достигается благодаря великим людям. Великий человек, вызывая важные изменения в обществе, дает исход существовавшему до него громадному запасу скрытой силы, которая накопилась в обществе за предшествующее его развитие (такой взгляд на великий

людей см. у Г. Спенсера, Изучение социологии. СПб., 1874. т. I, стр. 51–52)»¹.

Термин «надорганические», относящийся к телам, встречался в современной Лаппо-Данилевскому социологической литературе. Им, в частности, пользовался Н.И. Кареев для обозначения социо-культурных явлений в их отличии от явлений неорганических и органических. Впрочем, здесь же на полях Лаппо-Данилевский сделал пометку: «термины неудачны». Отсылка в тексте к «Методологии» подразумевает не книгу Лаппо-Данилевского «Методологию истории», а раздел в «Плане теории обществоведения», который предшествует в рукописи заметкам о законе сохранения социальной энергии. Так, приводимые рассуждения Лаппо-Данилевского примыкают или соотносятся с разделом о социальном тяготении, который представляет собой еще одну аналогию между физическими и социальными явлениями.

Последующие заметки Лаппо-Данилевского носят совсем уже фрагментарный характер. В основном это выписки на английском и французском языках из разных авторов, иллюстрирующие основные положения закона сохранения социальной энергии, «разрешения потенциальной энергии в кинематическую» и т. п. В частности, он приводит примеры, озаглавленные «Превращение репродуктивной энергии», где пишет: «Доказано, что в городах Европы проституция возрастает по мере того, как уменьшается количество браков. Чем меньше заключается браков в течение года, тем больше незаконнорожденных»². Из Д. Ройса он делает выписки по теме «сохранение энергии в умственной деятельности»³, а из В. Кузена – «сохранение энергии в архитектуре»⁴. История дает множество примеров такого превращения энергии. Ссылаясь на А. Сореля, он отмечает, что «борьба литературных партий до 1789 г. в революционное время превратилась в борьбу политических партий» и указывает на невыгодные последствия пренебрежения законом превращения энергии⁵. В содержании исторических интерпретаций Л. фон Ранке он также видит принцип сохранения энергии⁶. Отчасти к ним примыкает наблюдение

¹ Там же. Л. 381, 382, 383, 384.

² Там же. Л. 386.

³ Там же. Л. 390.

⁴ Там же. Л. 391.

⁵ Там же. Л. 393, 395.

⁶ Там же. Л. 394.

Лаппо-Данилевского о происхождении идеи социального равенства, которая, разрушая сословную иерархию, не меняла отношения людей к тем, кого они считали «ниже» себя.

«Идея о равенстве людей имела, скорее, антитетическое происхождение в том смысле, что при общественном положении

$N > M > K > L \dots$

$N < P < Q < R \dots$

N проникался теорией равенства не столько в отношениях своих к M, K, L..., сколько в отношениях своих к P, Q, R...»¹.

Больше всего выписок Лаппо-Данилевский сделал по теме «превращение энергии в языке», в частности, из У.Д. Уитни², А. Дармстетера³ и неуказанных в рукописи авторов⁴. Ссылаясь на У.Д. Уитни, он отмечал, что «потери, которые потерял английский язык, возмещены новыми приобретениями»⁵. Социализирующая роль языка состоит в фиксации общепризнанных значений слов и выражений, подразумевающих стереотипную реакцию (поведение) на них.

«Благодаря *постоянному обращению* одного и того же слова в пределах одной и той же социальной группы, можно (для простоты) предполагать, что с социальной точки зрения *общепризнанность определенной ассоциации между данным умственным и словесным представлением возрастает по мере развития языка*»⁶.

Различие в понимании слова возникает вследствие прагматической ситуации: положения говорящего лица, используемых грамматических и синтаксических средств. По словам Лаппо-Данилевского: «Обобщение звукового представления дает возможность подставлять под звуковое обозначение множество конкретных примеров и порождает различное понимание слова в зависимости от объема представлений воспринимающего субъекта»⁷. Здесь же он применяет к языку понятие математиче-

¹ Там же. Л. 414.

² Там же. Л. 387, 388.

³ Там же. Л. 389.

⁴ Там же. Л. 409, 410, 412.

⁵ Там же. Л. 387.

⁶ Там же. Л. 411.

⁷ Там же. Л. 417.

ской функции. Так, слово является функцией языка, а значение – функцией слова. Этот фрагмент в рукописи озаглавлен «Функция П».

«Всякий элемент (в широком смысле) J представляющий данную группу S можно назвать ее функцией и написать:

$$П(S)=J.$$

Например,

$$П(\text{языка}) = \text{слово},$$

П(слова) = ассоциация между умственным и словесным представлением и т. п.»¹.

Еще один фрагмент интригующе назван «Главный закон». В нем Лаппо-Данилевский посредством формализации показывает, что общество не является простой суммой его членов, а качественно новым состоянием. Это новое качество, собственно говоря, и проявляется в культурной энергии, в возрастании значения в обществе духовных факторов, являющихся следствием социального взаимодействия и вне этого взаимодействия не существующих, т. е. проявляющихся только посредством такого взаимодействия или общения. «Главный закон» выражается формулой $E(S)_c$, в которой Лаппо-Данилевский, вероятно, E обозначает энергию, S – социум, реально существующий только посредством своих переменных, т. е. социальных страт и индивидов. Социальный закон состоит в преобразовании материальной энергии в духовную или культурную, что на уровне индивида происходит посредством перехода от чувственного восприятия к области значений и смыслов. «Социализация превращения чистых чувствований в интеллектуализированные. Возрастающее значение интеллектуальных факторов в духовном развитии», – так это поясняет Лаппо-Данилевский². «Можно ли заменить S через

$$\Sigma (R, C, J) + \Delta (R, C, J) ?$$

и есть ли возможность в некоторых специфических случаях заменять S одним из таких слагаемых?» – задается он вопросом³. Не отвечая прямо на этот вопрос, Лаппо-Данилевский из контекста своих рассуждений показывает, что утрата разнообразия, унификация в обществе, экземплификация, т. е. отождествление целого только с одной из его частей, обедняет культуру, поскольку разрушает связанность, взаимозави-

¹ Там же. Л. 415.

² Там же. Л. 405.

³ Там же. Л. 406.

симость элементов, благодаря которым как раз и формируется социальная энергия. Напротив, по мере развития общества нарастает разнообразие и вариативность культуры и путей социального развития. Общество и культура движутся в сторону усложнения. Об этом Лаппо-Данилевский пишет в одном из фрагментов.

«Если бы все возможные ориентировки в каждый момент эволюции были бы равновозможными, то нельзя было бы допустить постепенного сокращения числа возможных ориентировок по мере развития; значит, в каждом моменте эволюции вероятность ее ориентировок не одинакова и возрастает по отношению к данной ориентировки по мере развития»¹.

Взаимозависимость социальных явлений означает невозможность игнорировать какую-то одну часть, или отдавать предпочтение одной из частей в ущерб другим. Исследователь должен учитывать эту системность культуры и функциональную зависимость социальных процессов. Как профессиональный историк, Лаппо-Данилевский ссылается здесь на известное высказывание Тацита.

«В виду согласованности явлений общественной жизни, важно говорить не только правду, но *всю* правду; историк, говоря словами Тацита, *ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat*»².

Учение о социо-культурном энергетизме не получило развитие в последующих работах Лаппо-Данилевского. В его главном философском произведении – «Методологии истории» – преобладает уже неокантианская терминология. Однако оно отчасти нашло отражение в некоторых его конкретно-исторических исследованиях, посвященных истории русской культуры XVIII в. Такова, в частности, его докторская диссертация «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики», при жизни им не опубликованная. Примерно одна треть рукописи была издана только в 1990 г. под заглавием «История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв.»³. В

¹ Там же. Л. 407.

² Там же. Л. 408. «Да убоится она какой бы то ни было лжи, да не убоится какой бы то ни было правды».

³ Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1990.

2005 г. в Германии вышел первый том, включающий в себя и ранее опубликованную часть¹. В своей докторской диссертации Лаппо-Данилевский руководствовался теми идеями, которые ранее сформулировал в наброске о социально-культурном энергетизме. Исследование Лаппо-Данилевского фактически посвящено истории культурных заимствований в России XVII–XVIII вв. и их влиянию на развитие русского правосознания. Он отмечал, что сама европейская культура в XVII в. еще окончательно не разделилась на светскую и религиозную, поэтому, рассматривая воздействие западноевропейской культуры на русскую, мы должны учитывать ее религиозную составляющую, т. е. различать влияние католической (XVII в.) и протестантской (с рубежа XVII–XVIII вв.) субкультур. Постепенное освобождение от вероисповедной точки зрения на культуру и политику в России становится заметно лишь со второй половины XVIII в. Лаппо-Данилевский связывает этот процесс с распространением идей рационализма, естественного права и полицейского государства. Однако первоначальное усвоение этих идей в России сопровождалось либо католической, либо протестантской пропагандой. Лаппо-Данилевский подробно рассматривает влияние протестантизма на русскую культуру, который, в отличие от католицизма, не задерживал «сводное развитие индивидуальности»². Предпочтение протестантского варианта европейской культуры в России в конце XVII в. было вызвано, с одной стороны, как традиционным недоверием к католикам, так и, с другой стороны, тем, что латино-польская схоластика не могла удовлетворить возникающую потребность в элементах светской культуры. Подрывая авторитет схоластики, протестантизм способствовал усвоению русским обществом новых идей, в частности, таких как «доверие к разуму, признание ценности жизни и естественности человеческих потребностей, новые взгляды на значение личности и государства»³. Протестантизм, провозглашая «субъективное чувство веры в Бога», знакомил русских людей с понятием о правах человека, поднимал моральный авторитет государства. В области философии благодаря протестантизму в Россию проникало влияние и новой философии, в частности, картезиан-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2005. – 462 с. + XXXII с.

² Там же. С. 169.

³ Там же. С. 179.

ства. На общем фоне сильного влияния немецкого протестантизма, Лаппо-Данилевский отмечал хронологическую последовательность воздействия сначала английской культуры, а к концу XVII в. значительно ее потеснившей голландской. Подробно ученый разбирал и различные реакции на влияние протестантизма: католическую (прежде всего, Ю. Крижанич) и православную (И. Посошков). Не распространяясь подробно о формообразующей роли культуры или о преобразовании потенциальной энергии в кинетическую, Лаппо-Данилевский в докторской диссертации иллюстрировал один из выводов своей социо-энергетической концепции о благотворности заимствований для последующего развития культуры. Работа над полным изданием докторской диссертации Лаппо-Данилевского еще продолжается, но уже можно сказать, что рукописи по социологии и теории обществоведения были одним из концептуальных истоков его работ по истории русской культуры.

«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОБСТВЕННО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОСТРОЕНИЯ»

В курсе «Научные основы социологии» Лаппо-Данилевский указывал на значение знаний об обществе в том числе и для нашей повседневной жизни, состоящей, казалось бы, из регулярно повторяющихся фактов и наполненных очевидными данностями сознания. Однако понимание социальной жизни для обыденного сознания оказывается не столь очевидным. Даже многообразие социальных наук не способно полностью покрыть те вопросы, которые возникают перед индивидом в обществе. На эту роль претендует социология. С одной стороны, она воспринимается как одна из социальных наук, но, с другой стороны, рассчитывает выступить в качестве интегрирующей науки, синтезирующей достижения прочих социальных дисциплин.

Завершался курс лекций «Научные основы социологии в их историческом развитии» разделом «Очередные задачи собственно социологического построения». В рукописи материалы этого раздела представлены в краткой, даже порой, тезисной форме. Тем не менее, они воспринимаются как вполне целостный текст, чем выгодно отличаются от большинства других разделов курса, и могут быть воспроизведены практически без изменений и существенных дополнений.

«I. Теоретико-познавательное направление»

Теория познания выясняет *принципы*, логически обуславливающие самую возможность познания данного рода объектов, в частности, принципы или “общезначимые условия” познания *социальных явлений*.

С такой точки зрения она получает существенное значение для построения и социальной *статики* и социальной *динамики*.

1) *принцип признания “чужого я”* лежит в основе социальной статики и динамики.

2) *принцип формы* – в основе социальной статики.

3) *принцип абсолютной цели* ставится некоторыми в основу динамики (т. е. прогрессивного развития).

1) Проблема “чужого я”

Юм уже затронул принцип признания чужого я.

Постановка проблемы

На каком *основании* я признаю другого одушевленным?

Ведь чужая одушевленность мне *не дана* эмпирически, в опыте, в *качестве таковой*; я воспринимаю только *механические* действия дру-

гого, его движения, сотрясения воздуха, производимые им, воздействия, оказываемые им на мое тело и т. п.

На каком основании я представляю *одушевленность* под такой *механизм*, не считаю его только *машиной*?

А между тем, в каждом акте социального общения я уже исхожу из представления об одушевленности того, с кем я вступаю в взаимодействие, *я мыслю его субъектом*, и лишь *под условием* такого понятия я вхожу в такое социальное общение с *ним*, в какое я не входил бы, если бы считал его *только вещью*?

Решение проблемы

1) или в *отрицательном* смысле (разумеется, в теоретико-познавательном) *нет оснований* для признания чужого я (*солипсизм*).

2) или в *положительном* смысле

а) *теоретическом*: аа) *конститутивном*

я не могу мыслить себя субъектом *вне моего* отношения к другим субъектам, значит, *самый акт самосознания уже включает сознание других*. Ср[авни] Кант, Шуппе, Шуберт, Сольдерн, Коген.

bb) *реляционном* – гипотеза (Авенариус, *Зиммель*).

б) *практическом*

с *нравственной точки зрения я должен* смотреть на другого, как на *самоцель*, а не как на средство, иначе я буду поступать безнравственно: я буду обращаться с ним как с *вещью* (ср[авни] рабство).

Но такое *нравственное требование* моего сознания уже включает признание “чужого я”, его одушевленности и т. п. Кант, Фихте, Введенский.

Принцип признания чужого я лежит *в основе социальной статики*: социальное отношение не возникает в том случае, если субъект (я) – действует на другой субъект только как на объект-вещь. Например, в том случае, если ученый медик экспериментирует над своим пациентом, как над физиологическим явлением, или ученый судья оперирует над обвиняемым, как над отвлеченным казусом, подводимым под обобщения психопатологи.

В сущности принцип признания чужой одушевленности лежит в основе *сознания принадлежности своей* к данной социальной группе, к семье, племени, народу; или к какому-либо обществу, корпорации, словию, партии и т. п., или к государству, или к группе наций, человечеству, союзу государств и т. п.

Психологическое и конкретное приложение того же принципа (едва ли опознанного в его теоретико-познавательном значении) можно встретить у *Гиддинса* с его учением о сознании рода.

2) *Принцип формы*

Всякое понятие состоит из *формы*, т. е. общезначимых условий познания, и его *содержания* (материи).

В понятии об обществе следует различать его форму, т. е. “*внешнее регулирование*”, правило, норму, под условием (в логическом смысле) которых люди вступают в общение и его содержание, т. е. “*совместную деятельность*” людей, направленную к удовлетворению их потребностей” (Штаммлер).

3) Принцип абсолютной цели

Систематическое единство моего сознания обнаруживается в двух направлениях:

в единстве познания;

в единстве воли;

понятие о таком единстве – воли есть *руководящая идея* (регул[ятивный] принцип), служащая для объединения нашей деятельности.

Но систематическое, т. е. безусловное или абсолютное единство воли, с точки зрения которого мы и *объединяем* нашу деятельность, возможно лишь под условием такой же безусловной или абсолютной цели, а абсолютная цель – только и может быть безусловно-*должной* или безусловно-нравственной; всякая другая – уже относительна, более или менее случайна; значит, абсолютная, безусловно-нравственная цель должна определять и человеческое развитие, его направление, его *законосообразность*: прогресс и состоит том, что люди все яснее сознают такую цель и все с большею последовательностью стремятся к ее осуществлению.

Таким образом, общество все более проникается сознанием одной абсолютной цели, *общей* всем его членам и все более становятся общностью воли.

Конечная идеальная цель социального развития есть “общество свободно хотящих людей, в котором всякий считает своими объективно-правомерные цели другого”.

Люди стремятся к достижению этого идеала, обуславливающего телеологически-законосообразное прогрессивное развитие их деятельности.

“*Чистая социология*” = абстрактная.

Социология, по словам Л. Уорда – наука *абстрактная*: она изучает “явления и законы общества, как такового”.

Конт уже зачислил социологию в группу “*абстрактных*” наук, но в V–VI гг. своего курса не удержался на такой точке зрения.

Абстрактная социология

Абстрактная социология исходит из различения между *социальной формой* и ее *содержанием*.

С такой точки зрения можно различать *основную форму* – “*обобществление*” (Vergesellschaftung) или то “*единство*”, какое возникает в

совокупности элементов благодаря их взаимодействию, т. е. потому, что каждый действует на других и, в свою очередь, испытывает на себе их действия и *основное содержание* – т. е. те *реальные интересы*, под влиянием которых люди образуют такое единство (общество), обуславливающее их осуществление.

Такие интересы могут быть чувственными или идеальными, сознательными или бессознательными, действующими в причинно-следственном или в телеологическом смысле (движения – то же содержание соц[иальной] формы).

Основные формы *обобществления* представляются нам в самых разнообразных формах *взаимодействия*, например,

Подчинении
Конкуренции
Подражании
разделении труда
образовании партий
представительств и т. п.

Одна и та же социальная форма может быть, однако, заполнена весьма *разнообразным содержанием*: подчинение, например, можно наблюдать

И в семье
И в государстве
И в религиозной общине
И в промышленном товариществе
И в школе
И в каком-либо тайном обществе заговорщиков и т. п.

Социология и есть *абстрактная наука*, изучающая “*чистые формы обобществления*”, *отвлекая* их от того частного содержания, которое в данном случае заполняет их, т. е. рассматривая их в той мере, в какой каждая из них может *вместить в себя самые разнообразные содержания*.

С такой точки зрения, например, абстрактная социология изучает, положим, *конкуренцию*, как *чистую* форму человеческих отношений; она исследует, при каких условиях конкуренция возникает, как она развивается, как она видоизменяется в зависимости от конкретного ее содержания, при каких обстоятельствах, т. е. каком общественном порядке, мерах и т. п., она усиливается или ослабевает, в чем состоит отличие конкуренции между отдельными индивидуумами и конкуренции между целыми общ[ественными] группами и т. п.

В числе “социальных форм” можно было бы, пожалуй, рассматривать и “*социальное принуждение*” (*contrainte sociale*); некоторые социологи полагают понятие о нем в основу понятия о социологии, социаль-

ном явлении и т. п., хотя едва ли вполне сознают *формальный* его характер, и наоборот готовы придать своей социологии значение “*объективной*” науки в “положительном смысле” (Durkheim).

III. Историческое направление в социологии

Социология получает *собственно исторический* характер в том случае, если она изучает социальные явления (социальную статистику и динамику) с *индивидуализирующей*, а не обобщающей точки зрения, т. е. в зависимости их от *данных в действительности* условий места и времени, а также в зависимости от *данной индивидуальности*, воздействующей на то целое, к которому она принадлежит.

С такой точки зрения социология получает исторический характер и сближается с *исторической этнографией*; она рассматривает данный продукт культуры не изолированно от остальных, а *вставляя* его в данную культуру, она полагает, что многие продукты культуры возникают в разных социальных группах *не параллельно*, повторяясь под влиянием одинаковых условий, а путем *заимствования* или перенесения из одной группы в другую; в частности, и *влияние европейской* культуры на упадок прежнего мировоззрения и быта дикарей. Она интересуется *областью* культуры (Kulturkreis), возникшей при данных местных условиях *исторически* сложившейся, и ее распространение на *другие* социальные группы, она изучает и *слои культуры*, образующиеся благодаря проникновению новой культуры в такие группы, где она прикрывает старую и т. п.

Ратцель придерживался такого направления в своей антропологии.

Graebner в последнее время старался выяснить пределы области *океанической* культуры и ее *слоев*: он различает в Южном море (вместе с Австралией) 5 различных слоев культуры; он полагает, что один из ее видов (melanesische, “Vogenkultur”) распространился на некоторые части Азии и Америки, вообще близких к Тихому океану и приходит к заключению, что этот тип есть *четвертый* слой океанической культуры.

Приверженцы историко-социологического направления стремятся изучить *индивидуальные особенности* данной культуры или ее *элементов*, изучая *мифы*, например, они интересуются не только его типом, но и единичными вариантами. Изучая религии, исследуют в какой мере религиозные представления в пределах данного племени дифференцировались, изучают *личности* кудесника или жреца в ее целом, ее индивидуальное развитие, степень его собственной убежденности, основание его именно авторитета и т. п.»¹.

¹ Там же. Л. 429–446.

Занятие социологией было для Лаппо-Данилевского продолжением и, так сказать, развитием его методолого-исторических исследований. Материалы и выводы, полученные в результате разработки теоретических и методологических проблем историографии требовали выхода на новый уровень обобщений, которому историческая наука уже не удовлетворяла. Социология как раз и позволяла Лаппо-Данилевскому занять такую метапозицию по отношению к истории и, тем самым, дать научное обоснование историографии. Впрочем, Лаппо-Данилевский, вероятно, не собирался останавливаться на социологии. Изучение социологии прежде всего с точки зрения раскрытия сменявших в ней друг друга социальных теорий, должно было послужить формулированию «теории обществоведения». К сожалению, ученый не успел подробно обосновать контуры такой теории. Ясно лишь, что изучение методов исторического познания и реконструкции, анализа исторических источников и явлений поставляли «материал», «первичный слой» значений, понятий, предварительных обобщений и концептов для создания «теории обществоведения».

Одним из главных принципов как методолого-исторической, так социологической концепции Лаппо-Данилевского было признание чужой душевной жизни, означавшее опровержение крайних форм солипсизма. В «Методологии истории» и ряде других произведений Лаппо-Данилевский обращался к этой проблематике¹. Надо заметить, что вопрос объективности «чужого я» активно обсуждался в русской философии в конце XIX в. Поводом, возбудившим этот вопрос, стала публикация в 1892 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а затем и отдельным изданием работы А.И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физический закон в связи с вопросом о возможности метафизики». С критикой А.И. Введенского выступили, главным образом, московские философы (С.Н. Трубецкой, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, П.Е. Астафьев) и – в мягкой форме Э.Л. Радлов. Позднее к полемике подключились петербургские ученики и коллеги А.И. Введенского Н.О. Лосский, С.А. Алексеев-Аскольдов и И.И. Лапшин. Последний из них был и активным участником методологических «семинариев» Лаппо-Данилевского. В последующих работах А.И. Введенский неоднократно возвращался к формулировке своего учения, продолжавшего, как

¹ *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории.* СПб., 1910–1913. Вып. I–II; *Лаппо-Данилевский А.С. Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения // Вопросы философии.* 2013. № 12.

отмечал и Лаппо-Данилевский, линию И. Канта. Возможность преодоления солипсизма он видел в нудительной силе «нравственного чувства»¹. Лаппо-Данилевский, в то время еще только совершавший первые самостоятельные шаги на поприще научной деятельности, вероятно, следил за ходом дискуссии и не считал спор законченным, а проблему «чужого я» разрешенной. Эта полемика показала Лаппо-Данилевскому всю важность решения вопроса о чужой душевной жизни для того философского контекста, в пределах которого пытался определиться со своими теоретическими предпочтениями он сам.

То большое внимание, которое Лаппо-Данилевский уделял проблеме «чужого я» и в «Методологии истории» и в лекциях по социологии показывает, что в своем социологическом учении он исходил из принципа социального атомизма. Социологические взгляды Лаппо-Данилевского отчасти были имплицитованы социально-философскими теориями XVII–XVIII в., которым был посвящен ряд его специальных исторических исследований о влиянии западноевропейских политических и философских учений на русскую мысль. Согласно разделяемой им точке зрения, изначально существуют только индивидуальные сознания («я»), способность которых проявляться, действовать во внешне мире называется волей. Социальный мир, таким образом, понимается как взаимодействие индивидуальных волей. Направление действия воли определяется целью, которую выбирает «я». Соответственно, и общество, как совокупность волей, тоже должно иметь цель, общую для всех индивидов. В противном случае, мы не можем говорить об обществе как о едином целом, а лишь о сумме индивидуальных волей. Но если мы знаем, что существует семья, сословие, народ, государство, то, значит, есть такое единство, объединяемое общими для них целями. Общая (абсолютная) цель объединяет индивидуальные воли. Это уже не конфликт волей по сценарию «войны всех против всех», а соединение волевых усилий ради общей цели. В идеале для Лаппо-Данилевского такой целью должна быть «безусловно-нравственная цель». Здесь Лаппо-Данилевский присоединился к тому социально-нравственному учению, которое было предложено И. Кантом и возобновлено А.И. Введенским. Вероятно, Лаппо-Данилевский был также склонен относить социальную жизнь к области

¹ Малинов А.В. «Психофизический закон» А.И. Введенского и его критики // Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 73–128.

телеологических процессов. Признание существования «чужого я» влечет и признание социальных институтов. Этическое преодоление солипсизма означает, что общество регулируется нормами и моральными правилами. Реальность общества деонтологична.

Приведенный фрагмент из «Научных основа социологии» позволяет выявить и те социологические концепции, на которые ориентировался Лаппо-Данилевский. В тексте он называет Э. Дюргейма, фактически воспроизводя его определение «социального факта». Упоминание Л. Уорда и О. Конта не носит принципиального характера. О. Конту в лекциях был отведен отдельный раздел, а Л. Уорд рассматривался также в специальном разделе о психологическом направлении в социологии. Гораздо существеннее для Лаппо-Данилевского было учение Г. Зиммеля о «чистых формах социации» и социологии как теории познания социальных наук. При этом Г. Зиммель в дошедшем до нас фрагменте не упоминается. «Методология истории» Лаппо-Данилевского показывает его близость к философско-историческим поискам баденской школы неокантианства. В «Методологии истории» русский ученый, в частности, писал об «аксиологическом анализе», абсолютных и общепризнанных ценностях, идиографическом и номотетическом подходах, как необходимых концептах исторического познания. Однако в лекциях по истории социологии эти сюжеты отсутствуют. Наоборот, создается впечатление, что ученый здесь отчасти следует линии, намеченной марбургской школой неокантианства. Так, он говорит не об обществе, а о «понятии общества», его форме и содержании, способах построения такого понятия. С этой точки зрения он подходит и к интерпретации зиммелевских «чистых форм обобществления».

К основным задачам социологического построения Лаппо-Данилевский относил и историческую социологию, точнее, «историческое направление». Историческая социология в истолковании русского ученого также выглядела продуктом немецкого неокантианства. Она означала индивидуализацию социального процесса, конкретизацию социальной жизни. В то же время Лаппо-Данилевский фактически отождествлял историческое направление в социологии с историей культуры.

ОТ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ К ТЕОРИИ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

В материалах к курсу «Научные основы социологии в их историческом развитии» сохранились фрагменты и другого, более раннего курса по методологии русской истории. Один из этих фрагментов датирован 23 апреля 1895 г. и, судя по содержанию, является частью заключительной лекции. Когда эти фрагменты были включены в состав историко-социологических лекций (были ли они привлечены самим ученым, или добавлены его вдовой при передаче рукописей в архив Академии наук, или оказались в одном деле в результате обработки фонда в советское время), сейчас сказать трудно. По крайней мере, несмотря на временной разрыв между двумя курсами, они обнаруживают тематическую близость и могут дополнять друг друга.

Еще в молодости Александр Сергеевич наметил путь интеллектуального развития и старался придерживаться его в течение жизни. Путь этот предполагал расширение научных поисков от частных исторических исследований, к постижению эпистемологических основ дисциплины (в данном случае, истории) и далее к построению общей теории социогуманитарного знания. Первые самостоятельные исследования Лаппо-Данилевского были как раз посвящены конкретным вопросам русской истории XVIII–XVIII вв. Эти работы принесли молодому ученому заслуженное признание профессионалов. Не случайно в 36-летнем возрасте по совету академиков К.Н. Бестужева-Рюмина и В.Г. Васильевского он был избран адъюнктом Академии наук (с 1902 г – экстраординарный академик, с 1905 – ординарный академик). Заняв достойное место в отечественной историографии, Лаппо-Данилевский проявил себя и как умелый организатор науки.

В первое десятилетие XX в. ученый обратился к новой теме – методологии истории. Поводом к этим занятиям стало поручение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета прочитать трехгодичный курс методологии истории. Впрочем, среди петербургских историков его поколения едва ли можно было найти человека более способного справиться с этой задачей. Разработка теоретико-методологических проблем историографии вполне соответствовала и той исследовательской (можно даже сказать, экзистенциальной) установке, которую Лаппо-Данилевский избрал для себя. В своем курсе он не ограничился классификацией и фиксацией методов, приемов и спосо-

бов, которыми пользуются историки. Лаппо-Данилевский подошел к исследованию вопросов методологии истории шире – с гносеологической точки зрения. После публикации работ Лаппо-Данилевского методология истории прочно стала ассоциироваться с теорией исторического познания. Сам ученый в своих исканиях исходил из философских концепций позитивизма и неокантианства, видя в них варианты построения современной ему научной философии. Однако, будучи профессиональным историком, он использовал лишь те положения философских учений, которые действительно соответствовали работе историка. По глубине и в то же время компетентности философского анализа исторических проблем с работами Лаппо-Данилевского может конкурировать, пожалуй, только «Философия истории» Л.П. Карсавина, написанная, впрочем, с иных философских позиций. Итогом многолетнего труда ученого над философскими проблемами истории стало издание «Методологии истории», вышедшей в трех редакциях (1909, 1910–1913, 1923). Причем, каждый раз книга переделывалась и переписывалась настолько, что в результате мы имеем не три редакции одного произведения, а три разных исследования. По-видимому, сам Александр Сергеевич не считал свою разработку гносеологических вопросов истории завершенной и поэтому постоянно к ней возвращался. Публикуемые фрагменты курса по методологии русской истории, вероятно, являются наиболее ранним опытом Лаппо-Данилевского в этом направлении.

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский подчеркивал, что история, в отличие от естествознания, не отделяет знание от действительности. Более того, действительность истории и есть ее знание; она не дается, а задается или «пострается». Изучая прошлое, исследователь может подходить к истории либо со стороны знания (теория и методология истории), либо со стороны действительности (теория исторического процесса). Теоретико-методологическая установка в историографии предусматривает два пути или метода достижения знания о прошлом: обобщающий и индивидуализирующий, и две точки зрения на предмет: номотетическую и идиографическую. Историк не только исходит от действительности, но и научно создает ее. Иными словами, методология истории «стремится научно построить историческую действительность»¹. Свой курс «Методологии истории» Лаппо-Данилевский делил на две ча-

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II. С. 521.

сти: теорию исторического знания и учение о методах исторического мышления.

«Исторический факт», на который опирается познание прошлого, является результатом отношения индивидуальности к окружающей ее действительности. Однако историк также индивидуально или субъективно относится к этому факту и тому источнику, посредством которого этот факт «дан», т. е. историк неизбежно оценивает этот факт. Тем не менее, оценка исторического факта еще не является его познанием. Для исторической науки важна не субъективная оценка, а отнесение факта к ценности, наделение его значением, смыслом. Ценность не устраняет субъективность нашего отношения к факту, поскольку характеризуется моментом требования, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию. Эти требования носят абсолютный характер и бывают познавательными, этическими или эстетическими. Отнесение факта к ценности, являясь индивидуальным актом, в конце концов, соотносится с переживанием. Переживание выступает субъективным коррелятом ценности, субъективным аналогом исторического значения.

Процесс выбора ценности и придание факту значения посредством отнесения его к ценности Лаппо-Данилевский называл «аксиологическим анализом». Установлением или обоснованием ценностей занимается философия; в отношении истории это дело философии истории. Философия вырабатывает систему абсолютных ценностей, в первую очередь, устанавливает ценность добра, истины и красоты. Философски обоснованные и, в силу этого, абсолютные ценности применимы для историка лишь тогда, когда они являются (исторически) общепризнанными; иными словами, когда они имели отношение к действительности, т. е. действительно разделялись, например, социальной группой. Отнесение к абсолютным ценностям часто является для историка недостаточным. Общепризнанные ценности психологичны, что вызвано тем обстоятельством, что исторические объекты являются субъектами, а, значит, сами (были) способны выбирать, устанавливать и обосновывать ценности. Отсюда проистекает важное для Лаппо-Данилевского различие в отнесении к обоснованной и к общепризнанной ценностям.

Методология истории давала ученому материал для дальнейших обобщений, позволяла приступить к формулированию «теории обществоведения». Историческая наука служила ему той основой, опираясь на которую он надеялся эксплицировать и основополагающие принципы социо-гуманитарного знания. В этом стремлении поиски Лаппо-

Данилевского сближались с социологией, также претендовавшей на интегрирующую и синтезирующую роль в общественных науках. После избрания в 1916 г. председателем Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, социология стала предметом не только исследовательских, но организаторских забот Лаппо-Данилевского. К социологии ученый пришел от занятий исторической гносеологией. В социологии он, прежде всего, искал применения теоретико-познавательной точки зрения, полагая, в согласии с Г. Зиммелем, что социология может стать общей теорией познания социальных наук.

В материалах к лекциям по истории социологии 1911 г. имеются несколько фрагментов курса по методологии русской истории. Они, также как и находящиеся здесь же фрагменты вводной и заключительной частей «Научных основ социологии», дошли до нас в более полной форме, чем другие фрагменты курса, по большей части, являющиеся лишь краткими заметками и набросками. Фрагменты лекций по методологии русской истории могут быть воспроизведены лишь с незначительными пояснениями и комментариями.

Уже в начале лекций по методологии русской истории Лаппо-Данилевский постулировал, что без разработки собственной теории познания история не может считаться наукой. Такой исторической гносеологией должна стать методология истории. И в начале и в завершении лекций Лаппо-Данилевский акцентировал внимание на личном или, как он писал, субъективном моменте. С одной стороны, разрешение методологических вопросов истории он воспринимал как свою личную задачу в качестве профессионального историка, который без четких гносеологических положений не может быть уверен в научности своих изысканий, а значит и в постижении самой истины. С другой стороны, субъективность означает, что с теми же самыми вопросами сталкивается любой историк, задумывающийся об исследовательских принципах, исходных точках зрения и целях своего труда. Причем эти принципы, точки и цели должны быть общими для всех исследователей прошлого, должны быть универсальны. Возможность их раскрытия, постижения кроется именно в субъективности самого подхода, поскольку, если личные мотивации ученых и могут быть различны, то сами исследовательские, научные принципы, методы и практики коренятся в единстве и общности природы самого познания. Наша субъективность со стороны познания оказывается всеобщей, она не разобщает, а сближает людей, так как сам процесс познания универсален и, если люди действительно что-то познают, то

познают это одинаковым образом. Мысля по-настоящему, они должны прийти к одним и тем же выводам. Субъективность, о которой говорит Лаппо-Данилевский – это трансцендентальная субъективность. В своей «Методологии истории» ученый пытался описать, как исторически познает трансцендентальный субъект. И в такой постановке вопросов он оказывался последовательным кантианцем.

«Вводную лекцию к предлагаемому курсу по методологии русской истории, я намерен посвятить выяснению *субъективной стороны* этих чтений. Во избежание могущих возникнуть недоразумений, я желал бы прежде всего дать вам несколько указаний на то, как я смотрю на задачу предстоящего курса и *что вы* будете иметь возможность почерпнуть из него, а потом уже приступлю к систематическому изложению основных его посылок.

При изучении явлений, подлежащих ведению историка, как всеобщего, так и русского, все равно, я всегда испытывал, me inoito (невольно) потребность в *более стройной системе основных приемов* научного изучения исторических явлений. Мне нередко бывало больно и стыдно за свою науку: такая сумятица понятий, методов и взглядов на феноменологию предмета царила в нем, так мало похож он был в этом отношении на науки точные. Мне казалось, что *прямая обязанность* всякого историка – попытаться прежде всего установить способы, как выйти из этого лабиринта и я давно уже принял за дело.

Эта внутренняя личная потребность находила пищу и подкрепление в нарождавшихся за последнее время попытках других лиц, конечно во многих отношениях гораздо более компетентных, чем я в решении вопросов, связанных с разработкою такого рода систем. *Но труды* Смедта, Бернгейма, Жири, Фримана удовлетворяли меня лишь отчасти и по моему мнению в недостаточной мере находили себе надлежащие»¹.

Средства, методы и приемы исторического исследования не могут быть заимствованы из других научных дисциплин. Конечно, у истории могут быть общие методы с другими науками, но это не значит, что эти методы всегда заимствуются. Общность проистекает из единой эпистемологической основы этих дисциплин, поэтому методы науки должны быть выведены из теории познания, из гносеологической специфики самих дисциплин. Наиболее крупный фрагмент лекций по методологии русской истории посвящен методу анализа. Лаппо-Данилевский подро-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 10.

но поясняет, почему он останавливается на этом методе. Данный фрагмент был озаглавлен «Разновидности источников исторического видения», но потом это заглавие было зачеркнуто, очевидно, из-за того, что Лаппо-Данилевский вышел за пределы изначально намеченной задачи. Главный источник нашего знания о прошлом – это косвенные наблюдения, т. е. следы, остатки, обломки исторической реальности. Для Лаппо-Данилевского принципиально различие источника и самого явления, а, следовательно, и способов их познания. Конечно, и явление и источник – реальны, но это разные модальности реальности. Разные даже не смотря на то, что источник понимается в качестве части, уцелевшего фрагмента исторического события. Путь познания историка лежит от проблематической реальности источника к ассерторической реальности явления. В лекциях и в опубликованной «Методологии истории» Лаппо-Данилевский говорит о феноменологии¹, но, конечно, не в гуссерлианском смысле. Историческая феноменология у Лаппо-Данилевского – это не трансцендентальная феноменология сознания, а учение об исторических явлениях, исторической данности. В близком значении выражение «историческая феноменология» использовал и Н.И. Кареев. Иными словами, познание истории начинается с явленности или данности некой реальности нашему сознанию. Отсюда учение об исторических источниках, включающее историческую критику и историческую интерпретацию, относится к исторической феноменологии, поскольку через источник нам дается историческая реальность. Источник – данность, явленность исторического.

«Обществоведение изучает инстинктивные и сознательные продукты человеческого творчества в прост[ранстве] и времени. Отсюда вопросы о том: каковы *средства*, которыми я постигаю эти процессы и продукты.

Это я делаю.

Прямо – непосредственным наблюдением, которое нуждается в известных условиях. Случаев прямого наблюдения (совсем не обращаясь к косвенному) почти не бывает.

Косвенно – через изучение источников. При косвенном наблюдении я имею дело с *консолированными обломками* явлений, а не самими явлениями в *целом* их виде и в *текущем* их состоянии. Отсюда косвенное наблюдение приводит к двум различным операциям.

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Выпуск II.

Необходимо различать:

а) Способы изучения *источников*, на основании которых мы познаем явления.

б) Способы изучения *явлений*, реставрированных с помощью первого ряда способов.

Пример: летопись: 1) как объект критики, 2) как источник явлений и 3) как явление (историко-литературное произведение), характеризующее духовное развитие данной эпохи.

В первого рода приемах *преобладает* анализ (состав памятника), во второй – синтез; поэтому первую часть методологии можно назвать *аналитической*, вторую - *синтетической*.

Отд. II. Феноменология

Пользуясь вышеуказ[анными] методологическими приемами можно приблизится к пониманию общественного развития, попытаться построить его *теорию*.

В каждом из проявлений развития следующих за космическим есть *доля развития выводимого* из генетической связи его с предшествующей стадией, с другой – доля непосредственно входящая *самостоятельную* частью в мировое развитие.

Т[аким] о[бразом] феноменология сводится к теории эволюции, поскольку она сказывается в жизни человеческих обществ. (Требование это уже было поставлено Спенсером; он однако его *не* осуществил в своей социологии).

Основательно, научно выполнить всю эту программу в этом году, невозможно.

Слабость моих личных научных сил, недостаток времени и невозможность слишком сжато и отвлеченно излагать мысли иногда не совсем обычные, молодым умам – принуждают меня остановиться в настоящем году лишь *на первом отделе первой части* намеченной нами программы. Мы изложим, т[аким] о[бразом] *весьма элементарно общие принципы*, применение их отчасти еще больше выяснит их значение, а окончательное понятие о них можно будет получить лишь в заключении курса. Общие приемы методологии, как аналитической, так и синтетической и обстоятельнее *аналитическую методологию*, т. е. гл[авным] о[бразом] значение лингвистики, археологии и археографии для историка. *Синтетической* методологией мы м[ожет] б[ыть] займемся в будущем году.

В таком пока еще очень скромном объеме чтения эти могут дать вам следующее (прим[ечание]: здесь мы указываем на *формальное* значение этой части; ее *реальное* значение см. в заключении): общие основания и общие приемы аналит[ической] и синтет[ической] методологии поставят вас на ту высоту, с которой следует смотреть на факты и указать общие направления, в каких можно изучать эти факты.

1) Способность к анализу, имеющему важное значение *для развития науки вообще*.

Анализ – научный прием громадной силы. Применение его дали в математике – дифференц[иальное] исчисление

– физике – атомизм (Stallo)

(в приклад[ной] механике – атомизм. Атом как kraftcentrum)

– химии – молекулы, первич[ные] элементы и их периодичность (Менделеев). См. *Ostwald*.

– биологии – учение о клетке, зачатии, наследственности, трепеформизме(?) (Вейсман)

– психологии – психофизику (Фехнер, Вундт, Müustarbery'a Külpe)

– истории – массу критических работ (напр[имер], бенедиктинцев, Болланд, шлецерова школа), Kulturgeschichte в противоположность Politische Historie (см. Gothein'a).

Отсюда значение для историка вырабатывать в себе аналитическую способность мышления.

Анализ не есть простое разложение данного целого на части; он подготавливает и более научный синтез в тройном отношении:

1) Анализом вскрываются *простейшие элементы* данного целого. Смотря по сложности этого целого и элементы обладают качествами более или менее *отличными* от него, значит анализ иногда дает нам понятие об *новых* свойствах, присущих составным частям данного целого.

Атом золота = x массе золота по свойствам (качественным).

Лицо не = государству по своим качествам.

2) Разложение целого на составные части дает возможность понять, *как образовалось это целое*, а след[овательно] указывает и на путь, каким должен идти синтез при восстановлении целого (отсюда генезис, эволюция).

3) Имея составные части целого, мы можем:

а) установить между ними *новое соотношение*, что породит и новое целое, отличное от данного;

б) разбить их на группы, из которых каждую можно *соединить с какой-нибудь группой*, иногда также принадлежащей другому целому. Таким путем будут изобретены совершенно новые соединения.

Все это еще более убеждает нас в необходимости историка развивать в себе способность к анализу. Между тем в аналитич[еской] методологии эта способность всего более находит свою теорию, *излагают самые правила научного анализа* применительно к тем вопросам, в решении которых нуждается историк, прежде чем идти дальше в своих работах.

4) Аналитич[еская] методология указывает на *специфические особенности* приемов, прилагаемых в каждом из ее отделов; историк т[аким] о[бразом] знакомится здесь и [с] различными *формами* анализа, какие ему нужны для применения в различных дисциплинах.

а) в лингвистической палеонтологии, напр[имер], он приучается сравнивать и видеть в современных ему явлениях *пережитки* от новейших наслоений.

б) в археологии – различать частности, вызывающие б[олее] или м[енее] общее впечатление.

с) в археографии – разбирать состав того или другого памятника, правдоподобное от ложного.

Не только для специалиста историка, но и для лиц, занимающихся соприкосновенными с ним науками: лингвисту (?), богослову, эстетике, ученому, политико-эконому, юристу. Каждый из них может почерпнуть полезные сведения не только из своей специальной дисциплины, *но и из сравнения ее методов с приемами соприкосновенных с нею дисциплин.*

Напр[имер], сравнит[ельный] метод в лингв[истике] перешел в обществознание. Методы из теории переживания, выраб[отанные] на лингвистической почве, могут быть применены к изучению таких же явлений в религии (Тэйлор), в политической экономии (значение времени в образовании ценности см. Вöhm-Bawerk), в праве (символизм в праве – Maine и др.).

5) Приемы аналитич[еского] мышления, свойственные и вырабатываемые в одной какой-либо области, *можно и должно вслед за тем переносить по аналогии в другие области теории. Поэтому настоящий курс важен.*

6) Те же приемы аналитического мышления (а, b, c) можно *переносить из области чистой теории на почву практики*, как, напр[имер], привычку критически относиться к получаемым из разных источ[ников] известий, следует иметь и политику. Отсюда значение аналитич[еской] методологии и для всякого образованного человека – практика»¹.

Историческая феноменология как отсылка к данности, явленности исторического означает «привязку» к реальности. С феноменологии, т. е. установления и анализа источников, начинается познание (или в терминологии Лаппо-Данилевского, «методология»), но к феноменологии в итоге и возвращается. Лаппо-Данилевский говорит о чередовании методологии и феноменологии. Поскольку историческая реальность не дана нам непосредственно (через наблюдение), а лишь опосредованно (через источник), ее познание сводится к реконструкции этой реальности, но реконструкции не фактической, а смысловой или на неокантианском жаргоне, которым пользовался Лаппо-Данилевский, ценностной. Иными словами, результатом исторического познания будет смысловая реконструкция прошлого, как правило, представленная в виде повествования, реальность описываемых событий которого задается приданием им смысла «всамделешности», смысла «настоящего». Историческая реальность обретает смысл «настоящего», что означает не только ее актуализацию, так сказать воскрешение, но и признание за ней «действительности», «подлинности».

«Всякое науч[ое] изучение слагается из *двух моментов*: с одной ст[ороны], необходимо выработать способы изучения, с другой, приложить их к делу изучения; ими достигаются известные результаты, которые и выливаются в бол[ее] или менее строгую систему. Таким образом,

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 14–19.

методология и феноменология – существенные моменты всякого научного изучения вообще, истории, русской истории, в част[ости].

Связь, взаимодействие м[етодологии] и ф[еноменологии]; их чередование. Насильственный разрыв между ними – признак не исторического, а догматического изложения. Необходимо, однако различать их, во 1-х потому, что это два все же различных процесса, во 2-х потому, что выделяя методы, можно изложить их в общей системе, в 3-х это важно в виду сознательного изучения и успешного преподавания»¹.

В порядке познания методология следует за феноменологией. В состав исторической феноменологии входят критика источников и их интерпретация. «Начала исторической критики» Лаппо-Данилевский считал достаточно известными, но систематичность изложения требовала оставаться и на них в курсе методологии истории.

«Замечу прежде всего, что в основе предлагаемого курса положены *общие* основания теории обществоведения, полученные путем изучения исторических явлений каких бы то ни было стран; методология русской истории *выводится* из них и *только иллюстрирует*, реже пополняет и исправляет их.

Каковы же эти основы?»²

Последний вопрос не находит удовлетворение в рукописи. Ответ на него надо искать в опубликованных версиях «Методологии истории».

Завершается курс по методологии русской истории тем же, с чего и начинается – рассуждением о субъективности. Только теперь Лаппо-Данилевский вводил субъективность в более ясный философский контекст: проблему чужой одушевленности или «чужого я».

«1) Я *понимаю* вполне только *собственные мысли*. В этом смысле каждое сознание – страшно одиноко; такое одиночество могло бы породить отчаяние, если бы отчаяние не было бы самоотрицанием, а след[овательно] и отрицанием того сознания, с точки зрения которого только и возможно отчаяние (философское).

2) Поэтому я в изложении мыслей вносил и *субъективизм*. Это субъективизм, без которого не может обойтись ни одно обобщение; он вызван стремлением к истине, а не отвращением от нее. Не надо забы-

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

вать, что объективизм сам по себе ничего не дает и нередко прикрывает пошлую бездарность.

3) Субъективное изложение моих собственных мыслей приводило и к субъективной системе. Мыслить бессистемно нельзя; из этого не следует, чтобы я своею системою исчерпал все содержание мыслимого. Систематичность изложения *недолжно смешивать с догматизмом.*

4) Я предлагал на ваше *усмотрение* свои мысли, но не *правила* для *практических* занятий и не *обязательные* сведения или знания.

Я не претендовал перенести в вас *целиком мои мысли*; тем более, что не все они, вероятно, заслуживают внимания. Чужая мысль скользка и изворотлива; уловить ее другому очень трудно, если не невозможно во всей ее полноте. На это я не рассчитывал.

Но высказанная одним мною, она может *столкнуться* с существующим у другого (у каждого из вас) предрасположением к мышлению или с более или менее сложившимися мыслями; такое столкновение *порождает новый рой мыслей в слушающем*; последний не переповторяет прослушанного, а *сам может создать нечто свежее*. На это я рассчитывал.

Между тем, в этом, по моему, наивысшая задача академического преподавания; в этом состояла цель и прочитанного курса.

Мыслительные процессы, зародившиеся у вас в аудитории, не останутся и по выходе из нее. Между *тем*, что вы думаете здесь и тем, что вы станете думать вне этих стен будет своего рода связь.

Эта связь не всегда видима. Многие из замечаний, высказанных здесь, быть может *упали на самое дно вашего сознания*. И возвратятся они на его поверхность тогда, когда встретятся с каким-нибудь новым конкретным образом, вообще попадут в более благоприятные условия для своего развития.

Вы, вероятно, забудете тогда все то, что происходило здесь, а между тем *глубокие корни этих идей*, скрытые в области бессознательного, если только были бы доступны наблюдению, пожалуй, снова привели бы вас сюда.

Между моим сознанием и вашими сознаниями в таком случае обнаружилась бы таинственная и невидимая связь.

Я на это надеюсь и этим себя утешая при мысли о том чувстве неудовлетворенности, какое вы могли и должны были испытать не раз во время наших занятий»¹.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 11–13.

Итак, в завершении лекций Лаппо-Данилевский заостряет проблему субъективности до солипсической формулировки единственности моего «я», моего сознания. Однако здесь эта крайняя, резкая формулировка опять же является методологическим приемом. Начинать познание следует с того, что нам непосредственно дано и для нас достоверно, а это наше собственное сознание, наше «я». Более того, социальное учение, «теория обществоведения» и должна служить преодолению солипсизма, должна быть его опровержением. Лаппо-Данилевский «скромно» указывает, что целью его лекций была не столько систематизация и классификация методов, приемов и способов исторического исследования (полнота такой классификации вполне справедливо может быть оспорена), сколько пробуждение самостоятельного мышления слушателей. Итог лекций: дать возможность слушателям дальше мыслить самим. Здесь мы не выходим за пределы мышления: мысль порождает мысль, мышление пробуждает мышление. Но все же с этим «порождением» и «пробуждением» меняется существенный акцент в самом мышлении, колеблющий противочувствительную безупречность солипсизма: моя мысль, оставаясь «моей», становится мыслью другого. Возможность помыслить одну и ту же мысль разными людьми (не обязательно современниками: мы можем мыслить мысль Лаппо-Данилевского) указывает на единство мышления, что имеет и вполне определенные последствия. Для Лаппо-Данилевского это имело институциональные последствия: стараясь излагать свое учение не догматически, а обращаясь к самостоятельности мышления своих учеников, он, в конце концов, создал собственную научную школу. Для общества таким последствием будет установление социального порядка (единство мышления диктует и предсказуемость поведения); субъективность перерастает в интерсубъективность. Конечно, разные люди способны мыслить разное, но не способны мыслить поразному. Даже единственность своего сознания все, кто старается продумать эту мысль (от Д. Беркли до А.И. Введенского) мыслят одинаково. Другое дело, что для солипсизма нет этих «всех». Если я мыслю только себя и если только я мыслью, то и *другой* мыслит тоже себя, полагая, что только *он* мыслит. Будет ли единство изолированно мыслящих я преодолевать их изолированность? Когда все мыслят хотя бы только себя, то это уже «закон», на котором вырастает и социальный порядок.

ПЛАН ТЕОРИИ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

С 1906 г. Лаппо-Данилевский читал в университете трехгодичный курс по методологии истории, который трижды издавался в разных редакциях. Методология истории стала для него той основой, опираясь на которую он старался прийти к более значимым обобщениям. Свои поиски Лаппо-Данилевский отождествлял с теорией обществоведения, во многом сопоставляя ее с социологией. Однако он так и не успел подготовить работы, в которой бы были сформулированы положения этой теории. Более того, из опубликованных сочинений ученого не возможно даже обозначить примерные контуры этой теории обществоведения. Отчасти прояснить ситуацию могли бы лекции Лаппо-Данилевского по социологии, но они не были подготовлены к печати. В фонде ученого в архиве Академии наук отложились лишь черновые наброски и фрагменты этих лекций. Среди последних сохранилась рукопись под общим заглавием «О социологии [курс лекций]»¹ объемом 467 листов. Судя по содержанию, рукопись объединяет подготовительные записи Лаппо-Данилевского к занятиям по теории обществоведения и социологии с конца 1890-х гг. Так, более двухсот страниц рукописи составляют заметки и критический разбор VI книги «Системы логики» Д.С. Милля. Практические занятия по этой теме Лаппо-Данилевский вел в университете на протяжении двух лет (1899–1900, 1900–1901). В этой же рукописи содержится и «План теории обществоведения»². Он написан на листах значительно большего формата, чем остальные записи и явно был включен в рукопись либо при сдаче материалов в архив вдовой ученого, либо при обработке архива.

«План теории обществоведения» составлен довольно подробно, хотя и носит явно черновой характер. В нем встречается несколько вариантов одних и тех же разделов или параграфов, несколько вариантов нумерации (чернилами в тексте, карандашами разного цвета на левых и правых полях). Как всякий план он, конечно, в известной степени формален, в нем практически нет пояснений (кроме редких пометок в тексте и на полях) и, тем более, интерпретаций. Однако из всех выявленных текстов Лаппо-Данилевского только этот черновой план дает наиболее

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331.

² Там же. Л. 349–359.

цельное представление о том, что же подразумевал ученый под «теорией обществоведения». Детальность проработки плана дает основание полагать, что Лаппо-Данилевский намеревался в итоге представить исследовательскую работу, соответствующую этому плану. Косвенно это подтверждает и то, что некоторые разделы плана названы главами. Неизвестно, был ли план завершен: или сохранилась только его часть, или ученый сам не дописал его. Вероятно, стоит исходить из представления о целостности и завершенности этого наброска. «План теории обществоведения» не датирован, но зная эволюцию научных интересов Лаппо-Данилевского, можно предположить, что он был подготовлен в последние годы жизни ученого, когда от занятий методологией истории и социологией он подошел к теории обществоведения. Черновой и «рабочий» характер «Плана теории обществоведения», а также наличие разных вариантов названий, входящих в него разделов и их детализаций, не позволяет подготовить его в виде отдельной публикации, но оставляет возможность наиболее полно реконструировать видение Лаппо-Данилевским «теории обществоведения» и ее структуру.

«План теории обществоведения» состоит из двух не равных по величине и подробности частей. Первая часть называется «*Методология*»¹ и включает два отдела: «Субъективные данные обществоведения» и «Объективные данные обществоведения». В качестве отвергнутого варианта названия второго отдела можно рассматривать зачеркнутое выражение «социологического изучения» вместо «обществоведения». Отдел «Субъективные данные обществоведения» включал следующие главы: «Мир явлений механических, химических и психических (движение, химическое действие, сознание). Человек – существо сознательное (определение сознания). Человек поставлен в такие условия, при которых он познает лишь причинную зависимость². (реальное бытие соци[альных] явлений)», «Разновидности причинной зависимости: статическая и динамическая причинность», «Динамическая причинность как предмет социологического изучения (здесь же о личности)»³, «Наблюдение над развитием сознания в слове, веществ[енных] памятниках, па-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 350.

² Зачеркнуто: прим: телеология есть лишь высшая форма этиологии.

³ Зачеркнуто красным карандашом: IV. Взаимодействие и целесообразность, как осложненные формы причинности; их значение в сфере социологического изучения.

мятников словесности письменности. Лингв[истическая] палеонтология, археология и дипломатика, как дисциплины, производящие эти наблюдения и изучающие их результаты. Методы собирания, классификация, критика и объяснения в этих дисциплинах», «Способы такого изучения (ср. главы III и IV)», «Законосообразность общественных явлений»¹. Главы не имеют у Лаппо-Данилевского устоявшейся нумерации, он часто дает несколько вариантов нумерации одной и той же главы, поэтому в данном случае и последующих нумерация опускается. В названиях глав есть зачеркнутые варианты, которые воспроизводятся в сносках.

Второй отдел «*Объективные данные обществоведения*» содержит следующие главы: «Субъективные условия человеческого познания приводят к тому, что реальным объектом изучения могут служить лишь соотношения свойств или точнее (?) видоизменений этих соотношений (явления)», «Социальные явления и главные их особенности, выводимые из динамической причинности», «Разновидности социальных явлений и основные группы, на которые они подразделяются (дух, хозяйство, право)»², «Соотношение этих групп (система общественных наук)». К главе «Социальные явления и главные их особенности, выводимые из динамической причинности» дается расшифровка входящих в нее параграфов: «Комбинации», «Зародыши», «Явление», «Пережиток».

Вторая часть плана – «*Феноменология*»³ проработана значительно более подробно и имеет несколько дополняющих друг друга вариантов. В данном случае эти дополнения сведены в общий план, а разночтения оговариваются отдельно, зачеркнутые варианты или авторские дополнения также приводятся в сносках.

Глава первая «*Общие законы неорганического мира, распространяющиеся на сферу явлений общественных*», состоит из пяти параграфов: «Инерция», «Тяготение», «Сохранение энергии», «Развитие (эволюция, прогресс и регресс)», «Наследственность». В качестве варианта на листе 358 дано другое заглавие первой главы. Она названа «Отдел первый: Факторы социального тяготения» и содержит подраздел «Факторы механические», в котором обозначен только один параграф «Инерция» с подробной расшифровкой (четыре раздела, обозначенные латин-

¹ Зачеркнуто: Результаты такого изучения: Могут ли быть названы законами и в каком смысле.

² Зачеркнуто: система общественных наук.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 351–355, 358–359.

скими буквами a, b, c, d и их конкретизация, обозначенная уже двойными латинскими буквами aa, bb и т. д.): «a) Причины инерции», «aa) непрерывность эволюционного ряда и положение данного звена в этом ряду (степень развития)», «bb) внутренняя цельность Σ (данного звена, проявляющего инерцию)», «cc) имманентная телеология Σ », «dd) трансцендентная телеология Σ », «ee) Давность (переповторение Σ)», «ii) Связь данного звена с окружающими его звеньями других рядов», «ff) Внешняя принудительность», «kk) Общие условия среды (колонизация пр.)», «b) Определение силы инерции:», «aa) экстенсивность инерции во времени и пространстве», «bb) интенсивность инерции», «c) Различны проявления инерции», «aa) часть вместо целого», «bb) форм вместо содержания и обратно», «cc) старое средство для новой цели и обратно», «dd) полные пережитки», «d) Результаты инерции: образование телеологических разностей».

Название второй главы «Социальное тяготение» имеет альтернативу – зачеркнутое заглавие «Показатель социального тяготения». Во втором случае указаны два параграфа: «Что такое показатель соц[иального] тяг[отения]», «Разновидности показателей соц[иального] тяг[отения], поскольку они определяются характером общественных связей». Дальнейшей разработки и уточнения эти параграфы не получили. Значительно подробнее составлен план «Социального тяготения». Он включает семь параграфов: «I. Определение социального тяготения», «II. Первоначальная прерывчатость (интерполяция) соц[иального] тяготения», «III. Данные социального тяготения», «IV. Первичные факторы социаль[ного] тяготения», «V. Вторичные факторы соц[иального] тяготения», «VI. Соотношение этих факторов (разновидностей общественной связи) и его развитие. Внешние условия влияют на последние», «VII. Результаты развития такого соотношения».

Параграф «III. Данные социального тяготения» имеет две версии расшифровки (Л. 351 и 354). В первом случае он включает в себя: «1. Единообразие физиологического типа (вместе с тем и язык, как физиологический акт)», «2. Совпадение личных сознаний (вместе с тем и язык как акт сознания)». Во втором случае: «1. Единообразие особей»¹, «a) Единообразие физического типа», «b) Единообразие психического типа (совпадение личных сознаний)», «2. Неустойчивость каждого из вышеуказанных единообразий», «a) Неустойчивость (изменение) физиче-

¹ Зачеркнуто: Единообразие, но не тождественность особей.

ского типа», «b) Неустойчивость психического типа (происходящая прежде всего от того, что личное сознание, устремленное в одну точку без пополнения своего содержания <...> – приходит к самоуничтожению). [Неустойчивость] во времени (у каждой особи и целых групп), в пространстве (у каждой особи и переменной местоположения и еще более у разных особей или групп, расположенных в разных местностях)», «3. Неустойчивость в соотношении вышеуказанных единообразий друг к другу»¹, «a) Предварение психического развития физическим (больше развитие физической стороны)», «b) Предварение физического развития психическим (больше развитие психической стороны)»², «4. Разнообразии эволюционных процессов вышеуказанных единообразий»³, «a) Разновременность исходных момент[ов] развития», «b) Быстрота развития», «c) Различия в качественном характере развития особей», «d) Различия в пределах развития отдельных особей».

Параграф «IV. Первичные факторы социаль[ного] тяготения» также имеет два варианта уточнений его содержания. В первом варианте (Л. 351) указаны три раздела: «1. Стремление к динамическому равновесию индивидуальных затрат физической и духовной энергии к их вознаграждениям», «2. Проекция личных сознаний и скрещение подобного рода проекций», «3. Подражательность». Во втором варианте (Л. 355) приведена более сложная структура, состоящая из разделов «А) Факторы, вызывающие взаимодействие индивидуумов помимо сознания ими его целесообразности» и «В) Факторы сознательного взаимодействия», каждый из которых имеет свои подразделы. Так, раздел «А) Факторы, вызывающие взаимодействие индивидуумов помимо сознания ими его целесообразности» состоит из: «1. Проекция личных сознаний и скрещивание объективированных проекций», «2. Количественное и качественное разнообразие подобных проекций и скрещиваний», «3. Стремление к равновесию личных затрат физической и психической энергии к их вознаграждению». Раздел «В) Факторы сознательного взаимодействия» состоит из: «1. Подражательность» и «2. Сознание выгод кооперации».

¹ Зачеркнуто: в отдельных особях.

² Зачеркнуто: в социальных группах подобного рода предварение создало различие между кастами, классами и сословиями.

³ Зачеркнуто: в социальных группах.

Параграф «V. Вторичные факторы соц[иального] тяготения» распадается на четыре раздела: «1. Физическая связь (родовая)»¹, «2. Религиозно-нравственная и умственная связь», «3. Хозяйственная связь», «4. Юридическая связь». Зачеркнуты первоначальные названия двух первых разделов параграфа: «1. Общественная связь», «2. Разновидности общественной связи».

Шестой параграф не имеет уточнений, а седьмой параграф «VII. Результаты развития такого соотношения» состоит из двух разделов: «а) Национализация цивилизации», «б) Систематизация общечеловеческой цивилизации».

Глава третья «Показатель социального тяготения» распадается на три параграфа: «1. Определение показателя соц[иального] тяготения», «2. Разновидности показ[ателей] соц[иального] тяг[отения]», «3. Колебания показателей соц[иального] тяготения». Второй и третий параграф имеют разделы и подразделы.

Параграф «2. Разновидности показ[ателей] соц[иального] тяг[отения]» состоит из следующих разделов: «а) Простые и сложные; сложные точные и сложные приближенные (экономич[еские], психич[еские] и юридич[еские]», «б) Показатели дифференциальные и интегральные», «с) Показатели идеальные и реальные; их соотношение как средство определения степени нормального развития изучаемого явления», «д) Однородные (по отношению к одному и тому же явлению) и разнородные».

Параграф «3. Колебания показателей соц[иального] тяготения» состоит из двух разделов: «А) Причины этих колебаний» и «В) Следствие этих колебаний». В свою очередь раздел «А) Причины этих колебаний» включает в себя следующие подразделы: «а) Разнообразии психического типа и разнообразии выводимых из него действий», «б) Разнообразии внешних условий (природы) и его влияние на то же разнообразие действий», «с) Разновременное возникновение таким образом удвоенного² разнообразия действий», «д) Наследственность навыков разновременно возникших разнообразных действий», «е) Интерполяция (отсутствие сплошного действия) соц[иального] тяготения, как результат наследственности навыков разновременного возникновения разнообразных

¹ Зачеркнуто: психическая связь (язык совпадения сознаний, язык жестов и слов).

² Сверху: увеличенного.

действий». Подразделы раздела «В) Следствие этих колебаний»: «а) Ряды однородных показателей соц[иального] т[яготения] и образование апогеев», «б) Ряды разнородных показателей и образований систем апогеев или периодов»¹.

Четвертая глава «Апогеи» имеет четыре параграфа: «1. Виды апогеев», «2. Ряды апогеев», «3. Система апогеев» и «4. Прогресс, как комбинация ряда и системы апогеев». Параграфы 1–3, в свою очередь распадаются на три раздела каждый. «1. Виды апогеев»: «а) Простой и сложный апогей», «б) Сложный обратнотренирующийся и обратнотренирующийся апогей», «с) Производные апогеи». «2. Ряды апогеев»: «а) Соотношение прямых наклонов данного ряда», «б) Соотношение обратных наклонов данного ряда», «с) Конфигурация апогеев данного ряда». «3. Система апогеев»: «а) Синхроническая солидарность апогеев», «б) Гиперхроническая солидарность апогеев (инерция в соотношении апогея данного явления к уже минувшим апогеям явлений той же группы)», «с) Антагонизм апогеев». Можно заметить, что понятием «апогей» использовал в своей «Философии истории» Л.П. Карсавин. Насколько он был зависим в данном случае от учения Лаппо-Данилевского, сказать трудно, поскольку в работах последнего содержательная интерпретация понятия «апогей» не встречается. С большой долей вероятности можно предположить, что понятием «апогей» Лаппо-Данилевский пользовался в своих лекциях, но оно не нашло отражение в опубликованных текстах ученого.

«План теории обществоведения» Лаппо-Данилевского сопровождается и дополняется многочисленными выписками на английском языке с критикой утилитаризма (Л. 356–357), на французском языке по широкому кругу тем: суверенитет, обратно пропорциональное соотношение в развитии экстенсивной и интенсивной деятельности правительства, степень превращения государства из союза вынужденного в договорной (свободный), значение статистики, прогресс в средних размерах жизни и регресс, внешние факторы социального объединения, интеграция, степень дифференциации обратно пропорциональная массе, гармонизация как характерный показатель общественных настроений в разные периоды (Л. 362–373). Вероятно, к содержательной разработке теории обществоведения надо отнести и заметки Лаппо-Данилевского по проблемам социального энергетизма (Л. 375–406), также сопровождающиеся выпис-

¹ Подраздел б в рукописи зачеркнут.

ками на английском и французском языке (большинство выписок сделано не рукой Лаппо-Данилевского).

К сожалению «План теории обществоведения» Лаппо-Данилевского не был реализован в виде отдельного исследования. Он указывает направление поисков ученого в последние годы его жизни, согласуется с его работами по социологии и методологии истории. В то же время, теоретические разработки Лаппо-Данилевского опирались на богатый опыт его конкретно-исторических исследований, были результатом обобщения собственной исследовательской практики. В этом отношении Лаппо-Данилевский принадлежал к той философско-исторической традиции, которая сложилась в Санкт-Петербургском университете (М.М. Стасюлевич, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин) и которая предполагала широкую философскую и теоретико-методологическую основу исторических исследований, рефлексию над методами работы историка. Рукописи, включенные в «О социологии [курс лекций]», в том числе и план обществоведения содержат опыты Лаппо-Данилевского по формализации социальных отношений. Он неоднократно обращается к попыткам дать математическое выражение тем или иным социально-историческим процессам и явлениям. Вероятно, сам Лаппо-Данилевский не был удовлетворен результатами таких формализаций, поскольку не допускал их в своих опубликованных работах. Реконструкция «Плана теории обществоведения» значительно расширяет и углубляет наши знания о теоретико-методологической, социологической и философской, а через них об исторической концепции Лаппо-Данилевского, рельефнее выявляет его значение в истории отечественной науки.

КУРС «О ТЕОРИИ ЦЕННОСТИ»

Неокантианская составляющая философии Лаппо-Данилевского наиболее отчетливо заметна в его «Методологии истории», в то время как отношение историка к позитивизму было более пристрастным. Подробное сопоставление теории Лаппо-Данилевского с концепциями немецких неокантианцев было проведено в кандидатской диссертации В.В. Беруса «Проблемы философии истории в русском неокантианстве: А.С. Лаппо-Данилевский» (СПб., 1998).

Примером философских занятий, которые проводил Лаппо-Данилевский, может служить «семинарий» «О теории ценности» (1913–1914). Занятия, вероятно, предполагали как лекции самого Лаппо-Данилевского, так и доклады студентов. В фонде историка, отложившегося в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, сохранился план «практических занятий по аксиологии», записи лекций Лаппо-Данилевского и тезисы некоторых докладов участников семинара. План состоял из четырех разделов: «Учение о ценности», «Система ценностей», «Главнейшие разновидности аксиологических суждений и оценок в отдельности», «Приложение к истории». Темы занятий по преимуществу формулировались по историко-философскому принципу. Так первый раздел «Учение о ценности» состоял из двух подразделов: «А) Учение о ценности преимущественно с теоретико-познавательной точки зрения» и «В) Учение о ценности с психологической точки зрения», каждый из которых распадался на параграфы со сквозной нумерацией по всем разделам. В первом подразделе «А) Учение о ценности преимущественно с теоретико-познавательной точки зрения» было пять параграфов: «Учение о суждении, особенно отрицательном в связи с понятием о познавательной ценности», «Общее учение об абсолютных (или обоснованных) ценностях. Трансцендентальное построение. Риккерт, Jessing, Urban», «Учение о ценностях с логической и психологической точки зрения, в связи с этическими ценностями. Мейнонг» (в рукописи название третьего параграфа зачеркнуто), «Эмпириокритическое построение в связи с эстетическими ценностями», «Прагматическое построение в связи с ценностью действия. Гизетти». Причем последний параграф дополнялся еще двумя пунктами: «Утилитаризм. Бентам, Милль и пр.» и «Учение о ценности в метафизическом смысле». Второй подраздел «В) Учение о ценности с психологической точки зрения» включал три пара-

графа: «Эмоциональная теория. Ehrenfels, Begehren», «Волюнтаристическая теория. Мейнонг, Kreibig» (в рукописи заглавие параграфа зачеркнуто), «Смешанная теория аффективно-волевая. Urban, Тэнтель». Второй раздел «Система ценностей» насчитывал четыре параграфа: «Münsterberg (с философской точки зрения)», «Maier (с теоретико-психологической точки зрения?)», «Штейнц, Энгельгардт», «Болдырев». Третий раздел «Главнейшие разновидности аксиологических суждений и оценок в отдельности» снова делился на два подраздела: «а) Основные ценности» и «б) Сложные ценности». «а) Основные ценности» включали параграфы: «Познавательная ценность. Риккерт, Пуанкаре», «Этические ценности. Кант и др. Krueger», «Эстетическая ценность. Eisler, Cohn, Wilasek». К «б) Сложные ценности» Лаппо-Данилевский относил: «Религиозные ценности. Reischle, Bergner, Peillaube, Джеймс» и «Экономические ценности. Simmel, Mengel, Nenmann, Schmoller, Bøhm-Rawesк». Последний раздел, «Приложение к истории», остался без расшифровки. Параграфы в рукописи имели сплошную нумерацию, но она не была выдержана и отдельные номера параграфов повторялись. Сохранившиеся рукописи Лаппо-Данилевского лишь отчасти позволяют реконструировать содержание этого плана.

Темы студенческих докладов и их исполнители располагались в следующем порядке: 23–30 сентября 1913 г. «Суждение» (Т.И. Райнов), 7, 13 октября 1913 г. «Кант, неокантианцы» (Т.И. Райнов), 28 октября 1913 «Гуссерль, Лессинг» (Иванов, зачеркнута фамилия Вознесенский), 2 или 9 декабря 1913 г. (в рукописи указано две даты) «Декарт, Риккерт» (А.А. Дроздецкий), «Мейнонг» (дата и докладчик не указаны), 4, 11 ноября 1913 г. «Христиансен, Эйслер» (Г.П. Соколов), 25 ноября 1913 г. «Джеймс» (Страдецкий), 20 января 1914 г. «Бентам» (Н.Д. Кондратьев), 27 января, 3 февраля 1914 г. «Гартман» (И.И. Гапанович), «Ehrenfels» (дата и докладчик не указаны), 10, 17 февраля 1914 г. «Krubig» (М.И. Левин), 24 февраля, 3 марта «Urban» (Собсович, зачеркнута фамилия Войнович), «Münsterberg» (дата и докладчик не указаны), «Maier» (Maier)» (дата и докладчик не указаны).

В фонде Лаппо-Данилевского в другом деле имеются два доклада Г.Д. Гурвича «Телеология в философской системе Германа Когена»¹ и «Телеология в учении Риккерта»², которые, вероятно, были также сде-

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 5–13.

² Там же. Л. 14–14 об.

ланы на занятиях под руководством Лаппо-Данилевского, но, скорее всего, в другом учебном году.

Не все из участников семинара по аксиологии у Лаппо-Данилевского оставили заметный след в науке, но о некоторых, все же, стоит упомянуть особо. Тимофей Иванович Райнов (1890–1958) – историк науки, науковед, философ, психолог, литературовед, экономист, социолог, востоковед, библиотекарь, библиограф, автор монографии «Наука в России XI–XVII веков. Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу» (1940), автор пионерских работ по науковедению и наукометрии¹. Ему же принадлежит и ценное описание методологического семинара Лаппо-Данилевского, в котором Т.И. Райнов принимал участие на протяжении пяти лет². Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – выдающийся экономист, создатель теории экономических циклов. Вместе с Лаппо-Данилевским Н.Д. Кондратьев принимал участие в организации Русского социологического общества им. Ковалевского. Он был секретарем учредительного собрания общества, на котором Лаппо-Данилевский был избран председателем³. Н.Д. Кондратьев предпринял одну из первых интерпретаций философии истории своего учителя⁴. Иван Иванович Гапанович (1891–1971) – выдающийся историк, этнограф, профессор Национального университета в Пекине (1931–1953), а затем в Канберре (Австралия), автор исследования «Русская историография за пределами России. Введение в исследование русской исто-

¹ *Илизаров С.С.* Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского // *Клио*. 2013. № 12. С. 50–54; *Илизаров С.С.* Мастера российской историографии: Тимофей Николаевич Райнов (1890–1958) // *Исторический архив*. 2016. № 2. С. 39–55.

² *Райнов Т.И.* О философских взглядах и педагогических приемах А.С. Лаппо-Данилевского (к 25-летию ученой деятельности) // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1915. Новая серия. Ч. LVI. Март.

³ *Долгова Е.А.* Документы Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923 гг.) // *Социологические исследования (СОЦИС)*. 2011. № 6; *Долгова Е.А.* Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. XVI. № 3.

⁴ *Кондратьев Н.Д.* Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // *Историческое обозрение*. Сборник Исторического общества при Императорском Петроградском университете. Пг., 1915. Т. 20.

рии» (Пекин, 1935). Аркадий Андреевич Дроздецкий преподавал историю, в 1920-1922 г. был директором Первой Единой трудовой школы (бывшей Царскосельской Николаевской гимназии). Георгий Давидович Гурвич (1894–1965) – выдающийся социолог, правовед, философ, в 1920 г. эмигрировавший из России.

Материалы самого Лаппо-Данилевского представляют записи разной степени полноты и завершенности, поэтому они могут быть воспроизведены лишь в виде фрагментов. Записи отражают не все разделы первоначального плана, тем не менее, они позволяют проследить общий ход рассуждений Лаппо-Данилевского. Избрав историко-философское изложение, ученый приводил различные точки зрения на ценности и оценки, их виды и т. п. Сохранившиеся фрагменты не везде дают возможность уточнить, с какими из рассматриваемых учений соглашается Лаппо-Данилевский, где он пишет от себя, а где только воспроизводит чужое мнение.

Большая часть рукописи «О теории ценности» посвящена психологическим учениям о ценности и оценке, предполагающими отказ от восприятия ценностей как самостоятельных сущностей. Это означает, что ценность понимается субъективно и ставится в ряд таких проявлений человеческой субъективности, как смысл, значение, чувство, желание, воление. «Ценность – есть нечто чисто субъективное», – констатировал Лаппо-Данилевский¹. Он подробно останавливался на теории одного из учеников Ф. Brentano Х. Эренфельса. «В основе его формулировки, – писал историк, – лежит понятие об *эмоциональном состоянии*»². Х. Эренфельс рассматривал ценности как функцию воления и представление о таком волении (Л. 6. – здесь и далее указываются листы публикуемых в «Приложении» фрагментов). Лаппо-Данилевский отмечает характер таких представлений, их содержание, свойства (наглядность, живость, полнота). Согласно Х. Эренфельсу, в основе воления лежит чувство; оно же определяет направление выбора и интенсивность воления. «Т[аким] о[бразом] воление наступает лишь при наличии чувства. Само воление напротив *самостоятельного* значения не имеет»³. По существу это означает пассивность воли, зависящей от чувства, которое вызывает

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ Там же.

восприятие предмета. Здесь, замечал Лаппо-Данилевский, анализ смешивается с генезисом.

Благоприятность данного чувства зависит от того, можно ли его приурочить к эмоциональной склонности данного субъекта. Отсюда выводится понятие «эмоциональной склонности», которое Лаппо-Данилевский пояснял посредством математических символов, и моделировал его посредством математических формулировок (Л. 8).

В силу присущей индивиду психической организации ему может быть свойственна определенного рода склонность к определенным же чувствам. Эмоциональная склонность, уточнял Лаппо-Данилевский, влияет на направление волеия и его интенсивность. На эмоциональную склонность, в свою очередь, оказывает воздействие разум, направляя выбор цели, к которой устремлено действие воли, и определяя средства для ее достижения. Однако возникает вопрос: могут ли вызывать эмоциональную склонность, фактически формирующую оценку, только достижимые цели? Лаппо-Данилевский близок к положительному ответу. Только субъективно достижимая цель вызывает чувство и соответствующую ему оценку. В качестве пояснения ученый приводил случай, произошедший с ним ночью 20 ноября 1904 г., т. е. за десятилетие до того курса, в который он включил эти воспоминания. В рукописи этот фрагмент имеет заголовок «Вплетение в действительность».

«Сегодня я проснулся в 3 ½ ночи и стал думать об эвдемонической оценке; после того, как я несколько поразобрался в мыслях, нахлынувших мне в голову и заметив, что уже часов около 5, я стал думать о том, что пора бы заснуть и тут заметил какой-то скрип, часто повторяющийся и м[ожет] б[ыть] способствовавший моему пробуждению. Я думал, что он происходит снаружи во дворе, от какой-нибудь двери, колеблемой ветром и т. п. и отнесся к этому факту равнодушно; но вскоре за тем мне пришла в голову мысль, что скрип происходит от душенка (?) в детской, и я сейчас же почувствовал некоторое раздражение.

Ясно, что в данном случае последняя мысль и была вплетением данного факта в мою субъективную действительность: я сознал, что мог бы предотвратить скрип и могу его остановить; отсюда и отрицательная оценка обнаружившаяся в моем раздражении»¹.

¹ Там же. Л. 11.

Квартира, в которой происходили описываемые события, располагалась в знаменитом доме Академии наук (угол 7 линии Васильевского острова и Новониколаевской набережной, ныне набережной Лейтенанта Шмидта), куда семья Лаппо-Данилевский переехала 22 мая 1904 г. Приведенный пример показывает, как происходит переход от понятия ценности к оценке. В последствии Лаппо-Данилевский преимущественно пишет уже об оценке. Этот фрагмент позволяет предположить, что рукопись «О теории ценности» включает не только материалы к занятию по аксиологии 1913–1914 гг., но и более ранние записи. Так, известно, что в 1904–1905 гг. Лаппо-Данилевский вел занятия по теории ценности и ее приложении к обществоведению. Вероятно, процитированные рассуждения, относятся именно к этому «семинарию». Также можно предположить, что в 1913–1914 гг. Лаппо-Данилевский использовал материалы курса 1904–1905 гг.

Желая показать, каким образом разум помимо эмоциональной склонности воздействует на волю (в данном случае откладывая, задерживая действие), ученый приводил еще один пример, на этот раз из статьи В. Водовозова «Политические партии в Германии – реформа 1904 г.».

«В эпоху великой французской революции – революционеров было значительно меньше 1/3 населения; но революция наступила благодаря воли сравнительно малой кучки.

Теперь в Германии 1/3 населения за социалистов (социал-демократию); но именно сознание того, что социал-демократическая партия составляет 1/3 (она представлена в рейхсрате, что известно из избирательной статистики (путем разума, науки), только в виде 1/5) – удерживает население от волевых актов, направленных в пользу революции (социал-демократической)»¹.

Дальнейшее исследование вопроса об оценке требует выяснения того, что же все таки оценивается: предмет или вызываемое им чувство? В сохранившихся фрагментах Лаппо-Данилевский приводил аргументы (вероятно, вслед за Х. Эренфельсом) в пользу того, что оценивается не сам предмет или чувство, а представление о чувстве (Л. 13, 14, 15, 16). Чувство входит в содержание нашего представления и в нем пере-

¹ Там же. Л. 12.

живается. Здесь же Лаппо-Данилевский ссылался на работу А. Pfänder «Du Phaenomenologie der Wollen».

В содержание представления как объекта оценки входят: 1) действительно представляемое; 2) могущее быть, а) в виде повторения ранее испытанного, б) в виде возможного в будущем. Объектом оценки является представление чего-то реального, означающее связь представления с вызываемым им эмоциональным настроением (наслаждением или страданием).

«С такой точки зрения объектом оценки становится не представление вообще, а ассоциация между данным представлением и связанными с ним чувствованиями или представление о такой ассоциации»¹; «если я сознаю эмоциональность, то только путем отвлечения от переживаемого в данный момент»².

Однако такой ход мысли вызывает новые вопросы, а не проясняет ситуацию с оценкой. Если сознание эмоциональности означает «отвлечение от переживаемого», то приводит ли оно к завершению или прерыву переживания? Можно ли выйти за пределы представления, которое оценивается? И можно ли говорить об оценке как о метапозиции по отношению к представлению?

В разделе «Психологическое построение понятия оценки» Лаппо-Данилевский указывал на виды суждений (Л. 21) и виды оценок, а также пытался провести формализацию оценок (Л. 23, 24). Рассматривая отличие оценки от эмоционального переживания, он приходил к выводу, что между ними нельзя установить однозначную связь. Чувство удовольствия не влечет с необходимостью положительную оценку, так же как и чувство неудовольствия не обязательно вызовет отрицательную оценку. Причина этого состоит в том, что оценка связана не с чувством, а с действием воли. Оценка – волевой акт (Л. 31). Оценивается не само чувство, а представление о нем (Л. 26). Исследователь подробно излагал те затруднения, с которыми сталкивается теория оценки, ищущая опору в эмоциональных состояниях (Л. 26–29). Она не способна ответить на вопрос: каким образом, если мы говорим об оценке в субъективном смысле и пытаемся выявить корреляцию между оценкой и эмоцией, можно перейти к ценности? Лаппо-Данилевский отмечал, что эмоциональная тео-

¹ Там же. Л. 18.

² Там же.

рия не в состоянии установить основную природу нормативных оценок, поскольку они основаны на признании нормы, которая, в свою очередь, предполагает и признание должного. Должное же невозможно представить без воли. Здесь необходим переход от категории чувства к категории воли. Из эмоциональной сферы не выводимо должное и нормативность.

Перенос акцента в осмыслении оценки с эмоции на волю открывает перспективу определения оценки в горизонте объекта. В субъекте воля, чувство и представление даны в единстве. Выделить одну из них можно только теоретически или аналитически, хотя ни одна из них может преобладать в субъекте. «С такой т[очки] зр[ения] нет нужды выяснять генезис воли»¹. Лаппо-Данилевский в равной мере пользовался терминами *воля* и *воление* и приводил варианты их толкований: потенциальная энергия, «боевой запас», чувство усилия и апперцепция (в удержании представления), «внутреннее самоопределение – внешняя необходимость (Декарт, Кант). – Отсюда примиримость признания, как самостоятельного элемента, с детерминизмом»². Субъективность оценки опознается не в ее привязке к чувству, а в той активности, которую проявляет субъект, во многом формируя, определяя и само представление.

«Я хочу, чтобы мое представление было таким, каким я его утверждаю

или

*Мне нравится и т. д.»*³.

Обоснованию связи оценки с волей Лаппо-Данилевский посвятил несколько страниц (Л. 33–38, 41, 44–46). Что же все таки оценивается: представление, переживание, чувство? Лаппо-Данилевский, ссылаясь здесь на «Феноменологию» А. Pfaünder'a, согласно которому представление является предметным содержание сознания. Представление включает и сознание «в узком смысле», и чувство, а через них выходит к данности предмета. Ученый сравнивал эмоциональную и волевую теории (Л. 48, 50, 51), склоняясь, больше в пользу волевой теории. Однако предметная данность, с которой имеет дело оценка, – это не объект во-

¹ Там же. Л. 32.

² Там же.

³ Там же.

обще, «а в смысле представления оценивающего субъекта»¹. В то же время и о субъекте Лаппо-Данилевский писал в конкретном смысле, т. е. как о субъекте в данный момент или о «я», представляющем в психическом отношении единство сознания и действия (воли).

Рассматривая познавательное-психологическое направление, Лаппо-Данилевский касался теории Ф. Brentano и А. Meininga. О концепции Ф. Brentano он писал, что

«его учение об абсолютной ценности (+ и -), о которой мы судим по чувствам “любви” или “ненависти” можно было бы считать переходной от понятия $o \pm U$ в теоретико-познавательном смысле к понятию $o \pm U$ в психологическом смысле»².

Критикуя теорию А. Meininga, он отмечал, что «Meininga понимает ценности не в *абсолютном* их значении (вневременном и внепространственном, сверхиндивидуальном и проч.), а в *относительном* смысле»³. Для А. Meininga ценности субъективны, не вневременны и не внепространственны. Отсюда его «колебание в понимании аксиологии в смысле *нормативной* или только *эмпирической* науки (применительно к этике)»⁴. Лаппо-Данилевского не устраивали шаткие критерии оценки, приводимые австрийским философом. Не ясным остается и то, идет ли речь о представлении об идеальном субъекте или «нормальном субъекте нашего времени», оценивавшем объект. Он указывал на связь у Meininga психологического учения о ценности с «экзистенциальными чувствованиями» (т. е. чувства реально существующего), которые, как полагает Лаппо-Данилевский, уже требуют вынесения суждений, т. е. рефлексивной дискурсивной практики.

«Каждый из нас оценивает и то, что *не существует*, след[овательно] нельзя связывать понятие оценки (Werthaltung) *исключительно* с экзистенциальными чувствованиями»⁵.

¹ Там же. Л. 53.

² Там же. Л. 55.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 60.

А. Мейнонг также исключает эстетические чувства из аксиологии. Лаппо-Данилевский снова возвращался к вопросу о недостаточности чувства для оценки. Чувство пассивно, а оценка – волевой акт. «Чувства – лишь мотивы воли», – приписал он карандашом на полях¹. Значение теории А. Мейнонга русский ученый признавал для уяснения понятий «о полезности и потребности». А. Мейнонг лишь указывает на затруднения и нерешенные проблемы в понимании ценностей, чем и побуждает к дальнейшим размышлениям.

Около двух десятков страниц рукописи Лаппо-Данилевского составляет исторический очерк «Главнейшие моменты в развитии понятия о ценности», который начинается с краткого указания на учения Античности. В древней философии, отмечал Лаппо-Данилевский, ценности придавалось объективное значение, добавляя, что учение об идеях Платона приближалось к признанию абсолютных ценностей.

Аристотель писал о добре как абсолютной цели. Добро само по себе является абсолютной целью. Добро является не средством, а целью самой по себе. Это означает самоудовлетворенность (автаркичность) абсолютной ценности.

«Всякая ценность, – ссылаясь Лаппо-Данилевский на “Никомахову этику” Аристотеля, – получает смысл лишь сама по себе (абсолютная) или *относительно* другой (абсолютной) – иначе ценность – простое переживание»².

Платон и Аристотель, замечал Лаппо-Данилевский, давали критику гедонизма. Для Платона благом являются красота, познание, гармония души. Аристотель полагает, что человек стремится к познанию и нравственному совершенствованию, а не только к удовольствию «и что никто не согласился бы оставаться *ребенком*, хотя бы под условием в высшей степени наслаждаться детскими удовольствиями и что никто не станет радоваться продолжительному деланию чего-либо весьма *постыдного*, хотя бы он и был уверен, что оно не принесет ему никакого страдания»³. Цель человеческой жизни в стремлении к блаженству, а не в наслаждениях. Лаппо-Данилевский упоминал как идею блага у Платона, так и учение стоиков о ценности с этической точки зрения.

¹ Там же. Л. 62.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 81.

В интерпретации И. Канта Лаппо-Данилевский ссылался на Г. Хёфдинга и Я.Ф. Фриза (Л. 90), а учение последнего излагал на основе «Истории философии» В. Виндельбандта (Л. 92–93). У Я.Ф. Фриза он, в частности, усматривал связь утвердительного или отрицательного суждения с оценкой; практическое определение идей в зависимости от понятия о «необходимой ценности» и достоинстве человеческой личности. Проблему ценности у И. Канта Лаппо-Данилевский разбирал на основе его второй критики. Он отмечал, что

«условие предметности – по значению своего *не* есть то психическое, чем оказывается сам предмет. [Необходимо] различать функцию от функционирования, отношение (=единство) от отнесения.

Познавательная ценность – есть то, что имеет систематическое значение.

Моральная – деятельность с точ[ки] зр[ения] одного только (нравственного) сознания вообще.

Эстетическая – многообраз[ный?] рассудок – в гармонии с воображением»¹.

Критически Лаппо-Данилевский отзывался о теории Н. Гартмана.

«Гартман дает скорее учение о трансцендентной реальности, чем трансцендентного реализма. Сам Г[артман] чуть ли не смешивает термины – трансцендентный и трансцендентальный. У Гартмана метафизика – онтология поглощает теорию познания»².

В то же время русский ученый указывал, что на Н. Гартмана значительное влияние оказали теории Платона, Лейбница, Шеллинга, Гегеля и Шопергауэра.

Из других учений о ценности Лаппо-Данилевский упоминал Г. Риккерта, точнее, рассматриваемый им вопрос о том, что общего между нормами и ценностями (т. е. истиной, добром и красотой) и Г.Э. Лессинга, проводившего различие между логическими нормами и эстетическими ценностями. Кратко писал о Г. Мюнстерберге (Münsterberg) и прагматизме У. Джеймса, поясняя, что «одна часть мира действует на другую –

¹ Там же. Л. 125.

² Там же. Л. 99.

отсюда прагматизм. Эта реальность обуславливает ценность, а не наоборот»¹.

Последний крупный фрагмент в рукописи Лаппо-Данилевского посвящен отношению оценки к суждению. Историк указывал на необходимость отличать суждения в грамматическом и логическом смысле. Он упоминал Т. Липпса, Р.Г. Лотце, Рейнбаха и Х. Зигварта и немного подробнее останавливался на И. Канте, который различал общезначимость (общеобязательную достоверность) суждения от убедительности в его истинности, обосновал различие связи между суждением и ценностью по модальности и по качеству. Модальность – степень ценности моего знания вообще. Качество – ценность (+ или -) содержания данного суждения.

Качество суждения можно рассматривать в объективном и субъективном смысле. Суждения в объективном смысле имеют либо логическое значение (утвердительные и отрицательные суждения), либо аксиологическое значение (признающие и отвергающие суждения). Качество суждения в субъективном смысле и есть оценка (нравящееся суждение, противное суждение).

«Под “истинностью” или “логичностью” суждения мы разумеем *логическое и аксиологическое* его значение в положительном или отрицательном смысле. “Истинное” суждение такое, в котором мое “я” (разумное и другое) сознает свое единство; “ложное” – обратно»².

В «чистом» виде суждение встречается в проблематических суждениях, а оценка – в отрицательных.

Гносеологическую точку зрения на суждения Лаппо-Данилевский излагал, опираясь на В. Виндельбанда, Х. Зигварта, Р.Г. Лотце и, подробнее всего, Г. Рикерта (Л. 110–116; многочисленные ссылки на параграфы и страницы опускаются), а различие между суждением и оценкой, ссылаясь на У. Коха (Л. 117). Взгляды философов на суждение и оценку, подводил Лаппо-Данилевский итог своим экскурсам, зависят от признаваемой ими теории познания. Так, Зигварт опирается на «психологизирующую т[очку] з[рения]», Виндельбандт тоже «не свободен от психоло-

¹ Там же. Л. 127.

² Там же. Л. 106.

гизма», а Г. Риккерт исходит из «формально-нормативной т[очки] зр[ения]»¹.

По двум существенным вопросам философы также расходятся во мнениях. Во-первых, это вопрос о том, признавать ли проблематические суждения суждениями? И. Кант, В. Виндельбандт и Г. Риккерт признают их суждениями, а Х. Зигварт и Г. Штёринг – отрицают. Во-вторых, «связываются ли суждения вообще или, по крайней мере, утвердительное и отрицательное суждение с отнесением к ценности?»² В ответе на этот вопрос Х. Зигварт признает такую связь в отрицательных суждениях, В. Виндельбандт – в отрицательных и утвердительных, Г. Риккерт – в отрицательных, утвердительных и проблематических суждениях. Г. Штёринг связывает понятие о суждении с понятием о его значении или с состоянием уверенности (надежности).

«Вывод Störing’a подтверждает теорию уже высказанную Зигвартом, не считавшим возможным признать за так наз[ываемыми] “проблематическим суждением” характер суждения»³.

Аксиологическая проблематика нашла отражение и в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Исследователь прошлого не безразлично относится к источнику, который опосредованно отсылает к историческому факту, а волевым образом воздействует на него. С психологической точки зрения такое воздействие Лаппо-Данилевский называл оценкой⁴. Здесь же ученый делал важное замечание о том, что «следует всегда отличать отнесение к ценности от субъективной оценки фактов, производимой самим историком»⁵. Познание истории не сводится к субъективной оценке, на которую способен даже обыватель. Ученый-историк стремится отнести факт к ценности и тем самым придать индивидуальному фрагменту реальности историческое значение. Ценность не противопоставляется субъективности, напротив, она характеризуется требованием, предъявляемого нашим «я» к собственному сознанию⁶. Лаппо-Данилевский полагал, что эти требования носят абсолютный характер и

¹ Там же. Л. 119.

² Там же. Л. 120.

³ Там же. Л. 121.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I. СПб., 1910. С. 239.

⁵ Там же. С. 249.

⁶ Там же. С. 239.

бывают познавательными, этическими или эстетическими¹. Эти требования могут предъявляться к любому сознанию. Историк «лишь относит к ценностям индивидуальные объекты для выяснения того, какое значение приписать им, в силу именно их индивидуальности...»² Общие ценности ученый также сопоставлял с общими понятиями³.

В «Методологии истории», также как и в курсе по теории ценности Лаппо-Данилевскому не удалось до конца развести познавательную и психологическую установки в понимании ценности и оценки. Он говорит о «переживании» при отнесении факта к ценности.

«Итак, для того, чтобы признать всеобщее значение данного факта, надобно, прежде всего, признать его ценность; но такое признание получает разный смысл в зависимости от того, придерживаться ли теоретико-познавательной или психологической точки зрения. С теоретико-познавательной точки зрения мы называем “ценностью” то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию»⁴.

Переживание вновь субъективизирует ценности, вводя их в ряд других проявлений осмысленной деятельности индивидуальности. Благодаря переживанию фактическая реальность перетекает в реальность символическую, реальность смыслов и значений. Полностью отказаться от индивидуальных предпочтений и субъективных пристрастий, конечно, не возможно. Историк в своем сознании все равно будет «переживать» те факты, которые изучает, воспроизводить в себе состояния чужого сознания или ассоциировать между собой идеи, т.е. «ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т.п.»⁵.

Придание исторического значения осуществляется через отнесение индивидуального исторического факта к ценности. Однако не следует смешивать ценность индивидуальности и ее историческое значение.

¹ Там же.

² Там же. С. 240.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 7.

«Лишь комбинируя понятия о ценности и о действительности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение»¹.

Познание истории как отнесение факта к ценности Лаппо-Данилевский называл «аксиологическим анализом». Он отмечал, что

«переживание и понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению»².

Однако не только историк-исследователь имеет дело с ценностями, но и изучаемые им индивидуальные сознания, люди прошлых исторических эпох также были способны оценивать ситуации, привносить в них смысл, обращаться к идеям и значениям.

«Наконец, историк, в узком смысле слова имеет дело (в отличие от естествоиспытателя) с такими индивидуальными объектами, которые он признает одновременно и субъектами, способными опознавать ценности, в отношении к которым данный факт получает свое значение»³.

Установление ценностей, с которыми имеет дело историк, относится к ведению философии истории⁴. Философия обосновывает, прежде всего, ценности абсолютные, т. е. ценность добра, истины и красоты.

«Действительно, философское размышление стремится опознать критерий ценностей и обосновать их путем нормативных оценок: оно вырабатывает систему абсолютных ценностей, т. е. с логической, этической или эстетической точки зрения признает абсолютную ценность истины, добра и красоты; полагая их в основу, оно может указать, какое значение (положительное или отрицательное) данные в сознании людей известного времени ценности имеют по отношению к такой системе, какое место они должны занимать в ней и т. п.»⁵

¹ Там же. С. 238–239.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 241.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 242.

Однако для историка, обращающегося в познании к конкретной действительности, важны не абсолютные ценности, а ценности культурные, т. е. конкретизированные, привязанные к месту, времени, определенной социальной группе¹. Лаппо-Данилевский называет такие ценности общепризнанными². Обоснованность же их может не быть для историка данной³. Общепризнанная ценность как правило имеет относительный характер.

«...отнесение к обоснованной ценности требует обоснования той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличие ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком; общепризнанная ценность, значит, может не совпадать с обоснованной и в таком смысле признается лишь относительной»⁴.

Ценность реализуется в деятельности разделяющей ее социальной группы (т. е. коллективной индивидуальности) в самой действительности.

Это означает, что «понятие об общепризнанной ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий»⁵.

Понятие об общепризнанной ценности, таким образом, связывает историческое познание с самой исторической действительностью.

Сохранившиеся записи «семинария» Лаппо-Данилевского по теории ценности почти не дают однозначных формулировок и с трудом позволяют эксплицировать собственную точку зрения ученого. Лаппо-Данилевский не случайно избрал историко-философский способ подачи материала. В этом сказалась не столько его историческая подготовка, сколько желание избежать догматизма. Материалы занятий Лаппо-Данилевского показывают, что для него самого в теории ценности оста-

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 244.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 249.

валось много не решенных вопросов, а сами занятия носили поисковый характер, критически рассматриваемый историко-философский материал, побуждал к продолжению поисков. Именно к самостоятельному поиску истины приглашал Лаппо-Данилевский и своих учеников. Продолжением «практических занятий по аксиологии» в 1913–1914 г. стал «семинарий» по критическому разбору главнейших учений о ценности в 1917–1918 г. – один из последних курсов, которые вел Лаппо-Данилевский в Санкт-Петербургском университете.

ПРОЕКТ ИЗДАНИЯ СБОРНИКА «РУССКАЯ НАУКА»

Последним проектом Лаппо-Данилевского в Академии наук стала подготовка сборника «Русская наука». История этого сборника и связанной с ним подкомиссии, а также фактически выросшей из нее Комиссии по истории науки (впоследствии Комиссии по истории знаний) также нашли отражение в историографии отечественной науки¹. В приложении к статье В.Д. Есакова «Нереализованный проект Академии наук» опубликован ряд архивных материалов и выдержки из протоколов Академии наук². Часть писем А.С. Лаппо-Данилевского, связанных с подготовкой «Русской науки», опубликована в историографическом сборнике «Мир историка»³. В статье П. А. Трибунского по материалам Российского государственного архива литературы и искусства приводится содержание переписки Лаппо-Данилевского с В. Н. Перетцем об участии последнего в «Русской науке»⁴. Однако хронология и последовательность работы Лаппо-Данилевского по подготовке этого сборника требуют уточнения. Архивные материалы позволяют существенно дополнить наши знания об истории сборника «Русская наука».

Предыстория сборника «Русская наука» началась в марте 1916 г., когда посол Великобритании Д.У. Бьюкенен обратился к министру

¹ Есаков В.Д. От Императорской к Российской: Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С.120-132; Есаков В.Д. «Русская наука», 1917 г. (Нереализованный проект) // Крайности истории и крайности историков. Сборник статей. М., 1997. С. 95-120; Есаков В.Д. Нереализованный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. № 12. С. 1129-1131; Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб., 2003. С. 637–659.

² Есаков В.Д. Нереализованный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. № 12. С. 1131-1139.

³ Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 66–69.

⁴ Трибунский П.А. Эпистолярные материалы А. С. Лаппо-Данилевского в Российском государственном архиве литературы и искусства // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Северная звезда, 2003. Вып. 1. С. 321–322.

народного просвещения графу П.Н. Игнатьеву с предложением «завязать более тесные сношения между русскими и английскими учеными»¹. Это предложение министерство переадресовало Академии наук, которая на общем собрании 9 мая 1916 г. приняла решение образовать по этому вопросу специальную комиссию. Одним из первых шагов стало приглашение летом 1916 г. русских ученых (А.С. Лаппо-Данилевского, П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Б.Э. Нольде) в Кембридж для участия в летней сессии «народного университета» (Local Lectures Summer Meeting). Лаппо-Данилевский, в частности, прочел две лекции на тему «Развитие науки и учености в России», впоследствии опубликованные². 11 августа 1916 г. А.С. Лаппо-Данилевскому, П.Н. Милюкову, П.Б. Струве и Р. Дмовскому была торжественно присуждена степень доктора права Кембриджского университета³. Лаппо-Данилевский, возглавлявший отдел культурных связей Русско-Английского общества, также взял на себя работу по подготовке к изданию на английском языке многотомного коллективного труда по истории и культуре России.

Однако по ходу деятельности академической комиссии стало ясно, что нельзя ограничиться только укреплением отношений с английскими учеными. Началу работы по подготовке сборника «Русская наука» предшествовало собрание русских историков (М.И. Ростовцева, В.Н. Бенешевича, М.А. Дьяконова и др.), а также В.И. Вернадского на квартире Лаппо-Данилевского, где В.Н. Бенешевич предложил проект издания сборника статей по истории русской научной мысли⁴. 15 октября 1916 г. конференция Академии наук постановила образовать новую комиссию, «которой поручались заботы об установлении более тесного научного общения, помимо Англии, также и с другими странами Западной Европы»⁵. На одном из первых заседаний этой комиссии 15 ноября 1916 г. академик А.С. Лаппо-Данилевский выступил с инициативой подготовить к изданию на русском и французском языках сборник «Русская наука» («La Science Russe»), «где бы в кратких сжатых очерках, вроде некото-

¹ СФФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 75.

² *Lappo-Danilevsky A.S. The development of science and learning in Russia // Russian Realities and Problems. Ed. By J.D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.*

³ *Басаргина Е.Ю. А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета // Клио. 2013. № 12. С. 57–60.*

⁴ *Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. СПб., 2003. С. 639–642.*

⁵ СФФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 75.

рых статей книги “La Science Française”, были сообщены сведения о ходе развития и современном положении всей русской науки»¹. Это предложение было принято комиссией и 3 декабря 1916 г. одобрено Общим собранием Академии наук. В январе 1917. г. началось составление плана издания и была создана подкомиссия под председательством Лаппо-Данилевского, которая занялась подготовкой издания. В подкомиссию вошли: Э.Л. Радлов, А.В. Васильев, А.А. Белопольский, О.Д. Хвольсон, П.И. Вальден (Москва), В.И. Вернадский, В.В. Заленский, Н.И. Андрусов, И.П. Бородин, Н.В. Насонов, Ф.К. Волков, А.А. Кауфман, Н.О. Лосский, С.К. Булич, Н.И. Кареев, П.Б. Струве, В.М. Гессен, М.А. Пергамент, А.А. Жижиленко, В.Э. Грабарь (Юрьев), В.Н. Бенешевич, Б.А. Тураев, С.А. Жебелев, М.И. Ростовцев, А.И. Малеин, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский, Ф.Д. Батюшков, Ф.А. Браун, Д.К. Петров, П.Г. Виноградов (Оксфорд), Ф.И. Успенский, А.А. Шахматов, В.М. Истрин, Н.П. Кондаков, А.С. Лаппо-Данилевский, М.А. Дьяконов, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, Н.Я. Марр². Большинство очерков сборника было распределено между членами подкомиссии.

Издание сборника преследовало две цели. Во-первых, установление более тесных научных контактов с союзниками, поскольку традиционные связи с немецкими учеными в условиях войны были прерваны, и знакомство европейских ученых с достижениями русской науки. Во-вторых, сборник отвечал росту национального самосознания, пробужденного мировой войной, и должен был поддержать патриотические настроения в русском обществе, дать дополнительные основания для чувства национальной гордости. Как отмечал в отчете Академии наук С.Ф. Ольденбург, сборник «Русская наука» «ставит себе целью прежде всего выяснить в общедоступной, но строго научной форме, какими путями шло развитие науки, главным образом в течение двух столетий, в течение которых мы можем проследить ее последовательное развитие, а затем и указать, что уже сделано ею»³. На идеал научного знания и его историческое раскрытие ориентировались такие философские направления как позитивизм, неокантианство, марксизм. Сциентистское или даже инженерно-технологическое направление присутствовало в русском космиз-

¹ Там же.

² Там же. Л. 2, 3.

³ *Ольденбург С.Ф.* Отчет о деятельности РАН в 1917 г. Пг., 1918. С. 7.

ме¹, а наукоцентризм был характерен даже для русского авангарда². Востребованность и актуальность подобного издания не вызывала сомнения у его организаторов.

Принципиальным для Лаппо-Данилевского было заглавие сборника. В подготовительных заметках к заседанию подкомиссии 21 января 1918 г. он подчеркивал: «Русская наука, а не Наука в России (принято большинством) <...> По содержанию, открытию России и русской научной мысли, ее движению и т. п. а не по языку»³. В очерках должны были рассматриваться как достижения русских ученых, в том числе написанные на иностранных языках, так и открытия иностранцев, работавших в России. Прежде всего, в контекст русской науки включались иностранные ученые, деятельность которых имела мировое значение, а также те, «которые в качестве ученых, учителей и деятелей, стали необходимыми звеньями данной эволюционной серии, без которых в ее построении окажутся заметные разрывы, например, физик Ленц, историограф Мюллер и т. п.»⁴. Задача сборника состояла также в том, чтобы показать участие в становлении русской науки иностранных ученых и постепенное нарастание роли собственно русских исследователей. В то же время Лаппо-Данилевский изначально рассматривал историю русской науки шире. Он хотел показать зарождение научной мысли в России еще в допетровскую эпоху. С этой целью он включал в историю русской науки богословие, оправдывая это «религиозными принципами единства научного знания». На заседании подкомиссии 21 января 1918 г. также решался вопрос об основных принципах компоновки материала, распределения сведений по дисциплинам, направлениям, школам, лицам, учреждениям и т. п.

Первый доклад о «характере и общем плане предполагаемого издания»⁵ Лаппо-Данилевский сделал на Общем собрании Академии наук 27 мая 1917 г. Окончательный план сборника «Русская наука» был определен к осени 1917 г. и отпечатан тиражом 75 экземпляров. Как отмеча-

¹ Трофимова Е.А. Космизм Серебряного века: проект модерна // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Вып. 12. СПб., 2012. С. 90.

² Троицкий С.А. Философия русского авангарда: общая характеристика // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Вып. 12. СПб., 2012. С. 72.

³ Цит. по: Есаков В.Д. Нереализованный проект Академии наук. С. 1136.

⁴ Цит. по: Там же. С. 1136.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 6.

лось в «Справке», составленной для заседания 18 сентября 1921 г. Комиссии по истории науки:

«Ближайшей целью сборника “Русская Наука” является характеристика тех важнейших научных проблем, которые ставились и решались русскими учеными в течение последних двух веков, тех результатов, которых они достигли в настоящее время, и тех очередных задач, какие намечают в ближайшем будущем в различных отраслях науки»¹.

На заседании Комиссии по истории науки в план сборника были внесены некоторые изменения. Окончательный вариант выглядел следующим образом:

Предисловие

Отдел первый

1. Науки богословские (теоретическое богословие: догматика, этика, апологетика, полемика; библиология и экзегетика; церковная история с церковной литературой; патрология и гомилетика; каноника, литургия и церковная археология) – Н.Н. Глубоковский, 4 л.

2. Науки философские (введение в философию и история философии; метафизика и гносеология; логика, этика и эстетика) – Э.Л. Радлов, 3 л.

Отдел второй

1. Математика – А.В. Васильев

2. Механика – П.О. Сомов, вместе с очерком по истории математики 4 л.

3. Астрономия – А.А. Белопольский, 2 л.

4. Физика – П.П. Лазарев, 3 л.

5. Метеорология – Е.А. Гейнц, затем передано А.А. Каминскому, 1 л.

6. Химия – П.И. Вальден, 3 л.

7. Минералогия с кристаллографией – В.И. Вернадский, затем передано А.Е. Ферсману, 2 л.

8. Геология – Н.И. Андрусов, 1 л.

9. Почвоведение – К.Д. Глинка, 1 л.

10. Палеонтология: палеоботаника – М.Д. Залесский, 0,5 л.; палеозоология, А.А. Борисяк, 0,5 л.

11. Ботаника – И.П. Бородин, 3 л.

12. Сравнительная анатомия – Н.А. Холодковский.

Анатомия человека – В.Н. Тонков.

¹ Там же. Л. 75–75 об.

13. Гистология – А.А. Максимов. Очерки 12–13 – 3 л.
 14. Физиология – Л.А. Орбели, 2 л.
 15. Эмбриология – В.В. Заленский, затем передано А.Н. Северцову, 1 л.
 16. Зоология (систематическая) – Н.В. Насонов, 2 л.
 17. Научная медицина (общая патология, бактериология) – Н.И. Кравков, 3 л.
 18. География (физическая география, страноведение) – Л.С. Берг, 2 л.
 19. Антропология – Ф.К. Волков, затем передано Д.Н. Анучину, 0,5 л.
- Отдел третий
1. Статистика – А.А. Кауфман, 2 л.
 2. Психология – Н.О. Лосский. 1 л.
 3. Языкознание (общее и сравнительное) – С.К. Булич, затем передано Л.В. Щерба, 1,5 л.
 4. Этнография – Ф.К. Волков, затем передано Д.Н. Анучину, 2 л.
 5. Социология – Н.И. Кареев, 2 л.
 6. Политическая экономия и наука о финансах – П.Б. Струве, 2,5 л.
 7. Право:
 - а) Общая теория и философия права – И.А. Покровский, П.И. Новгородцев, 3 л.
 - б) Государственное право – В.М. Гессен, 2 л.
 - с) Административное право – Н.И. Лазаревский, 1 л.
 - д) Гражданское право – М.Я. Пергамент, 1 л.
 - е) Римское право – Д.Д. Гримм, 0,5 л.
 - ф) Торговое право – А.Э. Нольде, 0,5 л.
 - г) Гражданский процесс – В.Б. Ельяшевич, 0,5 л.
 - h) Уголовное право – А.А. Жижиленко, 1,5 л.
 - и) Церковное право – В.Н. Бенешевич, 0,5 л.
 - к) Международное право – В.Э. Грабарь, 1 л.
 8. Филология и история:
 - а) Методология истории (в совокупности) – А.С. Лаппо-Данилевский, затем передано Н.И. Карееву, 1,5 л.
 - б) Доисторическая археология – Ф.К. Волков, затем передано Д.Н. Анучину, 0,5 л.
 - с) Древний Восток – Б.А. Тураев, 1 л.
 - д) Греция:
 - аа) язык и литература – А.В. Никитский, 2 л.
 - bb) история – В.П. Бузескул, 1 л.
 - е) Рим:
 - аа) язык и литература
 - bb) история – все А.И. Малеин, 3 л.
 - ф) Археология (преимущественно классическая) и общая история искусства – С.А. Жебелев, М.И. Ростовцев, 2 л.

- г) Романо-германская филология и история литературы – В.Ф. Шишмарев, Ф.Д. Батюшков, Д.К. Петров, Ф.А. Браун, 2,5 л.
- h) История средних веков – П.Г. Виноградов, 1,5 п.л.
- и) История Византии – Ф.И. Успенский, 1 л.
- к) История нового времени – Н.И. Кареев 2 л.
- л) Славяноведение:
 - aa) язык и литература – Н.М. Петровский, 2 л.
 - bb) история (южных и западных славян) – Н.В. Ястребов, 1 л.
 - m) Русский язык и литература в связи с их историей – А.А. Шахматов, затем передано Е.Ф. Карскому, 1 л., В.Н. Перетц, 3 л.
 - n) История русского искусства – Н.П. Кондаков, 2 л.
 - o) История русского права – М.А. Дьяконов, 2 л.
 - р) Русская история – А.С. Лаппо-Данилевский, затем передано С.Ф. Платонову, 5 л.
- 9. Востоковедение (все вместе – 7 л.):
 - a) Введение – С.Ф. Ольденбург
 - b) Семитическая филология – П.К. Коковцов.
 - c) Христианский восток – Н.Я. Марр.
 - d) Мусульманский мир – В.В. Бартольд.
 - e) Кавказ – Н.Я. Марр.
 - f) Иран – С.Ф. Ольденбург.
 - g) Турецкие народы – В.В. Бартольд.
 - h) Буддийский мир – С.Ф. Ольденбург.
 - и) Дальний Восток, Индия, не мусульманская Средняя Азия – С.Ф. Ольденбург.
 - к) Сибирские народы – Л.Я. Штеренберг.
 - л) Финны – А.А. Шахматов, затем передано Н.Н. Поппе¹.

Два из трех разделов сборника были посвящены гуманитарным наукам, что трудно представить при современном господстве технократического мировоззрения. Объем очерков по специальностям предполагался – 1–2 п. л. Очерк должен был включать в себя систематически-хронологический список важнейших трудов в данной области и ссылку на общий библиографический труд по данной специальности². Общий объем всего издания, состоящего из двух томов, – 100–105 п. л. Тираж издания 2200 экз., из которых половина на русском и половина на французском языках.

¹ Там же. Л. 11–12 об.

² Там же. Л. 75 об.

Первые шаги работы подкомиссии по изданию сборника «Русская наука» были озвучены Лаппо-Данилевским на заседании Историко-филологического отделения Академии наук 25 февраля 1917 г., на котором он просил выделить 2000 рублей для «собирания библиографических сведений, перевода статей на французский язык, корректурных работ и т. п.»¹. Подкомиссия связалась с французским институтом в Петрограде, взявшимся переводить готовящийся сборник на французский язык. На Общем собрании Академии наук 7 октября 1917 г. Лаппо-Данилевский «представил сообщение Директора Французского института в Петрограде г. Патулье по вопросу об организованной при Французском Институте Комиссии для перевода на французский язык сборника “Русская наука”»².

Первоначально предполагалось собрать рукописи очерков к 1 января 1918 г. Очередное заседание подкомиссии под председательством Лаппо-Данилевского состоялось 21 января 1918 г., а на Общем собрании Академии наук 16 февраля 1918 г. он сообщил об уже поступивших очерках (Н.Н. Глубоковского по богословским наукам, П.П. Лазарева по физике, К.Д. Глинки по почвоведению, Н.А. Холодковского, В.Н. Тонкова и А.А. Максимова по сравнительной анатомии, анатомии человека и гистологии, Н.И. Кареева по социологии, Б.А. Тураева по древнему востоку, Н.И. Кареева по истории нового времени, Н.М. Петровского по языкам и литературе славянских народов) и решении подкомиссии «начать печатание представленных очерков за соответствующими общему плану номерами, каждого в отдельности с особой пагинацией, с тем, чтобы сброшюровать все очерки с общей пагинацией по напечатании остальных, предоставив теперь же в распоряжение авторов отпечатанные их статьи»³. На этом же собрании был установлен и размер гонорара (не академикам выплачивалось по 150 рублей за лист, переводчикам – 100 рублей за лист; работы академиков оплате не подлежали) и перенесен срок предоставления рукописей очерков на 1 мая 1918 г.⁴

Лаппо-Данилевский еще четыре раза выступал на Общих собраниях Академии наук по поводу сборника «Русская наука». Так, 16 марта 1918 г. он сообщил о поступивших очерках А.А. Кауфмана о статистике и

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Протоколы Общих собраний РАН. 1918. Пг., 1918. С. 25–26.

Д.К. Петрова по языку и литературе романских народов¹; 26 апреля 1918 г. на Экстренном общем собрании Академии наук Лаппо-Данилевский зачитал письмо профессора Л.С. Берга с просьбой приложить к очерку по географии карты². На Общем собрании Академии наук 5 октября 1918 г. он сообщил о поступивших очерках Н.О. Лосского по психологии и Л.С. Берга по географии, а также просил «разрешить, по мере печатания сборника, несколько листов которого уже изданы, составлять к ним указатель личных имен»³. 26 ноября 1918 г. на Экстренном общем собрании Академии наук он известил о смерти Ф.К. Волкова, готовившего статьи по антропологии, этнографии и доисторической археологии. «Желательно, – отмечал Лаппо-Данилевский, – было бы выяснить, не осталось ли в составе бумаг Ф.К. Волкова набросков или очерков по вышеназванным предметам»⁴. Написание очерков по антропологии и этнографии было передано Д.Н. Анучину.

Революционные события, зачастую нехватка необходимых для жизни вещей, начавшиеся репрессии против интеллигенции задерживали подготовку сборника. Архивные материалы сохранили свидетельства тех условий, в которых приходилось работать ученым. Так автор очерка о богословии экстраординарный академик и заслуженный ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский писал Лаппо-Данилевскому 5 февраля 1918 г. о том, что «положение Духовных Академий совсем опасное», что «уже оспаривают самое право их на существование»⁵. «Можно надеяться, – заключал он, – что как-нибудь протянем еще февраль-март, а там окончательно “прихлопнут”. Тогда я должен буду покинуть Петроград и бежать»⁶. В этой ситуации он просил скорее отпечатать «реферат о русском богословии», чтобы «успеть придержать авторскую корректуру». «В случае моего бегства я желал бы захватить оригинал с собой», – писал Н.Н. Глубоковский⁷.

¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 22.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 28; Протоколы Общих собраний РАН. 1918. С. 210.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 20–20 об.

⁷ Там же. Л. 20 об.

Очерк Н.Н. Глубоковского объемом 5 п. л. был отпечатан, но не сброшюрован. Отдельным изданием он вышел уже в эмиграции¹.

Приведу еще одно письмо, направленное в конце 1921 г. климатологом А.А. Каминским В.И. Вернадскому, возглавлявшему Комиссию по истории науки, в ведение которой перешло продолжение работ по изданию сборника «Русская наука».

«Глубокоуважаемый
Владимир Иванович.

Л.С. Берг сообщил мне, что Комиссия по составлению Истории Русской Науки поручила мне написать очерк истории русской метеорологии. К сожалению, когда комиссия приступала к работе, я находился в заточении и был лишен возможности заняться выполнением поручения. Наконец я на свободе и с полной готовностью и удовольствием принялся бы за предложенный труд, если еще не поздно и Комиссия не обратилась к кому-либо другому из метеорологов. Буду глубоко признателен Вам за уведомление, остается ли поручение за мной.

Глубоко уважающий Вас
А. Каминский
В.О. 15 линия, д. 8, кв. 21.
Антон Антонович Каминский
7. XII. 1921»².

7 февраля 1919 г. преждевременно оборвалась жизнь инициатора и руководителя работ по изданию сборника «Русская наука» академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевский. К этому времени фактически треть материалов сборника была собрана. В «Справке», составленной в 1921 г. для Комиссии по истории науки, сообщалось, что из 68 намеченных очерков в подкомиссию поступило 23. Гонорарная ведомость дает представление об авторах, сдавших свои материалы и их объеме: Л.С. Берг (5 л.), А.А. Борисяк (1 л.), А.В. Васильев (2 л.), К.Д. Глинка (1 л.), Н.Н. Глубоковский (5 л.), С.А. Жебелев (1,5 л.), М.Д. Залесский (0,5 л.), Н.И. Кареев (социология) – 2 л., (новая история) – 1,5 л., А.А. Кауфман (4 л.), Н.О. Лосский (2 л.), А.Ю. Малеин (1,5 л.), Н.М. Пет-

¹ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928. – 116 с.

² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 95, 95 об.

ровский (1,75 л.), Д.К. Петров (1 л.), Э.Л. Радлов (4 л.), П.О. Сомов (2 л.), Н.А. Холодковский (1,5 л.)¹.

На Общем собрании Академии наук 8 марта 1919 г. А.А. Шахматов за С.Ф. Ольденбурга сообщил о заявлении последнего в Конференцию АН о необходимости полученные материалы сборника «Русская наука» оплатить авторам в размере 500 руб. за лист, «что значительно ниже принятого ныне гонорара, но отвечает примерно гонорарам того времени, когда были представлены рукописи». Там же отмечалось, что поступивши рукописи «не могут набираться по отсутствию рабочих рук»². Краткий «Отчет Комиссии по изданию сборника “Русская наука”» подводил общий итог проделанной работы³.

Однако работа по изданию сборника «Русская наука» продолжилась лишь в 1921 г., когда 14 мая на Общем собрании Академии наук была учреждена Комиссия по истории науки. 11 июня 1921 г. состоялось первое заседание комиссии, на котором председателем был избран В.И. Вернадский. На заседании присутствовали А.П. Карпинский, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Успенский, В.И. Вернадский, В.М. Истрин, Н.Я. Марр, В.А. Стеклов, В.В. Бартольд, П.П. Лазарев. В протоколе заседания отмечалось: «По обсуждению вопроса о задачах Комиссии выяснилось, что присутствовавшие полагают, что наряду с общей задачей Комиссии разрабатывать историю развития знания вообще Комиссия должна заняться и разработкою истории научной деятельности самой Академии и озаботиться скорейшим изданием сборника “Русская наука”»⁴. То, что после смерти Лаппо-Данилевского его работу подхватили С.Ф. Ольденбург и В.И. Вернадский не было случайностью. Оба ученых входили в родовой и дружеский круг Лаппо-Данилевского⁵. Имея в виду сборник «Русская наука», В.И. Вернадский писал, что «Издание исторических очерков имело в виду не только интересы преходящего момента – пробуждение народного самосознания в эпоху кризиса, оно впервые должно было подвести итоги глубокому историческому процес-

¹ Там же. Л. 43.

² Там же. Л. 42.

³ Отчет Комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Отчет о деятельности РАН в 1919 г. Пг., 1920. С. 322.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 67.

⁵ Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011; Афиани В.Ю. В.И. Вернадский и А.С. Лаппо-Данилевский: стремление к генерализации прошлого // Клио. 2013. № 12.

су – росту, углублению и расширению научной мысли в среде нашего народа»¹.

Второе заседание Комиссии по истории науки (первое задание было организационным), состоявшееся 18 сентября 1921 г., было посвящено сборнику «Русская наука». Для этого заседания была составлена упоминавшаяся уже «Справка». К этому времени ушли из жизни многие авторы сборника (Ф.Д. Батюшков, С.К. Булич, Ф.К. Волков, Е.А. Гейнц, В.М. Гессен, М.А. Дьяконов, В.В. Заленский, А.А. Кауфман, Н.Н. Лазаревский, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Э. Нольде, Н.М. Петровский, И.А. Покровский, Б.А. Тураев, Н.А. Холодковский, А.А. Шахматов), поэтому было необходимо провести замены в авторском коллективе. Наиболее радикальные изменения коснулись очерков по юриспруденции. Было решено «предложить члену Комиссии профессору А.А. Жижиленко собрать совещание из сотрудников сборника и других лиц, по его выбору, для пересмотра перечня очерков по вопросам права и списка авторов этих очерков»².

В то же время содержание и объем сборника были существенно расширены за счет включения в него очерков по истории «научно-прикладных дисциплин» (не менее 300 п. л.) и медицинским наукам (100 п. л.). Соответствующие решения были закреплены комиссией на совещании 15 октября 1921 г. и заседании 12 декабря 1921 г. Тогда же были составлены планы новых томов «Прикладное естествознание»³ и

¹ Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 258.

² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Ед. хр. 25. Л. 72–73.

³ Прикладное естествознание

1. Гидротехника – В.Г. Глушков.

2. Горное дело

а) Учение о рудных месторождениях – Н.П. Асеев.

б) Маркшейдерское искусство – В.И. Бауман.

3. Машиностроение – Д.С. Зернов.

4. Земледельческие орудия – Д.Д. Арцыбашев

5. Соппротивление материалов – Н.А. Белелюбский.

6. Железнодорожное и путевое строительство – Щукин.

7. Морское строительство – К.П. Боклевский.

8. Воздухоплавание – В.Ф. Найденов.

9. Артиллерия и баллистика

10. Основы зодчества с технической точки зрения – В.В. Эвальд.

11. Электротехника – В.Ф. Миткевич.

«Медицинские науки»¹. Было изменено и общее заглавие сборника – «История науки в России». О переводе его на французский или другой иностранный язык уже не упоминалось. На том же заседании (12 декабря 1921 г.) «В.Л. Комаров отметил необходимость ввести в программу составляемых Комиссией очерков исторический обзор изучения России»². Товарищем председателя Комиссии был избран философ Э.Л. Радлов, а членами редакционного комитета – Н.Я. Марр, А.В. Васильев и М.А. Блох, «поручив последнему наблюдение за работами по истории прикладного естествознания»³. За Н.Я. Марром и А.В. Васильевым, очевидно, было закреплено редактирование гуманитарного и естественнонаучного отделов, соответственно.

Готовые очерки по истории математики А.В. Васильева и по истории философии Э.Л. Радлова было решено опубликовать отдельными изданиями, а для написания очерков по сравнительной анатомии, анатомии

-
12. Химическая технология – Н.С. Курнаков.
 13. Metallургия – Н.П. Алексеев.
 14. Сельско-хозяйственная метеорология – П.И. Броунов.
 15. Учение о земледелии, садоводстве и плодоводстве – В.И. Ковалевский.
 16. Рыбоводство – М. Сомов.
 17. Опытное дело – Н.М. Тулайков.
 18. Прикладная энтомология – Поспелов.
 19. Прикладная микробиология – В.Л. Омелянский.
 20. Зоотехния – Е.Ф. Лискун.
 21. Лесное дело – М.Е. Ткаченко.
 22. Болотоведение – В.Н. Сукачев (Там же. Л. 69).

- ¹ 1. Гигиена – Г.В. Хлопин (он же отв. ред.)
 2. Общая патология (сюда же патологическая анатомия) – С.М. Лукьянов.
 3. Фармакология (сюда же токсикология) – Д.С. Кравков.
 4. Фармация – Л.Ф. Ильин.
 5. Учение о заразных болезнях и бактериология – С.И. Златогоров.
 6. Хирургия (топографическая анатомия, сюда же глазные, мочеполовые, ушные, горловые) – В.С. Опель.
 7. Женские и акушерство – О.Д. Оскарович.
 8. Кожные – Т.П. Павлов.
 9. Психиатрия и нервные болезни – Осипов, М.И. Асвацатуров.
 10. Внутренние болезни (сюда же детские) – Н.Я. Чистович (Там же. Л. 102).
- ² Там же. Л. 97. об.
³ Там же. Л. 98.

человека и гистологии создать новую группу. Подготовка публикаций должна была вестись уже в новой орфографии.

Этим, фактически, исчерпывается архивное дело Подкомиссии по изданию сборника «Русская наука». Последние документы свидетельствуют о возвращении в 1923 г. рукописей Е.Ф. Карскому и Л.С. Бергу.

Подготовка сборника «Русская наука» стала последним и одним из наиболее масштабных проектов Лаппо-Данилевского. Сборник «Русская наука» отчасти подводил итог организаторской деятельности ученого в Академии наук по поддержке национальных исследований и введению в состав Академии наук русских ученых. Как отмечают В.Г. Бухерт и В.П. Корзун, уже в анкете, предшествовавшей подготовке сборника «Русская наука» «прочитывается концепция национальной специфики русской науки»¹. Трудно сказать, смог бы Лаппо-Данилевский довести начатое дело до конца, если бы его жизнь преждевременно не оборвалась в 1919 г. В хаосе революционных событий лишь благоприятное стечение обстоятельств могло способствовать выходу сборника. Одновременно с изданием сборника «Русская наука» Лаппо-Данилевский был занят и другими крупными начинаниями: подготовкой к проведению в 1918 г. в Петрограде Международного исторического съезда, организацией Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского и его деятельности, проектированием Института социальных наук. Все это помимо преподавания в университете и плановых работ в Академии наук. Примечательно, что Александр Сергеевич не приступил к работе над очерком по методологии истории для сборника. По крайней мере, в архивном фонде ученого подготовительные материалы к такому очерку не сохранились. В эти же годы он готовил к изданию свои лекции по дипломатике и перерабатывал лекции по методологии истории для нового издания, которые в отличие от изданий 1909 и 1910–1913 гг. носили в большей степени историографический характер. Но русский материал в них представлен скупо и не выделен в отдельный раздел, который можно было бы соотнести с планом сборника «Русская наука». Впрочем, работа над новой редакцией «Методологии истории» так и не была завершена. Посмертное издание «Методологии истории» вышло стараниями учеников Лаппо-Данилевского в 1923 г., а «Очерк русской диплома-

¹ Бухерт В.Г., Корзун В.П. «Позвольте Вам выразить искреннюю признательность комиссии...» // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 65.

тики частных актов» был подготовлен к изданию А.И. Андреевым в 1920 г. Второй очерк Лаппо-Данилевского из сборника «Русская наука» по русской истории также не был завершен. В изданном в 1920 г. в память Лаппо-Данилевского «Русском историческом журнале» был опубликован его «Очерк развития русской историографии»¹.

Проект сборника «Русская наука» был первой попыткой систематического рассмотрения истории русской научной мысли. Подготовка к изданию этого сборника стимулировала историко-научные исследования в России и во многом инициировала работы по истории науки уже в последующие годы, которые были сосредоточены в двух академических комиссиях: Комиссии по истории знаний и Комиссии по истории Академии наук.

¹ *Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5-29.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историю российской социологии Лаппо-Данилевский вошел, прежде всего, как первый председатель Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского. Содержание же его научных трудов и педагогической деятельности с историко-социологической точки зрения не рассматривались. Отчасти это объясняется тем, что при жизни он не опубликовал крупных работ по социологии за исключением статьи «Основные принципы социологической доктрины Конта» (1902), которую из-за ее объема нередко называют монографией. В то же время в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН отложились рукописи его лекционных курсов по истории социологии, позволяющие по-новому взглянуть на место Лаппо-Данилевского в истории российской социологии. По своим теоретическим взглядам он был близок к неокантианству, вместе с С.И. Гессеном входил в петербургскую редакцию журнала «Логос», выступил одним из учредителей Философского общества при Санкт-Петербургском университете (1897). Однако в исследованиях по истории русского неокантианства его имя, как правило, не упоминается. То же можно сказать и о большинстве обобщающих трудов по истории русской философии и социологии, упускающих социологическое и философское наследие ученого. Конечно, причиной этого, по большей части, является его принадлежность к ученой корпорации историков, а не философов или социологов. И хотя этот момент – формальный, он оказался решающим при изучении и оценке работ ученого. Ориентация на немецкое неокантианство наложила глубокий отпечаток на все творчество Лаппо-Данилевского и, прежде всего, на его теоретические и философские труды.

Опираясь в своих собственных философско-исторических работах на неокантианство и позитивизм, Лаппо-Данилевский отчасти заимствовал терминологию и методы этих учений, на основе которых пытался разработать собственную оригинальную философско-историческую концепцию, называемую им методологией истории. Оговорка «пытался» означает здесь лишь то, что сам ученый не считал свою работу завершенной и до конца жизни переписывал и перерабатывал «Методологию истории». В результате «Методология истории» Лаппо-Данилевского была издана трижды (1909, 1910–1913, 1923). Причем три издания «Методологии истории» представляют собой не три редакции одного текста, а три самостоятельных исследования. Наиболее полным является изда-

ние 1910–1913 г. Заглавие труда – «Методология истории» – было продиктовано тем, что с 1906 г. Лаппо-Данилевский читал в Санкт-Петербургском университете на историко-филологическом факультете трехгодичный курс с таким названием, который посещали не только историки, но и философы, экономисты, юристы и студенты других факультетов. Содержание курса и опубликованных версий «Методологии истории» выходило далеко за пределы одной из вспомогательных исторических дисциплин. Под методологией истории Лаппо-Данилевский, прежде всего, подразумевал теорию исторического познания, что соответствовало и неокантианским установкам его философских поисков. В то же время сам ученый ставил перед собой задачу не просто раскрыть гносеологические и эпистемологические основы историографии, но и дать обоснование «теории обществоведения», которую он во многом отождествлял с социологией. Этим планам ученого не суждено было в полной мере осуществиться и мы можем говорить лишь о самых общих контурах его «теории обществоведения». Последняя редакция «Методологии истории» в большей степени представляет историческое введение в теорию обществоведения и во многом перекликается с рукописными материалами лекций по социологии, которые читал Лаппо-Данилевский. Среди них сохранились и корректурные листы новой редакции «Методологии истории», которые ученый использовал при подготовке лекций. Видно, что ученый приступил к переработке своего основного теоретического и философского труда во многом под влиянием читавшихся им социологических курсов. Посмертное издание «Методологии истории» можно рассматривать как историческое введение в социологию. Содержательно она во многом совпадает с курсом лекций «Научные основы социологии в их историческом развитии».

Уже первые «семинарии» Лаппо-Данилевского в Петербургском университете имели философский и социологический уклон. С середины же 1900-х гг. теоретические (философские и социологические) вопросы стали заметно преобладать в исследованиях ученого, что выделяло его на фоне других петербургских историков. Некоторые из его коллег, например, Г.П. Федотов скептически относились к результатам философских поисков Лаппо-Данилевского. «В стороне стоял Лаппо-Данилевский, – писал он, – человек огромной культуры, мысливший в терминах философского идеализма, которого обесплодило собственное богатство. Придавленный критицизмом, он не мог отважиться на историческое построение в большом стиле и воспитал целую школу скрупулез-

ных дипломатистов и архивистов, русскую Ecole des Chartes»¹. Однако большинство современников и учеников Александра Сергеевича видели в нем самостоятельного и крупного социального мыслителя и теоретика исторической науки. Среди последних можно упомянуть П.А. Сорокина. По словам В.В. Козловского: «А.С. Лаппо-Данилевский объединяет в себе творческие интуиции историка, социального философа, социолога»². Лаппо-Данилевский был не только выдающимся ученым, но и блестящим организатором науки; именно он одним из первых предпринял шаги по институционализации и преподаванию социологии в России. Им был разработан проект Института социальных наук, в свое время так и не реализованный³.

Далеко не все исследования Лаппо-Данилевского были опубликованы при жизни. В первую очередь это касается его главного исторического труда «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики», до сих пор изданном лишь частично⁴. Не были опубликованы и его курсы по социологии, которые, вероятно, и не предназначались для печати. Рукописи Лаппо-Данилевского по социологии содержат материалы разных лет (с конца XIX в. до 1918 г.). Они раскрывают предварительную, «черновую» сторону исследовательской работы ученого, показывают не только его научные предпочтения и ориентиры, но и демонстрируют эволюцию его философских и социологических взглядов, позволяют говорить о Лаппо-Данилевском как об ис-

¹ Федотов Г.П. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2-х тт. СПб., 1991. С. 346.

² Козловский В.В. От методологии истории к исторической метасоциологии: уроки А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 7.

³ Бухерт В.Г. Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости». Статья А.С. Лаппо-Данилевского о необходимости создания института социальных наук. Июль 1918 г // Исторический архив. 2013. № 2. С.4-13; Лаппо-Данилевский А.С. Об Институте Социальных Наук. Записка комиссии Российской академии наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 59–62.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1990; Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2005.

торике социологии. Исторический способ изложения социологических теорий не был случаен для Лаппо-Данилевского. Он полагал, что таким образом может избежать догматизации предмета и лучше донести до студентов основные идеи и концепции положительной науки об обществе.

Разбирая рукописи Лаппо-Данилевского, в частности «Научные основы социологии», поражаешься объему подготовительных материалов и тому количеству времени и сил, которые ученый затратил на подготовку лишь трех лекций по истории социологии. Материалы этих лекций составляют более четырех сотен листов различных выписок, конспектов и заметок. Лаппо-Данилевский сознавал незавершенность своих историко-социологических исследований, чем отчасти объясняется отказ их опубликовать. Заканчивая краткий курс «Научные основы социологии», он обращался к своим слушателям:

«Время, которым мы располагаем, к сожалению, на исходе и мне приходится заканчивать свои беседы с вами; я заканчиваю их не без некоторого смущения: тема моих бесед оказалась, может быть, слишком отвлеченной и очень широкой, я многого коснулся слишком *поверхностно* и многое *опустил*, да и то, что сказал вам, далеко не всегда *выразил достаточно ясно и наглядно*.

В свое оправдание я могу сказать только, что мои лекции были вызваны искренним желанием хотя бы несколько отозваться на ваш *живой* интерес к научному знанию и, по мере сил, быть полезным тому великому делу, которое мы исполняем здесь, *делу народного университета*»¹.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 447.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.С. Лаппо-Данилевский

ЗАПИСКА ОБ УЧЁНЫХ ТРУДАХ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В.О. КЛЮЧЕВСКОГО¹

Всякому, кто сколько-нибудь следил за развитием русской историографии в течение последних тридцати лет, хорошо известны труды профессора В.О. Ключевского: его крупный исторический талант говорит сам за себя, а научные заслуги, так ярко проявившиеся в целом ряде специальных исследований, не нуждаются в подробной мотивировке. В нашей записке мы поэтому лишь в самых главных чертах припомним результаты учёной деятельности профессора Ключевского и укажем на общее ее значение.

Ученик С.М. Соловьёва², В.О. Ключевский легко усвоил себе то историческое мировоззрение, приверженцы которого, помимо пищи, доставляемой историей философскому и эстетическому созерцанию, признавали ещё «сторону, более важную для изучения и более нужную для практических потребностей настоящего и будущего», а именно, обращали особое внимание на «природу и действие сил и условий, участвующих в построении человеческих обществ». Лек-

¹ Печатается по IV приложению к протоколу заседания Общего Собрания Академии 2 сентября 1900 года. «Записка» была составлена академиком А.С. Лаппо-Данилевским, о чём свидетельствует рукописный оригинал (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. № 103. Л. 11–22.) и кроме А.С. Лаппо-Данилевского была подписана академиками К. Веселовским, В. Радловым, К. Залеманом и Н. Дубровиным. К «Записке» был приложен и список трудов В.О. Ключевского. А.С. Лаппо-Данилевскому также принадлежит статья «Исторические взгляды В.О. Ключевского», опубликованная сначала в «Вестнике Европы», а затем переизданная в сборнике «В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания» (М., 1912).

² Соловьев Сергей Михайлович (1820 – 1879) – русский историк, профессор Московского университета (1848–1879), ректор Московского университета (1871–1877), академик (1872). Учитель В.О. Ключевского.

ции С.М. Соловьёва, посвящённые изучению органического развития русской государственности, на ряду с которою он не упускал из виду и «истории сословий», оказали влияние на слушателей, в числе которых едва ли не первое место занимал некогда и В.О. Ключевский: ещё в бытность свою студентом Московского университета, он написал рассуждение «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866 г.) и до сих пор не потерявшее значения довольно полного свода иностранных известий о тех сторонах древне-русской жизни, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей.

Тема для магистерской диссертации также была избрана В.О. Ключевским, вероятно, под влиянием С. Соловьёва, как известно, придававшего большое значение процессам колонизации в нашей истории. В.О. Ключевский с такой же точки зрения обратился к древне-русским житиям; в них он надеялся найти обильный и свежий источник для изучения одного факта древне-русской истории, а именно: участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси. По мере работы, однако, над значительным и, большею частью, рукописным материалом (150 житиями в 250 редакциях), рассеянным в различных древне-хрителищах, частных и публичных, ему пришлось видоизменить самую постановку темы: так как в житии обыкновенно изображена не жизнь отдельного человека, а на судьбах его развит отвлечённый назидательно-христианский идеал, то В.О. Ключевский в содержании житий, как историк, не мог найти удовлетворения. В своём исследовании, чрезвычайно богатом фактическими данными по части русской агиографической литературы, он обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления; он установил не только основные редакции большинства наших русских житий, но разъяснил и самые процессы агиографического творчества. Не ставя себе задачей ни рассмотрение тех путей, которыми приёмы искусственной агиобиографии проникали в нашу старинную письменность, ни исследование всех подробностей их развития у наших древних книжников, В.О. Ключевский значительно выяснил среду, в которой зародилась литературная форма житий, и последующий её рост, как по содержанию, так и по форме, причём обратил внимание и на воздействие читателей, видоизменившее их характер.

Уже в магистерской диссертации В.О. Ключевского заметны особенности его таланта: обнаруживая замечательную чуткость и тонкость наблюдения, он, вместе с тем, мастерски пользовался кон-

кретными обломками старины для воспроизведения целого; в старинном памятнике он чувствовал биение жизни, распознавал в нём общие черты изучаемого явления и представлял его в живом образе. Те же качества, но в ещё большем рельефе, встречаем мы и в последующих научно-исторических трудах профессора В.О. Ключевского.

Как указал В.О. Ключевский, С.М. Соловьёв в своём университетском курсе обращал внимание на «историю сословий», а не только на один «государственный быт». С такой же социально-политической точки зрения приступил В.О. Ключевский к изучению боярской думы; не смотря на первенствующее значение боярской думы в истории московского политического строя, в нашей исторической литературе не существовало ни одного специального исследования о ней, если не считать первый выпуск истории русского права профессора Н.П. Загоскина¹, вышедшего за несколько месяцев до появления труда профессора В.О. Ключевского в 1880 г. Глубоко проникнутый идеей о согласованности общественных явлений между собою, автор «Боярской думы древней Руси» затронул в своей докторской диссертации множество самых разнообразных и общих тем, большею частью, самостоятельно разработанных и оригинально освещённых. Таковы, например: роль колонизации в разложении родового быта племён славяно-русских; правительственное значение древне-русского города вообще и старших городов в особенности; борьба прав: княжеского и городского в древнее время; земледельческий (а не торговый) характер населения в Московской Руси и соединение обычных прав частного собственника с государственною властью в лице удельного князя на севере; удельное управление, в особенности, дворцовое; образование московской правительственной аристократии, как политической силы, которая однако не имела власти, ограниченной законом; положение служилого князя на уделе с остатками суверенных прав, всё ещё не ускользнувших из его рук; общественный и политический кризис в Московском государстве во второй половине XVI века; влияние «социального состава управления» на его развитие; положительное значение московской приказной администрации сравнительно с позднейшими органами цен-

¹ Загоскин Николай Павлович (1851–1912) – русский историк, юрист, профессор Казанского университета. Речь идёт об исследовании Н.П. Загоскина «История права Московского государства: Т. 2: Центральное управление Московского государства. Вып. I. Боярская Дума – Приказы» (Казань, 1879).

трального управления. Кроме целого ряда общих тем по социальной и политической истории Московского государства, намеченных и отчасти решённых В.О. Ключевским в «Боярской думе», мы находим здесь, разумеется, и специальное исследование о боярском совете, с древнейших времён вплоть до превращения аристократического совета в бюрократическое учреждение и замены его Сенатом. Перемены в социальном и правительственном составе думы в XVI–XVII вв., постепенно приобретшей значение центрального органа управления, и законодательное значение её были впервые обстоятельно выяснены В.О. Ключевским. Если не все гипотезы, высказанные автором, получили признание в нашей литературе, то во всяком случае все они были вызвали на размышление и на дальнейшую работу: под влиянием «Боярской думы» возникло несколько новых трудов молодых учёных, развивавших взгляды профессора В.О. Ключевского.

Сам автор «Боярской думы» вскоре обратился к более специальным исследованиям частью по социальной, частью по специально-политической истории Московского государства; в 1885–1886 гг. он напечатал известные статьи об отмене холопства и прикреплении крестьян¹, а в 1891–1892 гг. – приступил к изучению состава представительства на земских соборах². Оба труда существенным образом изменили господствовавшие до того времени взгляды на некоторые из важнейших явлений древне-русской жизни.

До появления исследований профессора В.О. Ключевского наши историки сводили процесс прикрепления крестьян к истории московской правительственной политики: частную зависимость крестьян от землевладельцев и её возрастающее влияние на ход прикрепления они почти вовсе упускали из виду. Благодаря обширным познаниям своим в области рукописных сборников юридических актов, укреплявших те или другие гражданские сделки, профессору В.О. Ключевскому удалось впервые несколько выяснить значение подобного рода явления в истории прикрепления. В одном ряде статей он проследил развитие холопства, состоявшее в постепенном осложнении его состава целым рядом разновидностей, что ослабля-

¹ Речь идёт о статьях В.О. Ключевского «Происхождение крепостного права в России» (Русская мысль. 1885. № 8, 10.) и «Подушная подать и отмена холопства в России» (Русская мысль. 1886. № 5, 7, 9, 10.).

² Речь идёт о статье В.О. Ключевского «Состав представительства на Земских соборах древней Руси. (Посвящается Б.Н. Чичерину)» (Русская мысль. 1890. № 1; 1891. № 1; 1892. № 1.).

ло безусловность холопской зависимости, и в любопытном превращении холопов, как вещей своих господ, в лиц, наделённых некоторыми личными и имущественными правами. Крайне тонкая и сложная работа, состоявшая в том, чтобы выделить влияние христианских идей и экономических интересов, а также роль церкви и государства в таком процессе и определить их взаимное значение, мастерски выполнена профессором В.О. Ключевским. В другом ряде исследований, совершенно правильно исходя из положения, что древне-русское законодательство признавало крепостным человека прежде всего и преимущественно холопа, он выяснил личный, а не поземельный характер крепостного права, строго отличая его от крепостного состояния, которое слагалось не из одних крепостных отношений. В связи с указанною точкою зрения, профессор В.О. Ключевский впервые дал блестящий анализ кабального холопства; приведши его в связь с издельным крестьянством, которое за подмогу создавало такую же личную крепостную зависимость крестьянина от владельца, в какую служба за рост ставила кабального холопа, он выяснил постепенное смешение договоров займа и найма в их юридических последствиях, способствовавших дальнейшему ходу прикрепления. Доказав возрастание личной зависимости крестьянина от землевладельца, профессор В.О. Ключевский изучил затем любопытное явление совладения крестьянским имуществом землевладельца и крестьянина, получавшего от него ссуду, что и порождало имущественную зависимость одного от другого. Профессор В.О. Ключевский открыл, кроме того, новый фактор в прикреплении, а именно, «старину», причём и в ней попытался различить старину кабальную от старины тяглою и писцовой. Наконец, автор попытался выяснить, каким образом основные элементы долгового холопства, осложнившись условиями крепостного состояния, прежде и более всего государственным тяглом, получили особый юридический характер, присущий крестьянскому состоянию. Исследование профессора В.О. Ключевского о том, каким образом движение холопства в сторону крестьянства встретилось с противоположным движением крестьянства в сторону холопства, и как этот двойной процесс завершился первою ревизией, можно считать одной из самых блестящих научно-исторических работ не только в русской, но и в иностранной исторической литературе последнего времени.

Важное значение имеет также исследование профессора В.О. Ключевского о «составе представительства на земских соборах древней Руси», написанное с той же социально-политической точки

зрения, которая уже обнаружилась в «Боярской думе», но здесь проведена с большою строгостью и приложена к более определённо поставленной теме. Микроскопический анализ состава соборного представительства в XVI–XVII вв. привёл автора к совершенно новому выводу: представительство на первых земских соборах было скорее представительством по служебному положению, чем по общественному доверию; кроме того, связав историю земских учреждений XVI в. с историей земских соборов, профессор В.О. Ключевский выяснил происхождение и значение представительства в XVI веке, как «высшей формы поруки в управлении», ибо правительство, созывая собор, стремилось «обеспечить себе дружное и усиленное содействие всех местных обществ, представители которых, поручившись за исполнимость соборного приговора, должны были принять на себя и провести в местные общества ответственное его исполнение».

В своих разысканиях по социально-политической истории России преимущественно московского времени профессор В.О. Ключевский естественно должен был натолкнуться на целый ряд тем по истории экономической и культурной. Одним из самых трудных вопросов, настоятельно требующих решения в области первой из них, конечно, надо признать вопрос о ценности рубля. Первая попытка правильной постановки его в нашей литературе, т. е. определение постепенных изменений, происшедших в соотношении меновой ценности рубля XVI–XVIII вв. к современной, принадлежит профессору В.О. Ключевскому¹. Для достижения вышеназванной цели он, не прибегая к так называемому *index numbers* и к истории стоимости драгоценных металлов на рынке, обратился, после весьма сложных метрологических изысканий, к изучению хлебных цен XVI–XIX вв. Хотя некоторые из выводов профессора В.О. Ключевского (относительно XVI в.) теперь уже несколько пошатнулись, но в его разысканиях нельзя не признать первой и весьма ценной попытки подойти к решению одного из самых основных вопросов по истории нашего хозяйства. Культурно-исторические очерки профессора В.О. Ключевского касаются, главным образом, состояния нашего просвещения в XVII–XVIII вв., как в отдельных его представителях, так и целых течениях. Так, например, в своём сочинении о «западном влия-

¹ Речь идёт о статье В.О. Ключевского «Русский рубль XVI – XVIII вв. в его отношении к нынешнему» (Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1884.).

нии в России XVII в.»¹ профессор В.О. Ключевский изучил те «колебания и сомнения, с которыми русское общество сближалось с Западною Европой, страх его перед иноземною цивилизацией и образование того направления, представители которого не сумели преодолеть своей косности, не последовали за общим движением русской церкви и, оторвавшись от неё, образовали раскол старообрядства». При том автор обратил своё внимание исключительно на тот нравственно-психологический переворот, который происходил в каждом старообрядце, отделившемся от церкви, что и придаёт вышеназванным статьям своеобразный интерес: здесь профессор В.О. Ключевский даёт характеристику вещественности религиозных представлений старинного русского общества, а также любопытный анализ понятий «обрядности» и «старообрядства»; далее, он выясняет значение идеи, возникшей у некоторых русских людей того времени, под влиянием падения Константинополя, о самодовлеющем, а следовательно и косном, характере русской православной церкви, и, наконец, останавливается на изучении той «латинобоязни», которая оправдывала первоначально их довольно робкий формализм религиозного чувства и была одною из главнейших причин раскола. Большим обилием наблюдений и ценных замечаний отличаются также статьи профессора В.О. Ключевского, главным образом, о некоторых из русских просвещённых деятелей XVIII века, в совокупности дающие довольно широкое понятие о нашей культуре во второй половине XVIII века.

В целом ряде научно-исторических разысканий профессора В.О. Ключевского, как видно, обнаружился крупный исторический талант, тем более редкий, что в его произведениях тонкий анализ «механизма общежития» обыкновенно соединяется с глубоким синтезом, постоянно имеющим в виду конкретно-жизненное содержание изучаемого объекта, а иногда доходящим до научно-художественного его изображения. Обширное знакомство профессора В.О. Ключевского с московскими архивами, его многолетняя опытность и научный характер его метода в специальных исторических работах дают нам полное основание надеяться, что в лице нашего кандидата Академия приобретёт сочлена, который ещё в течение многих лет будет принимать весьма важное для науки участие в академической деятельности по разработке отечественной исто-

¹ *Ключевский В.О.* Западное влияние в России XVII в. Историко-психологический очерк // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36, 38, 39.

рии. В виду вышеизложенного соображения и за отсутствием второй ординатуры по истории на нашем Отделении, мы считаем своим долгом, с разрешения Его Императорского Высочества Августейшего Президента, предложить избрать члена-корреспондента Императорской Академии Наук и ординарного профессора Московского университета Василия Осиповича Ключевского в иногородние ординарные академики Императорской Академии Наук.

ЗАПИСКА ОБ УЧЕНЫХ ТРУДАХ П.Б. СТРУВЕ¹

П.Б. Струве является одним из выдающихся представителей современной экономической науки. Перечень его ученых трудов свидетельствует о том широком захвате, который обнаруживает его научная деятельность. Внимание его привлекают и отвлеченные проблемы экономической теории, и конкретные вопросы истории хозяйственного быта; ряд его работ посвящен выдвигавшимся жизнью задачам хозяйственной политики. Кроме того, не ограничиваясь областью специально экономического знания, Петр Бернгардович уделял свои силы выяснению общих начал теории социальной науки. Широта поля научных интересов совмещается в П.Б. Струве с тщательностью разработки тех вопросов, на которых сосредоточивается его внимание. Труды его характеризуются не только глубиной философской культуры и самостоятельностью творческой мысли, но также исчерпывающе обширной и разносторонней эрудицией и неуклонным стремлением к технической чистоте работы: Петр Бернгардович с равным увлечением отдается и напряженным размышлениям на самые общие темы в области своей специальности, и тем кропотливо «мелочным» изысканиям, пренебрежительное отношение к которым так еще распространено, к сожалению, в кругах наших ученых обществоведов, свидетельствуя о недостаточно строгой научной школе.

Как исследователь исторического развития хозяйственных отношений, Петр Бернгардович ценен тем, что, приступая к материалу во всеоружии экономических знаний, он умеет объединить наблюдаемые факты в представляющие интерес для экономиста категории и осветить экономической теорией взаимную связь явлений и их историческую преемственность. Такой подход к материалу представляется характерным для исторических частей магистерской диссер-

¹ Печатается по: *Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах П.Б. Струве // II-е приложение к протоколу V заседания Отделения Исторических наук и Филологии Академии Наук 8 марта 1917 года (к § 160). С. 87–90; То же. V-е приложение к протоколу VI заседания Общего Собрания Академии Наук 15 апреля 1917 года (к § 147). С. 136–139.

тации Петра Бернгардовича, посвященных соотношению между вольной и указной ценой; он отличает и читаемые Петром Бернгардовичем исторические курсы. Но особенно крупный интерес это свойство П.Б. Струве, как историка хозяйственного быта, сообщает его исследованиям по истории крепостного хозяйства в России. Как ни странно, но мы доселе не имеем стоящей на высоте современной науки экономической истории освобождения крестьян в России. Мы располагаем в этом отношении несравненно более богатыми материалами, нежели те, которые легли в основу классических трудов Кнаппа и его учеников по истории освобождения крестьян на Западе. Но материалы эти остаются неиспользованными или неосмысленными, ибо требуют огромного черного труда, – в значительной части статистического, – с одной стороны, и способности к самостоятельному экономическому мышлению, опирающемуся на широкое экономическое образование, с другой. Удачно начатые исследования П.Б. Струве подавали надежду, что пробел будет, наконец, достойно заполнен; к сожалению, переезд за границу прервал работу Петра Бернгардовича в этой области.

Заслуженной известностью не столько у нас, сколько за границей, пользуются труды П.Б. Струве по истории социалистических идей: в литературе, посвященной изучению марксизма и его исторических корней, они занимают видное место. И в них пытливость мысли, устремленной на общие проблемы, счастливо сочетается с живым интересом к факту и с тщательным изучением источников. По обнаруживаемому в них знакомству с материалом Петр Бернгардович мало имеет себе равных даже в Германии, где история социализма – почти можно сказать – выделилась в самостоятельную дисциплину.

В последние годы научная работа П.Б. Струве – поскольку она не воплощается в читаемых им курсах – сосредоточена главнейшее на общих проблемах экономической теории. И в этой области Петр Бернгардович занимает свою особую позицию. Экономическая теория переживает ныне кризис, несколько напоминающий тот, который некогда привел к одностороннему господству историко-описательного направления в экономической науке. После недолгой сравнительно поры увлечения абстрактными конструкциями на новой базе предельной полезности и родственных ей концепций снова начинает чувствоваться острая неудовлетворенность малой плодотворностью новых учений, оторванностью теоретических построений от жизни, их схоластичностью. Однако, опыт недавнего про-

шлого жив еще в памяти, и исход намечается не в отказе от теории, а в ином направлении. Наблюдается все растущее стремление сомкнуть выводы из теоретических посылок с надлежаще обработанными фактическими данными. Крупные успехи статистической методологии за истекшую четверть века открывают для подобных попыток такие возможности, о которых ранее не могло быть и помысла. С другой стороны, сама экономическая теория утончается и уточняется, и ее построения, постепенно усложняясь, начинают ближе подходить к тем сложным сплетениям, какие имеют место в действительности. Возникает даже новая дисциплина, – учение об организации предприятий, – базирующаяся на тщательной разработке материала бухгалтерских записей в целях теоретического познания.

П.Б. Струве, как теоретик, также направляет свои усилия к более тесному сближению экономической теории с хозяйственной деятельностью. Но он стремится преодолеть оторванность теории от жизненных явлений «изнутри» не путем установления контакта между дедуктивными выводами из тех или иных отвлеченных заданий индуктивно обобщенным эмпирическим материалом, а путем перестройки самых основ теории. Резко выдвигая главенствующую роль идиографических элементов в решении основных проблем теоретической экономии, он пытается сделать принципиально невозможным разрыв между конкретными данными экономической науки и охватывающей их теорией. Он отрицает, напр., *alimine* возможность теории распределения, выводящей из отвлеченных предпосылок общие законы образования доходов разных классов общества. Доходы, указывает он, образуются в товарообмене из цен, выручаемых за поступающие на рынок продукты или услуги, а не наоборот: предустановленные известными или неизвестными нам «законами» размеры доходов определяют уровень цен. Цены в каждый момент устанавливаются в тесной преемственной связи с ценами предшествующего момента под непосредственным давлением спроса и предложения, определяемых, в свою очередь, идиографическими данными. Законченная и обоснованная теория цен, к которой может привести лишь статистико-бухгалтерский учет наблюдаемых в действительности меновых сделок и конкретных издержек производства, даст нам *eo ipso* и исчерпывающе полную теорию распределения.

Многое в теоретических построениях П.Б.Струве вызывает споры; во многом нельзя не признать их незаконченными. Но объектив-

ное научное значение теоретических исследований П.Б. Струве неоспоримо: в ту работу, которая ныне ведется в целях смыка экономической теории с хозяйственной деятельностью, они прочно войдут самостоятельной составной частью, независимо от того, в какой мере утвердятся в науке те или иные положения, защищаемые автором. Оригинальность подхода к проблеме, широта философского обоснования, импонирующая насыщенность фактическим материалом, своеобразно и интересно переработанным, и, наконец, богатые содержанием – порой весьма неожиданные – историко-догматические сопоставления будят мысль и сообщают теоретическим трудам П.Б. Струве непререкаемую ценность. От дальнейшей работы по этим вопросам интенсивно продолжаемой Петром Бернгардовичем и ныне, несмотря на все отвращения военного времени, экономическая наука в праве ожидать крупных результатов.

В заключение необходимо отметить, что П.Б.Струве проявил крупные способности в деле организации и руководства практическими занятиями по своей специальности. Его семинарий в Политехническом Институте является наиболее интенсивно работающим и привлекающим к себе значительное число студентов и окончивших курс в Институте. Среди издаваемых Экономическим Отделением Института студенческих работ видное место занимают и труды работающих под руководством П.Б. Струве.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Одна из сторон деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в III отделении Академии наук состояла в подготовке отзывов о научных трудах ученых, избираемых на вакантные должности. При этом Лаппо-Данилевский во многом определял кадровую политику историко-филологического отделения. Так, в том числе благодаря ему, произошла русификация историко-филологического отделения, когда на место выбывавших немецких ученых избирались русские. В тоже время, Лаппо-Данилевский исходил из представления о «необходимости интеграции гуманитарных наук», чем было вызвано избрание в Академию по его инициативе таких ученых как М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов,

Ф.И. Успенский и П.Б. Струве¹. Надо заметить, что в XIX – начале XX в. Академия наук представляла собой место службы ученых, занятых исследовательской и организационной работой в своих областях знаний. В отличие от АН СССР это была «академия работы», а не «академия почета».

С П.Б. Струве Лаппо-Данилевский был знаком еще с 1890-х гг. по «Беседам по проблемам факультетского преподавания»². В 1902 г. Лаппо-Данилевский и Струве стали авторами сборника «Проблемы идеализма», выступая с критикой позитивизма. Лаппо-Данилевский привлекал Струве к рецензированию работ, представленных на получение Уваровской премии (1914), а в 1916 г. к подготовке издания «Цехового устава 1799 г.», которое планировалось в рамках серии «Памятники старинного русского законодательства». В 1916 г. Струве стал членом Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, председателем которого был Лаппо-Данилевский.

Лаппо-Данилевскому были интересны не только историко-экономические исследования Струве, характеристику которых он давал в публикуемом отзыве, но ему, вероятно, симпатизировала и эволюция его научных взглядов: от марксизма к идеализму. Во взглядах Струве он видел пример ревизионизма марксистского учения, отходящего от жесткого экономического детерминизма и признающего множественность факторов социального развития, в том числе значение свободной деятельности личности и этических норм. Он относил Струве вместе с М.И. Туган-Барановским к наиболее интересным русским толкователям марксизма, поскольку они старались трансформировать марксизм на основе идеалистической, психологической или гносеологической точек зрения, «стремились, с более или менее значительными колебаниями, к “коренному преобразованию” исторического материализма под влиянием кантианского идеализма»³. Не случайно, при характеристике научных работ Струве в своей «Записке» Лаппо-Данилевский использовал неокантианскую терминологию. «Впрочем, – уточнял он в примечаниях, – П.Б. Струве находился скорее под влиянием учения Рихля о “социальном происхождении трансцендентального (логического) и нравственного сознания”, о “сознании, как наиболее обусловленном явлении” и проч., причем теперь уже значительно отступил от исторического материализма; см. П. Струве, Критические заметки к вопросу об эко-

¹ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 146.

² Там же. С. 148.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. С. 261.

номическом развитии России. С.-Пб., 1894 г., сс. 30–72 и др.»¹. В поздней редакции «Методологии истории» Лаппо-Данилевский ссылался еще на одну раннюю статью Струве, опубликованную на немецком языке, «Die Marxsche Theorie der Sozialen Entwicklung» (Archiv für Social-wiss. 1899. Bd. XIV)².

«Записка об ученых трудах П.Б. Струве» была подготовлена Лаппо-Данилевским к заседанию Отделения исторических наук и филологии Академии наук 8 марта 1917 г. и продублирована в приложении к протоколу VI заседания Общего Собрания Академии Наук 15 апреля 1917 г. Помимо автора записки ее подписали и другие члены III отделения АН М.А. Дьяконов и Ф.И. Успенский. Голосование по кандидатуре Струве в Отделении исторических наук и филологии состоялось во время заседания 22 марта, на котором председательствовал В.В. Радлов. Результаты баллотировки были следующие: 9 «за», «против» – 0³.

К Общему собранию АН 15 апреля 1917 г. был опубликован «Curriculum vitae и список главнейших ученых трудов П.Б. Струве», в котором, в частности, отмечалось, что «Петр Бернгардович Струве родился в 1870 г. в Перми, где отец его в то время был губернатором. Учился П.Б. Струве последовательно в 5 СПб. прогимназии (ныне 8 гимназия), Тульской гимназии и 3 СПб. гимназии, где окончил курс в 1889 г. В том же году поступил на физико-математический факультет СПб. Университета, с которого по болезни, препятствовавшей занятиям с микроскопом, перешел на юридический факультет того же Университета. Вышел затем из университета по домашним обстоятельствам и в 1895 г., подвергшись испытаниям в юридической комиссии в качестве экстерна, получил диплом 1 разряда. С 1894 г. по 1906 г. занимался литературной деятельностью по предмету своей специальности – политической экономии и еще более по вопросам публицистики. В 1906 г. был избран Экономическим Отделением СПб. Политехнического Института в преподаватели с поручением читать курсы экономии промышленности и экономии торговли, но за избранием в члены Государственной Думы от г. С.-Петербурга приступил к чтению лекций лишь осенью 1907 г. В 1907–1908 гг. при юридическом факультете Московского Университета выдержал магистерский экзамен по политической экономии и статистике, после чего был Экономическим Отделением Института избран в доценты по кафедре политической экономии. В 1911 г., по смерти проф. И.И. Иванюкова, по поручению Экономического Отделения стал читать

¹ Там же. С. 261, прим.

² Там же. С. 242.

³ Об избрании в ординарные академики П.Б.Струве. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 135. Л. 6.

курс истории хозяйственного быта. В 1913 г. получил степень магистра политической экономии и статистики. В феврале текущего 1917 г. удостоен юридическим факультетом Университета Св. Владимира за соч. “Хозяйство и цена” ч. II, 1916 г., степени доктора политической экономии и статистики»¹.

Голосование по кандидатуре Струве на Общем собрании АН состоялось 13 мая 1917 г. Струве получил 20 голосов «за» и 5 – «против». На момент избрания ординарным академиком Струве был экстраординарным профессором Политехнического института.

После избрания по представлению Лаппо-Данилевского Струве стал представителем от АН в Статистическом Совете при Министерстве Внутренних дел, членом Комиссии по присуждению премии С.Н. Батюшковой, членом Комиссии по присуждению премии за ученое жизнеописание М.В. Ломоносова. Правда, намечавшееся плодотворное сотрудничество Струве с Академией наук продолжалось не долго – всего полгода. Еще в начале декабря 1917 г. он вместе с А.С. Лаппо-Данилевским, М.А. Дьяконовым и Ф.А. Успенским рекомендовал к избранию в АН А.А. Кизеветтера², но уже 26 декабря отбыл из Петрограда на Дон, где принял участие в организации Белого движения. В 1928 г. Струве был исключен из состава Академии наук (восстановлен в 1990 г.).

А.В. Малинов

¹ Curriculum vitae и список главнейших ученых трудов П.Б. Струве // V-е приложение к протоколу VI заседания Общего Собрания Академии Наук 15 апреля 1917 года (к § 147). С. 139.

² Лаппо-Данилевский А.А., Успенский Ф.А., Дьяконов М.А., Струве П.Б. Записка об ученых трудах профессора А.А. Кизеветтера // Протоколы заседаний ОС АН за 1917 г. Пг., 1918. Приложение II к заседанию 2 декабря 1917 г.

ОБ ИНСТИТУТЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК. ЗАПИСКА КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК¹

Истекшие четыре года войны отразились на важнейших проявлениях жизни почти всех народов, находящихся в культурном общении, на их нравственном и экономическом состоянии, на их социальном быте и государственном устройстве. Война повлекла за собой грандиозные потрясения в укладе даже тех государств, которые стоят в стороне от столкновений, а в государственной и политической жизни непосредственных ее участников ее последствия уже теперь сказались в очень сильной степени. Все они стоят в преддверии огромных преобразований, первые зародыши которых уже теперь начинают обрисовываться в туманных очертаниях и которые достигнут высшего развития в период, следующий за водворением мира.

В настоящее время России приходится с особенною остротою переживать и последствия неудачной войны и последствия тех политических переворотов, которые она испытала за последний год. Нет надобности перечислять факты, всем известные. Достаточно указать на потрясения существовавшего порядка, вызванные образованием новых самостоятельных государственных единиц в составе прежней Империи, отторжением окраин, самоопределением народностей и даже административных единиц и на связанные с этими явлениями перемены в области идей и нравов, производства и потребления, на перерыв в культурном общении и на задолженность России иностранным кредиторам, на те преобразования и перевороты, которые ей пришлось испытать за последние месяцы русской революции. Все эти катастрофические потрясения выдвигают перед наукой ряд труднейших проблем, в настоящее время даже невозможно обозреть их во всей широте, но объем и значение их ясны для всякого мыслящего человека. Потребуются огромные усилия для одного только собрания материала, и безграничен будет труд по его разработке. С

¹ Печатается по: III-е приложение к протоколу заседания IX экстраординарного Общего Собрания Российской Академии Наук 18 (5) июня 1918 года (к § 138). С. 108–110. Записка была опубликована под авторством председателя комиссии акад. А.С. Лаппо-Данилевским и секретаря комиссии А.Э. Нольде. В основу «Записки» положен составленный А.С. Лаппо-Данилевским текст, принятый после корректировки на заседании комиссии.

уверенностью можно утверждать, однако, что напряженное и притом чисто объективное изучение намеченных выше явлений окажется плодотворным не только для отвлеченной науки. Без научного руководства, без светоча знания ни общество, ни государственная власть не будут в силах найти правильные пути к решению самых насущных и неотложных практических задач, которые стоят на очереди.

А между тем, как это ни странно, но отечество наше, так быстро и далеко пошедшее по пути социального и политического переустройства, по разным причинам является пока весьма отсталым в области организации научного изучения группы социальных наук (в широком смысле этого слова), т. е. тех именно отраслей знания, которым придется иметь дело с указанными проблемами. Конечно, все ученые силы русских высших рассадников знания сделают все доступное им для разрешения этих проблем, но необходимо придти им на помощь, облегчить их устремления, и почин в деле объединения всех научных сил должен исходить от Академии Наук. Неоднократно Академия Наук признавала необходимым образовать специальные Комиссии для изучения племенного состава, научной и хозяйственной производительности, а также социального быта России. На очереди стоит вопрос об увеличении в составе Академии числа соответствующих кафедр, но эта мера, разумеется, не исчерпывает всего необходимого для удовлетворительного разрешения: оно может быть планомерно достигнуто только путем организации научного исследования таких проблем и систематического изучения социальных наук, нужных для всесторонней их разработки.

Такую организацию, выдвигаемую научными и практическими требованиями современной русской жизни, необходимо осуществить в скорейшем времени учреждением особого «Института Социальных Наук», стоящего в тесной ученой связи с Академией Наук, организованного отчасти по ее подобию, но преследующего свои особые научные цели на автономных началах. Не вдаваясь пока в частности устройства этого Института и ближайшей программы его деятельности, здесь следует остановиться только на основных, принципиальных сторонах его организации. Институт Социальных Наук должен быть прежде всего чисто научным учреждением и иметь целью исследование социальных проблем, в особенности тех, которые выдвинуты отмеченными выше обстоятельствами современной жизнью, во всей их полноте и в их исторической связи.

В виду сложности предстоящих ему задач изучение их придется распределить по нескольким отделениям, в соответствии с группами наук, отнесенными к его ведению. Науки социальные и экономические, науки о государстве и о финансах, изучение права во всем многообразии его проявлений, наконец социология со всеми вспомогательными ее знаниями, таковы – в самых общих чертах – разряды дисциплин, долженствующих быть предметом трудов таких отделений.

Само собою разумеется, что указанные отделения должны состоять под строжайшим руководством известных специалистов и располагать достаточными вспомогательными научными силами, особыми кабинетами, надлежащим образом оборудованными и приспособленными для работ по каждой специальности библиотечными собраниями, аппаратами, коллекциями и пр.

Вместе с тем Институт должен издавать труды лиц, в нем работающих, и печатать периодические известия.

Институт Социальных Наук должен также служить центром, объединяющим деятельность научных обществ, которые имеют целью изучение социальных наук: обладая возможностью предоставлять им помещения не только для собраний, но и для текущей деятельности, в смысле отведения места для президиума, для постоянного секретариата, он мог бы, конечно, значительно содействовать нормальному ходу их работы, согласовывать их между собой и т. п.

Впрочем, было бы излишним ограничивать деятельность Института рамками одного только кабинетного изучения социальных дисциплин. Чисто научное творчество есть первая и прямая его задача, но ученое предназначение Института отнюдь не было бы поمهю к организации живого общения между учеными силами, посвятившими свои дарования социальным наукам, и подрастающим поколением молодых ученых, стремящихся к усовершенствованию своих познаний. Институту должна быть предоставлена возможность содействовать такого рода занятиям по мере возникающей потребности. Деятельность Института получил бы еще более широкую постановку, если бы ему предоставлена была возможность знакомить широкие круги общества с результатами работ, происходящих в недрах Института. Для этой цели желательно устройство отдельных докладов и сообщений, циклов или даже курсов лекций научно-популярного характера, в зависимости от хода работ Института и назревших общественных интересов. Благодаря такому обмену между творчеством, протекающим в сени ученых кабинетов, и

настоятельными запросами жизни установится живительная связь между деятельностью Института и более широкими кругами ученого сословия и общества.

Будучи организован на широких началах, сопрягая чисто ученые занятия с служением повелительным требованиям жизни, Институт Социальных Наук окажется истинным средоточием научного творчества в такой области, которая в настоящее время и еще в течение долгих лет будет стоять на очереди. Детали внутренней организации Института, его соотношение с Академией Наук, его устав, его смета и административный распорядок могут быть разработаны уже после окончательного и утвердительного разрешения принципиального вопроса о его бытии.

Здесь уместно только отметить, что весьма важный для преспеяния Института вопрос о помещении его может быть вполне удовлетворительно разрешен, если ему будут предоставлены здания бывшего Александровского Лицея. Эти здания почти без всяких переделок могут быть приспособлены к размещению в них Института тем более, что они, по своему расположению, вполне подходят для научных работ и сравнительно обеспечены от пожара. Аудитории Лицея вполне пригодны для устройства в них отделений и связанных с ними кабинетов и коллекций, а также для заседаний научных обществ, чтения лекций и т. п. Библиотека Лицея, недостаточная в современном ее составе для обслуживания Института, может быть пополнена фондами других книгохранилищ, в настоящее время ликвидируемых. Поэтому, в видах скорейшего учреждения Института Социальных Наук и надлежащего его оборудования, представлялось бы правильным немедленно же закрепить за Институтом право на эти здания, если учреждение его будет признано необходимым, и не давать им другого назначения.

А.С. Лаппо-Данилевский

**ОБЩЕЕ ОБОЗРЕНИЕ (SUMMA)
ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ.
КУРС 1902 – 1903 гг.¹**

Summa

При изучении основных принципов обществоведения я прежде всего останowlюсь на выяснении

I. тех принципов, которыми я руководствуюсь, когда утверждаю *объективное существование* данных моего опыта, поскольку я называю его *социальным*, т. е. поскольку данные моего чувственного восприятия представляются мне в виде социальных фактов, явлений и т. п.

Главнейшие из моих допущения следу[ющие]: а) *Допущение объективного существования данных социального опыта, как объекта социального восприятия вообще.*

1) я допускаю действительное существование *состояний собственного моего сознания* и критерий достоверности моего познания в соответствии моего мышления с его законами, которыми обусловлены согласованность и однородность моего знания.

2) я допускаю действительное существование объективного мира вне и *независимо* от моего сознания (хотя бы он воспринимался *только* через его посредство), по крайней мере постольку, поскольку внешний мир *может* служить объектом моего чувственного восприятия, т. е. опыта.

3) я допускаю, что между мною как *субъектом*, испытывающим восприятие и внешним миром, как миром объектов, реально существующих, есть *соответствие*, принимаемое мною *на веру* и не поддающееся проверке.

В самом деле, если я и могу доказать *эквивалентность* между объективно данным процессом и чувственным моим восприятием, то не могу *доказать* существования ее между ним и состоянием моего сознания (построения).

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 329. 29 л.

4) я наконец допускаю *устойчивость* соответствия между моими представлениями и данными чувственного опыта (единообразие) – псих[о]-физ[ический] параллелизм.

На основании вышеприведенных допущений я прихожу к след[ующему] выводу:

я допускаю, что мое представление о данном объекте, *называемом* мною «животное», в частности «человек» находится в устойчивом соответствии с действительно существующим *объектом*, обозначаемом таким словом, если только такое допущение *не* противоречит моему опыту.

Для того, чтобы *признать* данный существующий вне меня *объект* – *субъектом* я пользуюсь новым принципом – *признанием чужого одушевления*.

Отсюда:

Допущение объективного существования чужого одушевления.

5) Я допускаю не только существование собственного моего одушевления, но и чужого:

А) с *гносеологической* т[очки] зр[ения] и такого же *объективно-го существования чужих одушевлений* в объектах, подобных мне и потому *мыслимых* мною в качестве *субъектов*; объективное сходство между моим одушевлением и чужим.

а) *допущение чужого одушевления.*

Принцип одушевления пожалуй имеет *конститутивное* значение, поскольку он предполагается в утверждении об общезначимости категорий, как *объективно* данных. Хотя допущение о сущ[ествовании] чужого одушевления, как видно, может быть критически *обосновано*, но оно не может быть доказано, ибо на основании объективных признаков, в силу заключения по аналогии, такое допущение – *только вероятно*.

Во всяком случае я постоянно пользуюсь принципом признания чужого одушевления в качестве *регулятивного* принципа, напр[имер] при объяснении целесообразности чужих действий и т. п.; вообще есть основание предполагать, что с помощью такого принципа данные моего социального опыта объясняются лучше, чем без его применения, путем одних только механических процессов.

б) *признание сходства между моим и чужим одушевлением* (ср. принцип 4-й; из него выводится б).

Лишь по признании действительного существования чужого одушевления можно говорить о том, что я признаю чужое одушевление *сходным* с моим собственным.

В таких случаях я рассуждаю по *аналогии*, которая дает возможность прийти лишь к *вероятным* заключениям.

Лишь по признанию чужого одушевления сходным с моим собственным я могу *подстанавливать* мое одушевление под чужие действия. (О способах такой подстановки и специальных видах подстановки я здесь не говорю.)

Утверждение сходства моего одушевления с чужими нуждается однако в *дополнительном принципе единообразия человеческой природы*.

В) С *психогенетической* т[очки] з[рения] проявление или укрепление признания чужого одушевления достигается благодаря:

Передаче жизни (а не созданию ее вновь в каждом организме).

Самонаблюдению.

Симпатии.

Подражанию.

Развитию индивидуальности (в зависимости о окружающих).

Практической потребности (при обращении с другими).

Сознанию нравственного долга.

Вывод главнейший (из принципа одушевления).

1) благодаря признанию чужого одушевления:

а) я признаю в *каждом* из *объектов*, называемых животными (в частности – людьми) *субъекта*, *сходного* со мною и, след[овательно], постоянно пользуюсь принципом признания чужого одушевления.

Для того, однако, чтобы говорить о социальном отношении между А и В нужно, чтобы *каждый* из них взаимно признавал чужое одушевление, а между тем без такого взаимного признания и *отношение* (психическое) между ними не может представляться ими как объективно-существующее, значит не может быть у них и *общей цели их действий*.

Отсюда возникает *новый принцип – пр[инцип] единообразия человеческой природы*. Последний, как видно, находится в связи с признанием А сходства своего одушевления с одушевлением В (в смысле *общей предпосылки*) и с допущением, что и В мыслит так же по отношению к А.

Изучая его содержание мы вступаем в новую область исследований, которую можно определить таким образом:

II. Каков же принцип, которым я руководствуюсь при определении *общего*, но *реального* содержания данных моего социального опыта, т. е. общих реальных свойств его содержания, поскольку я называю его *социальным* опытом.

Сюда относятся следующие принципы:

- 1) принцип единообразия психической природы человека,
- 2) принципы человеческой деятельности (социальная эгология и телеология),
- 3) принцип соц[иального] взаимодействия¹,
- 4) принцип соц[иальной] среды,
- 5) принцип индивидуальности в его отношении к соц[иальной] среде.

Принцип единообразия психической природы человека

Физическое единообразие чел[овеческой] природы до сих пор еще остается мало обоснованным, поскольку речь идет о мозге, особенно человеческом; но мы предпосылаем не только единообразие физической, но и единообразие *психической* природы человека, как *типического* (а не единственного) представителя психической жизни.

Субъективное значение принципа:

- 1) поскольку я говорю о *единообразии* (как и необходимости) законов природы вообще и психической, в частности,
- 2) поскольку я такое понятие применяю к *умственным* свойствам человеческой природы.

Объективное значение – принцип единообр[азия] чел[овеческой] пр[ироды] получает, когда мы понимаем его как *постоянство объективных наследственно передаваемых* общих признаков данного вида особей, в частности, психических признаков животных – человека.

Последнее я понимаю,

- а) как единообразие сосуществующих особей,
- б) как единообразие преемственно следующих особей.

Полное единообразие я допускаю в формальных признаках,

аа) в единообразии познания

bb) в единообразии взаимно признанных чужих одушевлений.

cc) из единообразия признания каждым из нас не только существования чужого одушевления, но и сходства своего одушевления с чужими уже отчасти вытекает признание (допущение) единообразия в самом одушевлении, получающее опору в опытном знании.

Единообразие психич[еской] жизни всех живых существ должно отличать от единообразий псих[ической] природы *человека*.

¹ На полях карандашом напротив второго пункта стоит знак вопроса. Вторым и третьим пунктами объединены скобкой с пометкой «не слить ли 2 и 3».

Общие ее свойства гл[авным] об[разом]: анализ и синтез конкретных масс психич[еских] элементов, ассоциации по сходству, речь членораздельная (в смысле символов и орудий отвлеченного мышления), интеллектуализированные чувства, общие цели, нравственные цели.

Согласованность и непрерывность сознания, способствующая образованию *самосознания*, опирающемуся м[ожет] б[ыть] и на *внутреннее чувство* однородной психической работы познающего субъекта, обращенной им на себя, как на относительно постоянный объект.

Основные выводы из принципа полного и *общего* единообразия:

а) оно общее *условие* всякого соц[иального] отношения; последующее возникает под условием, в силу которого каждый из индивидов такого отношения мыслит объект своего действия в качестве субъекта. Сознание рода Гиддингса¹.

б) Подстановка одушевлений А под действия В возможна только при допущении принципа единообразия.

Понятие о *частных единообразиях*:

1) по органическим и психическим факторам, порождающим данное частное единообразие (единообразие в темпераменте и характере, в половых отличиях, в особях одной расы, национальности и т. п.),

2) по степеням развития человека или человечества (лица, принадлежащие к одной и той же степени – сходны):

- 1) сходство обезьян и детей,
- 2) дикарей разных рас,
- 3) цивилизованных детей и дикарей.

Общие выводы

1) Индивиды, связанные частными единообразиями, лучше понимают друг друга,

2) большее разнообразие соц[иального] общения (при разнообразии частных видов),

3) борьба за существование.

¹ Гиддингс Франклин Генри (1855–1931) – американский социолог, представитель психологического направления в социологии. Основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894), президент Американского социологического общества (1908).

Принцип признания чужого одушевления дает возможность объективировать чужое одушевление, т. е. придавать *объективное значение субъекту*.

Принцип единообразия психической природы человека содержит основное *условие возможности какого-либо реального отношения* между данными субъектами.

Признание реального существования членов отношения и наличности условия, нужного для его осуществления, однако, не достаточно для того чтобы *самое отношение* также представить себе, как нечто реальное.

Такое представление возникает благодаря *принципу взаимодействия*.

Ясно, что без *взаимного признания чужого одушевления* и без некоторого *единообразия* между субъектами, вступающими в известное отношение друг к другу, не может быть и взаимодействия между ними.

А) *Гносеологическое значение принципа взаимодействия*.

Для построения понятия взаимодействия я, очевидно, нуждаюсь в принципах причинности и целесообразности.

Я полагаю, что *принцип каузальности* лежит в основе принципа взаимодействия (а не наоборот), ибо

1) для понятия *действия* я уже нуждаюсь в понятии причинной связи,

2) принцип W-ия¹ становится исходным лишь с телеологической точки зрения.

Ту же аргументацию можно ввести в построение понятия социального взаимодействия:

1) в понятии *причинных или мотивированных* действий субъектов, вступивших во взаимодействие, я уже пользуюсь принципом каузальности; кроме того, без принципа каузальности я не могу построить понятия о W (A, B), поскольку я рассматриваю действие A как *причину* реакции B; и наоборот в W (B, A).

2) в понятии о *ближайшей цели* данного реального отношения между A и B, каковою является само взаимодействие их, я пользуюсь принципом целесообразности; отношение между A и B, поскольку оно служит *единым и общим объектом* их познания и желания, служит ближайшею и общею им *целью* их действий.

¹ W-ия (W) – сокращение А.С. Лаппо-Данилевского, означающее взаимодействие.

Итак, для того, чтобы мыслить социальное отношение действительно существующим или наступившим я должен признать *причинно-следственное и целесообразное отношение между А и В*, т. е. признать взаимодействие между ними; последнее становится с гносеологически-социологической т[очки] зр[ения] *принципом объективирования всякого мыслимого мною социального отношения*.

Я не могу представить себе отношение между двумя субъектами *существующими (объективно)* иначе, как в форме взаимодействия.

В) *Реальное значение принципа взаимодействия* (его содержание).

Основные моменты взаимодействия следующие:

1) Условия W:

а) Общая среда – мертвая и живая, в частности, социальная.

б) Специальная среда, возникающая благодаря наличности возможности более частных единообразий и сходств в настроении и т. п. А и В именно нужных для того, чтобы между ними наступило взаимодействие.

2) *Контрагенты W*, т. е. субъекты *способные действовать* по отношению друг к другу, постольку поскольку каждый из них *фиксирует* состояние сознания, нужное для того, чтобы между ними наступило данное взаимодействие и каждый из них признает *объект своего действия* субъектом.

3) *Факторы W*.

А) *Первоначальные факторы W-ия* – внутренние состояния сознания,

В) *Конечные* – действия, входящие в состав данного W-ия.

1) *Общие факторы* – потребность в объективировании своего я.
– [потребность] в [совершенствовании – зачеркнуто] эволюции.

2) *Частные факторы W-ия*.

а) Инстинкты и чувства:

Инстинкт самосохранения и вызываемые им, связанные с ним эмоции.

Ин[стинкт] полового общения и вызываемые им, связанные с ним эмоции.

Симпатия; в частности, синестезия.

Индивидуально-социальные чувства (в широком смысле – м[ежду] пр[очим] в смысле факторов индивидуализма в этическом его смысле).

Социальные чувства: альтруистичности и нравственности.

б) Воля – как фактор данного действия.

с) разум, как фактор преимущественно определяющий цели взаимодействия.

А) *Действия, входящие в состав данного взаимодействия.*

Каждое действие есть $f(\varphi, \varphi)$, в которой внутреннее состояние сознания *определяется, выражается* и получает известную *ориентировку*.

Внутренние действия, однако не достаточны для наступления $W(A, B)$, т[ак] к[ак] не воспринимаются контрагентами при обычных условиях.

Итак, факторами W -ия оказываются *внешние* действия, т. е. такие внешние (физиологические) сопровождения внутренних состояний сознания, которые доступны стороннему и объективному восприятию.

Из числа внешних действий следует отметить *социализирующие* и *[со]циальные*, т. е. обращенные или на объект, имеющий реальное отношение к какому-либо субъекту (хотя бы на часть его тела, как на объект) или обращенные на субъект.

Наконец, социальное действие м[ожет] б[ыть] *прямым* или *косвенным*, т. е. воспринимаемым данным субъектом через какое-либо посредничество (напр[имер], письмо, книга и т. п.). Понятие об определенном действии достигается путем абстракции, в действительности мы наблюдаем не действия, а *ряды* действий или *деятельности*.

В) *Сторонние друг другу действия* (т. е. совершаемых разными субъектами) *в их реальном взаимодействии*.

аа) *Два сторонних действия.*

1) действие A на B , вызывающее реакцию B ; или обратно – порождающее *одностороннее взаимодействие*, самым распространенным типом которого должно признать *подражание*.

Понятие о *взаимном* подражании вводит нас в понятие об *одностороннем взаимодействии*.

2) действие A на B , вызывающее действие B на A и обратно, причем действия A и B *взаимодополняют* друг друга или *соответствуют* друг другу, в частности, эквивалентны друг другу.

Такое взаимодействие я называю *обоюдосторонним*; важнейшими видами его можно признать:

конфронтацию, сказывающуюся в *играх* или *действ[ительной] жизни*

обмен услуг и т. п., сказывающийся в *играх* или *действ[ительной] жизни*

приказание и повиновение, сказывающееся в *играх* или *действ[ительной] жизни*.

bb) *Две стороны деятельности в их реальном взаимоотношении.*

Можно всегда *представить* себе в виде *чередования* действий контрагентов и т[аким] о[бразом] разложить на ряд простейших взаимодействий, причем каждое из них можно рассматривать как состоящее из двух сторонних действий.

Такое чередование я называю *социальным общением*.

Следует заметить, что социальные взаимодействия (как односторонние, так и обоюдосторонние) могут быть или *фактическим* или *нормированными*.

4) *Цель взаимодействия.*

Должно различать *объект* взаимодействия, т. е. мат[ериальную] точку или систему материальных точек, к которым сообща прилагаются действия контрагентов, от цели *W*; цель проявляется в выборе объекта.

Нельзя построить понятие о реальном отношении между *A* и *B* без понятия об общей им цели; *ближайшей из таких целей* и является само *взаимодействие*.

Последнее становится *средством* для достижения дальнейших целей, которые могут быть:

1) или отличными (разными) друг от друга.

2) или совпадать.

3) или сливаются в одну дальнейшую или конечную цель, общую всем контрагентам взаимодействия. Такую цель и можно назвать преимущественно целью взаимодействия.

Следует иметь в виду, что конечная цель *взаимодействия* не есть конечная цель каждого из контрагентов.

Главнейшие приложения принципа взаимодействия (выводы из него).

Приложение принципа W к построению некоторых данных моего опыта.

1. К построению понятия о *W* (*A*, *S*), где $S = \Sigma (B, C, D \dots N)$.

2. К построению понятия о *социальном явлении*, как переменной в данном реальном соотношении данных контрагентов, т. е. *смене одного соц[иального] взаимодействия другим*.

3. К построению таких соц[иальных] отношений, возможность которых обусловлена наличием целостной *системы* взаимодействий, т. е. $\Sigma (B, C, D \dots N) = \text{среда соц[иальная]}$.

4. К построению таких соц[иальных] отношений; возможность которых обусловлена наличием известного *ряда* взаимодействий (нарастание и убывание посредников).

5. К построению понятия об *общественном союзе*, как системе разнородных взаимодействий в конкретном их агломерате.

6. К систематике соц[иальных] явлений разных порядков и степеней.

7. К построению теории *согласованности* соц[иальных] явлений разных видов ($W W$ – разных порядков и степеней).

Принцип социальной среды

А) *Гносеологическое значение.*

Принцип соц[иального] взаимодействия тесно связан с принципом соц[иальной] среды, поскольку отношение *среды*, как *данной системы соц[иальных] взаимодействий*, к индивиду представляется мне как $W (S, J)$ или как $W (J_a, J_y)$ под условием $W [S, W(J_a, J_y)]$.

Отсюда возможность двух типов:

1) $W (S, J)$

2) $W [S, W(J_a, J_y)]$.

В обоих типических случаях S играет роль социальной среды.

Определение ее можно вывести из общего определения среды путем ряда *подстановок*.

Под средю вообще я разумею: *совокупность внешних по отношению к данному объекту или процессу условий* его существования.

Заменим термин «объект» понятием «*органическое тело*»; тогда самое понятие среды, как *совокупности* условий его существования надо рассматривать в *отношении* ее к данной *степени* развития того тела.

Заменим снова термин «органическое тело» понятием «*субъект*», так как его развитие, как мы видим, предполагает *наличность других, окружающих его субъектов же, действующих на него*, то и определение соц[иальной] среды, как *совокупности* данной системы взаимодействий чужих одушевлений будет *принципиально* отличным от понятия о среде органической, так как оно основано на предварительном признании: принципов чужого одушевления, единообразия психической природы человека и социального взаимодействия.

В) *Реальное значение.*

Хотя логически принцип *W предшествует* принципу соц[иальной] среды, ибо нельзя представить себе ее образование без соц[иального] *W*-ия, но фактически можно рассматривать их последовательность и в обратном порядке без *большой ошибки*, так как

1) с *трансформистской* т[очки] з[рения] всегда можно подыскать вид, из которого образовалась данная разновидность, причем такой вид можно рассматривать как *среду по отношению к его разновидности*.

2) с *исторической* т[очки] з[рения] за исключением разве самых первоначальных ступеней развития почти все соц[иальные] отношения уже обусловлены наличием известной соц[иальной] среды (хотя бы очень еще слабой, не организованной).

Разные значения соц[иальной] среды.

1. *Уравнительное влияние ее на индивидов.*

2. *Разростающее влияние ее на индивидов (индивидуализирующее значение среды)*

1. *Уравнительное значение.*

С точки зрения принципов единообразия и соц[иального] взаимодействия соц[иальная] среда представляется нам:

Как *однородное целое*, согласованность которого *сознается* членами данной соц[иальной] группы и оказывает *общее давление* на нее.

Под таким давлением и возникает (за исключением разве первоначальных случаев) всякое социальное отношение.

Если даны $W(S, J_x)$ и $W(S, J_y)$, то достаточно быть и $W[S, W(J_x, J_y)]$ или лучше $SW(J_x, J_y)$? (приписка на полях. – *A.M.*)

Такое обобщение в особенности относится к человеческим отношениям.

Даже *простейшие действия* (напр[имер], восклицание) уже обыкновенно обнаруживает такое *давление*, значит и *взаимодействие*.

Разновидности уравнительной среды.

а) *Среда традиционная*, т. е. тот культурный фонд, который благодаря *некоторой непрерывности коллективного сознания*, общего по кр[айней] мере двум смежным поколениям, передается от одного к другому.

Объектом общего сознания (познания, желания, долга) служит или совокупность *функций* данного агрегата (настроений, потребностей, идей, слов, нравов, правил и т. п.) или *объективированная консолидация их результатов* (орудия, картины, книги, памятники, общественные здания = учреждения и т. п.).

При выяснении конкретного содержания данной традиционной среды следует различать:

факторы ее: инерция

привязанность к прошлому и т. п.

средство ее передачи: наследственность предрасположений
подражание и т. п.

*Приложение принципа уравнительной среды
к истолкованию частных единообразий*

а) *первого вида* (фактора)

1) влияние на характер (на его тип)

2) влияние на половые единообразия

3) влияния на расовые единообразия (образование известного народного характера под воздействием данной среды).

б) *второго вида* (степени).

Влияние на большее единообразие на высших ступенях развития.

с) *Новые виды* частных единообразий, объясняемые преимущественно путем применения пр[инципа] трад[иционной] соц[иальной] среды.

1) Частное единообразие между членами одного и того же *эндогамического* союза, племенные или только сословные браки и т. п.

2) Частное единообразие между лицами принадлежащими к *одному и тому же сословию* (сословный дух, с[ословн]ые предрассудки и т. п.).

б) *Среда интуитивная* – т. е.

1) то *общее состояние сознания*, которое захватывает индивидов, *одновременно* входящих в состав данной группы (толпы и т. п.), обыкновенно довольно случайного происхождения, так что под его давлением и образуется между сопresentствующими известные соц[иальные] отношения.

2) *Уровень* интуитивной среды всегда определяется состоянием сознания наименее развитых членов группы, в виду чего такое скопление *может* в эмоциональном отношении быть выше (ценнее) отдельных индивидов, но (за редкими исключениями? – когда группа вполне определена – и значит скорее традиционного характера) обыкновенно ниже в интеллектуальном.

3) *Содержанием* общего состояния сознания являются: традиция (инстинкты, привычки и проч.), известные образы (красное знамя и т. п.), слова, формулы и т. п.

Каждый член скопления сознает свое собственное состояние сознания, как *общее всей группе*, причем сознает и *одобрение*, высказываемое всей группой данному состоянию.

4) *Разновидности* скоплений: разнородных и однородных и т. д., в зависимости от которой находится и данное частное единообразие.

Действительная среда (уравнит[ельная]) – соединение традиционной и интуитивной.

Общие выводы из принципа уравнительной среды:

1) Каждая личность, как бы велика она ни была, *зависит* от действующей на нее социальной среды в уравнит[ельном] ее значении, поскольку она *отражает* ее в себе и в известной мере *представляет* то общество, к которому она принадлежит.

2) *Поскольку* люди способны *представлять* общество, в котором они живут, они *могут замещать* (но не заменять) друг друга.

2. индивидуализирующее значение соц[иальной] среды.

T[o] e[сть] поскольку она способствует образованию *индивидуальных разностей*; такое значение среды соц[иальной] можно выявить только предпосылая: 1) что человек не кусок воска, т. е. предпосылая новый принцип – а именно *принцип личности* и 2) что среда не только однородна, но в некоторых отношениях разнородна.

Принцип личности.

С социологической т[очки] з[рения] каждый индивид представляется нам не только в виде *субъекта*, как индивида, обладающего психическим единством, но и в виде *личности*, т. е. как единичного субъекта.

Предпосылки, нужные для такого понятия:

1) Даже при тождественности представлений у А и В, *порядок* в котором они накладывались друг на друга, почти всегда разный;

2) В каждом субъекте есть не только общие ему с другими, но и *одному ему присущие* свойства, ибо вероятность того, чтобы *все отдельные* свойства А оказались у В – ничтожна.

3) Между свойствами А есть *внутренняя связь* не прямо зависящая от внешней среды; то же и с В.

4) Каждый субъект (с приближением) – *единственная в своем роде комбинация* ему присущих свойств; вероятность ее повторения ничтожна.

След[овательно], даже при тождественной среде *реагирующие* на нее А и В будут *не тождественно*, что тем более справедливо

при наличии разнообразных элементов в среде S, благодаря которым в сущности на А действует S₁, на В – S₂, где S₁ не = S₂.

В таком смысле можно сказать, что соц[иальная] среда порождает индивидуальные разности.

Притом личность каждая *по своему* не только *приспособляется* к среде, но и *сознательно реагирует* на нее (причем реагирование м[ожет] б[ыть] близким к нулю или достигать ощутительных результатов).

Реагирование ее состоит в *комбинировании или противопоставлении* разных данных значений среды или элементов ее друг другу, *поскольку* она (личность) способна подвергнуть себя влиянию того, а не другого из них.

Сильно реагирующую на среду личность мы называем *великим человеком*; последний лучше других:

1) вбирает *лучшие* элементы данной культуры.

2) синтетически порождает из них (присоединяя *свое* творчество) *новый* продукт.

Разнообразные значения (реальные) принципа личности.

1. Реальное значение личности.

а) Значение личности преимущественно с *индивидуальной* точки зрения, как *известной централизации* (иерархической координации) данных элементов психической жизни, как подвергающейся влиянию сложной среды; чем она сложнее, тем сложнее и комбинации J.

б) Значение личности преимущественно с *коллективной* т[очки] з[рения] в зависимости от *того отношения*, в каком она стоит к *данной общественной* группе, в особенности к государству.

Личность, наделенная правами = лицо. Государство обеспечивает *полноту содержания лица*, в значительной мере почерпающего таковое (т. е. содержание) из своего общения с себе подобными, в виде *постоянной* функции возможного только благодаря государству.

2. Фиктивное значение личности (гл[авным] об[разом] великих людей), получаемое путем: а) концентрации – приписываний результатов одному лицу, получающему в качестве такового известное значение;

б) путем перенесения странствующих сказаний.

Главнейшие приложения принципа личности.

1) *Полная реальность* – только в конкретности.

2) [зачеркнуто: Принцип личности лежит основе понятия о личности в *нравственном* смысле; кроме реальности возникает должен-

ствование, ибо] каждая личность имеет *свою* цену, не однородную с другими. Т[аким] о[бразом] категория *долженствования* получает осуществление в действительности путем *комбинации ее с принципом личности*.

3) Индивидуальные различия порождают *разнообразие* социальных отношений.

4) *Разнообразие* индивидов при возможности соответствия в их действиях может способствовать *их гармонии*.

5) Сознание данным индивидом (какого бы то ни было) единообразия с другими *по контрасту* вызывает в нем стремление *дополнить* себя другими, что возможно под условием существования индивидуальных различий.

Т[аким] о[бразом] общество в его полном значении (и долженствовании?) возникает благодаря м[ежду] пр[очим] и принципу индивидуальности.

Вышеуказанные принципы лежат в *основе построений данных социального опыта* каждого из нас.

При изложении их я несколько не желал придавать им *догматического* характера; моя попытка дать *систематическое* обозрение тех принципов, без которых я не могу познавать *как бы* то ни было социальные факты или явления, не устраняет его *критики*; надо только помнить, что гораздо труднее что-либо *построить*, чем разрушить построенное.

Принципы *научного* изучения данных соц[иального] опыта (принципы каузальности, целесообразности, согласованности, эволюции) – мною будут рассмотрены в другой раз.

ОСНОВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ (ФРАГМЕНТЫ КУРСА «НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ»)

II. Основание социологии

Научная философия, сложившаяся в XVIII в., преимущественно во Франции, оказала решительное влияние на мыслителя, которого обыкновенно признают основателем социологии – на О. Конта.

Конт действительно почерпнул из нее

1) преклонение перед *«авторитетом разума»*, но и учение об относительности нашего познания;

2) влечение к *научной философии, система наук*;

3) стремление воспользоваться *более совершенными науками* для построения *социальной физики*;

4) убеждение, что *законы ее* существуют;

5) понятия, впрочем еще не вполне установившиеся, о *социальной статике и динамике* и их *законах*: *consensus universel*, закон развития (закон трех состояний)¹.

6) Мысль о *«социальном возрождении»*, впрочем, не тождественной с мыслью о социальной реорганизации.

Конт называл Кондорсе своим «*pere spiritual*»² (теорет.), временно с уважением отзывался о St. Simon³ (практ.).

Конт *систематически развил* их, гл[авным] об[разом] применительно к образованию новой *науки – социологии*.⁴

Под влиянием вышеуказанных обстоятельств и умственных течений сложились главнейшие произведения О. Конта, а именно:

1) *Opuscules de philosophie sociale*, 1819–1828.

2) *Cours de philosophie positive*, 6 т.т. 1830–1842; 2-е изд. 1864.

3) *Systeme de politique positive*, 1851–1854.

Catéchisme positiviste, 1852.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 53

² *pere spiritual* (фр.) – духовный отец.

³ Сен-Симон Анри (1760–1825) – французский философ и социальный мыслитель. В 1817 – 1822 гг. о. Конт был секретарем Сен-Симона.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 54.

Synthese subjective, 1856.

Между 1 и 2 есть тесное родство; в 1 – зародыши *всех* важнейших общих положений 2-го соч[инения], при том иногда выраженные *яснее*. Между 2 и 3 нет разрыва; в 3-м *своеобразно и односторонне развиты некоторые* из положений 2-го: сам О. К[онт] указывал, что в 3 различается от 2 тем, что там (в 3) такое же большое место занимает чувство, какое здесь (во 2) – отведено разуму.

Т[аким] о[бразом] позитивизм есть *исторический продукт* в развитии европейской мысли, преимуществ[енно] французской. Сам О. К[онт] считал наступление позитивизма возможным лишь в свое время.

Ошибка его состояла в том, что он не всегда строго держался этого взгляда: позитивизм получал в его глазах не только значение исторического продукта, но и *конечной цели*, к которой должно было привести развитие человечества и с высоты которой *оценивались* предшествующие моменты этого развития.

При таких условиях О. К[онт] и не усматривал возможности какого-либо четвертого рода философствования¹.

1. Система наук и положение, занимаемое в ней социологией; понятие о ней.

1) Человек должен удовлетворяться ответом на вопрос: *как*, а не на вопросы *почему и для чего*.

2) Человек познает не *сущности* (абсолютное бытие), не *первопричины*, вызывающие сущности, и не *конечные их цели*, а только явления; не *происхождение и назначение* мира, а только *отношения* между фактами².

1) Система наук

В силу того же принципа относительности познания человек *не имеет* возможности знать *один* закон мироздания, к нему возвести все известные (*С[ен]-Симон* – обратное).

О. Конт тем не менее усматривает некоторое *единство* в системе наук.

а) с теоретической (т. е., в сущности, теоретико-познавательной), методологической и

б) с *практической* точки зрения³.

¹ Там же. Л. 55.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 57.

Сам О. К[онт] дает нам ту *исходную точку зрения*, с которой следует приступить к изложению и оценке его социологии, поскольку она получает *обще-научно-философское* (а не только специально-научное) значение.

а) с *теоретической* т[очки] зр[ения]

1) О. К[онт], как известно, стремился к *единству* знания (unité), но это единство считал возможным достигнуть в *субъективном*, а не в объективном смысле, т. е. в *единстве позитивного метода*, одного и того же по духу во *всех* науках, а не в единстве самих наук, доктрины которых правда однородны (homogènes), но обнимают области явлений *резко отграниченных* друг от друга.

Итак, методология позитивизма, а не его феноменология имеют общенаучный характер.

2) Но и в отдельных науках, в особенности *еще не устоявшихся*, О. К[онт] охотно признавал *первенствующее значение* (хотя и не исключительное) – *метода наук над* доктриной.

«Во всех родах изучения (en tous genres) и в особенности в социологии метод еще более важен, чем сама доктрина», его реализующая¹.

б) с *практической* т[очки] зр[ения], т. е. с точки зрения *интересов человечества* – всякая наука должна стремиться к *познанию человечества*, значит все науки подчинены науке о человечестве: астрономия, физика, химия, физиология – изучают *среду*, в которой общество дано, – *условия* его существования. *Социология* изучает *самое человечество*, и в таком смысле оказывается во главе остальных подчиненных наук².

Обособленность наук

Тем не менее, доктрины позитивизма лишь *однородны*, но каждая из них обнимает *группу законов*, как бы *отграниченную* от других таких же групп слабостью человеческого познания.

Т[аким] о[бразом], *каждая наука*, кроме законов науки выше ее стоящей, имеет *свои законы*.

Принцип деления наук

а) по степени *абстрактности* (abstract – isolé) или конкретности = реальному сплетению свойств; по большей или меньшей *повторяемости* того, что наблюдается.

¹ Там же. Л. 58.

² Там же. Л. 59.

Естествознание – социология – «ce qui s'observe dans le plus petit nombre de cas»¹.

б) *по большей или меньшей простоте или сложности объектов.*
Simple – compliqué².

с) *по степени одностор[онней] зависимости наук.*

Законы, открытые естествознанием, обязательны для социальных явлений, но не обратно³.

Гносеологическая т[очка] з[рения] Конта сказывается уже в делении наук *по предметам познания* на

1) науки *общие*, лучше обобщающие (generalis), – задача их открытие *законов*, управляющих разными классами явлений и обнимающих все возможные случаи;

2) науки частные, *описательные*, прилагающие эти законы к действительной истории данных существ.

Свою группировку К[онт] устанавливает лишь применительно к абстрактным наукам; но и в группировках последних принимается *отчасти гносеологическая, отчасти объективная* т[очки] з[рения]⁴.

I. *Социология в формальном смысле.*

Итак, явления социальные

а) относительно *более конкретны* (хотя и не индивидуальны – ибо социология все же входит в группу абстрактных наук).

б) *гораздо сложнее* остальных.

с) *реже повторяются.*

д) имеют *свои законы*⁵.

II. Социология в *реальном* смысле (т. е. в смысле *содержания*).

Предшественники Конта уже несколько выяснили понятие о социологии:

A) В *теоретическом* смысле:

1) она изучает *явления социального общения* (Бэкон)⁶,

2) она изучает *природу общества, его строение и развитие* (Тьюго, Кондорсе)¹.

¹ ce qui s'observe dans le plus petit nombre de cas (фр.) – которая наблюдается в меньшем числе случаев.

² Simple – compliqué (фр.) – простой – сложный.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 61.

⁵ Там же. Л. 62.

⁶ Бэкон Френсис (1561–1626) – английский философ и государственный деятель, основоположник эмпиризма.

В) в *практическом* смысле она изучает «социальный вопрос» (С[ен]-Симон).

Конт, в сущности, находится под влиянием всех трех; но *различает* теоретическое понимание от практического².

1) Социология занимается изучением *общих* законов *общения* индивидуумов друг с другом *в данной социальной среде* (последнее уже принадлежит Конту).

Конт, правда, мимоходом указывает на «actions» и «interactions» между людьми и животными и выступает с учением о *среде* и упоминает, м[ежду] пр[очим], о *milieu intellectuel*³.

2) Социология занимается изучением *общества*, но не его природы, в смысле *сущности*, а, главным образом, *социальных отношений* и *перемен*; она есть наука о *строении* и *отправлениях общества*. Она стремится формулировать *общие законы социальной статики и динамики*, т. е. *социального порядка и развития* в особенности *законы соц[иальной] динамики или соц[иального] развития*⁵.

Наиболее характерный закон для социологии есть «закон *развития*». Идея непрерывного прогресса или скорее *постепенного развития* (development gradual de l'humanité)⁶ – понятие, всего более отличающее собственно социологию от простой биологии.⁷

II. Основоположения позитивного метода.

Человек изучает не абсолютное *бытие*, не *первопричины*, вызывающие сущности и не *конечные* их цели, не происхождение и познание мира, а одни *феномены*; он должен удовлетворяться ответами на вопросы: как?, а не на вопросы: почему и для чего?

Он познает их *не абсолютно*, ибо не знает даже действительного способа возникновения ни одного факта. Он познает их лишь *относительно*, ибо знает только отношения *одновременных* фактов

¹ Тюрго Анри Роббер Жак (1727–1781) – французский мыслитель, экономист и государственный деятель. Кондорсе Мари Жан Антуан Николая (1743 – 1794) – французский математик, философ и политический деятель.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 63.

³ milieu intellectuel (фр.) – интеллектуальная среда.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 66.

⁶ development gradual de l'humanité (фр.) – постепенное развитие человечества.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 67.

друг к другу, объясняемые *сходством*, и отношения *разновременных фактов последовательности* (succession), объясняемые непрерывной связью; одни объясняются *par similitude*¹, другие – *par filiation*².

Постоянные сходства, связывающие явления между собою, и *постоянные последовательности*, объединяющие их в виде ряда, – называются *законами* этих явлений.

Однако О. К[онт] в своем дальнейшем построении придерживается по-видимому *материалистического монизма*, т. е. абсолютного принципа (ср. классиф[икацию] наук). Самый принцип относительности является *абсолютным*, применяется безразлично к *познанию вообще* и к *специально-научному знанию*; наконец, он предполагает *два рода бытия и два рода познания*; между тем, и то и другое более чем сомнительно; ср. еще далее³.

Категории сосуществования и последовательности (ср. Hume)⁴ соответственно сказываются в статике и динамике; они уже обе известны в механике, к которым можно возвести все явления реально мира.

В механике, в свою очередь, «абстрактная теория *равновесия и движения* слагается независимо от *природы* действующих сил»; значит, она применима (хотя и с меньшею точностью) к механическим явлениям в живых телах и даже к их отношениям между собой.

Не только понятия *статики* и *динамики* перенесены из механики в социологию, но и стремление *свести проблемы статики к проблемам динамики*, обнаружившееся в *Mécanique analytique* Lagrang'a⁵ обнаруживается и в социологии О. К[онта], ибо «в явлениях движений всего лучше обнаруживаются основные законы солидарности».

Более частные законы:

1) *Loi de persistance mécanique* (loi de Kepler, d'inertie)⁶, т. е. стремление явления оставаться в данном состоянии при отсутствии мешающих тому влияний (*influences perturbatrices*). Привычка (в со-

¹ Similitude (фр.) – сходство.

² par filiation (фр.) – по происхождению.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 69.

⁴ Юм Дэвид (1711–1776) – шотландский философ, историк, экономист, последователь эмпиризма.

⁵ Mécanique analytique Lagrang (фр.) – аналитическая механика Лагранжа.

⁶ Loi de persistance mécanique (loi de Kepler, d'inertie) (фр.) – закон механической устойчивости (закон Кеплера, инерция).

хранении обычных способов рассуждения постепенно принаровляемых к новым способам его действия); стремление всякой политич[еской] системы к консерватизму.

2) *Loi, relative a' la conciliation Spontanée de tuot mouvement Commun avec les differents mouvements particuliers* (loi de Galilée)¹.

Т[ак,] напр[имер], отсутствием *одинаково* быстрого движения в частях при развитии данной политической системы объясняется нарушение порядка при прогрессе.

3) *Loi de l'équivalence constante entre la reaction et l'action*² (причем, точность его не всегда возможна, а противодействие природе³).

Биология знакомит социолога с основными своими «*de l'existence domestique*»⁴.

То же можно сказать об обществах животных для охоты и для войны, впрочем, еще лишком мало известных. Сравнения с животным миром преимущественно важны в области статики.

3) *Перенесение законов органической жизни в область социологии*.

а) *Теория статики и динамики*, находя себе новое подтверждение в биологии, тем легче переносится отсюда в социологию.

*Blainville (Principes généraux d'anatomie Comparée)*⁵ уже указал на необходимость изучения каждого живого существа в этих двух точках зрения, «*comme apte á agir et comme agissant effectivement*»⁶.

*Organisation et vie*⁷.

*Conditionis d'existence et mouvement*⁸.

*Anatomie et physiologie*⁹.

¹ *Loi, relative a' la conciliation Spontanée de tuot mouvement Commun avec les differents mouvements particuliers* (loi de Galilée) (фр.) - закон независимости состояния движения механических систем от системы отсчета (закон Галилея).

² *Loi de l'équivalence constante entre la reaction et l'action* (фр.) – закон постоянного эквивалентности реакции и действия.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 70.

⁴ *de l'existence domestique* (фр.) – существованием внутреннего.

⁵ *Blainville (Principes généraux d'anatomie Comparée)* (фр.) – Блэнвилль (Общие принципы сравнительной анатомии). Дюкроте-де-Блэнвилль Анри-Мари (1777–1850) – французский зоолог и анатом.

⁶ *comme apte á agir et comme agissant effectivement* (фр.) – в качестве эффективно действующего и исполняющего обязанности.

⁷ *Organisation et vie* (фр.) – организация и жизнь.

⁸ *Conditionis d'existence et mouvement* (фр.) – условия существования и движения.

⁹ *Anatomie et physiologie* (фр.) – анатомия и физиология.

Термины аналогичны со статикой и динамикой.

Статистическая точка зрения при этом зависит от динамической; *законы организации лучше* всего сказываются в *законах жизни*. Перенесение той же точки зрения в социологию.

б) Биология изучает явления с точки зрения их *intime solidarité continue*¹, почему в ней синтетическ[ая] т[очка] зр[ения] начинает преобладать над аналитической.

Здесь зародыш теории consensus universel²³.

V. Законы в социологии.

Вопрос о *свободе воли и необходимости* принципиально не поставлен и не решен О. К[онтом] (м[ожет] б[ыть] опять же из-за страха перед метафизикой), но затрагивается мимоходом, хотя детерминизм уже положен в основу его Opuscules⁴.

«Среда – совокупность внешних обстоятельств (circonstances), необходимых для существования данного организма».

В биологии (согласно взглядам de Blainville) необходимо принимать во внимание отношение организма к среде и ее действие на него. Человек, однако, по мере развития все более воздействует на среду, нейтрализуя ее влияние. Из этого, однако, не следует что бы воля его была свободна.

Воля метафизическая сущность; О. К[онт] не говорит о ней прямо; косвенно затрагивается вопрос о *вмешательстве человеческого* в социальное развитие.

Человек подчиняется как законам природы, так в том же смысле и законам соц[иального] развития; *свобода его состоит в подчинении этим законам*, а не произволу других людей; свободного действия помимо законов социологии (т. е. не согласного с ними) быть не может.

Хотя каждый из элементов сложного явления может быть подчинен известному закону, однако, чем сложнее и «специальнее» само явление, *тем оно изменчивее и тем легче поддается воздействию* (modifiables et irrésistibles)⁵.

¹ intime solidarité continue (фр.) – продолжение близкой солидарности.

² consensus universel (фр.) – всеобщий консенсус.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 71.

⁴ Сочинение О. Конта «Opuscules de philosophie sociale» (1819–1828).

⁵ modifiables et irrésistibles (фр.) – изменяемые и непреодолимые.

Соц[иальные] явления самые сложные, значит они всего более modifiables et irrésistibles; *пределы колебаний соц[иальных] законов самые значительные*¹.

Значит, *предполагая человеческое вмешательство (intervention humaine) – величиною постоянною*, как применительно к физическим, так и применит[ельно] к соц[иальным] явлениям, тем не менее в последних оно кажется в силу только что сказанного наделенным бóльшим значением.

Это воздействие, однако, не изменяет *ни присущей им природы, ни главного их преемства (nature propre et filiation principale)*²; оно влияет лишь на их интенсивность, т. е. на *быстроту их хода*, а также на второстепенные оттенки их обнаружения (*sur leur mode secondaire d'accomplissement affectif*)³.

Тем не менее, “развитие человечества подчинено *неизменным естественным законам*, вместо того, чтобы быть управляемым каким бы то ни было волями”, как бы мало это воздействие ни было, но усилие может придать ему большее значение⁴.

Основные «законы» социологии и значение их для ее методологии.

Деление социологии на *статику и динамику*, частью выводимое из предыдущего (см. выше), частью из свойств самого материала.

Термины, употребляемые О. К[онтом] для уяснения этих понятий:

Статика:

Сосуществование

Равновесие

Солидарность (*solidarité* иногда *pastielle*, т. е. солидарность частей).

*Harmonie spontanée*⁵

Строение (анатомия)

Существование общества (условия его...)

Порядок (солидарность)

Гармония

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 72.

² *nature propre et filiation principale* (фр.) – собственная природа и основная принадлежность.

³ *sur leur mode secondaire d'accomplissement affectif* (фр.) – вторичный режим эмоционального исполнения.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 73.

⁵ *Harmonie spontanée* (фр.) – спонтанная гармония.

Динамика:

Последовательность

Движение

Отправления (физиология)

Законы его постепенного движения (mouvement continui)

Прогресс

Мелодия

Все это далеко *не однородные* сопоставления; О. К[онт] впрочем не преувеличивает значение этого деления.

Опред[еление] статики: она изучает действия и воздействия, какие взаимно и постоянно (continuellement¹, одновременно?) оказывают друг на друга элементы социальной системы, так что каждый элемент влияет (touche) постоянно более или менее прямым образом на совокупность всех остальных. (Результатом этого оказывается) естественная гармония между целым и частями социальной системы.

Отсюда выводится основной статический закон, в виду сложности социальных явлений получающий *в социологии наибольшее значение: consensus universel*, в силу которого элементы данной социальной системы всегда стремятся к указанной *солидарности друг с другом*.

Солидарность между науками и искусствами: т. е. данное состояние одной отзывается сейчас же на других².

Солидарность между политич[ескими] учреждениями и цивилизацией.

[Солидарность] между нравами общества и его политическими учреждениями.

Как видно, «элементы» системы оказываются крайне разношерстными. Вообще на законах consensus'а строится этика, т. е. учение о солидарности всех проявлений чело[веческой] жизни.

Метод изучения согласованных между собою явлений. В виду основного закона статики.

Одна из главных особенностей, наиболее отличающих социологический метод от остальных, состоит в невозможности изучать каждое явление в отдельности; изучаемое явление не может получить значение в науке социологии, если рассматривается в изолированном виде.

¹ Continuellement (фр.) – беспрестанно.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 74.

Необходимо поэтому наблюдать каждое явление в его согласованном сосуществовании с другими явлениями, и держаться такого правила не только в статике, но и в динамике.

В социологии мы идем не от частей к целому, а от целого к частям, от сложного к специальному, от комбинаций элементов к каждому из них в отдельности, ибо известным оказывается это целое и сложное, а не его специальные части, эта комбинации, а не неизвестные ее элементы¹.

Законы социальной статики лучше всего изучаются в социальной динамике. Уже Лагранж (в противоположность Даламберу) в механике стремился свести проблемы статики к проблемам динамики. То же должно быть и в социологии.

Пред[еление] динамики: она изучает последовательность соц[иальных] явлений, сказывающуюся в их движении, которое «состоит в медленном и постепенном, но и непрерывном накоплении последовательных перемен». Этот непрерывный ряд соци[альных] явлений, гармонически сочетанных и следующих друг за другом в силу неизменного закона, называется развитием (development, не предрешая вопроса о perfectionnement²).

Основные законы динамики (более разработанной, чем статика).

1) *Закон развития.* *Старая теория эволюции или инволюции*, по которой зародыш всякого организма в буквальном смысле только развивается, т. е. *развертывается как цветок* из готовой уже почки, причем все его части уже даны в самом начальном зачатке, им стоит только разрастись до видимых размеров. Отсюда и теория Ch. Vernet (известного О. Конту) об embodiment, в противоположность учению Вольтера, по которому каждый организм слагается вновь в каждом неделимом (эпигенезис) (*К. Тимирязев, Историч[еский] метод в биологии в Рус[ской] М[ысли]*, 1892, август. [С.] 96–97)³.

Т[аким] о[бразом] теория внутренних приспособлений к внешним условиям со всеми выводами О. К[онтом] слишком мало принята во внимание.

Следует иметь в виду:

а) *направление развития:*

¹ Там же. Л. 75.

² Perfectionnement (фр.) – совершенствование, улучшение.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л.76.

аа) факторы *ускорения*: скука, продолжительность жизни, т. е. смена поколений и рост населения. Впрочем, сам О. К[онт] говорит, что это только главнейшие ф[акторы].

bb) Впрочем, О. К[онт] иногра говорит лишь о *modification*, иногда об *acceleration du developpement*.

2) Закон *дифференциации и интеграции* (Фергюссон¹ об интеграции, А. Смит² и Трасу³ о дифференциации. Это замечание сделано в статике, но оно очевидно формулировано с динамической точки зрения).

Биология доказывает, что «*возрастающее* совершенство животного организма заключается преимущественно *во все более* резко обнаруживающейся *специализации* различных отправления, выполняемых органами, все более и более между собою несходными, и тем не менее *всегда* между собою *солидарными*».… Таков в особенности и характер нашего социального организма. Здесь, однако, не говорится *прямо* о *возрастающей* солидарности, хотя косвенно это можно вывести, но в других местах⁴ об этом говорится прямо.

Это тем более вероятно, что ниже речь идет уже прямо о неизменной согласованности (*conciliation*) между разделением труда (дух[овным] и экон[омическим]) и кооперацией усилий, тем более обнаруживающейся, чем более развивается общество.

Назначение правительства в том, чтобы соблюдать нормальное соотношение между процессами специализации и обобщения (не давать перевеса первым над вторыми).

3. Закон прогресса

Согласно взглядам Ламарка, постоянное отправление одной и той же функции облегчает это отправление и т[аким] о[бразом] способствует прогрессу.

Development сопряжено с perfectionnement, если говорить не *об одном* народе, в развитии которого может и не быть прогресса, а о *человечестве в целом* и иметь в виду, что он подчинен известным пределам.

Этот прогресс состоит в развитии (благодаря обществу?) *собственно* человеческих способностей, т. е. наиболее великодушных

¹ Фергюссон Адам (1723–1816) – шотландский философ и историк.

² Смит Адам (1723–1790) – шотландский философ и экономист.

³ Дестют де Траси Антуан Луи Клод (1754–1836) – французский философ, экономист и политический деятель.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 77.

чувствований и благородных склонностей, интеллектуальных от-правлений и социальных инстинктов. В этом смысле этика – входит в состав диалектики.

4. *Главенствующее значение духовного прогресса над экономическим* (закон или эмпирическое обобщение – не ясно).

«Умственное развитие является необходимо преобладающим принципом совокупности развития человечества»¹.

В каком смысле следует понимать это преобладание, О. К[онт] определяет *различно*, а именно:

1) Интеллектуальное развитие можно себе представить *независимо от других*, тогда как, напр[имер], экономическое (т. е. по терминологии О. К[онта] воздействие человека на природу) зависит от степени его знаний.

2) «Идеи *руководят миром*» и чувствами; в этом смысле социальный порядок зависит от идей и притом наиболее общих, т. е. от того или иного философского миросозерцания. Этому аргументу Милль² приписывает первенств[ующее] значение.

3) Интеллектуальное развитие следует считать наилучшим *показателем* развития соц[иального] *вообще*, т. е. развития, взятого во всей его совокупности как с точки зрения сосуществования, так и с точки зрения последовательности; преобладание интеллектуального разв[ития] постепенно усиливается.

Эти три смысла «преобладания» (*prépondérance*) далеко *не однозначны*, тем более что О. К[онт] иногда говорит о том, как (интеллектуальный) *прогресс* (в 3-х только что приведенных пунктах речь идет по-видимому о развитии; неизвестно в данном случае, не обмолвка ли это? Вместо: развития?), будучи преобладающим и сообщая всем остальным (прогрессам?) первоначальный импульс, *сам* вслед за теми *получает новое развитие от их эволюции*, что и происходило, напр[имер], в Новое время (с 1300) и должно исчезнуть с водворением позитивизма³.

Отношение между явлениями E_c и E_z (в частности, между духовною и светскою властью) определяются весьма различными терминами: а) *с одной стороны*

¹ Там же. Л. 78.

² Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ, экономист и политический деятель, последователь позитивизма.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 79.

affinité naturelle, speciale, mutuelle et radical¹
lien fundamental²
Correspondance³
Solidarité Spontanée⁴
harmonie⁵
Concours nécessaire⁶
alimentation mutuelle⁷
b) с другой стороны
prépondérance⁸ E_c над E_z .

Последнее возможно благодаря тому, что:

1) Интеллек[туальное] развитие можно себе представить независимо от других, тогда как экономическое (т. е. по терминологии О. К[онта] воздействие человек на природу) зависит от степени его знаний.

2) Один интеллигентный человек (гений) сто́ит множества людей, из суммы интеллектов которых нельзя образовать гения, тогда как материальная сила всегда м[ожет] б[ыть] достигнута коллективно.

3) «Идеи дают толчок развитию, руководят миром»; в этом смысле социальный порядок зависит от идей и при том наиболее общих, т. е. от философии⁹.

5. Закон (=эмпирическое обобщение) трех состояний духовного и материального (temporel) прогресса

Духовный прогресс, отчасти согласно Turgot, сказывается в постоянном и необходимом последовательном переходе нашим разумом в каком бы то ни было роде спекуляций, от *состояния теологического через метафизическое к позитивному*. Первые два состояния (с методологич[еской] точки зр[ения]) характеризуются преобладанием *воображения* над наблюдением с тем различием, что в теологич[еском] состоянии воображение обращено на свер-

¹ Affinité naturelle, speciale, mutuelle et radical (фр.) – естественная близость, специальные, взаимное и радикальное

² Lien fundamental (фр.) – фундаментальная ссылка.

³ Correspondance (фр.) – соответствие.

⁴ Solidarité Spontanée (фр.) – спонтанная солидарность.

⁵ Harmonie (фр.) – гармония.

⁶ Concours nécessaire (фр.) – необходимая помощь.

⁷ Alimentation mutuelle (фр.) – взаимное питание.

⁸ Prépondérance (фр.) – превосходство, преобладание.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 80.

хестест[венные] существа, а в метафизич[еской] стадии – на олицетворенные абстракции.

Эту «grande loi philosophique que j'ai découverte en 1822»¹ нельзя никоим образом считать «законом», да еще доказанным: это простое описание, а не объяснение данного преемства (предполагая его возможным).

Материальный прогресс (la marche temporelle)² должен в силу основного закона статики (consensus) и 4-го закона динамики (т. е. E(c, r), а не E(r, c)) происходить совершенно соответствующий (parfaitement semblables)³ стадии, ибо между военным и промышленным состояниями Фергюссона должно находиться посредствующее «parfaitement-semblable a l'état métaphysique»⁴.

Однако зависимость order temporal⁵ от order spiritual⁶ остается недоказанной и в самом order temporal смешиваются: экономические явления с общественно-политическими. Сам О. К[онт] несколько отступил от этого своего закона в Synthèse subjective⁷.

б. Усиливающаяся законосообразность соци[альных] явлений по мере соци[ального] развития.

Социальное движение первоначально колеблется (est vague et incertain)⁸, но консолидируется и становится яснее по мере того как продолжает с возрастающей энергией одерживать верх над случайными препятствиями (influencer accidentelles)⁹. Чем большее число предшествующих поколений в результатах своей деятельности оказывают давление на последующее, тем действие этого последнего менее случайного характера. Поэтому основные законы (социологии) становятся тем более устойчивыми (irresistible)¹⁰, а,

¹ Grande loi philosophique que j'ai découverte en 1822 (фр.) – великий философский закон, который я обнаружил в 1822 г.

² La marche temporelle (фр.) – временный рынок.

³ Parfaitement semblables (фр.) – совершенно аналогично.

⁴ Parfaitement-semblable a l'état métaphysique (фр.) – идеально похожее метафизическое государство.

⁵ Order temporal (фр.) – временной порядок.

⁶ Order spiritual (фр.) – духовный порядок.

⁷ Synthèse subjective (фр.) – субъективный синтез.

⁸ Est vague et incertain (фр.) – все туманно и неопределенно.

⁹ Influencer accidentelles (фр.) – случайные влияния.

¹⁰ Irresistible (фр.) – непреодолимый.

след[овательно], тем более и доступны оценке, чем более развита цивилизация, к которой они применяются¹.

Различие трех стадий²

Состояния	Объект	Принцип объяснения	Метод объяснения
Теологическое	Абсолютное, последние причины	Трансцендентный	Преобладание воображения над разумом
Метафизическое	Абсолютное, последние причины	Имманентный	Преобладание воображения над разумом
Позитивное	Относительное, отношения по сходству и последовательности, «позитивные законы»	Относительность познания	Преобладание разума или (sic) наблюдения над воображением

Пример прохождения трех стадий

Положим, ртуть в барометрической трубке поднялась на высоту 760 миллиметров.

В *теологической* стадии человек объясняет себе этот факт *таинственным* действием какого-либо *божества*.

В *метафизической* стадии человек объясняет себе этот факт понятием о «horror vacui»³ – отвращением природы к пустоте.

В *позитивной* стадии человек объясняет себе этот факт при помощи другого *факта* же, предполагаемого известным, а именно *атмосферическим давлением*, т. е. не прибегая к теорий, касающихся *последних* его причин, положим теории истечения (fluide) или эфира, (ограничивается констатированием *функционального отношения* между степенью давления атмосферы и высотой столба ртути)⁴.

Доказательства закона трех стадий

1) *Нет возможности представить* себе, чтобы человеческий разум в своем развитии проходил иной путь.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 81.

² Там же. Л. 82.

³ horror vacui (лат.) – ужас пустоты.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 83.

2) *Аналогия между обществом и индивидуумом*; каждый путем самонаблюдения может констатировать, что он последовательно проходил данные стадии.

3) *История науки* обнаруживает ту же последовательность¹.

Динамический метод

Все эти законы невозможно в полном их объеме наблюдать в одном народе, действительно существующем. Согласно приему Condorcet, следует создать как бы *фиктивный народ* (peuple unique), развитию которого приписывались бы все последовательные социальные перемены, в действительности наблюдаемые у отличных друг от друга народов.

Статико-динамический метод

Социальная физика должна изучать (considéré) каждое явление с двойной точки зрения: с точки зрения его гармонии с сосуществующими явлениями и с точки зрения его связи с предшествующим и последующим развитием человечества. При таких условиях она пытается вскрыть, елико возможно, истинные общие отношения между всеми социальными фактами. Каждый из них кажется ей *объяснением* в вполне научном смысле этого слова, когда данное соц[иальное] явление удалось поставить в надлежащую связь к совокупности окружающих его обстоятельств или к совокупности предшествующего (а не последующего?) движения. Всегда отстраняясь при этом от пустого и недоступного разыскания внутренней природы (nature intime) явлений и существенного модуса их возникновения (mode essentiel de production des phénomènes² – т. е. причинной связи)³.

VI. *Предсказание в социологии*

Если существуют социол[огические] законы, то должна существовать и возможность на основании их *предсказывать* соц[иальные] явления.

Необходимо в предсказаниях держаться тех *пределов точности*, какие возможны при сложности изучаемых явлений.

¹ Там же. Л. 84.

² mode essentiel de production des phénomènes (фр.) – необходимый способ производства явлений.

³ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 85.

На основании *consensus'a*, напр[имер], можно, как в анатомии (Кювье¹) по знанию некоторых элементов данной соц[иальной] системы заключать о свойствах других с ними сосуществующих, но не известных наблюдателю.

На основании *законов прогресса* – можно предсказывать по прошедшим известным состояниям будущие состояния данной эволюционной *серии*.

Возможность предсказаний, как научного *критерия позитивизма*, в социологии докажет лучше всего ее позитивный характер.

С предсказанием связана и *практика*. «На основании науки возможно предвидение, на основании предвидения – возможно действие». Поэтому, говоря вообще, значение теории независимо от практики, тогда как практика зависит от теории².

VII. *Практические последствия*

1. Субъективное единство позитивного знания приводит и *своих adeptов к единению* и, т[аким] о[бразом], позитивная философия становится интеллектуальным основанием единого человеческого общества.

2. Позитивизм удовлетворяет как потребность в *порядке, так и склонности к прогрессу*.

3. *Педагогика* должна сообразоваться с установленной О. К[онт]ом классификацией наук и способствовать развитию позитивизма; она в каждом ученике способствует прохождению им стадий эволюции всего человечества.

4. *Политика* состоит в подчинении правительства (естественным) законам развития.

5. Главная ее задача в воздействии на цивилизацию, ибо социальная реорганизация возможна лишь этим путем, а не путем учреждения новых установлений³.

¹ Кювье Жорж Леопольд (1769–1832) – французский естествоиспытатель, основоположник сравнительной анатомии и палеонтологии.

² Там же. Л. 86.

³ Там же. Л. 87.

ИЗЛОЖЕНИЕ И КРИТИКА ТЕОРИИ Д.С. МИЛЛЯ (ФРАГМЕНТЫ РУКОПИСИ «О СОЦИОЛОГИИ»)

В чем должна состоять методология общественных наук (∞ О. Конт¹).

а) Подобно Burdin², St. Simon³, А. Comte *группировка* наук по возрастающей сложности их объектов.

б) Согласно тем же писателям, все отрасли человеческого знания приобрели научный характер, кроме обществоведения.

с) зависимость сложнейших наук от простейших – у А. С[мита]⁴ <...>

д) Приложение методов простейших наук к сложнейшим. Burdin – физиология д[олжна] б[ыть] положена в основу морали. St. Simon – вообще; *gravitation universelle* – в частности. Ch. Fourier (начитанный в естеств[енных] науках) – *attraction universelle*. А. Comte в IV т. *Cours*⁵ и вообще он более *сознательно*, чем предшественники переносил *методы*, а не законы.

Способы приложения плохо выяснены Миллем⁶:

1) *Все* уже высказано в предшествующих книгах, а между тем предполагается *выбор* методов, пригодных для обществознания. На основании какого *критерия*? Не представляется ли он чем-то новым? и вместе с тем заранее известным?

<...>

2) Путь *обобщения и приспособления*; не выяснен у М[илля]. Ведь приспособлять я могу путем обобщения же и путем *специализирования*.¹

¹ Конт Огюст (1798–1857) – французский философ, основоположник позитивизма.

² Бюрден Жан – французский врач, пользовался покровительством А. Сен-Симона.

³ Сен-Симон Анри (1760–1825) – французский философ и социальный мыслитель.

⁴ Смит Адам (1723–1790) – шотландский философ и экономист.

⁵ «Курс позитивной философии» в 6 томах О. Конта издавался с 1830 по 1842 г.

⁶ Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ, экономист и политический деятель, последователь позитивизма.

<...>

Обобщение математического метода в приложении его к статистике.

Если в сосуде $M/2$ черных и $M/2$ белых, $p=1/2$, $q=1/2$, и вынуто $M=100$ шаров, то вероятное число белых = 50.

На деле можно, однако, получить не 50, в 49, 48, 47... или 51, 52, 53... белых. Какова вероятность отклонения, абсолютная величина которого равна 1, 2, 3...

Приложение математических способов исчислений к решению подобного вопроса возможно при след[ующих] обобщениях:

1) Я полагаю, что $Z=50$ или другим величинам 47... 53... меняется *непрерывно*,

2) При вычислении вероятности отклонений я (применяя теорему Стирлинга) получаю величину, в знаменатель которой оказывается ряд; я *пренебрегаю* в нем теми членами а составе которых входит $1/M^2$; получив, т[аким] о[бразом] выражение

$$h^2/2mpq \quad h/2m(1/q - 1/p)$$

и предполагая $1^{h/2m}(1/q - 1/p)$ при m большом равным $1^0=1$, я *пренебрегаю* вторым из множителей и получаю величину, в знаменателе которой стоит

$$1^{h/2mpq}$$

Лишь благодаря указанным обобщениям я получаю возможность полагая $h/2mpq = t$, достигнуть формулы:

$$2/\sqrt{\pi} \int_0^1 t^2 dt$$

3) Так как вероятность отклонений по мере возрастания их от прямой величины убывает чрезвычайно быстро, то я могу приближенно пользоваться выражением

$$2/\sqrt{\pi} \int_{-\infty}^{\infty} -t^2 dt, \text{ где } t = -h^2/2mpq$$

Все три случая суть обобщения понятия равенства, ибо лишь таким путем я могу уравнивать величины между собою в сущности неравные.

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 24–25. Далее зачеркнуто: «Я могу обобщать, напр[имер], математические методы в приложении к обществоведению (напр[имер], применение теории вероятности к статистике в сущности предполагает приближенное отождествление вероятностной величины ошибки с средней; ср[авни] приложение геометрического понятия о симметрии к выяснению понятия о контрмитации). В органической теории обобщают методы биологии» (Там же. Л. 25.).

Специализирование математического метода в приложении его к статистике.

При помощи указанного обобщения я на основании статистического материала строю кривые и, получив, напр[имер], параболу или гиперболу и т. п. того или другого вида я применяю *специальные методы* для изучения кривой данного типа. Приложение специальных методов построительной геометрии к графическому изображению статистических данных.

<...>

Приложение путем обобщения или специализирования порознь

Приложение биологического метода в теориях об органах и функциях, в процессах дифференциации и интеграции – есть обобщение. Прием объяснения жизни, наприм[ер], путем двух процессов: 1) постепенного обособления органов под влиянием специализации функций и 2) возрастающей зависимости их друг от друга путем обобщения понятий об органах, функциях и их зависимости не редкость в общественном знании.

Методы *психологии* можно *специализировать* в области социологии (коллективная психология изучает, напр[имер], специфические проявления чувствований каждого индивида, которые имеют место в толпе).

Итак, следует различать обобщение методов более простых наук от их специализации

3) М[илль] не различает *приложения* метода простейшей науки к сложнейшей от *создания* по аналогии с таким методом *нового* метода, пригодного для сложнейшей науки. Таково, напр[имер], приложение понятия *симметрии* к изучению контримитации. Таким путем, напр[имер], возникла т[ак] на[зываемая] *органическая* теория общества; *подобно* тому как естественник в организме различает клетки, ткани, органы, функции, процессы – так делает и обществовед по отношению к обществу. М[ожет] б[ыть] тем же способом построена (по аналогии с индивидуальной волей) теория о *единстве* народной *воли* в учении о народном суверенитете.

От перенесения *методов* более совершенных наук в менее совершенные надо отличать перенесение *законов*.

Напр[имер], из *механики* в социологию (основных понятий статики и динамики) – ср[авни] О. Конт (см. статью об О. Конте).

[Перенесение] – из *биологии*, напр[имер], законы: *наследственности* (консерватизм) (О. Конт), *борьбы* за существование и выжи-

вании наиболее приспособленных (Vaccaro¹), дифференциации и интеграции (О. Конт, Г. Спенсер²).

[Перенесение] – из *психологии*, напр[имер], законы: ассоциации (Гиддингс³), подражаний (Тард⁴) и др.

Смешение перенесений методов с законами в органической жизни, приверженцы которой принимают методологические приемы (даже по аналогии) за *феноменологические* выводы в области, допустимыми *своей* науки (обществоведении).

3. В какой мере М[илль] предполагает дать методологию общественных наук.

Проверка метода переносимого из одной науки в другую:

1) *Гносеологическая*. С точки зрения тех принципов, которые положены в основу науки определяется степень пригодности данного метода.

2) *Методологическая* – возможна лишь иногда, когда мы имеем наряду с данным методом и другой, с такою же степенью достоверности приложимый к решению того же вопроса (или несколько других). Тогда один проверяется другим путем сравнений полученных результатов (не феноменологические свойства также проверка).

3) *Феноменологическая* – метод оценивается по полученным результатам, которые в случае его ошибочности в конце концов окажутся абсурдными⁵.

<...>

d) Причины положит[ельные] и отрицательные

2. *Причинноследственность* нельзя смешивать с необходимостью, ибо, конечно, раз дана причина +a, д[олжно] б[ыть] и следствие b; но в сущности часто бывает, что причина +a дана *вместе* с противодействующей ей –a, или +ac, где c – не равно a; тогда b не наступит (a может наступить d как следствие c – a).

¹ Ваккаро Микель Анджело (1854–1937) – итальянский социолог, последователь дарвинизма, профессор кафедры философии права в университете Рима.

² Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ, основатель органической школы в социологии.

³ Гиддингс Франклин Генри (1855–1931) – американский социолог, представитель психологического направления в социологии. Основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894), президент Американского социологического общества (1908).

⁴ Тард Габриэль (1843–1904) – французский криминолог и социолог, представитель психологического направления в социологии.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 26–30.

а) естественное появление таких противоположных причин, как в природе, так тем паче в человеке и обществе (А. Comte).

б) сознательным вмешательством человека как в природу, так в собственную или общественную жизнь.

3. *Примирение причинноследственности с свободой в человеке.*

а) Человек не только причиняется, но и *сам причиняет самого себя*, или точнее *свои действия*.

Обстоятельства, причиняющие человеческие действия. Мотив или чувство страдания и удовольствия, или представление (воспоминание) о них.

Отсюда участие человека в образовании *своего* действия.

Желание себя применить – дано нам; при его наличности (и отсутствии противодействующих причин, хотя бы психического свойства) – мы себя меняем. Речь идет не о *механизме*, а о *детерминизме* (в психологическом смысле слова).

б) След[овательно], человек в известной мере *ответственен* за свои действия.

Ответственность – есть сознание того, что мы *должны* подвергнуться наказанию (а не только должны *будем* ему подвергнуться, т. е. ему подвержены в действительности).

Ответственность вызвана тем, что

1) Человек отчасти сам *причиняет* свои действия (by him, а не только for him).

2) Если бы J не имел бы *мотивов* действия и если бы в числе таковых мотивов не было бы и сознания ответственности, т. е. если бы действия J были бы безусловно свободны, то его нельзя было бы наказывать (не за что); он оставался бы не вменяемым.

Лишь при детерминизме (не смешивая его с механизмом) и возможна ответственность.

3) Справедливо наказание лишь когда оно имеет в виду *блага его самого и общества*; ни то, ни другое невозможно без детерминизма, ибо в противоположном случае предвидение наказания нельзя считать мотивом предупреждающим преступление. След[овательно], отвергая детерминизм, мы допускаем порочные (несправедливые) наказания, что есть абсурд¹.

<...>

Свобода и необходимость. Критика теории Д.С. Милля.

¹ Там же. Л. 34, 37.

А) С *гносеологической* точки зрения М[илль] отрицает ее, м[ежду] т[ем] включает в следующее положение: Убеждение в наступлении *в будущем* той же последовательности (т. I, 369). М[илль] предполагает некоторое «влечение к обобщению» (I, 367) как фактор в развитии подобных убеждений. Ср. выражения *безусловная* (I, 370) последовательность и т. п.

Подобное утверждение едва ли выводимо из опыта:

1) Причиннослед[ственная] лежит в основе всякого опыта (?). Положение о ней мы предпосылаем опыту.

2) Самый опыт требует для признания того, что он же повторяется установления *тождества* между ранее наблюдаемой последовательностью и наблюдаемой (тождества самой последовательности, а не ее терминов).

3) Убеждение в том, что причина *всегда* породит *b* (т. е. и в будущем, еще не подтверждаемая наблюдением) *не* содержится в опыте (Кант¹); такое убеждение достигается приложением априорного положения достаточного основания (все должно иметь причину) к содержанию опыта; оно *подтверждается* (но не создается?) в тех случаях, когда мы путем дедукции (как общего положения, добытого из опыта) в состоянии из причины вывести следствие; не *прибегая* к опыту, хотя и проверяя им сделанный нами опыт; такая операция однако едва ли возможна в биологии и социологии.

Отсюда необходимость связи *ab* в социологии менее ясна нашему сознанию(?).

(мысль о *необходимости* *ab* не следует смешивать с мыслью о постоянстве условий, при которых наступает *ab*; первое – гносеологического, второе – чисто реального характера).

Тем не менее М[илль] утверждает, что «единственное понятие о причинах которого требует теория наведения, таково, что может быть почерпнуто из опыта» (I, 357).

Рационализм и эмпиризм в понятии о необходимости причинно-следственности взаимно пополняют друг друга.

Определение причинности у Д.С. М[илля]

Неизменно и безусловно предшествующее, мгновенно и навсего следующему.

1) Сам Д.С. М[илль] признает, что причина иногда не предшествует, а сопровождает следствие (I, 373–374). Неизменно *и (или)* – безусловно предшествующее (I, 370). Неизменно = безусловно, что

¹ Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ.

возможно не с гносеологической, а с методологической т[очки] зр[ения].

2) Есть случаи, к которым такое определение не достаточно (?), а именно случаи превращения энергии. Напр[имер], *сила* в ударе молота на наковальню, вызывающем *теплоту*, причина: удар (а не молот, ибо последний вещь, а не явление). Следствие – теплота. А говорит В; речь А ∞ удару; понимание В ∞ теплоте (см. ниже). В выяснении причинноследственности современная *наука* (естествознание) вводит понятие *эквивалентности* (см. ниже). <...>.

3) В человеке есть сознающее я, к которому относятся причина и следствие. Непрерывность сознания не дает возможности каждую причину и следствие рассматривать лишь как предшеств[ующую] или послед[ующую].

Из рядового сопоставления и только *сопоставления* причины со следствием нельзя вывести и целостности индивидуального бытия и единства деятельности. Если предпосылать эквивалентность причин и следствий, то м[ожет] б[ыть] и непрерывность сознания станет понятной.

В психологическом смысле отношение причины к следствию выразится так: причина есть способность моего «я», поскольку оно наделено *волей*, действовать на собственные мои представления; следствие – таковое действие.

4) Общество – не простая сумма индивидуумов (как думает Милль).

По аналогии с отдельными индивидуумами и в нем причинно-следственность получает аналогичное значение; вместо индивидуального «я» является социальное (групповое) «я».

2) в теории Д.С. М[илля] *п[ричина]* и *с[ледствие]* – суть явления *независимые* друг от друга, что едва ли верно; напр[имер], дано водорода H_2 и кислорода O_1 *порознь* взятые они предшествуют следствию (воде); но каждый из них *порознь* – не есть причина; причина = *совокупности* условий; но совокупность H_2O и есть вода.

Однако самый *процесс* слияния H_2 с O , будет предшествовать *наличности* данного объема воды во всей его совокупности, хотя бы такое предшествование было *моментально*. К тому же другие примеры (удар молота – теплота) едва ли подойдут под аргументацию Ватсона.

Лучше говорить не о тождественности, а об эквивалентности.

Знаки равенства в выражении $y=f(x)$ не выражает равенства y с x , а только *тождественное соответствие* в процессе возрастания x и y .

Таково и отношение причины к следствию.

Нельзя говорить о равенстве между причиной и следствием¹.

<...>

Возражения:

а) *Одно* из условий причина; несколько условий могут оказаться причиной, ибо м[огут] б[ыть] несколько причин или причина м[огут] б[ыть] сложной.

б) постоянство по-видимому противопоставляется преходящности, а не переменности.

Правильнее сказать, что условия постоянны или абсолютно, или относительно совершающегося события (определенные условия = среда? и ближайšie); в последнем в каждый *данный* (произвольно взятый) *момент* (хотя бы он был как угодно мал) условие – постоянное, относительно совершающегося явления, причина же – переменное обстоятельство *относительно* данного следствия, а в совокупности с ним и составляет означенное выше явление. С приближением продолжительности данного момента к 0 различие между условием и причиной исчезает и наоборот; между тем последний случай всего чаще и бывает в социологии.

с) что значит *большее* или *меньшее* постоянство? (I, 359). Чем измеряется степень его? Какова степень нужная для данного antecedenta – условием, а не причиной?

е) Одно и то же обстоятельство м[ожет] б[ыть] или условием или причиной *непроизвольного, а с точки зрения той или другой науки*; сила земного притяжения, напр[имер], рассматривается как причина в физике и как условие – в социологии. Напр[имер], световая энергия – как причина тепла (?) в физике и как условие дешевого общения (платить за свет не приходится) людей между собой.

В сущности отрицательными могут быть только условия, а не причины в узком смысле?

ф) Следует различать еще причины от *поводов*; ближайшим предшествующим за которыми *мгновенно* следует следствие не столько причина, сколько повод: *причина характеризует следствие, повод лишь вызывает его и определяет* (в смысле квалификации); в данных пределах можно всегда *заменить* один повод другим².

<...>

Причина и повод

¹ СПФ АРАН.. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 42–45.

² Там же. Л. 47.

Причиной мы называем такие обстоятельства, которые не только обуславливают известную *группу* событий, но делают их вероятными.

Если А причина В, то $V=b_1, b_2, b_3\dots$, где $b_1, b_2, b_3\dots$ одинаково вероятны, но взаимно исключают друг друга.

Для того, чтобы А вызвало, реализовало одно из значений В – нужен *повод*.

(напр[имер], гнев – может породить различные интонации голоса, жесты, движения, акты; определенное количество их при данных условиях одинаково вероятно; но для того, что в данный момент случилось одно из них нужен повод; напр[имер], голос у разгневанного человека вероятно будет резок, если ему во время гнева придется наткнуться на мало симпатичного для него субъекта; но если взамен субъекта окажется грязная собачонка, она легко может быть прибита и т. п.)

Отношение причины к *группе* следствий более законосообразны, чем отношения причины к поводу, а через него и к *данному* (одному) следствию из всего числа вероятных, ибо количество поводов не меньше всего числа вероятных следствий, а может оказаться и больше их, так как способно вызвать все *возможные* результаты.

Определение повода.

1) Обстоятельство, вызывающее данное событие (явление) и по отношению к нему называемое поводом.

2) Данный повод по отношению к вызываемому им обстоятельству может быть заменен другим ему равнозначимым, причем типические свойства самого явления при таком замещении не меняются.

3) Поводы равнозначимые по *отношению* к данному явлению (или событию) могут быть равнозначимыми в других отношениях.

4) Вероятность каждого данного повода обыкновенно очень мала, почему вероятности их можно считать приблизительно равными.

Куда исчезает причина, породившая следствие?

с) Из условий то (или те) мы называем причиной, из которого *количественно и качественно мы прямо и вполне можем вывести* следствие (напр[имер], из понятия камня – его падение).

След[овательно], то из условий, которое дает понятие о величине и *свойствах* следствий, будет причиной. При *одних и тех же* условиях могут наступить *разные* события; одна и та же причина может вызвать лишь одно и то же следствие.

Доктрина *эквивалентности* причины и след[ствия] в стогом смысле неприменима в науках о духе, хотя и применима в *перенос-*

ном смысле, в таком смысле, напр[имер], в каком большая посылка эквивалентна заключению.

Из условий то будет причиной, которое *постоянною связью* связано с следствием; условия в *разных* случаях могут быть (в известных пределах разными), но *способ* действий (=причина) остается всегда *одним* и тем же; причина – как бы *масштаб* следствий.

В обществоведении не *количество*, а *способ* действия играет главную роль.

Понятие о следствии.

1) *Мгновенно* следующее. Если различать причины и поводы, она не характерна для причины.

Манкиев¹ писал в 1714, издано в 1770; следствия <...> не мгновенны.

Причина может оставаться в потенциальном виде долгое время, пока не явится подходящий повод.

Гелиоцентризм пифагорейцев² в свое время прошел незаметно, а теперь *мы* ему удивляемся.

Mailthus³ читали о до Дарвина⁴; но он впервые подвергся его влиянию (?).

Открытия древности, столетия пролежавших скрытыми от всех, а потом вдруг открытых.

При *отсутствии* препятствующих причин, следствие действительно мгновенно следует за причиной?

2) *Наверное*-следующее.

Группа причин $a_1, a_2, a_3 \dots a_n$ производит группу следствий $b_1, b_2 \dots b_n$. В таком случае, предполагая равновозможными причины и следствия и одинаково возможными сочетания $a_1b_1, a_1b_2 \dots$ вероятность a_1b_1 есть $1/n^2$.

В каком смысле *причинноследственность необходима и не необходима*.

Д.С. М[илль] не различает связи *ab* *логической* (раз мыслится причина, мыслится и следствие, ибо понятие о причине имеет смысл лишь в отношении к другому понятию о следствии) от *феноменоло-*

¹ Манкиев Алексей Ильич (?–1723) – русский историк и дипломат, автор сочинения «Ядро российской истории».

² Пифагорейцы – последователи религиозно-философского учения Пифагора (VI в. до н. э.).

³ Мальтус Томас (1766–1834) – английский экономист и демограф.

⁴ Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882) – английский натуралист и путешественник.

гической (раз в действительности дана причина д[олжно] б[ыть] и следствие; но часто причина в действительности *не дана*, ибо поглощается другою причиной, вызывающей и другое, ей соответствующее обстоятельство. Напр[имер], если

$$b=f(a), \text{ то } f(+a-a)=b_1=0$$

или $f(+a-c)$, где $c \leftrightarrow a$, $= +b_2$]). В *каждом* действительном случае, если причина не дана, то ее и нет, ибо данное обстоятельство и становится причиной (в действительности) лишь поскольку порождает следствие; я могу однако говорить о причине *a*, не в конкретном смысле, а на основании предшествующих опытов прийти к заключению, что *a* *вообще* причина *b*, так что могу представить себе *a* как *причину* хотя бы она и не породила в *данном* случае следствие *b*.

Могут быть однако и другого рода случаи, когда причина *дана* (т. е. *действительно* существует, первоначально не поглощенная другими обстоятельствами) – она *должна* породить и соответствующее следствие; может случиться однако, что *причина* *данная* еще *не успела породить следствия, доступные нашему наблюдению*, как уже поглощена другими обстоятельствами.

Феноменологическая необходимость не различена от *номологической* (категории долженствования).

Причинноследственность *логически* всегда *необходима* (чего не отмечает Д.С. М[илль]) как *способ(?)* действия; но в других смыслах она не необходима.

При обсуждении вопроса о необходимости, можно впасть в двойную ошибку:

1) превратить логическую связь *ab* в феноменологическую (против чего ратует Д.С. М[илль]) или в номологическую.

2) превратить феноменологическую связь (перенести ее) в номологическую или если угодно *механическую* связь считать исключительно действующей в области психических явлений, подвергнутых не столько механицизму, сколько *детерминизму* (против чего также ратует Д.С. М[илль], не различая второго случая от первого).

Феноменологическая связь между *ab* имеет характер *условной* необходимости (не бессмысленный термин).

Номологическая связь – *частной* необходимости.

Следует *отличать* необходимость от повторяемости.

Положим, последовательность *ab* – необходима; но

1) или *a* бывает редко, след[овательно], и *b* наступает редко,

2) или a часто противодействуют (в виду его природы, напр[имер], восприимчивости к впечатлениям) другие обстоятельства, вследствие чего редко наступает b .

При таких условиях вероятность наступления ab м[ожет] б[ыть] крайне малой; но хотя бы она приближалась к нулю, она не перестает быть необходимой.

Первый случай может иметь характер безусловной, второй – условной или частной необходимости.

В тех случаях, когда одним из мотивов (причин) является *цель*, получающее *объективное* значение в качестве причины, и соотношение таковой к действию будет целесообразным

Если воли энергия *не* механическая, то она может быть свободна в том смысле, что *не зависит* от механической энергии или *не подчинена* ее законам, но может быть и лишена свободы, поскольку действует *согласно законам психической энергии*.

Весьма возможно, что идея о превращении причины в следствие не развивалась до тех пор, пока стремились установить причинно-следственность между *вещами*, а не явлениями.

Превращение одной вещи в другую не всегда бывает в случаях причинноследственности, превращение явлений – всегда?

В отрицании теории превращения лежит бессознательное признание *вещественной* (субстанциональной), а не феноменологической связи.

Каждое(?) настроение по достижении данного предела развивается *по инерции*, а не согласно воле лица, его претерпевающего.

Полагая отношение следствия к причине как *функции* к аргументу, я в сущности не утверждаю *превращения* аргумента в функцию, а только *постоянство в их количественном отношении*.

В сущности, функциональная зависимость есть *формальное* выражение эквивалентности; эквивалентность, предполагая *превращение* одной энергии в другую, получает *реальное* значение.

Целью мы называем не ближайшие, а *отдаленные* следствия.

Чем дальше отстоит следствие, тем более длинный ряд причинно-следственных отношений связывает первоначально данную причину с означенным конечным следствием. Значит, тем больше можно *предполагать* путей для его достижения и с тем меньше вероятностью можно предсказывать его действительное осуществление.

В самом деле, если в ряде $a_1, a_2, a_3 \dots a_n$, в котором $a_2=f(a_1)$, $a_3=f(a_2)$ и т. д., я знаю a_1 и сознаю возможность наступления a_n , я должен обладать громадными точнейшими знаниями для того, что-

бы при n – большом в точности установить означенный ряд; обыкновенно я буду *колебаться* в выборе посредствующих звеньев между a_1 и a_n и, следовательно, буду *представлять* себе несколько путей превращения a_1 в a_n , тем паче, что a_n мне представляется обыкновенно не во всей его конкретности, а в более или менее *общих* чертах, почему и достижение его мне кажется возможным разными путями.

Действительно ли по мере увеличения расстояния между a_1 и a_n (т. е. увеличения числа посредствующих звеньев) способы достижения a_n будут разнообразиться? Ввиду того, что разные причины при разных условиях могут произвести иногда одно и то же следствие и что подобного рода обобщение особенно пригодно для тех случаев, когда принимаются во внимание лишь характерные особенности следствия, то предполагая *за время, потребное для образования ряда* $a_2 \dots a_{n-1}$, возможность появления *различных* условий, одни из которых благоприятствуют появлению $a_2 \dots a_{n-1}$ другие – $b_2 \dots b_{n-1}$ и *полагая*, что как $a_2 \dots a_{n-1}$ так и $b_2 \dots b_{n-1}$ способны вызвать a_n , мы можем сказать, что и в действительности по мере увеличения расстояния между a_1 и a_n увеличивается и разнообразие способов достижения a_n . Нет ли противоречий с законом дифференциации?

b мгновенно следует за *a*. Могут быть обстоятельства, противодействующие не причине *a*, а *поводам*.

Тогда событие $b=f(a)$ может наступить, т. е. *b* последовать за *a* не мгновенно, а в более или менее короткий срок.

A сознает, т. е. *относит к себе* причину *a*: следствие *b*; след[овательно], $b=f(a)$ не есть простая последовательность и только последовательность для *A*.

В сознании *A* – *a* ассоциируется с *b*; представляя себе *b* и *усиливаясь* сосредоточит свое *внимание на b*, *A* *естественно* вызывает действие *a*, причиняющее в действительности результат *b*.

Т[аким] о[бразом] в основе целесообразности действий лежит *усилие внимания* (ибо при рассеянности его представление о данной цели не удержится в моем сознании и не способно будет получить силу, нужную для производства действия), т. е. специфический вид энергии (психической) – самой по себе столь же мало известной, как и другие.

В виду равнозначности нескольких поводов относительно следствия, поводы *не переходят* (не превращаются) в *типические* свойства следствий.

Возможно однако, что повод превращается в *не* типические его свойства, что, однако, с теоретической точки зрения м[ожет] б[ыть] опущено.

Может быть, следовало бы различать термины повод (= в сущности мотив) от мотива, называя с психологической точки зрения поводы – мотивами? или причина вообще в психологии будет мотивом, соединяя с ним телеологическое значение?

В S среда – общество; условие – тот закон, который позволяет или точнее ограничивает совершение данной сделки.

Эквивалентность причины и следствия (в смысле перехода или превращения причины в следствие) логически предполагает тождество.

Феноменологически – процесс перехода или превращения, т. е. с уничтожением одного (А), появляется другое (В); *точнее* говорить о *функциональной* зависимости В от А или обратно. Постоянство в *количественном отношении* при различии в качестве энергий – и будет эквивалентностью. Напр[имер], механическая работа и теплота суть две различные энергии, но в количественном отношении их одной к другой они равны, ибо известное (определен[ное]) количество механической работы теоретически всегда равно одному и тому же *количеству* тепла.

Первоначально принятую теорией *обратимость* следствий в причину теперь едва ли признают безусловною, на что указывает и теория о разных видах энергии (Оствальд¹).

Обратимость логически допустима, но не дана в опыте.

М[ожет] б[ыть] в среде более сложенных явлений должно говорить не об эквивалентности А и В, а о том, что *способ действия* А на В остается всегда одним и тем же.

В данной последовательности часто существует не причина и следствие, а серия парных отношений, причем последний член каждого отношения оказывается следствием предшествующего члена, сам становится причиной последующего.

Напр[имер], А убил В; в сущности А причинил известное действие, которое в свою очередь вызвало известное состояние в В, причинившее его смерть.

¹ Оствальд Вильгельм Фридрих (1853–1932) – российский и немецкий физико-химик и философ, последователь «физического идеализма», создатель энергетической теории в натурфилософии. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1895), лауреат Нобелевской премии по химии (1909).

Выше указанное соображение следует иметь в виду, когда сомневались в правильности положения о том, что причина превращается в следствие.

Условие может быть *постоянным* по отношению к *множеству разнородных* случаев; тогда мы и называем его средою.

Напр[имер], данное S оказывается средою для самых разнообразных отношений, возникающих между его членами.

Условие, поскольку оно считается постоянным лишь по отношению к данному событию; будет условием в узком смысле; например, наличность вексельной бумаги данной стоимости для совершения займа.

Различие между причиной и условиями не произвольно (как учит Милль), если принимать, что причина *есть* следствие (тождество) или *превращение* (эквивалент) в следствие; ибо условия – не имеют такого признака.

Превращение.

1) потенциальной энергии в кинематическую.

2) одной энергии в другую; будучи качественно различны, они, как *энергии* (работоспособности) количественно равны¹.

<...>

а) [Милль] не принимает во внимание *различие условий*.

Обозначая группу главных причин через А, а группу второстепенных причин через В, мы имеем:

$x=f(A, B)$

в одних условиях $x=f_1(A, B)$, в других $x=f_2(A, B)$.

б) Милль не определяет *соотношения* между терминами: «колебания, видоизменения, уклонения».

Видоизменения *известного* рода = колебаниям *или* уклонениям, причем колебания видоизменений в известных *пределах*, а уклонения – видоизменения по отношению к данной действительной, ожидаемой (вероятной) или средней величине.

Т[аким] о[бразом] об уклонении мы можем говорить на основании *одного* факта, о колебании – на основании целого ряда фактов.

1) В теории вероятностей наиболее *вероятное* обобщение (величину) следует *отличать* от *среднего* (между тем я полагаю, что выражения: proposition universelle = ожидаемое наиболее вероятное, majorité и проч. = среднее); нельзя сказать, что одно имеет *равное* значение (équivalent) с вторым; можно только сказать, что *по мере*

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 49–73.

увеличения числа наблюдений к первому приближается второе и обратно.

2) Предсказания вероятные относительно наудачу взятых индивидуумов становятся достоверными относительно масс.

На основании первого замечания полной достоверности быть не может, а только известная степень вероятности; а разбираемое обобщение Милля годится лишь при предположении, что общество – *сумма* индивидуумов, что не согласно с действительностью. В сущности, мы имеем дело с *суммой групп*; каждая из них, однако, представляет не суму, а своего рода произведение членов.

3) Предсказание психологическое годится лишь *на короткий срок*; духовная природа человека меняется (по-видимому прогрессивно развивается); след[овательно], теперешнее наше предсказание не будет годиться для будущего, хотя бы в приближенном смысле¹.

<Научный характер психологии>

1) *Теория взаимоотношения физических и психических явлений* – не выдержана.

Первое (1) положение, что ϕ предшествует ψ Милль приравнивает к тому, что ϕ производит ψ ; второе (2) положение: ϕ сопровождается ψ .

Нельзя смешивать одно с другим; ибо

а) Следуя хотя бы Миллю в (1)

$\psi = f(\phi)$; а во (2), например, ψ и $\phi = f(x)$.

б) следуя теории эквивалентности (см. выше), надо сказать,

при (1) ϕ превращается в ψ , что очевидно для нас пока абсурд; ибо $\phi = \psi - \omega$,

при (2) ϕ не превращается в ψ .

Последовательно провести теорию психофизического параллелизма едва ли возможно, почему за последнее время она все больше вызывает возражений.

2) *Теория локализации психических функций*.

Локализация не в данных *пунктах*, а только *сферах* более или менее определенных. Недавно даже полная локализация функций речи в третьей извилине лев[ого] полушария – подверглась фактическому опровержению <...>, а Soury² считает локализацию результатом совмещения целых групп первых функций.

3) *Простейшие последовательности*.

¹ Там же. Л. 80–81.

² Сури Жюль Огюст (1842–1915) – французский философ и психолог.

Теория ассоциации в психологии не панацея.

а) от нее в таком смысле уже отчасти отказался А. Бэн¹ <...>

б) она подлежит критике, см. напр. книгу Ferri² <...>

4) Автор принимает во внимание одну индивидуальную, а не коллективную психологию, как основание для социологических декретиций.

I. *Определение этологии* (как науки).

Этология стремится формулировать законы образования человеческого характера <...>

Этология, как видно, дает формулировку *не эмпирических обобщений*, а законов.

1. *Различие между эмпирическим обобщением и законом* применительно к изучению

а) э[мпирического] о[бобщения] – сосуществование или последовательность; З[акон] = последовательность, причем сосуществование а и б можно всегда рассматривать как результат последовательности с и (а, б). б) притом в виду безусловно предшествующего и мгновенно следующего, чего нельзя сказать о э[мпирическом] о[бобщении], ибо

аа) э[мпирическое] о[бобщение] – имеет в виду последовательность х, у, напр[имер], ночь и день, старость, осмотрительность, З[акон] – причину, х, у м[огут] б[ыть] f(u) в разных ее значениях и не находятся в причинной зависимости друг от друга, или х не вызывает у, которое вызывает z; или

bb) э[мпирическое] о[бобщение] – не принимает во внимание конечных, элементарных факторов, а только *конкретные* их совокупности (всегда мало определенные).

Полагая $U=f(x, y, z)$, где $x=x_1+x_2+\dots+x_n$, $y=y_1+y_2+\dots+y_n$, $z=z_1+z_2+\dots+z_n$ и не зная состава х, у, z, мы строим э[мпирическое] о[бобщение] относительно связи между U и х, у, z.

З[акон] напротив предполагает знание состава х, у, z.

Напр[имер], данная группа лиц производит данное действие.

¹ Бэн Александр (1818–1903) – шотландский философ, психолог и педагог.

² Ферри Энрико (1856–1929) – итальянский криминолог. Автор книг «Теория невменяемости и отрицание свободной воли» (1878), «Новый взгляд на уголовное право и уголовное делопроизводство» (1884), «Уголовная социология» (1883), «Позитивистская школа криминологии» (1901), «Исследование о преступности» (1901).

В таком смысле (b) мы можем сказать, что *приближенно* знаем отношение изучаемых данных при эмп[ирическом] об[общении], и *точно* его знаем в законе, хотя он и *условен*.

с) Эмпирические об[общения] относятся к *конкретным комбинациям* элементов, законы – к действию самих элементов; первые можно назвать *происшествиями*, вторые (*абстрактными*) явлениями (я употребляю термин абстрактный для отличия упоминаемых здесь явлений от явлений вообще), лишь тогда, когда такие конкретные массы сравнительно очень просты, высказанные о них эмпирические обобщения могут оказаться довольно точными и постоянными (верными и для будущего); но происшествия психические не такого свойства; значит эмпирические обобщения относительно их дают очень мало.

Объекты эмпирических обобщений – конкретны, объекты законов абстрактны, т[аким] о[бразом] отвлеченны (хотя и не всеобщи).

д) Эмпирические обобщения – *приближенные* всегда, даже в простейших случаях (напр[имер], в астрономических наблюдениях), тем паче в сложнейших (психология), где процесс нейтрализации действия одних причин другими всегда значителен, законы всегда точны, хотя и *условны*.

2. В виду указанных различий во всякой науке эмпирические обобщения должны быть *подведены под законы*, которые и служат *пределом их достоверности*.

Лишь сделав такое подведение, мы можем определить значение эмпирического обобщения; оно может оказаться верным только для сделанного уже круга наблюдений или приближенно годится для всяких случаев, еще не наблюденных; или имеет значение и в том и в другом отношениях, т. е. *частью* ложно, частью верно вообще.

Напр[имер], положение «старика осмотрительны» в *той мере* верно, в какой старость связана с жизненною опытностью и неверно, поскольку она с нею не связана (что, разумеется, также может случиться).

Так, этология как наука должна стремиться к формулированию не эмпирических обобщений, а законов.

II. *Этологический метод, пригодный для достижения знаний этологических законов.*

1. *Индуктивные методы.*

(дедуктивные доказательства непригодности индукции для данного рода случаев)

а) пригодна для построения наиболее общих законов, но не *axiomata media*¹, к которым принадлежат и законы этологического содержания.

(индуктивное доказательство и т. д.)

б) не приложима к этологическому материалу, ибо

аа) опытом для его исследования пользоваться нельзя.

bb) наблюдение также в лучшем смысле могло бы повести к эмпирическому обобщ[ению], а не законам.

2. *Дедуктивный метод.*

Лишь опираясь на индуктивно наиболее общие положения, добытые путем изучения действия простейших элементов в психологии мы путем дедукции можем построить этологические законы. Такие построения нуждаются, однако, в *постоянной* проверке его *средними выводами* из массовых наблюдений.

Гл. V (критика)

1. Термин «*Этология*».

Иногда науку об образовании характера называют характерологией, а термин этология употребляют в смысле научной дисциплины, изучающей нравы и нравственность.

3. Этология – наука образования характеров, т. е. в сущности *типических* комбинаций известных психических свойств. Но для характера каждого (а не каждого характера, т. е. известного типа) *закона* быть не может; он превращается в казус. Надо различать *тип* характера от *индивидуального* характера.

4. Этология – наука образования характера; но *что такое характер?*

Единство (т. е. не рассеянность, самопротиворечия и проч.) и постоянство данного образа (типа) чувствований, воли, действий и интеллектуальной деятельности. <...>

Есть теория, признающая «характер данного типа» далеко *не у всех*, ибо много есть таких, у которых *никакого характера нет*.

Одни различают темперамент от характера (А. Fouillée²), другие возводят образование характера к общему закону «систематической ассоциации, т. е. способности каждого элемента (желания, идеи, об-

¹ *Axiomata media* (лат.) – в учении Д.С. Милля средний принцип, занимающий положение между эмпирическими законами и более высокими фундаментальными обобщениями.

² Фулье Альфред (1838–1912) – французский философ, сторонник органического направления в социологии, автор работ по «психологии народов».

раза) вызывать другие элементы, способные ассоциироваться с ними для общей цели» (F. Paulhan¹); т. е. в роде психического сродства *данного* свойства с *вызываемыми* им другими; закон обратный *association systématique*² – *inhibition systématique*³; потом *loi du contraste et de l'innovation par contiguïté et ressemblance*⁴.

2. «Точность законов».

Практичность законов м[ожет] б[ыть] *точно* известна (напр[имер], в теории вероятностей) и в таком смысле мы имеем дело с точными или лучше сказать с *точно известными нам законами*; приближенность эмп[ирического] обобщ[ения] нам точно неизвестна.

3. Причины «*стремятся*» родить известные следствия. Не лучше ли сказать «должны» породить; «долженствование» здесь *понимается* в *логическом* смысле, «должны» имеет более гносеологический характер; «стремятся» – отдает фетишизмом. Отношение причины к следствию м[ожет] б[ыть] безусловным в логическом смысле, и тем не менее *условным в реальном*.

б. *Индуктивный* метод.

Д. М[илль] напрасно понимает *характер* в смысле *конкретной* неразложимой массы (происшествий), к которой нельзя приступить с анализом.

а) *Внутреннее наблюдение*, его значение и затруднительность его применения (если он не находит противовеса в экспериментальном методе) – не выяснены Д.С. Миллем.

б) Экспериментальный метод имеет значение для этологии вопреки мнению Д. Милля, во 1-х как условие внутреннего наблюдения; во 2-х и сам по себе; напр[имер], экспериментальные наблюдения могут выяснить степень развития и сосредоточения внимания у разных лиц, значит развитие воли, значит и степень их активности (ср. активные характеры у Рибо⁵).

В законе ассоциации надо иметь в виду *fui commune*⁶ потому, что на основании *одного* какого-нибудь действия данного лица почти никогда нельзя заключить о характере лица, напр[имер], человек

¹ Вероятно, Полан Фредерик (1856–1931) – французский психолог, автор книги «Психология характера» (СПб., 1896).

² *Association systématique* (фр.) – систематическая связь.

³ *Inhibition systématique* (фр.) – систематическое подавление.

⁴ *Loi du contraste et de l'innovation par contiguïté et ressemblance* (фр.) – закон контраста и инноваций по смежности и подобию.

⁵ Рибо Теодюль (1839–1916) – французский психолог.

⁶ *Fui commune* (лат.) – общее.

пожертвовал 10000 р. на благотворительность; из чего не следует однако, чтобы он был наверное милосердным; он м[ожет] б[ыть] просто тщеславным и т. п.¹

Индуктивные методы.

с) Изучение отдельных актов возможно для определения характера, если точно знать их назначение (каждого из них); что иногда возможно индуктивным путем. Напр[имер], зная, что А – тщеславен, я его щедрость буду рассматривать как факт *подтверждающий* его тщеславие. Здесь уже есть дедукция, ибо положение А – тщеславен – большая посылка.

д) Приложение метода согласий и различий к *отдельным* свойствам (возможно более аналитическим путем добытым) – возможно даже при наблюдении. Напр[имер], импульсивность (а) и мало предусмотрительность (b). Относительно там, где есть а, есть и b; и где нет а, нет и b; сочетание их приближает нас к понятию об известном *рода* характере.

Относительное *постоянство главнейших условий* в малых пределах времени мыслимо.

Метод дедуктивно-индуктивный ибо положение, что осмотренность связана с большим опытом – есть общее положение; А = S (т. е. целому ряду индивидуумов).

f) свойство *постоянно* пребывающее в *меняющихся* условиях.

у А – свойства а – сочетание с +S (сумма известных свойств),

у В – свойства а – сочетано с –S (напр[имер], осмотренность = а, малый опыт = S).

След[овательно], а – еще в *большей* мере характерно для В, чем для А.

е) Метод сопутствующих изменений приложим, когда я *точно* знаю степень приближенности обобщений.

Черта *a* есть у 800 французов из 1000, у 200 англичан из 1000. При *таком* случае мы можем сказать вообще, что вероятность что свойства [a] присуще французам = $\frac{8}{10}$, ибо вероятность того, что его нет у англичан есть $1 - \frac{2}{10} = \frac{8}{10}$.

Тем не менее индукция действительно едва ли применима в научной ее полноте и плодотворности к исследованию данного характера *в его целом*.

8. *Дедуктивный метод.*

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 83–89, 91.

В сущности, пригодность его *не доказана*, а только выведена а priori <...> или точнее доказывается от противного.

Между тем есть и другие доказательства (тоже от противного).

1) Нельзя *изучать* данный комплекс свойств не расчлняя, а в последнем случае каждый факт психическ[ой] жизни взятый порознь, *не пригоден* для изучения характера; *индуктивно* значит приходится изучать комплексы, отказываясь от их анализа; между тем с дедуктивной точки зрения он может быть сделан, ибо можно брать порознь психические факты данного характера, когда знаешь *предварительно* их цель.

Д. Милль говорит, в сущности, не столько о дедуктивном, сколько об обратном дедуктивном методе. Милль мало обращает внимания, дедуктивно добытые положения применяются без проверки.

9. *Значение изучения хараткеров-типов для предсказания*; последние получают квалифицированный характер и в большей мере заслуживают доверия¹.

<...>

Гл. VII. Критика.

1. *Терминология*

«Химический» метод – чисто индуктивный.

– отчасти дедуктивный.

«Экспериментальный» – смешение наблюдений с опытом <...>; лучше говорить «*эмпирический*». Эмпирический имеет более широкое значение, чем опыт.

2. *Априорные и общие доказательства некоторой приложимости химического метода к обществоведению.*

с)

S не $J_1 + J_2 + \dots + J_n$, а $S=W(J_1, J_2, \dots, J_n)$; нельзя *вывести* W исключительно из J_1, J_2, \dots, J_n , *взятых в относительности*; принципиально положение, что $S=W(J_1, J_2, \dots, J_n)$ выводится из принципа «*der Schöpferischen Synthese*»²; его иногда называют «*Gesetz der historischen Resultaten*»³ <...> То же положение можно признавать, если не теоретически, то практически. <...>

б) Множественность причин и смешение действий – в обществе м[ожет] б[ыть] выясняема сознательными представителями обще-

¹ Там же. Л. 94–96.

² *Der Schöpferischen Synthese* (нем.) – творческий синтез.

³ *Gesetz der historischen Resultaten* (нем.) – закон исторических результатов.

ства, показаниями которых я могу пользоваться, а такие показания с течением времени по мере развития все более и более видные, могут отчасти устранять затруднения, возникающие у постороннего наблюдателя от множественности причин и смешения действий.

Люди, *подчиняясь* множественности причин и смешению действий, могут тем не менее *сознательно* различать их, а ученый может пользоваться их показаниями.

Результат соотношения между $J_1 \dots J_n$ обладает новыми качествами, которые коренятся, конечно, в свойствах каждого из элементов отношения ($J_1 \dots J_n$) и находятся в причинной зависимости от них; но так как никакого (нового) психического свойства мы не можем найти иначе, как путем эмпирическим, то нельзя вывести из свойств каждого из элементов свойства образуемого им целого, хотя и можно, исходя из наблюдений над ними мотивировать его свойства свойствами образующих элементов.

а) Как в химии, так и в социологии *порядок* следования одних факторов за другими имеет важное значение.

аа) При изучении *воздействия* человека на природу (в чем и общепhilosophская сторона истории, ср. Шеллинг¹ и пр.) я могу исходить из *результатов* воздействия, прилагая к изучению их индуктивный метод.

Напр[имер], по свойствам сплавов олова и меди, чистоте его и проч. (химический метод!) я могу судить о степени совершенства и свойствах техники и проч.

д) В истории мы изучаем не только $S = \Sigma(J_1, J_2 \dots J_n)$, но влияние оказываемое предшествующими поколениями на последующие (А. Конт). Приходится изучать не только отношения

$$f[\Sigma(J_1, J_2 \dots J_n)] = \Sigma_k(C, R, L),$$

но и отношения

$f[\Sigma_{k-1}(J_1, J_2 \dots J_n)] = \Sigma_k(C, R, L)$, причем $f[\Sigma_{k-1}(J_1, J_2 \dots J_n)]$ можно в известном смысле заменить через $f[\Sigma_{k-1}(C, R, L)]$, так что $f[\Sigma_{k-1}(C, R, L)] = \Sigma_k(C, R, L)$, где $\varphi(t) = \dots, (k-1), k$. Иными словами говоря, известная масса консолидированных культурных отношений данного времени влияет на такую же образующуюся массу последующего времени.

При такой *чрезмерной сложности* отношений простое выведение из $\Sigma(J_1, J_2 \dots J_n)$ искомого $\Sigma_k(C, R, L)$, т. е. состояний культуры в данное время k , едва ли возможно: путь слишком *длинный* и слиш-

¹ Шеллинг Фридрих (1775–1854) – немецкий философ.

ком много на нем *распутый* (равновозможных или только неисчисли-
мых случаев), для того чтобы *только* путем дедукции достигнуть
результата.

Уже говоря не о $\Sigma(J_1, J_2 \dots J_n)$ вообще, а о $\Sigma_{k-1}(J_1, J_2 \dots J_n)$, мы
ставим данное Σ в зависимость от условий, которые определяем ин-
дуктивно.

3. Апостериорные доказательства и проч.

А) Общие: наблюдение и опыт.

а) *Наблюдение* (самонаблюдение, поскольку оно обращено на
свое я, как на социальный *продукт*): условий, при которых получает
определенность, когда вероятность p одинакова для ошибки между z
и $z+dz$ и для ошибки между $xz+x(z+dz)$, то *точность* первого наблю-
дения больше второго в x раз, когда 1 наблюдение одного рода дает
результат одинаковый с β наблюдениями другого рода над тем же
объектом, то *все* наблюдения первого рода в β раз значительнее
наблюдений второго рода. Ср. опросные бланки.

Взаимная проверка наблюдений одних другими.

Массовые наблюдения иногда *указывают* законосообразность
там, где мы ее не подозреваем.

Сравнительный метод – напр[имер], в области изучения семей-
ных отношений (в их истории) имеет такое же значение.

Наблюдением мы достигаем *эмпирических* обобщений.
Напр[имер]:

1) Анализ возможно более частный в наблюдении (наблюдение
д[олжно] б[ыть] направлено на возможно более *мелкие* составные
элементы изучаемого явления).

Опросные бланки.

Определение ошибочности наблюдений.

Ошибки постоянные и случайные.

Точность и все случайные ошибки.

Индуктивный метод в политической экономии.

Обобщение о смене анимизма политеизмом, политеизма – мо-
нотеизмом также добыто скорее путем индукции.

Развитие собственности из родовой в общинную или личную,
заимочной в общинную и т. п.

б) *Опыт.*

Опыты, требующие *значительных промежутков времени* не-
возможны.

Опыт в геологии или палеонтологии (в широком смысле), т. е. в
истории земли и в истории растительных и животных видов не *дока-*

зывает действительного образования тех или других результатов (гор или животных пород), а только вызывает убеждение, что доказуемые им *известные процессы* соответственным образом увеличенные (во времени и объеме, но количественно, а не качественно?) *должны* порождать подобного рода результаты.

То же применимо и к обществоведению.

<...>

Опыт над общественными явлениями *возможно более элементарного* свойства (возможно более анализированными).

Опыт над общественными отношениями *животных* (напр[имер], отнятии у родителей их детенышей, искусственная встреча двух обезьян, рассказываемая Дарвиным) и т. д.

Опыт над общественными отношениями *детей* в играх, в детских государствах.

Опыты *ученых* политиков (что, вероятно, чаще будет в будущем): введение данной меры в одну лишь область (место) или на время, напр[имер], винной монополии.

Опыт в политической экономии.

1. Опытом можно установить происхождение *законов производства*, как, напр[имер], об условиях, от которых зависит производительность труда и о средствах, коими возможно увеличить эту производительность.

Путем опыта экономист может непосредственным образом исследовать влияние специализации (*specialization of skill*) на ловкость рабочих и, т[аким] о[бразом], лучше оценить экономические последствия разделения труда. *The law of diminishing returns can also be tested by experiment*¹ (*J.N. Keynes*²).

2. Опыты над процессами подражания идей (религиозных и т. п.) в воспитании (в широком смысле).

3. *Правительство* может также прибегать к опытам; при этом предпочтительны из опытов [те], которые сперва распространяются на одну область, а потом в случае удачи могут захватить мало по малу и следующую. В том последнем случае мы имеем возможность сравнивать местные условия *не только с предшествующим* состоянием *той же* местности, но и с положением (метод не прямого раз-

¹ The law of diminishing returns can also be tested by experiment (англ.) – закон убывающей отдачи также может быть проверен экспериментально.

² Кейнс Джон Нейвил (1852–1949) – английский экономист, отец Д.М. Кейнса.

личия у Mill'я) *других* областей, в которых еще не проводилось подходящих опытов.

Метод согласия и различий.

Свойственные разным племенам обычаи распределяются по таблицам так, что совпадения («adhesions») или отношения сосуществования каждого обычая с другим становится ясным; благодаря такому распределению обнаруживается, какие из племен имеют один и тот же обычай и какие другие обычаи сопровождают или не встречаются с этим обычаем.

Если, таким образом, число совпадений между двумя обычаями превышает количество случаев, когда они могли бы совпасть согласно с обыкновенным законом случайных совпадений (ordinary law of chance distribution) – а это количество вычисляется на основании общего числа наблюдаемых народностей и числа обнаружений (occurrences) каждого обычая – мы можем заключить, что между этими двумя обычаями существует какая то причинная связь.

100 племен

Обычай А – у 10.

Обычай В – у 10.

Вероятность случайных совпадений $1/10 \times 1/10 = 1/100$.

Если на самом деле А и В встречаются у 2, 3 и т. д. племен, то уже есть постоянная причина.

Метод сопутствующих изменений.

Благодаря сравнительно статистическому изучению (как заметил G. Schmoller¹) можно *точно определить взаимное влияние данных причин* на изучаемое следствие (их удельный вес), чем устраняется если не множественность причин, то в известной мере смешение действий, а, след[овательно], достигается *объяснение* изучаемого явления.

<...>

Метод остатков.

М[илль] смешивает дедукцию из психологических посылок с дедукцией из индуктивно-добытых социологических посылок.

Индукция в обществоведении дает эмпирические обобщения; но ее *недостаточно* для формулирования законов, в которой мы прибегаем к дедукции; метод сопутствующих изменений служит *вспомогательным* средством и для формулировки законов.

¹ Шмоллер Густав (1838–1917) – немецкий историк и экономист.

В таком же положении, однако, находятся и другие науки, напр[имер], физиология – относительно химии, и т. п.; оно только а fortiori¹ применимо к социологии².

<...>

Критика VIII-й гл.

1. Терминология.

Взамен геометрического метода лучше говорить об *абстрактно-дедуктивном* (абстракция – отвлечение данного принципа из комплекса их в конкретной массе наблюдаемого).

Конкретно-дедуктивный (сам Милль употребляет этот термин в гл. IX) – простой (механический) – сложный – (физический).

2. Два рода чистой дедукции.

а) Едва ли ясное определение геометрического метода <...>

В геометрии наш разум рассматривает данные нашего *опыта исключительно с точки зрения* пространственных отношений; *факты* – не только сосуществуют, но оказываются и во множестве иных отношений друг к другу; но рассматривать их *с одной* и исключительно одной пространственной точки зрения мы, конечно, не можем.

3. Два ряда приложения абстрактно-дедуктивного метода.

а) *Законы формальные*, т. е. предустановленность данной формы для данного содержания (имманентная телеология); ср. Милль, pp. 208–209; он, по-видимому, не различает их от правил. Руссо³, Кант, Фулье, Штаммлер⁴.

Различие между абстрактно-дедуктивным и конкретно-дедуктивным методом; в последнем

1) мы признаем объект исследования настолько сложным, что он *требует* употребления нескольких *параллельных* и согласованных между собою, т. е. нельзя в виду свойств изучаемого материала брать отдельно какую-либо большую посылку и выводить из нее правильный вывод (как в геометрич[еском] методе), а надо брать только данную совокупность нескольких рядов дедукций.

¹ А fortiori (лат.) – тем более. В логике – доказанное для менее очевидного, тем более признается для более очевидного.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 101–112.

³ Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский философ и писатель.

⁴ Штаммлер Рудольф (1856–1938) – немецкий юрист и философ, последователь неокантианства.

2) мы прибегаем к известному *сочетанию* таких дедукций, наиболее приспособленному к изучению данного объекта.

б) *Законы* иногда могут быть выражены *в виде правил*; напр[имер], законы человеческой природы были выражены приверженцами естественного права часто в виде правил.

с) Различие между законом и правилом <...> ясно не установлено: закон формулирует *причинно-следственную связь*; правило – *телеологическую* связь между двумя фактами <...>, но в силу существования внутренней целесообразности, лучше прибавить «*внешнюю*» телеологическую связь.

4. *Возражения* Д.С. Милля в гл. VIII и § 3 не направлены против дедукции вообще, а против приложения *абстрактно-дедуктивного* метода; значит не столько против дедуктивного метода, сколько против узости его применения, да и самые возражения не принципиальны, а представлены только *в виде иллюстраций*, в виде разбора теории Бентама¹.

Во 1-х в виду выводимого из психологии *монизма* Бентама, т. е. учения о *личном* интересе, лежащем в основе всего учения (напр[имер], у Риккардо² – тоже гл[авным] об[разом] дедукция: количество работы определяет ценность, ценность, выраженная в деньгах = цена и т. д.; но у Риккардо <...> указ[анные] посылки выведены не из предшествующей по сложности науки, а из индуктивного наблюдения; кроме того, у него есть учение о поземельной ренте (такого же индивидуального происхождения) сильно и самостоятельно влияющей на распределение богатства помимо количества работы).

Во 2-х потому, что Бентам имеет большое значение.

1) Едва ли ясное определение основоположения Бентама <...>

2) Критика Бентама с методологической точки зрения освобождает М[илля] от критики основоположений Б[ентама] (большой посылки), отчасти даже принятой самим Миллем; но он мог бы указать (теория Б[ентама] требует *предпосылки оптимизма*), что Б[ентам] не доказывает, что <...> безусловно управляют *всеми* нашими действиями <...>

¹ Бентам Джереми (1748–1832) – английский философ, юрист, экономист, социальный мыслитель, теоретик либерализма и утилитаризма.

² Риккардо Давид (1772–1823) – английский экономист.

3) Критика малой посылки бентаммовского силлогизма не вполне удовлетворительна. В критике малой посылки слишком слабо разграничены: личные факторы, среда и традиция.

4) В критике вывода:

а) М[илль] не различает *простого совпадения* интересов правительства и управляемых в самом действии, что признает и Бентам, от *сознания ими такого совпадения* или сознания его *желательности*.

с) М[илль] придает учению Б[ентама] об ответственности правительства перед управляемыми *значение вывода* в силлогизме, тогда как оно по-видимому имеет для Б[ентама] и *чисто практическое* значение, как наиболее *верное средство* для достижения наибольшего счастья наибольшего числа граждан; ср. выше определение правила. <...>

б) М[илль] забывает указать, что сам Б[ентам] считал всякое стеснение личной свободы, а, след[овательно], и закон – злом, хотя бы и меньшим, чем то, которое вызвано было бы отсутствием закона; отсюда – законодатель должен *возможно менее* прибегать к закону <...>; помимо ответственности есть еще другая сдержка у правительства более *теоретического* характера, чем сама ответственность.

Бентам сам признает, что в симпатии себялюбие *забывает* самое себя. Иными словами, говоря, что наряду с личным интересом должна действовать симпатия¹.

<...>

Гл. IX. Критика

1) *Самостоятельность* ПКДМ (прямого конкретно-дедуктивного метода) и ОКДМ [обратного конкретно-дедуктивного метода].

Но сам М[илль] как будто отрицает ее, утверждая, что они взаимно и *постоянно* должны контролировать друг друга; и действительно ПКДМ: ОКДМ = не АВ, а $\Sigma (A_1B_1, B_1A_2, A_2B_2\dots)$; $\Sigma (B_1A_1, A_1B_2, B_2A_2\dots)$. След[овательно], самостоятельность А и В можно признать лишь относительно *начальной* комбинации из имеющей в виду *возможно более узкую сферу приложения*.

2) Соотношение между эмпирич[еским] обобщением и проверкою: есть случаи, когда сделанное нами эмпирическое обобщение не ведет к проверке ранее известного закона, не внушает выбор одного из существующих уже законов, а приводит к открытию *нового* зако-

¹ СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 120–122, 132–133.

на, который значит нужно проверить и *новым* эмпирич[еским] обобщением.

3) *Прямой конкретно-дедуктивный метод.*

а) *Дедукция.*

б) мало напирает на необходимость ПКДМ для *научного, аналитически-отвлеченного и гипотетического* построения социальных наук <...>

Следует иметь в виду *отвлеченность и гипотетичность* обобщений в специальных дисциплинах обществоведения, т[ак] к[ак] явления социальные согласованы и последовательно влияют друг на друга в большей мере, чем какие бы то ни было другие.

Полезно помнить о такой отвлеченности и гипотетичности, во 1-х в теоретич[еском] отношении, ибо лишь при таком условии возможно формулировать какие-либо обобщения, во 2-х в практич[еском] отношении, ибо лишь в таком случае заключение о действительном значении добытых положений и степени их приложимости к жизни не преувеличиваются.

с) Механический метод – оставлен без всякого выяснения.

Механический метод.

Пример механического прямого конкретно-дедуктивного метода (независимо от порядка). Механический метод (т. е. приложение дедукции независимо от порядка следования явлений) в обществоведении едва ли возможен, *ибо каждое соц[иальное] явление есть функция времени.* Его можно прилагать, однако, но не для объяснения, а для оценки их с отвлеченно-моральной точки зрения¹.

<...>

д) Дело м[ожет] б[ыть] не только в малочисленности исходных положений, сколько в их *всеобщности*, влекущей за собою малочисленность (или *точнее* возможно меньшую многочисленность). Кроме малочисленности и непосредственной близости исходных положений, есть еще их *всеобщность* не выделенная Миллем.

е) В примере этологии – речь идет о *политической* этологии, предварительно неопределенной; притом М[илль] признает влияние народного характера <...>, а на стр. 130 – таковое отрицает, ибо признает, что народный характер есть сам продукт ближайшего предшествующего ему состояния (на него воздействующего).

¹ Там же. Л. 143–145.

f) Значение consensus'a приижено в виду основного положения М[илля], что общество = сумма индивидуумов, последовательность поколений.

d, e – условия благоприятные для приложения ПКДМ в обществоведении.

f – неблагоприятны.

В) Проверка.

a) См. отд.

b) При изучении (предварительном) соотношения между $a_1, b_1, c_1 \dots n_1$ и $\Sigma (a_2, b_2 \dots n_2)$ надо чтобы мы знали, что $y=f(x)$, где $x=x_1, x_2 \dots x_n, y=y_1, y_2 \dots y_n$, т. е. чтобы знали группу *возможных* последствий от x для того, чтобы, опираясь на consensus ($a_2, b_2 \dots n_2$) решить какое из y -ов действительно наступает <...>

c) Притом в проверке задним числом мы не проверяем заранее предсказанного соотношения полож[ения] $y_2=f(x_2)$, а устанавливаем только *вероятность* его.

к d) Малочисленность исходных положений зависит от того, можем ли мы свести объяснение к комбинации простейших законов или должны ли мы наряду с ними признавать сложнейшие законы комбинаций, которых не можем возвести к простейшим.

к e

Что значит выводить из основоположений только те следствия, которые прямо от них зависят? М[илль] смешивает близость в логическом смысле с близостью в феноменологическом.

М[илль] по-видимому предостерегает нас от того, чтобы из данного основоположения не выводить такие следствия, которые в сущности проистекают не из одного принятого нами основоположения, а из комбинации его с какими-либо новыми посылками, бессознательно вводимыми нами в рассуждение в тех случаях, когда мы стараемся вывести и самые отдаленные следствия.

Напр[имер:]

1. Все люди ощущают потребность в пище и питье.
2. Значит, все они будут стремиться к добыванию их.
3. След[овательно], между ними возникнет борьба из-за мирских благ.

Последний вывод (3) – непрямо зависит от 1., а из комбинации 1. с новой большою посылкой о том, что количество средств (материалов), пригодных для удовлетворения означенных потребностей – ограничено.

В § 4 Милль говорит, однако, как будто не о *логической* близости, которая поэтому и должна вести к вероятности действительности вывода, а об его *реальной* близости к выводу.

а) На стр. 137 темное изложение М[илля] по-видимому сводится к следующему: если $J =$ общий закон, действующий в ряде случаев $a_1:a_2, b_1:b_2 \dots n_1:n_2$, то мы можем хотя бы *post factum* проверить его предсказание на указанных случаях; притом самыми удобными случаями будут те, которые встречаются одновременно, ибо одновременное сосуществование $a_1:a_2$ с $b_1:b_2 \dots$ может затемнить действие самого J , так как между $(a_1:a_2), (b_1:b_2) \dots$ должен возникнуть *consensus*.

Тогда предполагая, что кроме $a_1, b_1 \dots n_1$, мы имеем еще *аналогичное* с ними x , подчиняющееся действию того же закона, мы предсказываем, что x повлечет за собою положим y , и считаем наше предсказание проверенным косвенным образом путем проверки *post factum* на основании вышесказанного.

В таком случае (если именно т[аким] о[бразом] понимал М[илль]) он игнорирует момент *подчинения* всех случаев одному закону и условие *разновременности* случаев¹.

<...>

Критика X главы.

I. Весь вопрос в том, *предполагаем* ли мы при изучении социальных явлений *понятия* о Σ и E или нет? Если да, то и «обратно-дедуктивный метод» Милля – есть логическая необходимость; если же нет, то он необходимость лишь фактическая, т. е. просто действительность.

Критика

I. *Спутанное* изложение, хотя бы и правильное; неясность различия между стат[ической] *точкой зрения* и Σ как предметом статистики; не он, а *понятие* о нем вызывает необходимость в *методологии* говорить об обратно-дедуктивном методе с статической точки зрения, ибо самый факт Σ – случай, не могущий доказать *необходимость* обратно-дедуктив[ного] метода. То же с динамич[еской] т[очкой] зр[ения] и $+E$. Отсюда ясно не поставлен и не решен как следует вопрос, является ли обратно-дедуктивный метод необходимым в логическом или только в фактическом смысле? В сущности д[олжно] б[ыть] первое; ибо иначе я в каждом *новом случае* изучения соц[иальных] явлений лишь *после* неудачи дедукции буду убежден в применении к нему обратно-дедуктивного метода.

¹ Там же. Л. 149–152.

II¹.

III. Ошибки по существу: повторяемость простейших бытовых явлен[ий] и юридич[еских] отношений см. отд.

A) *Согласованность*:

1) *О пределе* или разное.

$\Sigma = \Sigma_i$ см. В сущности Σ_i м[ожет] б[ыть] подведено под один из последующих двух видов Σ в тех случаях, когда мы не знаем, почему произошла Σ , а имеем в виду ее только как *результаты* согласования.

$\Sigma(a, b, \dots)$, ибо $f(x) = a, b, \dots$

$\Sigma(a, b, \dots)$, ибо $b = f(a), a = f(b)$, притом такие действия и воздействия должны быть принимаемы лишь постольку, поскольку способствуют развитию связи между элементами *в виду всего* целого.

2) Смешение Σ как *предала* (в мат[ериальном] смысле – т. е. идеальной нормы) – с фактом; фактически Σ мешают пережитки.

3) Т[ак] к[ак] сила Σ преувеличена, то *преувеличена и возможность предсказания*; далеко не всегда можно по $E_n(x_a)$ предсказать об $E_n(y_a)$ – чем n в E_n меньше, тем $\Sigma(x_a, y_a)$ меньше.

Критика X гл. (перед теорией согласованности).

Повторяемость соци[альных] явлений.

Надо различать[:]

a) Простейшие явления от сложнейших. Одни могут повторяться, другие нет.

b) факты в смысле данных конкретных агломератов отношений, от отношений.

Повторяемость первых при мало-мальски значительной сложности агломерата чрезвычайно мало вероятна; повторяемость отношений – более вероятна.

c) Повторяемость абсолютную от относительной, т. е. существующей только в данных пределах времени и пространства².

<...>

B) *Прогресс*.

1) В чем различие между эволюцией (=развитием) = E, и прогрессом, т. е. + E или регрессом, т. е. – E? у M[илля] нет.

В понятии + E каждый момент + E рассматривается с этиологической (функциональной) точки зрения, т. е. является *следствием* (функцией).

¹ Зачеркнуто: «Ошибочная терминология: специальная и генеральная социология».

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 161–163.

Понятие цели (в смысле согласованности элементов данного целого – входит в статику, а не динамику); *сознание нами* цели Е поскольку такое сознание имеет *объективное* значение (т. е. поскольку оно оказывается *фактором* как +Е, так даже и –Е, напр[имер], в случае отчаяния и т. п. – ср. *idées forces*¹⁾) – входит в конструкцию теории эволюции, как прогрессивной, так и регрессивной; когда ряд Е стремится к ∞ , мы говорим о прогрессе, когда ряд Е стремится к 0 – о регрессе.

Если же в +Е каждый момент его *рассматривается с телеологической* точки зрения, то в таком субъективном смысле (который *может* иметь и объективное значение) каждый такой момент является *средством* достижения последующих и мы говорим о совершенствовании или падении.

Определение Миллем прогресса, т. е. +Е слишком обще, ибо подходит к +-Е.

М[илль] склонен даже рассматривать прогресс не как следствие, а как фактор.

2) При изучении +-Е *ближайшей причиной* x_n , по М[иллю], называется x_{n-1} и главная задача обществоведения [состоит] в определении отношений $x_n=f(x_{n-1})$.

М[илль] не принял достаточно во внимание:

а) действие относительно внешних причин.

б) воздействие следствий на причины.

3) см. отд.

4) При доказательстве положений, что +Е= $f[+E(v)]$, М[илль] считает (в брошюре о Конте <...>) V – только *руководящим*, а в Логике – *порождающим* +Е.

В первом случае – самостоятельным фактором являются чувствования (хотя бы действенность их и была возможна лишь *под условием* разума). Во втором случае – чувствования – не самостоятельны, а действенность принадлежит разуму.

3) *Периодичность данной серии соц[иальных] фактов* (простейших).

а) Преувеличена периодичность в явлениях не социальных.

б) Преуменьшена периодичность в соц[иальных] явлениях *простейших*; напр[имер], аа) *действительное* существов[ание] законов спроса и предложения; или чередование т[ак] наз[ываемых] органических и критических периодов в чело-

¹ Idées forces (фр.) – ключевые идеи.

веч[еской] мысли или последовательная смена в преобладании анализа над синтезом или синтеза над анализом. Смена политических форм (монархия, аристократия, демократия) в системе древнегреческих государств.

Движение по спирали имеет нечто общее и с круговращательным и с траекториальным.

bb) ее *приближенное значение в действительности* всегда осложняющей такую периодичность, так что от нее приходится *абстрагировать*¹.

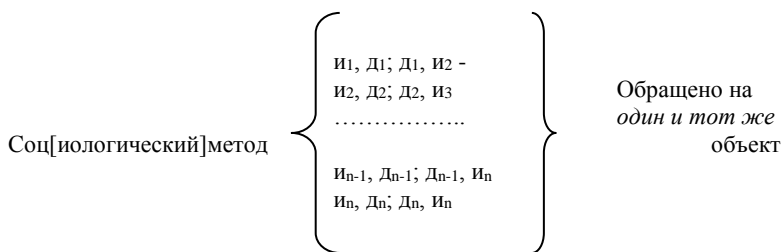
<...>

+Е есть процесс социально-политический².

<...>

с) *Метод*.

1) Социологический метод нельзя понимать в смысле простой *последовательности* индукции и дедукции, а в смысле *постоянного чередования* индукции с дедукцией

И только тогда, когда мы достигаем соотношений вида D_n, I_n (т. е. когда вывод вполне совпадает с наблюдением, и новое наблюдение не будет в состоянии изменить вывода) можно считать операцию законченной.

2) Для изучения явлений с статической точки зрения требуется *предварительное отвлечение* от динамической точки зрения.

След[овательно], нельзя *начинать* такого изучения с чистой индукции; ему *предпосылается* критерий, благодаря которому отвлекается динамический элемент?, по крайней мере его *легче добыть дедуктивно, а не индуктивно*, ибо в последнем случае придется одновременно наблюдать одни и те же явления и с статич[еской] и с

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 165–167.

² Там же. Л. 171.

динамич[еской] точек зрения. *Поскольку* я отвлекаю динамические элементы, я включаю в рассуждение дедуктивный оттенок.

То же (особенно в виду того, что статика д[олжна] б[ыть] несколько восстановлена в ее значении; она слишком принижена Миллем) – и при изучении с динамич[еской] точки зрения, требующей отвлечения статической.

Т[ак] к[ак] индукция и дедукция приложимы как при статич[еской], так и при динамической точках зрения, то *метод индуктивно-дедуктивный должен быть комбинирован с чередованием статистической точки зрения с динамической на изучаемые явления*¹.

Т[ак] к[ак] индукция особенно важна в динамике (ср. Конт), а дедукция в статике – то начиная с индукции надо и производить ее с динамической точки зрения, прилагая дедукцию к статике (что легче и потому что статических явлений сравнительно меньше динамических), а потом обратно (в виде проверки) применять дедукцию с динамической, индукцию с статической точки зрения.

3) С точки зрения согласованности Σ повторяющаяся $+E(A)=a_1+a_2+a_3$ может меняться в объемах каждого из элементов серий, так что например

при $\Sigma [E(A), B_1, C_1, \dots N_1]$

и $\Sigma [E(A), B_n, C_n, \dots N_n]$

размеры a_1 в Σ_1 и a_1 в Σ_n разные; но если *отношение* между силами a_1, b_1, c_1 не изменяется коренным образом, т. е. остается постоянным, то последовательность a_1, b_1, c_1 в обоих случаях может быть одною и тою же.

Здесь опять комбинация статич[еской] точки зрения с динамической (случай, совершенно опущенный Миллем).

4) Сам М[илль] указывает на комбинацию статической точки зрения с динамической, как на задачу «исторического» метода.

Мы изучаем не только

$\Sigma (c_{1,1}, c_{1,2}, c_{1,3}, \dots) = C_1$

$\Sigma (c_{2,1}, c_{2,2}, c_{2,3}, \dots) = C_2$

и т. п.

но и

$\Sigma \{E(C), E(R), \dots\}$, где

$E(C) = C_1 + C_2 + \dots$

¹ Далее зачеркнуто: «Когда я пользуюсь индукцией с статической точки зрения, я прибегаю к дедукции с динамической и обратно».

$$E(R)=R_1+R_2+\dots$$

и т. п.¹

Порядок и свойства комбинации зависят от данного конкретно-го случая².

<...>

Д) *Законы*.

По М[иллю] законы статики – эмпирические обобщения – и динамики тоже (?), но благодаря абстрактно-*дедуктивному* методу становятся близкими к настоящим законам³.

<...>

Критика XI г[лавы].

I. *Отношение ко всему сочинению* – не ясное; ближе к II-й главе, чем к X-ой.

II. Построение *самой XI главы* – крайне спутанное.

<...>

III. Постоянное *смешение* собственно методологической т[очки] з[рения] с феноменологической.

IV. Изложение отдельных рассуждений далеко *не ясно*: напр[имер], каким образом могли бы (предполагая действительным – чрезвычайно мало вероятное, но не невозможное – чего не указывает Милль) – нейтрализовать друг друга «два Фемистокла»⁴ и т. п., что значит исчерпать влияние частных причин *или* элиминировать случайности в среднем выводе? <...>

V. Статистический метод – по М[иллю] – апостериорная проверка, но

1) в качестве метода он покоится на *дедуктивной* теории *вероятности* средних выводов, ибо без признания за ними достаточно большой вероятности, самый метод никуда не годился бы.

2) Статистический метод *указывает* иногда на *новые* законосообразности (см. выше).

VI. *Воздействие великих людей* на массу едва ли во всем изложено правильно; напр[имер],

¹ Далее зачеркнуто: «Т[аким] о[бразом] метод исторический состоит в *постоянном чередовании индукции с дедукцией комбинируемым с таким же чередованием между статической и динамической точками зрения*».

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 177–180.

³ Там же. Л. 182.

⁴ Фемистокл (ок. 524 г. до н. э. – 459 г. до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец.

1) pp. 184–185. Здесь надобно было бы указать, что вел[икий] чел[овек] есть *синтез*, а не сумма качеств, тогда как масса людей – сумма их, притом один *талант* еще не может быть замещен несколькими способными людьми; однако предположение, что появление несколько таких способных людей *подряд* весьма мало вероятно; талант или даже *ряд* талантов (что еще менее вероятно, чем образование ряда способных людей) – едва ли может *заменить* гения. Скорее талант, чем гений *представляет* массу.

М[илль] опускает указанные соображения и различия.

2) *Гетерогения целей* приводится в качестве доказательства воздействия людей на массу, но в таком случае оно ведь не произвольно?

Общими причинами можно назвать те, которые[:]

1) действуют в каждом случае данной <неразб.>

2) порождают результат, по мере увеличения числа наблюдаемых случаев приближающийся к среднему выводу; должно помнить, однако, что к математически среднему статистическое среднее едва ли когда-нибудь вполне подходит¹.

<...>

Общее обозрение наиболее существенных положений Д.С. Милля с критическими замечаниями на них.

(гл. I–VII).

I. Методы *простейших* наук по должном расширении и обобщении их д[олжны] б[ыть] прилагаемы в *сложнейших* науках.

Мысль М[илля] высказана уже многими до Милля (Burdin, St. Simon, Fourier², Comte) и нуждается в более точной формулировке: нужно определить *критерий* (принципы) с точки зрения которых мы выбираем одни (из простейших наук) предпочтительно перед другими и применяем в обществоведении.

Нужно точнее формулировать *способы применения*; вместо того, чтобы говорить о «расширении и обобщении» или «обобщении и приспособлении», лучше было бы остановиться на выяснении *обобщения и специализации* методов более точных наук в менее точных.

Нужно отличать *перенесение методов от перенесения законов*.

Но как[им] образ[ом] переносить методы в обществоведение, где есть свобода воли?

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 188–190.

² Фурье Шарль (1772–1837) – французский философ, представитель утопического социализма.

II. Д.С. Милль рассматривает *причинноследственность* не как категорию познания, а как результат нашего *опыта* (в шир[оком] смысле), что сразу лишает вопрос гносеологической постановки и предрешает ответ на него в *эмпирическом* смысле.

Не различая *условия от причины* в действительности, Д.С. Милль полагает между ними *терминологическое различие*.

Двумя соображениями Д. Милль стремится примирить свой эмпиризм с признанием «свободы» в известном смысле:

а) Причинноследственность нельзя смешивать с необходимостью.

б) Человек не только причиняется, но и сам причиняет самого себя или, точнее, свои действия, откуда вытекает теория вменения (не механическая, а психич[еская] необходимость).

Тем не менее, *воля не есть особого рода энергия*; сознания усилия происходит от *борьбы* между одною частью моего я и другою.

Д.С. Милль, отрицая гносеологическую т[очку] з[рения], однако признает ее, когда говорит об *убеждении* нашем в том, что данная последовательность *всегда* будет иметь место.

Различие между *условием и причиной* едва ли только терминологическое, если под условием разуметь нечто постоянное или абсолютно или относительно следствия, значит и не превращающееся в него, тогда как причину должно рассматривать как нечто переменное и так или иначе превращающееся в следствие.

Конечное звено причинного ряда, ничтожное по отношению к следующему, можно назвать *поводом*; о нем Д. М[илль] не упоминает.

Отношения причины и следствия надо разъяснять не с точки зрения их последовательности, а (в эмпирическом мировоззрении) с т[очки] з[рения] их *эквивалентности*, хотя бы мы и понимали ее согласно с особыми свойствами наблюдаемых явлений (социальных).

Кроме того Д.С. М[илль] не достаточно выяснил различие между необходимостью *логической, феноменологической и номологической*, почему и отрицал *вообще* свойство необходимости за соц[иальными] явлениями.

III. Так как человек отчасти сам причиняет свои действия, то в основе *социологии* должна лежать *психология* (заслуга Д.С. М[илля]); несмотря на *приблизленно* точный характер, объясняемый не случайностью явлений, а пробелами в наших знаниях она имеет *научный* характер, достигаемый путем *комбинации законов с эмпирическими обобщениями*.

Таким путем достигаются *средние* выводы, верные относительно массы случаев и *приблизительно* верные относительно каждого из них, взятого в особенности.

Д.С. М[илль], однако, мало выяснил соотношение между наиболее вероятным обобщением и средним, *вероятность* (а не достоверность) которого возрастает по мере увеличения числа наблюдений; не обратил внимание, что $S =$ не просто сумме индивидуумов, а $\Sigma (J_1, J_2 \dots J_n)$ и что *каждая группа такой системы*, пожалуй, не сумма, а *произведение*; не указал на то, что психологическое *предсказание* в виду $E(S)$ годится лишь на *самый короткий срок*.

IV. Законы психологии.

Взаимоотношение физических и психических явлений не выяснено Д.С. М[иллем] последовательно: он в сущности утверждает и то, что $\psi = f(\phi)$ и то, что ψ и $\phi = F(x)$ (т. е. психологический параллелизм).

Теория локализации психич[еских] функ[ций] также у М[илля] устарела: теперь мы говорим о локализации в сферах (а не пунктах) или в виде совмещения целых групп первых функций.

Простейшая последовательность в психологии – *ассоциация*. Мысль *не новая* (J. Mill¹ и др.) и подлежащая значительным *ограничениям*.

Д.С. М[илль] еще не знает *коллективной психологии*, взамен ее лишь эволюция, мост между психологией и социологией.

V. Наука об образовании человеческого характера.

Этология стремится формулировать *законы* (а не эмпирические обобщения) *образования человеческого характера*; предполагая данными известные условия и знание законов, управляющих основными проявлениями человеческой природы, глав[ным] образом *психической* (заслуга Д.С. М[илля]), можно *вывести* из таких данных с достаточною точностью тип характера, который сложился бы под их влиянием.

Этологический метод как видно не индуктивный, ибо сложный материал не допускает опыта и индуктивное наблюдение не привело бы к формулировке законов; он – *дедуктивен*.

Этологические построения нуждаются однако в *апостериорной* и *постоянной проверке* их *средними* выводами.

¹ Милль Джеймс (1773–1836) – шотландский экономист, отец Д.С. Милля.

Д.С. М[илль] не определяет, что такое *характер?* – единство и постоянство данного образа (типа) чувствований, интеллектуальной деятельности и действий (воли).

Этология – наука образования не *характера*, а *характеров*, т. е. средних типов комбинаций психических свойств.

Индуктивный метод имеет значение благодаря *внутреннему* наблюдению.

В *наблюдении* над посторонними людьми нельзя отрицать некоторого приложения *методов* согласия, различия и сопутствующих изменений, если соблюдать известные *условия*, выполнимые в действительности.

Эксперимент (напр[имер], над проявлениями воли) тоже возможен.

Тем не менее, индукция действительно едва ли приложима в *научной своей полноте и плодотворности* к изучению данного характера *в его целом* (на чем Д.С. Милль напрасно не настаивает).

Д.С. М[илль] не приводит, след[ователно], доказательства необходимости дедукции: *индуктивно* приходится изучать *комплексы* свойств (ибо порознь взятые они теряют особенности, порождаемые взаимодействием их между собою) – не различая их, что разумеется не дает объяснения самого комплекса.

Притом Д.С. М[илль] говорит не столько об дедуктивном, сколько об *обратно дедуктивном* методе, причем в данном случае недостаточно показывает на необходимость проверки дедукции¹.

¹ СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 193–199.

А.С. Лаппо-Данилевский

О ТЕОРИИ ЦЕННОСТИ (фрагменты)

Ценность – не только функции воления (как желательность чего-либо и обр[атно]), но и *представление* о таковой (представление о желательности для меня данного объекта, причем последний – некое эмоциональное состояние)¹.

Если J характеризуется некоей комбинацией психических свойств видов: $a, b, c, d \dots$

и если J испытывает $a_n, \dots, d_n \dots$ то $a_n \dots, d_n$ – будут благоприятными эмоциями, ибо каждая из них может быть вставлена в соответствующую эмоциональную склонность.

Если же J испытывает $P_n \dots$, и оно не может быть вставлено в соответствующую склонность, то P_n будет неблагоприятной склонностью².

В силу присущей индивиду психической организации ему может быть свойственна определенного рода склонность к определенным же чувствам.

В виду вышесказанного соотношения между чувством и волей, соответствующее соотношение устанавливается между эмоциональной склонностью и волей³.

Объектом оценки, казалось бы, могут служить

1) непосредственно переживаемое в качестве чувствования⁴ (наслаждение – страдание) если только допускать возможность существования с ним воли.

2) представления с ассоциируемыми с ними чувствованиями, т. е. данная связь между известным представлением и известным чувствованием.

Но непосредственно переживаемое в качестве чувствования должно иметь содержание; чувствование без содержания – едва ли

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 6.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 9.

⁴ А не только ощущения. – прим. А.С. Лаппо-Данилевского.

мыслимо; а содержание = представлению (в широком смысле) (А. Мейнонг¹); значит остается говорить о представлении, как об объекте оценки.

Переживание такого содержания – само дает материал для оценки?²

Следует, кажется, различать «переживание» от «чувствований»; последние только известного рода переживания.

В числе переживаний могут быть и представления; в числе представлений и представления субъекта о собственных его чувствованиях. Я могу внимательно относиться не столько к чувствованиям, сколько к представлениям о них; оценка, предполагающая волевое отношение к объекту, в частности, выбор и решение, едва ли возможна применительно к чувствованиям; оценке подлежат не чувствования, а представления о чувствованиях³.

А *симпатизирует* В; можно ли сказать, что *поскольку* А симпатизирует В, он оценивает В? Едва ли: в противном случае в последнем утверждении переживание смешивалось бы с оценкой. Симпатия – переживаемое чувство, а не оценивание субъектом А субъекта В⁴.

Объектом волевого отношения моего я (оценки) является одно из моих *представлений*.

Таким представлением может быть и представление о связи между многими представлениями, образующими благодаря ей данную группу; поэтому можно ограничиться приведенной формулой или расширить ее так:

объектом оценки является одно из представлений или группа представлений оценивающего субъекта.

В всяком случае в представлении можно различать *представимость* данного вне представляющего объекта и *содержание* представления.

Представимость – объективно абстрагируется; тем паче тоже происходит и в оценке; объектом оценки становится чаще всего содержание данного представления⁵.

¹ Мейнонг Алексиус (1853–1920) – австрийский философ и психолог, ученик Ф. Brentano, создатель собственной теории ценностей.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 13.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 16.

Следует различать группировку суждений от группировки оценок. Группировка суждений может быть установлена или с точки зрения феноменологической или с точки зрения реально-познавательной (психологической?). С формально-логической точки зрения следует различать суждения утвердительные и отрицательные, гипотетические и категорические; с реально-познавательной – суждения¹: эстетические (связь между данным содержанием восприятия, т. е. представлением, и порождаемым им впечатлением); рационалистические (термин мой), в которых устанавливается реальная связь между представлениями путем деятельности разума; и оценочные, в которых сознание становится в волевое отношение к своему содержанию, т. е. что-либо утверждает (одобряет) или отрицает (порицает); такие суждения иногда прямо отличаются от остальных суждений и называются просто оценками².

1. *Оценка прежде всего некое отношение данного я к одному из своих представлений.*

Если главные элементы сознания положим κ , ν , χ , θ , где κ = представление, ν = разум, χ – чувство, θ = воля и т. п., то [$f(\kappa_m, \kappa_n)$ = суждение или] $f(\kappa, \nu, \chi, \theta \dots) = J = я$ = субъекту в данный момент (здесь термин “я” употребляется не в метафизическом, а в *психологическом* смысле); объединение элементов J не только в виде *единства сознания*, но и в данном *акте*, в разбираемом теперь роде случаев самом акте оценки, как таковом); причем можно теоретически всегда построить J так, что $\nu = \nu_0$ или $\theta = \theta_0$ и т. п. Если взять J по ν , то $f[J_\nu, \varphi(\kappa_m, \kappa_n)]$ есть суждение, но при $f^n(J_\nu) = \lim. 0$, т. е. при возможно исключительном преобладании в J одного ν , можно изобразить суждение $\varphi(\kappa_m, \kappa_n)$, а $\Phi[J, \kappa]$ есть оценка. Но J преимущественно характеризуется как J (если брать его по элементам) по χ и θ , а не по ν .

Ср[авни] учение Шлейермахера о переносимости состояния J_ν и непереносимости состояния J_χ или J_θ ; ср[авни] Pfauder <...>. Они приводятся здесь как факты, ибо сами в себе наблюдали то, что говорят³.

Значит *оценка, как переживаемое данным я отношение его к одному из своих представлений* характеризуется формулой

¹ Это притом очевидно соответствует известному делению на ощущения (чувства), разум и волю. – прим. А.С. Лаппо-Данилевского.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 21.

³ Там же. Л. 23.

Ф [J_{θ+x}, κ].

Разберем J_{θ+α} и κ порознь¹.

Испытывать наслаждение или страдание не значит еще оценивать то представление, которое связано с объектом, вызывающем такие состояния.

Я испытываю наслаждение или страдание только в тот момент, когда они даны (или в объективном воздействии на меня чего-либо или в представлении, так или иначе на меня действующем).

Для оценки нужно самое страдание или наслаждение *свое* сделать *предметом* оценки.

Мне нравится или противен такой объект, поскольку я думаю о том, что состояние, им вызванное, повторится или прекратится, словом поскольку я желаю его или обратно.

Значит в основе того состояния, которое я испытываю, когда говорю “мне нравится” или мне не нравится – лежит волевой акт.

Оценкой в широком смысле пожалуй можно означать и эмоциональное отношение, но в узком и определенном смысле только волевое отношение, что разумеется несколько не исключает наличности в конкретных случаях и чувствований и разума².

Различие между переживанием (испытыванием) чего-либо основано м[жду] пр[очим] на том, что оценке подлежат не чувствования, а представления о них; полагая данное чувствование = x₁, представление о нем = x_{1, k}, чувствования, вызываемые представлением x_{1, k} = ⁿ√x₁, можно сказать, что ⁿ√x₁ всегда < x₁.

Отсюда легко вывести, что в оценке представлений, чувствования всегда играют второстепенную роль в вышеуказанном смысле; значит эмоциональное переживание и оценка – состояния разные³.

Но удобнее для научного построения V:

брать θ и x_k

или брать x и θ_k

x и x_k

x есть чувствование

x_k представление о чувствовании.

¹ Там же. Л. 24.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 26.

θ_k (поскольку оно зависит от θ) – окажется весьма однообразным (разумеется только в интенсивности) то очевидно построение:

$V=f(x, \theta_k)$ не будет соответствовать большинству наших оценок.

Если брать x и x_k , то в выражении $V=f(x, x_k)$ надо различать два случая.

Когда x имеет одинаковое значение (одно и то же чувство) $V=f(x_1, x_{1,k})$, когда x имеет разные значения (разные чувства), т. е. $V=f(x_1, x_{2,k})$

При $f(x_1, x_{1,k})$

$x_{1,k}$ или просто воспоминание об x_1 , не окрашенное чувством, тогда и оценки не могут быть; будет в сущности ассоциация между x_1 и $x_{1,k}$, которая испытывается студентом и сама подлежит его оценке. Впрочем, можно сказать, что x_1 стремится вызвать в субъекте соответственное представление $x_{1,k}$, сливающееся с уже данным $x_{1,k}$; с данной т[очки] зр[ения] и ассоциация (если полагается, что она возможна только между двумя представлениями) – не обращается.

$x_{1,k}$ есть воспоминание об x_1 , окрашенное чувством; последнее тождественно с x_1 , но слабее (как вызванное воспоминанием); тогда x_1 и $x_{1,k}$ в эмоциональном отношении будут сливаться и испытывание x_1 нельзя будет отличить от оценки $x_{1,k}$.

При $f(x_1, x_{2,k})$

$x_{2,k}$ другое чувство, чем x_1 по роду своему (напр[имер], если x_1 – любое, x_2 – зависит и т. д.); тогда, если $x_{2,k}$ не есть одно только представление $f(x_1, x_{2,k})$, как ассоциации¹, надо полагать, что вызванное им чувство, положим $\sqrt[n]{x_2}$ иное, чем x_1 . Одновременное сосуществование двух разных чувствований в одном и том же сознании, если даже предположить возможность ее, еще не представляет оценки: для сравнения x_1 и $\sqrt[n]{x_2}$ нужно иметь какой-либо общий масштаб; таким масштабом и оказывается θ ; если я могу сравнивать мое влечение к x_1 и к $\sqrt[n]{x_2}$ или, пожалуй, к $x_{1,k}$ $x_{2,k}$; ясно, что такое влечение может иметь разную интенсивность, сообразно с которой я и произвожу оценку.

Если $U_1 = f(\theta, x_{1,k})$, при $\theta = +1$

$U_2 = f(\theta, x_{2,k})$, при $\theta = -1$?

то $U_1 = +f(x_{1,k})$

¹ Здесь полагая, что x_1 стремится вызвать соответственное представление $x_{1,k}$, которое и ассоциируется с $x_1, x_{2,k}$ $x_{2,k}$.

$$U_2 = -f(x_{2,k})^1.$$

Так как при определении U мы берем не $U = f(\theta, K)$, а $U = f(J_\theta, K)$, то даже полагая θ не элементарным, а сложным продуктом психической жизни J , можно говорить об оценке, как о волевом отношении².

Волевой процесс м[ожет] б[ыть] уже обнаруживается в самом элементарном виде в некотором влечении (ср. Drang), порождающем чувство активности (последнее свидетельствует о самой активности), но еще без определенной ориентировки или с очень низкими пределами ее, напр[имер] влечение к разряду накопившихся сил (ср. движения ребенка в самом раннем периоде его развития)³.

В оценке есть

1) *внимание* к тому, что оценивается (держание его перед собой в своем сознании).

2) *выбор того* объекта, который я признаю ценным (+ или -).

3) *решение*, что *данный* объект и представляет для оценщика определенное положительное или отрицательное значение.

Все эти моменты, без которых нет оценки, характеризуют не чувствования, а волю⁴.

В оценке (по кр[айней] мере в высших ее формах) есть *выбор и решение*, т. е. моменты, характеризующие волевой процесс.

В оценке есть и *целеполагание* – т. е. <...> момент, характеризующий волевой процесс.

Выбор, решение и целеполагание нельзя вывести из чувствований; будучи функцией разума, они тесно связаны с сложными волевыми процессами.

Оценка данных объектов, как *средств*, пригодных для достижения данной цели, – тоже обнаруживает волевое отношение, а не чисто эмоциональное⁵.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 27–29.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 34.

⁵ Там же. Л. 35.

Волевой характер оценки обнаруживается в том, что

1) в основе евдемонической оценки всегда лежит *целеполагание*; я всегда ценю данный объект с телеологической точки зрения, как средство для достижения удовольствия или пользы.

2) в основе нормативной оценки всегда лежит признание *нормы, как высшей цели*, само признание нормы, как чего-то должного, предполагает волевой акт, направленный на осуществление должествующего быть¹.

В основу оценки надо полагать *волевое* отношение на том основании, что, в противном случае, чрезвычайно важный класс оценок, а именно нормативные оценки нельзя будет подвести под общий признак.

Ясно, что в чувствовании нельзя видеть основы для нормы; и наоборот, понятие о воле легко положить в основу нормативной оценки, поскольку она опирается на сознание *должного*; а *если* принять последнюю точку зрения, то вышесказанное получает силу².

Если оценке подлежат представления, то не следует забывать, что само представление тесно связано с волевым процессом³.

<И.Г. Фихте⁴> «забывает о возможности аналитически различать представление от воли, но, м[ожет] б[ыть], правильно указывает на то, что в действительности они порознь не встречаются⁵».

Волевое отношение к переживаемому (а не только к могущему быть или будущему).

В пользу такой гипотезы можно привести следующие соображения:

1) В определении оценки принято во внимание отношение данного *я* к одному из своих представлений. С теоретико-аналитической точки зрения в этом *я* должно признавать *K, V, Θ, X...*; отсюда возможность выражения

$\varphi (J_{\theta}, k)$, которое при сильной напряженности θ приближается к виду $\varphi (\theta, k)$.

¹ Там же. Л. 36.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – немецкий философ, представитель немецкой классической философии.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 38.

2) В оценке речь идет о волевом отношении данного я к одному из своих *представлений*; когда говорят, что можно желать только то, что может быть, имеют в виду не представимость, а содержание представления; но и могущее быть есть тоже представление о могущем быть, значит и тут обнаруживается волевое отношение к переживаемому = представлению оценивающее и могущее быть; а волевое отношение к своему представлению о могущем быть, и есть в сущности волевое отношение к одному из своих представлений, только с известным содержанием; содержание его рассматривается как могущее быть.

3) Следует различать выражения:

а) Я желаю, чтобы *переживаемое мною* состояние действительно продолжилось в будущем.

б) Я желаю, чтобы *могущее быть* действительно произошло в будущем,

Мне кажется, что выражение *a* не имеет ничего противуестественного; а если оно естественно, то *предполагает* (в аналитическом смысле) наличность волевого отношения к своему представлению о непосредственно переживаемом (*a* м[ожет] б[ыть] и непосредственно переживаемому?).

4) Можно указать случаи, когда волевое отношение обнаруживается к переживаемому:

а) Близкий мне человек испытал тяжелую болезнь. Представление о ней может вызвать во мне разные чувствования:

если я представляю себе, что я *тогда* пережил, или думаю, что болезнь может повториться в *будущем*, – мне становится тяжело; я *не хочу* этого.

Если я представляю себе, что *теперь* болезни нет, [то] я испытываю удовольствие; само собою разумеется, что оно вызвано не отсутствием болезни, а представлением об отсутствии болезни; я *хочу* этого.

Ясно, однако, что в последнем случае я обнаруживаю волевое отношение к переживаемому мною в данный момент; как только я перенесу свое внимание на прошлое или будущее мое волевое отношение меняется; оно не возникает, а только меняется и по такой перемене я могу заключить, что оно было и в настоящем, но иным, чем стало.

б) Когда я признаю ценность истины, я хочу ее, как чего то ценного не только в прошлом и будущем, но и в настоящем; в против-

ном случае я отрицал бы общезначимость и постоянство (вечность) истины, т. е. не ценил бы истины в ее вечном значении.

с) Тоже должно сказать и относительно этических правил; я хочу быть нравственным в каждый момент моего существования, а не в будущем только; я ценю нравственность не только в ее прошлом или будущем, но и в ее настоящем.

д) Тоже самое должно сказать и относительно эстетических правил; я обнаруживаю положительное волевое отношение к производству искусства в момент переживания испытываемого от него впечатления¹.

Если полагать, что объектами оценки в сущности (в виду отличия оценки от переживания) являются представления, то значит оценка возможна и при переживании? (т. е. не одного могущего быть, но и переживаемого?)².

Возможно, что в самом хотении (Wollen) и действии уже есть удовольствие; ср. движения, производимые новорожденным³.

Критерий оценки можно выяснить или в формальном или в реальном смысле (последнее всего удобнее сделать в связи с систематикой оценок)⁴.

В основе эмоциональная теория оценки недостаточна, ибо чувствование – есть испытывание чего-либо, а оценка есть некоторое отношение к испытываемому, но если испытываемое отношение – тоже эмоция – то она в свою очередь требует отношения к ней для оценки и т. д. *ad infinitum*. Напротив, при волевой теории это отношение есть *активное* отношение моего я к представлению⁵.

Представимость *данного* представления может быть в свою очередь представлением? (содержанием которого есть представление).

Данное чувствование без содержания – едва ли мыслимо (значит – представление).

¹ Там же. Л. 41, 44, 45, 46.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 48.

Если объектом оценки становится чувствование вообще, то разве только в смысле представления о чувствовании¹.

Фактически представление в связи с чувствованием часто бывает объектом оценки; но теоретически и принципиально предполагать необходимость такой связи значит в результате допускать эгоистическое, гедонистическое или евдемонистическое построение морали.

Волевое отношение к своему представлению (и только) – в этом отношении лучше для общей теории; но фактически – большинство представлений ассоциируется с известными чувствованиями.

Так ли?²

<Р. Декарт³>

Он различает две способности: волю и разум; благодаря разуму, я ничего не утверждаю и ничего не отрицаю, а только построю идеи о вещах, которые *могу* (проблематический характер суждения и теперь признается единственным, приличным для *теории*) утверждать или отрицать, т. е. утверждение или отрицание чего-либо в *действительности* (а не только проблематическое суждение? – единственно допустимое в чистой теории?).

Тут в зародыше позднейшая теория о различии между *суждением* (высказывающем известное рациональное отношение между двумя представлениями) и *оценкой* (основанной на известном волевом, целеполагающем или же эмоциональном отношении субъекта к объекту).

Декарт указал также на *различие в ценности* «вещи», смотря по тому, рассматривается ли она *сама по себе* или *как часть всего мира*. Т[аким] о[бразом] Декарт усматривал тесную связь между понятиями о *ценности* и о «*части*», т. е., в сущности, об индивидуальности, как части целого.

Декарт связывал оценку с волевым процессом, но не указал на *эмоциональные факторы* оценки.

В то время эмоции еще слишком мало обращали на себя внимание; Руссо⁴ впервые стал настаивать на самостоятельном значении

¹ Там же. Л. 50.

² Там же. Л. 51.

³ Декарт Рене (1596 – 1650) – французский философ и математик, основоположник рационализма.

⁴ Руссо Жан Жак (1712–1778) – французский философ и писатель.

их в душевной жизни человека, а Шлейермахер¹ учил, что индивидуальность основана прежде всего на чувстве².

Т[аким] о[бразом] Шлейермахер подходил довольно близко (хотя и ощупью, не без значительных промахов) к двум выводам:

1) что чувство лежит в основе особого рода отношения каждого из нас к его представлениям; весьма характерно, что Schl[eiermacher] в рукоп[иси] 1812 называл чувство – “*Subjectives Erkennen*” (термин едва ли удачный); в данном случае Schl[eiermacher] приближался к понятию об оценке.

2) что чувство лежит в основе индивидуальности; а индивидуальное (по новым теориям) и подлежит оценке³.

Декарт не указал, однако на связь между волей и целеполаганием. Последнее развито Кантом⁴ (Хотя и Спиноза⁵ и Юм⁶ точно указывали на субъективный характер оценивания. Кант чаще говорит о *целях*, чем о ценностях. Ясно, однако, что *понятие о цели предполагает понятие о ценности*: я могу ставить себе целью лишь то, чему я придаю (*erfahren habe*) ценность. Хотя Кант ни в своей Психологии, ни в своей Этике не дал правильной конструкции такого соотношения, однако, можно сказать, что когда он противопоставляет *причинность, царящую в природе, «царству целей»*, он понимает под ним тоже, что позднейшие философы называли *«царством ценностей»*.

Во всяком случае, на почве Кантианской философии впервые возникла философская система Фриса⁷ (*Fries, System der Philosophie*. Lpz., 1804, §§ 238, 255, 330; его же: *None Kritik der Vernunft*. Heidel-

¹ Шлейермахер Эрнст Даниэль (1768–1834) – немецкий философ и протестантский теолог.

² СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 87–89.

³ Там же. Л. 89.

⁴ Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, представитель немецкой классической философии.

⁵ Спиноза Бенедикт (1632–1677) – голландский философ-рационалист.

⁶ Юм Дэвид (1711–1776) – шотландский философ, историк, публицист, последователь эмпиризма.

⁷ Фриз Якоб Фридрих (1773–1843) – немецкий философ, последователь И. Канта и Ф. Шлейермахера.

berg, 1807, I, 208 ff; III, 14); он исходил из понятия о ценности в построении своего учения¹.

Таким образом, уже в философии XVII–XVIII вв.

1) начали полагать различие между *суждением* и *оценкой* (Декарт, Кант).

2) в основу оценки стали полагать волевой или эмоциональный процесс (Кант, Шлейермахер).

В XIX в., после того как *Герbart*² и *Лотце*³ содействовали распространению понятия об оценке, те же вопросы подвергались дальнейшему обсуждению, причем стали различать *гносеологическую* (логическую) постановку вопроса от *психологической*.

С *гносеологической* точки зрения стали в сущности различать суждение и оценку.

С *психологической* точки зрения старались выяснить психические *факторы* (а не основания оценки: волю или чувство).

Впрочем, логическая точка зрения легко примешивалась к психологической, гл[авным] об[разом] в рассуждениях об *Werturtheil*, выражения едва ли допустимого с точки зрения гносеологического различия между суждением и оценкой⁴.

Фриз принадлежал к *психологизирующему* направлению, представители которого стремились перевести *критический* принцип самопознания человеческого разума на язык *эмпирической психологии*.

Фриз полагал, что *непосредственная* достоверность дана в *чувстве*, но непосредственное *познание чувства* – смутное; оно должно быть возведено на степень ясного и достоверного сознания путем рефлексии; т[аким] о[бразом] *разум* обладает лишь *опосредованной достоверностью*.

В своей метафизике Фриз рассуждает о приложении категорий к познанию, т. е. тех понятиях, которые получаются в связи с какой-либо категорией из восприятия (*Auschaung*) и которые он называет *схемами* категорий в том случае, когда категории прилагаются к

¹ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 90.

² Герbart Иоганн Фридрих (1776–1841) – немецкий философ, психолог, педагог.

³ Лотце Рудольф Герман (1817–1881) – немецкий философ и физиолог.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 91.

внутренней психической природе (к «идее души») схематизм дает «абсолютные идеи» и оказывается «нравственным»¹.

Проблематическое суждение есть единственный род «суждений», в котором сознание воздерживается от оценки.

«Положение: А может быть В, сохраняющее значение одновременно с обратным положением: А может быть не В, только в том случае есть действительно проблематическое суждение, когда оно означает, что о *ценности* соединений представлений А–В не должно быть высказано никакого решения» (*Виндельбандт*²).

Оценка, напротив, с особенно ясностью выражается в *отрицательных суждениях* (это Зигварт³).

В положении «А не есть В» в сущности два суждения:

1) *суждение*, что А *есть* В

2) суждение, что такая связь *ложна*; в последнем случае сознание *неодобрительно* относится к попытке связать А с В (т. е. два представления).

Это второе суждение (связь А–В – ложна) *нельзя* признать *новым* теоретическим суждением в смысле простого соединения представлений.

«Ибо как таковое (т. е. как теоретическое) оно в свою очередь нуждалось бы в дополнительном суждении, в котором утверждалась бы его правильность и т. д. до бесконечности» (это Лотце).

Итак, второе суждение (о ложности связи между А и В) основано не на теоретической, а на *практической* функции (т. е. чувства и воли); оно есть *суждение о познавательной ценности первого суждения* (А есть В), т. е. оценка этого суждения; оно – не *Urteil*, а *Beurteilung* (Виндельбандт).

В *утвердительных* суждениях (ассерторических) – такой же элемент оценки тоже присутствует, но в более скрытом виде, чем в суждениях отрицательных. Истинность данного утверждения – лежащая в его основе есть то же признание его познавательной ценности, только не отрицательной, а положительной.

Такая точка зрения особенно развита Риккертом¹.

¹ Там же. Л. 92–93.

² Виндельбанд Вильгельм (1848–1915) – немецкий философ, представитель баденской школы неокантианства.

³ Зигварт Христофор (1830–1904) – немецкий философ и логик, представитель неокантианства.

Суждение и оценка обыкновенно встречаются не порознь, а вместе – Виндельбандт.

Ценность того, что совершается с естественной необходимостью, определяется на основе идеальных норм. Различие между законом природы и нормой идеальной оценки. Определение нормы. *Сознание нормы* обеспечивает правильность мышления, поступков и т. п.

В признании теоретико-познавательного значения оценки Риккерт пошел еще дальше Виндельбандта.

По его мнению, *всякое суждение*, поскольку оно стремится к истине, основано в конце концов на оценке; значит и *проблематические* суждения включают ее.

Суждения имеют значение для познания лишь в том случае, если смысл его в *утверждении или отрицании*.

Таким образом, каждое суждение (с *гносеологической* т[очки] зр[ения]) можно разложить на две составные части: 1) на связываемые в нем представления и 2) на особого рода элементы, состоящие в положительном (или отрицательном) *отношении субъекта* представляющего к содержанию своих представлений, т. е. в его утверждении или отрицании.

Дерево (есть) зелено: 1) зеленость дерева – как мое представление; 2) – есть – т. е. *да*, существует в действительности.

Такое отношение *нельзя*, однако, *вывести из* самих представлений.

То что я утверждаю должно мне нравиться (для того, чтобы дойти до его утверждения), то, что я отрицаю (в таком же смысле) вызывает мое неудовольствие.

(С такой точки зрения можно сказать, что самая очевидность – мне нравится, а противоположность ее – вызывает мое неудовольствие, на каком основании (не причина) – я утверждаю очевидность, и отрицаю – обратное.)

Здесь нет нужды излагать гносеологическую теорию Риккерта, основанную на выше приведенных соображениях.

Признавая суждение истинным, я в сущности опираюсь на *чувство* очевидности или истинности и утверждаю, что в данном случае и при данных условиях я *должен* был мыслить именно так, а не иначе, *для того чтобы* достигнуть истины и на этом *основании* верю в *вечное* значение моего суждения. Суждение признается мною ис-

¹ Риккерт Генрих (1863–1936) – немецкий философ, представитель баденской школы неокантианства.

тинным, когда данный комплекс моих представлений сопровождается во мне *чувством* необходимости такого суждения.

Признание *Urteilsnotweudigkeit* или (*Notweudigkeit*) необходимости данного суждения равносильна признанию его долженствования, которое и придает ему истину, а признание его долженствования есть его оценка; значит данное суждение ценно не на том основании, что оно истинно, а, напротив, *оно истинно на том основании, что ценно.*

Т[аким] о[бразом] всякое суждение, поскольку оно содержит утверждение или отрицание чего-либо выражает то отношение, в какое сознание *ставит себя к чему-либо должному* и включает признание ценности содержимой в нем истины.

Если в каждом суждении (поскольку оно стремится к истине) есть оценка, то и *проблематические* суждения связаны с нею.

По крайней мере каждому такому суждению предшествуют суждения с утверждением или отрицанием.

Говоря, что А м[ожет] б[ыть] В, но А м[ожет] б[ыть] и не есть В, я в сущности уже предрешил вопрос о том, в *каком отношении* я стою к самому суждению подобного рода: я *отрицаю* за собою право ассерторически высказаться о предмете проблематического суждения, следовательно, образованию проблематического суждения всегда по меньшей мере предшествует (а м[ожет] б[ыть] и сплетается с ним) – *отрицательное суждение.*

Итак, нельзя образовать *логически совершенное* суждение без того, чтобы притом не утверждать или не отрицать чего-либо или по крайней мере предварительно не подвергнуть чего-либо утверждению и отрицанию, а в них есть нечто не выводимое из функций разума (в узк[ом] смысле): они основаны на волевом или экзистенциальном отношении субъекта к содержанию своих представлений¹.

Различие между суждением и оценкой, например, можно усматривать м[ежду] пр[очим] и в том, что логически нельзя доказать характера требования, присущего тому, что мы называем эстетически ценным: в утверждении, что красивое есть только разновидность приятного, и что между поэзией и поваренным искусством различие состоит только в материале и технике, – нельзя усматривать логического противоречия².

¹ Там же. Л. 110–116.

² Там же. Л. 117.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Первый председатель Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского	15
Организация Института социальных наук	23
Возникновение социологии	38
Позитивизм О. Конта	50
Этология и телеология социальных явлений	56
Биологическое направление в социологии	83
Психологическое направление в социологии	95
«Социология в духе материализма»	104
Русская социологическая школа	124
«Критическое построение» в социологии	135
Учение о социо-культурном энергетизме	146
«Очередные задачи собственно социологического построения»	161
От методологии истории к теории обществоведения	169
План теории обществоведения	182
Курс «О теории ценности»	190
Проект издания сборника «Русская наука»	206
Заключение	222

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского	226
<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Записка об ученых трудах П.Б. Струве	234
Об Институте социальных наук. Записка комиссии Российской академии наук	241

<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Общее обозрение (summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 г.	245
<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Основание социологии (фрагменты курса «Научные основы социологии в их историческом развитии»)	260
<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> Изложение и критика теории Д.С. Милля (фрагменты рукописи «О социологии»)	278
<i>Лаппо-Данилевский А.С.</i> О теории ценности (фрагменты)	319

Научное издание

Малинов Алексей Валерьевич
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
А.С. ЛАПШО-ДАНИЛЕВСКОГО
Исследования и материалы

Директор издательства Р. В. Светлов
Ответственный редактор А. А. Галат
Макет А. В. Малинов
Художник О. Д. Курта

Подписано в печать 10.09.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21. Тираж 300 экз. Заказ № xxxx

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-65-95; факс: (812) 571-30-75;
e-mail: books@rhga.ru, <http://www.irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38